

Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Серия «Современные лингвистические
и методико-дидактические исследования»

Научный журнал
издается с 2003 г.

Выпуск № 1 (13), 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора серии "Современные лингвистические и методико-дидактические исследования".....9

ЛИНГВИСТИКА

- Саакян А.С.** Плохая грамматика или эволюция языка?.....11
- Фомина З.Е.** Паремический концепт “Leben”/«Жизнь» как семиотически и культурно-стратифицированная категория [Das parömiologische Konzept “Leben” als eine semiotisch und kulturell stratifizierte Kategorie].....19
- Моргун Е.А.** «Прошлое» - «настоящее» - «будущее» в дискурсе инаугурации (на материале инаугурационных речей американских президентов).....30
- Бурканова О.П.** Фигуры противоположности в богослужебном тексте (на материале немецкого языка).....40
- Фомичева Ж.Е., Елисеева И.Б.** Об особенностях пародирования жанровых мотивов волшебной сказки в романе С.Рудши «Shame» («Стыд»).....47
- Пророкина Е.А.** Фонетика поэтических текстов А.С. Пушкина в аспекте языка и речи (на материале произведения «Адели»).....57
- Назырова Ю.М.** Функциональные особенности архаизмов в семантической структуре многозначных слов.....69
- Попова А.И.** Структурные особенности зооморфных переосмыслений в современном немецком языке.....79
- Великода Т.Н.** Процессы терминологизации как отражение научной категоризации действительности.....88
- Зимовая М.В.** Функциональная нагрузка терминологии.....95
- Востриков Р.И.** Понятие и специфика общеуголовного жаргона в английском языке (на материале словаря CRIMINAL LANGUAGE).....101
- Пикуль С.Ю.** Фразеология с именем числительным в испанской языковой картине мира.....109
- Пронченко Е.Н.** Авторское использование знаков препинания (на материале

художественных произведений испаноязычных авторов).....	117
Климова А.П. Предлоги в испанской пространственной картине мира.....	124
Скребова Е.Г. Немецкие сложноподчиненные длительно-временные предложения как самостоятельный тип сложноподчиненных предложений.....	133

МЕТОДИКА И ДИДАКТИКА

Мельниченко С.А. Особенности языковой подготовки пилотов гражданской авиации России.....	142
Дорохина Т.Н. Совершенствовании произносительной культуры студентов на основе коммуникативного подхода.....	150

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Heidrun Igra. : Interkulturelle Kompetenz: deutsch-russische Kulturstandards im interkulturellen Management [Межкультурная компетенция: немецко-русские стандарты культуры в межкультурном менеджменте].....	160
Dr. Judit Matyas. Internationale Beziehungen im universitären Bereich Doppeldiplom-Programm zwischen der FernUniversität in Hagen (Deutschland) und der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät der Universität Pécs (Ungarn) [Международное сотрудничество в сфере университетского образования по программе получения двух дипломов (Doppeldiplom-Programm) между заочным университетом в Хагене (Германия) и экономическим факультетом Печского университета в Венгрии].....	173

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Плахова О.А. Перевод советизмов как проблема межкультурной коммуникации (на материале произведений М.А. Булгакова).....	183
Васильева Н.Н. К вопросу о проблемах перевода с немецкого языка на русский словообразовательных безэквивалентов.....	191

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Фомина З.Е. Информация о XXVII конференции германистов «Faszination Deutsch – Perspektiven der Germanistik nach Bologna» («Чудо немецкого языка – перспективы германистики после Болонского соглашения»), организованной и проведенной Германской службой академических обменов (ДААД, Германия) в Иркутском государственном лингвистическом университете с 13 по 15 мая 2010 года.....	201
--	-----

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	205
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ О ВОЗМОЖНОСТИ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИЕЙ ЖУРНАЛА	206
--	-----

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal Education Agency

SCIENTIFIC NEWSLETTER

**Voronezh State University
of Architecture and Civil Engineering**
Series "Modern linguistic and
methodical-and-didactic researches"

The journal has been
publishing since 2003

Issue № 1 (13), 2010

CONTENTS

Introductory Remarks of the Editor-in-Chief of the Series "Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Investigations" Issue № 1 (13) 2010.....9

LINGUISTICS

Saakyan A.S. Bad Grammar or Language Evolution?.....	11
Fomina Z. Ye The Paroemic Concept "Leben" ("Life") as a Semiotic and Culturally Stratified Category.....	19
Morgun E.A. "Past"- "Present"- "Future" in the Inaugural Discourse (based on the Example of American President's Inaugural Speeches).....	30
Burkanova O.P. Figures of Contrast in the Liturgical Texts (based on the Modern German Language).....	40
Fomicheva Zh.E., Eliseeva I.B. On Peculiarities of Parodying the Fairy-Tale Genre Motives in the Novel "Shame" by S. Rushdie.....	47
Prorokina E.A. Phonetics of A.S. Pushkin's Poetic Texts in Aspect of Language and Speech (on the Basis of the Material of "Adeli" Poem).....	57
Nazyrova Y.M. Functional Peculiarities of Archaisms in Semantic Structure of Polusemantic words.....	69
Popova A.I. Structural Distinctive Features of Figurative Meanings of Zoonyms in the Modern German Language.....	79
Velikoda T.N. Term-Forming Processes as Reflection of Scientific Categorization of the Reality.....	88
Zimovaya M.V. Functionality of Terminology.....	95
Vostrikov R.I. Nation and Specific Character of the English Underworld Language (based on the Criminal Language Encyclopedia).....	101
Pikul S.Y. Phraseological Units with Numerals in the Spanisc World Picture.....	109
Pronchenko E.N. The Usage of Author's Punctuation (based on Spanish-Speaking Author's Fiction).....	117

Klimova A.P. Prepositions in the Spatial Spanish Linguistic Picture of the World....	124
Skrebova E.G. German Complex Long-Time Sentences as Independent Type of Complex Sentences.....	133

METHODS AND DIDACTICS

Melnichenko S.A. Characteristic Properties of Airline Pilots Language Training in Russia.....	142
Dorokhina T.N. The Improvement of Pronunciation Culture of students on the Basis of the Communicative Approach.....	150

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Igra Heidrun Intercultural Kompetenz: German-Russian Cultural Standarts in Intercultural Standarts in Intercultural Management.....	160
Dr. Matyas Judit International Cooperation between Hagen University of Correspondence Training (German) and the Economical Faculty of Pécs University (Hungary) under the Syllabus of Getting two Diplomas.....	173

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Plakhova O.A. Translation of Sovietisms as Inter-Cultural communication Problem (on the Works by M. Bulgakov).....	183
Vasilieva N.N Causes of Difficulties in Translation of Word-Formation Nonequivalence from German into Russian.....	191

SCIENTIFIC INFORMATION

Fomina Z.Ye. Information about the XXVII Conference of Germanists “Wonder of the German Language-Perspectives of Germanistics after the Bologna” held by German Service of Academic Exchanges (DAAD, Germany) from 13 till 15 May at Irkutsk State Linguistic University 2010.....	201
---	------------

REQUIREMENTS TO PAPERS	205
-------------------------------------	------------

INFORMATION ABOUT THE POSSIBILITY OF WORK USING ELECTRONIC VERSION	206
---	------------

**Вступительное слово главного редактора
Серии «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»
д.ф.н., профессора, почетного работника высшего профессионального образова-
ния Фоминой З.Е.**

Настоящий выпуск 1(13) лингвистической Серии Научного Вестника содержит следующие разделы: "Лингвистика", *Методика и дидактика преподавания иностранных языков*, "Межкультурная коммуникация", "Теория и практика перевода". Тринадцатая Серия включает 21 статью.

В разделе "Лингвистика" представлены актуальные результаты исследований в сфере современной лингвистической науки. Лингвистический раздел отражает теоретически и практически значимые результаты исследований ученых по *теории языка* (Саакян А.С.), проблемам *когнитивной лингвистики* (Фомина З.Е.), *дискурсивных исследований* (Моргун Е.А.) лингвистики текста (Бурканова О.П.), *стилистики* (Фомичева Ж.Е., Елисеева И.Б.), *фонетики* (Пророкина Е.А.), *лексикологии/семасиологии* (Насырова Ю.М., Попова А.И.), *терминообразования* (Великода Т.Н., Зимовая М.В., Востриков Р.И.), *фразеологии* (Пикуль С.Ю.), *пунктуации* (Пронченко Е.Н.), *морфологии* (Климова А.П.), *синтаксиса* (Скребова Е.Г.) и др.

Раздел «**Методики и дидактики преподавания иностранных языков**» представляют две работы: **Мельниченко С. А.** и Дорохиной Т.Н. Статья Мельниченко С.А. характеризуется актуальностью и практической значимостью, так как в ней впервые анализируются «отличия подготовки по английскому языку пилотов гражданской авиации по сравнению с другими специальностями». Методико-практическую ценность имеет исследование Дорохиной Т.Н., рассматривающей проблему совершенствования произносительной культуры студентов на основе коммуникативного подхода.

В разделе "**Межкультурная коммуникация**" представлены статьи наших зарубежных коллег: *немецкой* коллеги д-ра, доцента Фрайбургского университета **Хайдрун Игра** и *венгерской* коллеги – д-ра, доцента Печского университета, Юдит Мятеш. Статья д-ра Хайдрун Игра на тему: *Interkulturelle Kompetenz: deutsch-russische Kulturstandards im interkulturellen Management* (Межкультурная компетенция: немецко-русские культурные стандарты в межкультурном менеджменте) отличается высокой теоретической и практической значимостью, так как автор обобщает свой многолетний опыт успешной научно-исследовательской деятельности во Фрайбургском университете, а также результаты реализации ее актуальных научных проектов, в том числе, опыт работы с немецкими и русскими предпринимателями в аспекте межкультурной коммуникации. Вызывает несомненный научный интерес, проблема выделения культурных стандартов, обусловленных историческими факторами и связанными с ними культурными ценностями, а также изучение их влияния на практику межкультурного общения, в частности, в сфере предпринимательства и бизнеса.

В статье венгерской коллеги, д-ра доцента **Юдит Матеш**, рассматривается актуальная проблема «*международного сотрудничества в сфере университетского образования по программе получения двух дипломов (Doppeldiplom-Programm) между заочным университетом в Хагене (Германия) и экономическим факультетом Пичского университета в Венгрии*». В свете Болонского соглашения опыт взаимодействия вузов разных стран в парадигме единого Европейского образования, его перспективы, преимущества, использова-

ние *иностранных языков как коммуникативных мостов* для реализации актуальных задач образовательной политики могут использоваться в практике международных связей вузов России с зарубежными вузами.

Статьи Плаховой О.А. и Васильевой Н.Н. представляют раздел «**Теории и практики перевода**». Плахова О.А. исследует специфику языковой и культурологической трансформации на английский язык реалий советской действительности, содержащихся в семантической структуре «советизмов» и эксплицированных в произведениях М.А. Булгакова. Новизна изучаемой проблематики состоит и в том, что автор рассматривает ее как проблему межкультурной коммуникации. Васильева Н.Н. посвящает свою статью изучению способов и возможностей перевода немецких словообразовательных элементов, не имеющих эквивалентов в русском языке.

В предлагаемой Серии представлена информация д. ф.н., профессора Фоминой З.Е. о XXVII конференции германистов «**Faszination Deutsch – Perspektiven der Germanistik nach Bologna**» («Чудо немецкого языка - перспективы германистики после Болонского соглашения»), организованной и проведенной **Германской службой академических обменов (ДААД, Германия)** с 13 мая по 15 мая в Иркутском государственном лингвистическом университете.

Серия включает научные работы как ученых, работающих в разных вузах и городах нашей страны (*Москва, Воронеж, Тула, Пятигорск, Санкт-Петербург, Тольятти, Орел, Северодвинск, Магадан, Саратов, Саранск, Невинномысск* и др.), так и ученых из дальнего зарубежья: *Германии (г. Фрайбург), Венгрии (г. Пешч)*.

Полагаем, что очередная (тринадцатая) Серия будет интересной и полезной для широкого круга филологов, преподавателей иностранных языков, культурологов, литературоведов, философов, аспирантов и студентов, а также для всех наших уважаемых отечественных и зарубежных читателей.

Главный редактор Серии
зав. кафедрой иностранных языков,
доктор филологических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования

Фомина З.Е.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-115

Московский городской педагогический университет профессор, к.ф.н., заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка ГОУ ВПО ИИЯ МГПУ e-mail: ionins.va@megalan.ru

Moscow City University, Teachers Training of English Grammar and the History Professor, PhD, Head of the English Language Department, Institute of Foreign Languages GOU VPO MGPU e-mail: ionins.va@megalan.ru

А.С. Саакян

ПЛОХАЯ ГРАММАТИКА ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА?

Статья посвящена проблеме эволюционного развития английского языка и новейшим научным открытиям, полученным при помощи математических формул и моделей.

Ключевые слова: лингвистическая эволюция, плохая грамматика, число имени существительного, частотность, обратно пропорционально.

A.S. Saakyan

BAD GRAMMAR OR LANGUAGE EVOLUTION?

The article deals with the evolutionary development of the English language and the latest scientific discoveries, obtained by applying mathematical formulas and models.

Key words: linguistic evolution, bad grammar, the number of the noun, frequency, to be inversely proportional.

В каждой науке столько науки,
сколько в ней математики
(И.Кант)

В лингвистических исследованиях последних лет все чаще звучат критика и озабоченность ученых в связи с неправильным употреблением носителями языка основных грамматических категорий, имеющих нормативный, устоявшийся статус в современном английском языке. Что это? Плохое знание грамматики английского языка, отражающее глобальный упадок грамотности людей или же неизбежные вековые изменения в системе языка, приводящие к подобным явлениям [1]?

В данной статье рассматриваются некоторые значимые изменения в грамматической системе современного английского языка, принимаемые подчас за плохую грамматику.

Объектом данной работы являются две основные части речи – имя существительное и глагол с позиций современных лингвистических учений. *Предметом* нашего исследования являются труды Гарвардской школы прикладных наук в рамках программы математического исследования языка, как особого универсального языка. *Материалом* данного исследования послужили наиболее значимые публикации ученых последних десятилетий, а также интернет ресурсы.

Попытаемся проследить неизбежные изменения в системе языка на примере двух основных частей речи в современном английском языке: имени существительного и глагола. Начнем с имени существительного, а именно с категории его числа. В английском языке традиционно четко различаются единственное число и множественное число. В последнее время, однако, возникает все большее число примеров, которые игнорируют устои нормативной грамматики. Так, можно прочитать или услышать следующие высказывания:

A large amount of pigeons flew by.

We found less pigeons than we expected.

Общеизвестно, что слово *amount* всегда употребляется с неисчисляемыми именами существительными в единственном числе, в то время как *number* употребляется с исчисляемыми именами во множественном числе. То же самое различие существует для слов *less* и *fewer*. *Less* употребляется с неисчисляемыми существительными: *less time, noise, attention, money, coffee*. *Fewer* используется исключительно с исчисляемыми существительными: *fewer people, trains, cars, chances*. Например:

She had fewer chores, but she also had less energy.

At our local shop you can buy fewer items and spend less money.

В наши дни это четкое различие, однако, тоже улетучивается из языка. Именно *less* все чаще звучит в сочетаниях типа: *less people, less cars, less opportunities*. Возникает вопрос: это естественный или противоестественный процесс? Совершенно определенно *less* используется в современном английском языке с исчисляемыми именами существительными для обозначения статистических и цифровых данных, воспринимаемых как единица, неделимое целое. Например:

It's less than twenty miles to Dallas.

He's less than six feet tall.

We spent less than forty dollars on our trip.

The strikers demanded more pay, and less hours.

The number of people was less than usual.

Your essay should be a thousand words or less.

Существует также двойная степень сравнения прилагательного *little*, используемая в книжно-письменном стиле языка.

less

little ----

lesser

Choose the lesser of two evils.

He is lesser known as a dealer.

The teenager got a lesser punishment.

Исследования ведущих американских психолингвистов подтверждают, что мы также все чаще и чаще путаем единственное и множественное число. В английском языке существительное в функции подлежащего согласовывается в числе со сказуемым, что очевидно в настоящем времени:

The boy runs. -- The boys run.

The bird flies. -- The birds fly.

Однако в английском языке наблюдается явная тенденция согласования подлежащего не со сказуемым, как того требует грамматика, а с тем словом, которое находится в непосредственной близости к глаголу, независимо от того, какую функцию это слово выполняет в предложении. Например:

A group of children were running through the yard.

*As the problem of raising **children** grow, we have to address them.*

Правильно было бы сказать:

*A **group** of children was running through the yard.*

*As **the problem** of raising children grows, we have to address it.*

Приведем также примеры нарушения логического согласования между подлежащим и сказуемым из британской газеты «The Sunday Times»:

*Both **prestige** and **enhancement** of national status is looked for by the country.*

*The **trial** and **sentence** shows once again that the leadership in the country will not suffer.*

Возможно, что авторы рассматривают данные понятия как единое целое и усиливают это впечатление, используя глагол в единственном числе, что, несомненно, является грубым насилием над языком. Не следует думать, что эти кардинальные различия наблюдаются между британским и американским вариантами английского языка. Для британцев, тем не менее, более характерны предложения типа:

The Parliament are in session.

The crew are on alert.

The team play well together.

В американском варианте множественность (plurality) исчезает быстрее и если этот процесс продолжится, что, несомненно, то по предсказаниям ученых, множественное число может исчезнуть из языка в относительно короткий лингвистический период времени, возможно, меньше, чем через 200 лет [2].

Существует еще один симптом, сигнализирующий о быстром исчезновении из английского языка окончаний, выражающих такие грамматические категории как число, лицо, время. Суффиксы типа –dom, -ery, -ess и ряд других уже не присоединяются к новым словам. В результате этого, сохранившимся в языке суффиксам приходится выполнять все больше и больше функций. Возьмем, например, окончание – (e)s, которое выражает в английском языке следующее:

1. множественное число существительных:

Doors, books, mails, letters, launchings

2. третье лицо единственного числа глагола в настоящем времени:

He/she/it runs, goes, lives, travels

3. существительное, образованное от прилагательного:

Linguistic-s, acrobatic-s, mathematic-s

4. притяжательный падеж имени существительного:

Abama's speech, London's streets, Denis's car

У лингвистов возникает естественный вопрос: как мы сможем общаться, если из языка исчезнет выражение множественного числа [3]? Трудно поверить, но это общеизвестный факт, что многие языки, которые в настоящее время обходятся без различения единственного и множественного числа, на самом деле обходятся без них уже целое тысячелетие. В восточных языках, например в китайском, вьетнамском, новозеландском, вообще отсутствует различие единственного и множественного числа. Причина, по которой в этих языках нет грамматически выраженного множественного числа существительных, предполагает, что и в английском языке можно обойтись без него, так как мы обычно употребляем множественное число с каким-то определением, которое уже само по себе делает множественное число очевидным:

Many visitors - many visitor

Five messages - five message

A few programs - a few program

В самом ли деле нам нужно окончание –s, если в предложении уже есть слова *many, five, a few*? Как и в любом языке, так и в английском, есть отклонения от логической системы выражения числа. Это можно проиллюстрировать такими «старожилами» в языке как выражения типа: *a six-foot pole, ten head of cattle, two dozen eggs, four percent of...*

Существование в английском языке таких исключений как *deer, sheep, fish, trout, grouse, swine* может в какой-то мере объяснить нам, как же многие другие языки вообще обходятся без форм множественного числа [4]. Так, в финском и в венгерском языках всегда употребляется единственное число вместо множественного после числительных. Предложение типа «I see five man» вполне естественно для них. В арабском языке множественное число используется с числительными от трех до десяти, а начиная с одиннадцати – единственное. Интересные примеры можно найти и в русском языке. После числительных «два», «три», «четыре» мы употребляем родительный падеж существительного в единственном числе:

два **дома**, три **дома**, четыре **дома**

После числительных «пять» и далее мы используем уже родительный падеж существительного во множественном числе.

Пять **домов**, семь **домов**, десять **домов**

Такие народы как китайцы и вьетнамцы сумели построить высокоразвитые цивилизации и отсутствие множественного числа в их языках не явилось тому помехой. Похоже, что английский язык начинает следовать этому примеру. Возможно, что еще слишком рано, чтобы с полной уверенностью утверждать, что множественное число покидает английский язык, однако, как показывает история, если уж процесс начался, то остановить его невозможно. Американские лингвисты делают вполне уверенные прогнозы в отношении окончания глагола третьего лица единственного числа –(e)s, а именно, что через примерно 200 лет он исчезнет из языка полностью, как некий рудиментарный элемент языка [5, с.158],[6].

В последние десятилетия в английском языке, так же как и во многих других языках мира, произошли значительные изменения в сфере выражения слов по их родовой (гендерной) принадлежности. Гендерные исследования имеют долгую историю развития и объединяют в себе не только лингвистические, но и философские, психологические, социальные проблемы, то есть все то, что имеет непосредственное отношение к решению традиционных вопросов личности, общественных страт, общества в целом. В основе гендерных исследований лежит понятие «гендер» – **род**, который представляет собой грамматическую категорию, свойственную разным частям речи и состоящую в распределении слов по трем классам, традиционно соотносимых с признаками пола или их отсутствием. Эти классы принято называть «мужской», «женской» и «средний род». Категория рода является характерной чертой грамматического строя индоевропейских языков. Однако английский язык пошел своим, иным путем. Развитие в нем аналитизма привело к разрушению словоизменения и к утрате родовых противопоставлений в именах. Таким образом, род не находит своего морфологического выражения в современном английском языке и выражается:

1. через лексическое значение существительного:

a man - a woman, a boy – a girl, a brother – a sister, a king – a queen,

a monk – a nun, a lady – a gentleman, an aunt – an uncle, a niece – a nephew.

2. личными местоимениями *he, she, it*

He is the boss here, not she.

“She is the girl of my dreams”, he thought.

There was a she-crab soup on the menu.

3. использованием суффиксов -ess, -ine, -ina, -er, -ette:

*a manager – a manageress, a poet – a poetess, an author – an authoress,
a waiter – a waitress, a hero – a heroine, a czar – a tsarina,
a ballet dancer – a ballerina, a widow – a widower,
a lad – a ladette, a bachelor – a bachelorette.*

Во многих словах в английском языке род вообще никак не выражен (т.н. Common gender). Приведем самые употребительные из них:

*a child, a friend, a guest, a foreigner, a visitor, a tourist, a parent, a person,
a neighbor, a customer, a client, a witness, a passer-by.*

В названиях профессий мы также не находим родовой принадлежности:
*an artist, a cook, a doctor, a lawyer, a director, a secretary, a judge, a student, a teacher,
a professor, a speaker, an editor, a promoter.*

Традиционно для различения полов в английском языке использовались слова *male* или *female*, *man* или *woman*:

a male cousin, a female student, a woman-doctor, a chairlady.

Изучение гендера именно в английском языке вызывает особый интерес со стороны многих ученых, и этот интерес не является случайным. Он социально обусловлен и это можно объяснить двумя причинами: во-первых, английский язык – это язык межкультурной коммуникации; во-вторых, в отличие от других языков в английском языке нет морфологически выраженных родовых различий. Следовательно, возникает вопрос о том, нужно ли «оживлять эти различия или же, наоборот, необходимо избегать употребления тех лингвистических единиц, которые прямо указывают на представителей того или иного пола.

В этой связи важно отметить, что в английском языке для обозначения профессий часто используются слова, образованные по модели «основа слова» + *man*: *a spaceman, a congressman, a seaman, a showman*, указывающие на принадлежность лица к мужскому полу.

Гендерная лингвистика, являясь новым направлением, ввела ряд новых терминов:

- **Sexist Language** – язык, в системе которого содержатся единицы, указывающие на принадлежность лица к мужскому или женскому полу.

- **Gender-Free Language** – язык, в системе которого отсутствуют единицы, указывающие на гендерную принадлежность лица.

- **to degender the language** - подвергнуть лексические и грамматические системы языка особым изменениям с целью устранения средств, указывающих на гендерную принадлежность лица.

Сознательное вмешательство в языковые процессы дает свои позитивные результаты.

Приведем в подтверждение сказанного некоторые фактические сведения. Так, например, два десятилетия назад носители языка с определенной долей сарказма воспринимали замену привычного *chairman* на *chairperson* или *chair*, считая подобные замены смешными. Однако существительное *chair* в значении «председатель» (the person who is in charge of a meeting, committee or a company) входит в большинство современных словарей и широко используется в речи, утратив свою прагматическую маркированность. Сегодня оно уже не воспринимается как феминистский неологизм. Например:

All questions must be addressed to the chair.

He is the former chair of the Energy Commission.

Приведем еще один интересный пример. В 1987 году Римская Католическая Церковь США пересмотрела текст Нового Завета и выпустила его под новой редакцией – «The Revised New Testament of the New American Bible». Все фразы, признанные «сексистскими», были заменены на нейтральные. Например:

Not on bread alone is man to live. – One does not live by bread alone.

Изменение текста Библии не встретило недовольства со стороны верующих и с 1987 года Римская Католическая Церковь США пользуется пересмотренным изданием Нового Завета.

Большинство современных Британских и Американских словарей (Oxford American Word Power Dictionary, 1989; Cambridge Dictionary of American English, 2001; Macmillan English Dictionary, 2007) включают в словарные статьи, посвященные существительному *man* и его производным, специальный абзац, в котором содержатся рекомендации по использованию данных слов в речи. Вот что дает словарь Macmillan:

Words that may cause offence: Man.

Man and Mankind are sometimes used to refer to humans in general, including both men and women. However, many people think that this use suggests that women are not included, or that men are more important than women. To avoid causing offence, you can use words and expressions such as humans, human beings, people, humanity, the human race.

В словарном составе современного английского языка насчитывается более 250 слов со вторым компонентом – *man*. В качестве первого компонента выступают основы слов, относящихся к различным частям речи, в основном это имена существительные и имена прилагательные. Семантика этих слов также весьма разнообразна. По тематическому признаку слова с компонентом *-man* в постпозиции могут обозначать:

1. профессию, род деятельности:

a businessman, a spokesman, a serviceman, a seaman, a tradesman, a showman, a postman, a fireman etc.

2. национальность или место проживания:

an Englishman, a Dutchman, a countryman, a woodman, a townsman;

3. характеристику человека по чертам характера:

a madman, a yes-man, a he-man

4. героев мультфильмов, вымышленных, мифических персонажей: *a superman, a Batman, a Spiderman, a tinman.*

Таким образом, морфема *-man* в качестве служебного словообразовательного форманта проявляет чрезвычайно высокую активность и продуктивность в английском языке. Это объясняется тем, что морфема *-man* выражает широкую семантическую категорию агентивности и включает три основные семы «человек», «возраст», «мужской пол».

Группа слов со вторым компонентом *-woman* не столь многочисленна. Например:

a needlewoman, a saleswoman, a noblewoman, an Englishwoman, a Frenchwoman, a countrywoman. Относительно невысокую продуктивность этой модели по сравнению с моделью с морфемой *-man* можно объяснить тем, что для обозначения лиц женского пола широко и продуктивно используются такие языковые средства как суффиксация, словосложение, существительные *woman* и *female* в роли определения. Например:

an actress, a stewardess, a heroine, a showgirl, a barmaid, a landlady, a woman-police-officer, a female soldier, a female writer.

Как показывают исследования, сторонники феминистической лингвистики придерживаются тенденции не употреблять в речи единицы, указывающие на гендерный признак лица, а заменять их на синонимичные языковые средства:

*a policeman (woman) --- a police officer,
a steward (ess) ----- a flight attendant
a fireman --- a firefighter*

Проблема гендера неразрывно связана с политически корректным обозначением

полов, с проблемой феминизма и сексизма в современной англистике. Понятие политической корректности появилось в США около двадцати лет назад в ответ на недовольство американцев африканского происхождения излишним «расизмом» английского языка. Они требовали убрать из языка все слова и выражения, которые каким-либо образом задевают их чувства и достоинство, либо заменить эти слова и выражения на более тактичные эквиваленты. Так, в процессе политически корректной эволюции, слово «негр» было заменено на слово «цветной», затем «черный» и, наконец, на слово «афроамериканец». Созданное еще в 1880 году, но не принятое всерьез, слово African-American считается более подходящим, потому что подчеркивает связь черных американцев с родным континентом. Названия других национальностей и этнических групп также претерпели изменения:

An Indian ----- a Native American,
An Eskimo ----- a native Alaskan
Hispanics ----- Latino/ Latina
An Oriental ----- an Asian

В американском английском возникли проблемы с употреблением местоимений *he* и *she* [7]. Фраза типа «*Somebody left his book here*» рассматривается как корректная грамматически, но абсолютно некорректная политически – ведь этим «кто-то» мог быть не только мужчина, но и женщина. С недавних пор сложилась норма «*Somebody left their book here*», что является политически корректным. Например:

Everyone must do their duty.
If someone wants to spend their money here, let them do it.
And no one was injured, were they?

Лингвистические исследования показывают, что степень использования политически корректного вокабуляра в газетных и журнальных публикациях довольно высока. Политкорректная лексика превалирует над некорректной в процентном отношении 60% к 40% [8, с.86].

Обратимся далее к системе английского глагола, в которой также происходят интересные изменения, нашедшие отражение в трудах американских ученых. В Гарвардской школе прикладных наук существует программа математического исследования развития языка. В наши дни математика, как особый универсальный язык, вторгается во все сферы жизни. Ранее, язык рассматривался как слишком сложная и запутанная система для математического анализа, однако сейчас математики обладают методами изучения того, как язык развивается и как вследствие этого развития он эволюционирует. Ряд американских ученых под руководством Мартина Новака применяют в своих исследованиях эволюционные модели для достижения лингвистической стандартизации. Представители этой школы воспринимают лингвистическое развитие как существенно эволюционную схему: точно так же как гены и организмы проходят естественный отбор, так и в языках происходит тот же процесс.

Математики Гарвардской школы измерили нечто, что, по всеобщему мнению, не могло быть измерено по определению, и получили поразительные результаты. Неправильные глаголы, не принимающие окончания *-ed* в прошедшем времени, по мере развития английского языка, подвержены мощному прессингу в сторону их регуляризации. Общеизвестно, что из семи правил спряжения глагола в древнеанглийском языке шесть с течением времени исчезли. Единственное уцелевшее правило, согласно которому при образовании формы прошедшего времени глагола добавляется окончание *-ed*, вносит свой вклад в эволюционный упадок английских неправильных глаголов. Математики установили, что происходит это в соответствии с определенной математической формулой: глаголы становятся правильными со скоростью, которая обратно пропорциональна квадрат -

ному корню из частотности их употребления. Другими словами, глагол, употребляемый в сто раз реже, чем какой-либо другой, будет переходить в разряд правильных в десять раз быстрее.

Чтобы вывести эту формулу, ученые проследили статус 178 неправильных глаголов в древнеанглийском языке через все изменения в среднеанглийском и затем в современном языке. Из этих 178 глаголов, которые были неправильными 1200 лет назад, 145 остались неправильными в среднеанглийском периоде, и лишь 98 из них остаются неправильными в настоящее время. Произошло это вследствие регуляризации таких, например, глаголов как *help, laugh, reach, walk* и *work*. Группа гарвардских математиков изучала сохранившиеся в английском языке неправильные глаголы с тем, чтобы установить, сколько потребуется времени этим глаголам для того, чтобы стать правильными. Так, у самых употребительных из них, у таких как *be* и *think* настолько долгая жизнь в языке (38.800 лет у глагола *be* и 14.400 лет у *think*), что они никогда не станут правильными. Этот своеобразный запас временной прочности позволит им сохранить свои неправильные временные формы. И хотя число неправильных глаголов составляет меньше, чем 3% от всех английских глаголов, тем не менее, это число включает 10 самых употребительных глаголов *be, have, do, go, say, can, will, see, take* и *get*, которые в силу своей высокой частотности останутся неправильными в языке. Неправильные глаголы с более низкой частотностью употребления, такие, например, как *shrive* и *smite* (имеющие возраст 300 и 700 лет), более подвержены регуляризации.

Американские ученые предполагают, что 15 из 98 современных неправильных глаголов, которые они изучали, станут правильными в последующие 500 лет[4, с.178].

Приведем ряд глаголов, демонстрирующих эту линию развития в языке и имеющих в настоящее время двойные формы:

Awake – awoke - awoke
 awaked – awaked
bend - bent - bent
 bended - bended
broadcast - broadcast - broadcast
 broadcasted – broadcasted
cleave - clove - cloven
 cleft – cleft
 cleaved – cleaved
dream - dreamt – dreamt
 dreamed – dreamed
learn - learnt - learnt
 learned – learned
lean - leant - leant
 leaned - leaned

Список правильных глаголов пополнился также следующими глаголами:

smell - smelt - smelt
 smelled - smelled
spell - spelt - spelt
 spelled - spelled
spill - spilt - spilt
 spilled – spilled
spoil - spoilt - spoilt
 spoiled - spoiled
sunburn - sunburnt - sunburnt

sunburned – sunburned

Интересно отметить, что все глаголы-неологизмы, входящие в английский язык, условно, являются правильными: *to google, to nuke, to computer, to e-mail*.

Труды американских лингвистов и математиков представляют качественное и поразительно точное описание того, что ученые могли лишь предполагать в течение долгого времени: наиболее часто употребляемые неправильные глаголы повторяются так часто, что маловероятно, что они изменятся [9] Неправильные глаголы это своеобразные «останки», которые показывают, как лингвистические правила рождаются и умирают. Все языки находятся в процессе развития и изменения и это так же неизбежно, как и морские приливы и отливы. И ответ на многие лингвистические вопросы может дать только время.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. О прогнозах в лингвистике и социолингвистике. Проблемы лингвистической прогностики. Вып. 1./ В.М. Алпатов – Воронеж, 2000 – С. 9-10
2. Beard R. Language Change [Электронный ресурс]: статья – Режим доступа - http://www.alphadictionary.com/aticles/bad_grammar.html
3. Cannon G. Zero plurals among the Japanese loan words in English.// American Speech. -1984. –Vol. 59 # 2. – P.149-158
4. Bauer L. and Trudgill P. Language Myths. London, Penguin Books, 1998, 189p.
5. Pei Mario. The Story of Language. New American Library, 1966, 508p.
6. Бондаренко Л.П. Английский язык в странах Юго-Восточной Азии. // Культурно-языковые контакты. Сб. науч. трудов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999 – С. 3-12
7. Jackendoff Ray. Patterns in the Mind. Basic Books, 1994, 246p.
8. Bamgbose A. Torn between the norms: innovations in World Englishes.// World Englishes. – 1998 – Vol. 17. #1 – P.1-14
9. Quirk R. International communication and the concept of nuclear English.// English for International Communication. – Oxford. 1982. – P. 15-28
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая – М: Языки русской культуры. 1999. – 780 с

УДК 803:0-3

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ГОУВПО ВГАСУ e-mail: kaf_in_yaz@vgasu.vrn.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Second Ph. D., Professor, head of the Chair of Foreign Languages GOUVPO VGASU e-mail: kaf_in_yaz@vgasu.vrn.ru

З.Е. Фомина

ПАРЕМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «LEBEN» («ЖИЗНЬ») КАК СЕМИОТИЧЕСКИ И КУЛЬТУРНО - СТРАТИФИЦИРОВАННАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье рассматривается один из доминантных архетипических концептов – концепт «Leben» («Жизнь»), вербальными экспликаторами которого яв-

ляются немецкие паремии с одноименным компонентом. Феномен «Leben» анализируется как стратифицированная категория, составляющими которой являются дискретно организованные фреймы, характеризующиеся семиотической, культурной и когнитивно-гносеологической маркированностью. Исследуются паремические «Vita-метафоры» как средство экспликации когнитивных механизмов формирования архитектоники изучаемого концепта.

Ключевые слова: концепт, «Leben», архитектоника, страты (признаковые, акциональные, реляционные, эмоциональные), культура, паремии, этнос

Z.Ye. Fomina

THE PAROEMIC CONCEPT «LEBEN» («LIFE») AS SEMIOTIC -AND CULTURALLY-STRATIFIED CATEGORY

The subject of the article is one of the dominant archetypal concepts – the concept «Leben» («Life») - whose verbal explicators are represented by the German paroemias with cognominal component. The phenomenon «Leben» is analyzed as a stratified category, whose components are the discretely organized frames, which are characterized by the semiotic, cultural, an cognitive-gnoseological markedness. The paroemic “Vita-metaphors” are studied as a method for explication of the cognitive mechanisms of the formation of the architectonics of the above a concept.

The Keywords: concept, «Leben», architectonics, stratum (attributing, action producing, relational, and emotional), culture, paroemias, ethnos.

Das Begreifen des Phänomens „Leben“ wie auch seine Definition bleiben nach wie vor ein „Buch mit sieben Siegeln“. Obwohl die Frage nach dem Sinn des menschlichen Lebens „unzählige Male gestellt wurde, war und ist diese Frage noch nie ausreichend beantwortet worden, und es ist höchst wahrscheinlich, dass es nie zustande kommen wird“ [1, с.269]. Das Konzept „Leben“ dient ab ovo als Untersuchungsgegenstand in allen Wissenschaftsbereichen, und man setzt sich damit seit vielen Jahrhunderten auseinander [2; 3; 4; 5; 6]. Es wird als eine archetypische Kategorie wahrgenommen, die neben solchen globalen Kategorien wie „Erde“, „Natur“, „Heimat“, „Familie“, „Geburt“, „Tod“ und dgl. den Kern der Konzeptosphäre jedes Volkes bildet. Allerdings unterscheiden sich die Konzeptualisierung und die Kategorisierung des Begriffs „Leben“ in gewissem Maße in verschiedenen Sprachkulturen. Nicht zuletzt geht es dabei um die Unterschiede nach Wahrnehmungs- und auch Verständigungsart. Aktuell bleibt die Frage, auf welche Art und Weise das Konzept „Leben“ als eines der dominanten Zeichen jeder Sprachkultur durch sprachliche Einheiten semiotisch und kulturell markiert wird. Im vorliegenden Aufsatz wird das Phänomen „Leben“ aufgrund der deutschen „Vita-Sprichwörter“ (von lat. *vita* – ‚Leben‘) betrachtet. In der Semantik dieser Sprichwörter ist die gleichnamige Komponente etabliert, und mit ihrer Hilfe wird „Leben“ im deutschen Sprachraum verbalisiert und objektiviert. Daher werde ich ausschließlich vom **parömiologischen Konzept „Leben“** und dementsprechend von seiner Spezifik aus der Perspektive der deutschen Kultur sprechen. (Die Vita-Parömien sind den deutschen Sprichwörterbüchern und Sprichwörtersammlungen entnommen).¹

In meinem Beitrag gehe ich von der Betrachtung des Lebens als „Existieren, Dasein“ aus, das auch solche Kategorien wie Lebensbahn, Zeitdauer, Lebensweise und Gesamtheit der gesellschaftlichen Lebensformen [7; 8]. in sich involviert. Die Analyse der deutschen Vita-Parömien hat gezeigt, dass das Phänomen „Leben“ nicht nur eine höchst komplizierte, vielschichtige und

¹ Aus Platzgründen sind hier nur folgende Quellen angegeben: Röhrich/Mieder (1977); Krüger-Lorenzen (1988); Müller (1994).

widerspruchsvolle Substanz ist, sondern auch als eine rigoros stratifizierte Kategorie in Erscheinung tritt [9]. Unter dem Begriff „Stratus“ wird dabei eine Schicht für Schicht kognitivierte und in der Art einer äußerst detaillierten Struktur repräsentierte Gegebenheit verstanden. Das Wort *Stratum* ist vom lateinischen Lexem *stratum* („Decke“, „Polster“, „Lager“) abgeleitet und bedeutet: „Lebensraum in Form einer Schicht“ [10, c.957]. Es stellte sich heraus, dass das Phänomen „Leben“ aus mannigfaltigen kognitiven Schichten/Strata besteht, die sich ihrerseits in kognitive vielfach strukturierte Frames einteilen lassen, wobei jede kognitive Schicht dieses Lebensframes hierarchisch geordnet ist [9].

Im deutschen Kulturraum geht der obige Begriff hauptsächlich auf solche globalen (universalen) Gegebenheiten wie „Eigenschaft“, „Handlung“, „Relation“, „Bedingung“, „Emotion/Zustand“, „Widerspruch“ zurück, die zugleich als kognitive Determinanten des Lebens auftreten. Auf Grund der Analyse der Vita-Parömien lässt sich nachweisen, dass das deutsche parömiologische Konzept „Leben“ hauptsächlich vier Grundstrata bildet:

- „Eigenschaftsstratum“ (mit den Schlüsselbegriffen: „Merkmal“, „Qualität“);
- „Aktionsstratum“ (mit den Schlüsselbegriffen: „Handlung“, „Tat“, „Tätigkeit“);
- „Relationsstratum“ (mit den Schlüsselbegriffen: „Verhältnis“, „Beziehung“);
- „Emotionsstratum“ (mit den Schlüsselbegriffen: „Gefühl“, „Emotion“, „Empfindung“, „Zustand“).

Die genannten Strata lassen sich als Bausteine der kognitiven Architektonik des Lebens betrachten. Dabei muss unterstrichen werden, dass gerade der Schlüsselbegriff „Eigenschaft“ die kognitive Pyramide des parömiologischen Konzepts „Leben“ krönt und sich somit als **primäres** Grundelement im Vergleich beispielsweise zu solchen für das Leben unentbehrlichen Kategorien wie „Handlung“, „Bewegung“, „Bedingung“, „Zustand“ etc. erweist, die aus dieser Perspektive als **sekundär** gelten.

Aus der Analyse geht hervor, dass **das Eigenschaftsstratum des „Lebens“** (1) vor allem folgende Komponenten einschließt: *temporale* (kurz, flüchtig), *abstrakt-philosophische* (harmonisch, unberechenbar), *moralisch-ethische* (großzügig, ehrlich), *emotional-psychologische* (elend, trübe, unglücklich), *soziale* (arm, reich, elend), *physiologische* (warm, kalt), *perzeptive* (süß, bitter), *physische* (dunkel, hell), *intellektuelle* (wahnsinnig, weise), *axiologische* (gut, schön, kostspielig, billig) u.a.

Unter den Eigenschaftsbegriffen nimmt die **Zeitkategorie** eine ganz besondere Stellung ein. Dies ist nicht zufällig, da die Zeit für die Lebensdimension ganz wesentlich ist. Vgl.: „Die zwei größten Tyrannen der Erde: *der Zufall* und *die Zeit* [Hervorhebung durch mich] [11, c.79] und: „unser Leben spielt sich im Spannungsfeld oder am Übergang zwischen Raumdimension und Zeit ab, wobei Zeit und Raum nur zwei Zustände oder Betrachtungsweisen der Unendlichkeit sind“ [12].

Laut deutscher Vita-Parömien kommt die Zeit vor allem in drei Formen vor:

- Zeit als **Linie** (Ausgangspunkt – Endpunkt);
- Zeit als **Zyklus** (Jahreszeiten – Lebenszeiten);
- Zeit als **Spirale** (Vergangenheit – Gegenwart – Zukunft; alt – neu; Diachronie – Synchronie).

Vom Standpunkt des temporalen Ansatzes aus lässt sich das Phänomen „Leben“ als eine dreidimensionale Substanz kennzeichnen:

- Das Leben tritt als ein **temporal-lineares** Wesen auf: Das Leben ist eine Linie. Vgl.: *Das Leben ist gut, wenn es lange währt und auch ein Leben ist.*
- Das Leben wird als ein **temporal-zyklisches** Phänomen wahrgenommen: Das Leben ist ein Zyklus. Vgl.: *Des Lebens Mai blüht einmal und nie wieder.*

– Das Leben kann auch als eine **Spirale** gestaltet werden. Vgl.: *Neues Leben blüht aus den Ruinen*.

Im gewissen Sinne kann das archetypische Konzept „Leben“ als ein **geometrisches** Objekt betrachtet werden, da eine seiner grundlegenden Existenzformen die Linie ist. Allerdings muss dabei in Betracht gezogen werden, dass die Linie als eine geometrische Kategorie verschiedenartige Formen annehmen kann. Die Linie, auch die Lebenslinie, kann beispielsweise in Form einer Zick-Zack-Linie, einer Kurve, eines Knotens etc. existieren. Wichtig ist jedoch, dass die Linie in jedem Fall einen Ausgangspunkt und einen Endpunkt hat. Vgl.:

Alles altert, alles endet. Und was entsteht und strebt zu sein, je mehr es wächst, *um zu sein*, so mehr eilt es, *nicht zu sein*. – Es ist wie mit der Sprache und den Worten: es wäre nie die ganze Sprache, wenn nicht Wort um Wort, wie es ertönt, verklänge und anderem Platz machte [13, c.277].

Die Singularität am „Beginn“ unserer Welt, so H. Bader, beim Urknall, ist möglicherweise die Zeit ohne Raum:

Die Zeit läuft von Beginn **immer in Richtung vollendet** und ergibt letztendlich *ein vollendetes Leben*. [...] Das menschliche Wesen selbst befindet sich in einem kaum bewussten Kontinuum von der Geburt bis zum Tod. Der Mensch ist ein vierdimensionales raumzeitliches Wesen, das in einem dreidimensionalen Raum lebt [12].

Obwohl sich alles nur in Richtung Endpunkt bewegt, handelt es sich dennoch um eine ständig fortschreitende Bewegung.

Als **temporale Quantoren des Lebens** dienen in der deutschen Sprachkultur laut der Analyse der Lebensparömien solche Gegebenheiten wie:

– **Stunde**: *Eine Stunde verändert oft das ganze Leben; Verlorene Stunde, verlorenes Leben; Der Verlust einer Stunde ist dem Verlust des Lebens gleich;*

– **Tag und Nacht (24 Stunden)**: *Ein Tag und eine Nacht, – und 24 Stunden deines Lebens sind dahin;*

– **Tag/Tage**: *Es gibt kein glückliches Leben: es gibt glückliche Tage;*

– **Zeit**: *Wer sein Leben liebt, vergeudet die Zeit nicht u.a.*

Die angeführten Belege besagen, dass die Kategorie **Stunde** einen ganz besonderen Stellenwert im Paradigma deutscher temporaler Prioritäten hat und zahlreich in temporalen Vita-Parömien vorkommt.

In den temporalen Merkmalen des Lebens, die in der Semantik der Vita-Parömien präsent sind, spiegeln sich vielfältige Aspekte des Lebens wider:

1) Das Leben dauert nur einen Augenblick: *Bevor wir tatsächlich wissen, was Leben heißt, ist es schon vorbei;*

2) Einzelne Lebensphasen können sich wiederholen: *Neues Leben blüht aus den Ruinen; Sein Leben noch einmal leben;*

3) Die Dauerhaftigkeit und die Kurzfristigkeit des Lebens: *Das Leben ist gut, wenn es lange währt und auch ein Leben ist; die Abendgesellschaft – wenn sie kurz und lebhaft ist; Das Leben, das Geld und der Speck schwinden rasch* (ironisch gemeint);

4) Die Flüchtigkeit des Lebens, vgl.: lat.: *tempus fugit* ‚Die Zeit flieht‘ [Vergil]: *Das Leben ist kurz, aber ein Lächeln ist nur die Mühe einer Sekunde wert;*

5) Die Unwiederkehrbarkeit des Lebens, vgl.: lat.: *fugit irreparable tempus* ‚Unwiederkehrbare Zeit flieht‘ [Vergil]: *Des Lebens Frühling kehrt nie mehr zurück;*

6) Die Zeitgebundenheit/Zeitabhängigkeit, vgl.: lat.: *tempus edax rerum* ‚Alles fressende Zeit‘ [Ovid]: *Die Tage seines Lebens sind gezählt* und dgl.

Des Weiteren zeichnet sich das Eigenschaftsstratum des Lebens durch das Vorhandensein zahlreicher **abstrakt-philosophischer** Merkmale aus, und in diesem Sinne kann es als ein philosophisches Wesen determiniert werden. Das Leben ist:

- a) **harmonisch**: *Das Leben enthält sieben Erfolge und sieben Misserfolge;*
- b) **universal**: *Das Leben, das sterben muss, der Leib, der leiden muss, sind bei allen Menschen gleich;*
- c) unveränderbar: *Man muss das Leben eben nehmen, wie das Leben eben ist;*
- d) **widerstandsfähig**: *Neues Leben blüht aus den Ruinen;*
- e) **unberechenbar/fatalistisch**: *Niemand weiß, was ihn im Leben erwartet;*
- f) **altersgemäß**: *Jung und ohne Liebe, alt und ohne Weisheit, das darf man ein verlorenes Leben nennen u.a.*

Philosophische Merkmale des Lebens betonen, dass das Leben über der Macht des Menschen sowie über seinem Willen steht. Obwohl das Leben von den Taten und Eigenschaften des Menschen in wesentlichem Maße beeinflusst wird, ist seine Rolle in der Gestaltung seines eigenen Lebens relativ gering. Vgl.: *Man muss das Leben aus dem Holze schnitzen, das man hat.* Das Leben kann jeden beliebigen Ereigniskreislauf vorbestimmen. Es gleicht dem Phönix, der aus der Asche aufersteht, und deswegen lässt es sich kaum besiegen.

Moralisch-ethische Prioritäten bilden die kognitive Grundbasis des Eigenschaftskontinuums des Lebens. Aus der moralisch-ethischen Perspektive kennzeichnen das deutsche kulturelle Kontinuum solche Domänen wie:

- Ordnung**: *Ordnung ist das halbe Leben;*
- Ehre**: *Ein Leben ohne Ehr' ist kein Leben mehr;*
- Reinlichkeit**: *Reinlichkeit ist's halbe Leben;*
- Freundschaft**: *Ein Leben ohne Freund ist eine Welt ohne Sonne; Freundschaft ist das halbe Leben; Freundschaft ist des Lebens Salz;*
- Fleiß**: *Eines Jahres Aussichten bestimmt der Frühling, die eines Tages – das Morgenrot, die der Familie – ihre Eintracht, die des Lebens – der Fleiß;*
- Maß**: *Nach der Gesundheit leben ist ein elendes Leben, d.h. alles hat sein Maß.*

Diese parömiologischen Befunde stimmen völlig mit der folgenden Äußerung von Willy Hellpach überein:

Über alle Wandlungen und Schwankungen der geschichtlichen Situationen hinweg haben sich im deutschen Wesen folgende Grundeigenschaften als besonders unveränderlich, unangreifbar oder (nach vorübergehenden Abschwächungen und Verdunklungen) als immer wiederkehrend bewährt: 1. Schaffensdrang, 2. Gründlichkeit, 3. Ordnungsliebe, 4. Formabneigung, 5. Eigensinn, 6. Schwärmseligkeit [14, c.171].

Die Berücksichtigung aller gesellschaftlichen Regeln, Vorschriften und Normen gilt bestimmten Stereotypen zufolge als für die deutsche Kultur höchst relevant. Diese werden als gute Prämissen für eine günstige und wohlhabende Menschenexistenz, für die geistige und materielle Entwicklung des Menschen empfunden. Die Verletzung gesellschaftlicher Gesetze bzw. sozialer Normen wird rigoros bestraft. Die in der Gesellschaft verankerten moralisch-ethischen Normen zeigen sich in den gleichnamigen moralisch-ethischen Merkmalen des Lebens. Aus der Perspektive der moralisch-ethischen Werteskala stehen vorwiegend folgende sowohl positive als auch negative Lebenseigenschaften im Mittelpunkt:

- a) **menschenwürdig**: *Das Leben ist schön, wenn es menschenwürdig gelebt wird; Das Leben eines Menschenfreundes währt lange;*
- b) **ehrlich**: *Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre;*
- c) **recht**: *Dein Leben sei schlecht (schlicht) und recht;*

- d) **wohltätig**: *Das Leben ist angewiesen auf Wohltaten und Eintracht, und nicht Bedrohung;*
- e) **fett**: *Ein fettes Leben macht ein mageres Testament u.a.*

Mit den moralisch-ethischen Eigenschaften des Lebens sind sehr eng **emotional-psychologische Merkmale** verknüpft. Ihre Besonderheit besteht darin, dass emotional psychologische Vita-Parömien zugleich „kausale Indikatoren“ [15, c.504] für ein glückliches oder unglückliches Leben aufweisen. Zu den negativen „Kausatoren“ gehören:

Verzicht auf Wissen: *Nichts wissen ist ein elendes Leben; Ein Tag eines Weisen ist mehr wert als das ganze Leben eines Narren;*

- b) **Eifersucht**: *Eifersüchtige Liebe macht das Leben trübe;*
- c) **Geldgier**: *Goldliebe macht das Leben trübe;*
- d) **Begierde**: *Des Menschen Leben nimmt immer ab, aber seine Begierden nehmen täglich zu;*
- e) **Prahlerci**: *Dicktun ist mein Leben; Bruder, leih mir einen Sechser u.a.*

Diesen Beispielen lässt sich entnehmen, dass menschliche Laster das Wesen und den Sinn des menschlichen Lebens wie auch die Lebensqualität sehr stark beeinflussen können. Aktualisiert wird auch eine Art Rezept für ein ruhiges Leben: *Vergangenes beträchtlich erachten, das Zukünftige wohl und reif betrachten, das Gegenwärtige wohl ordinieren, so kann man ein ruhiges Leben führen.*

Das Leben kann jedoch glücklich sein, wenn jeder Lebenstag von dem Menschen hochgepriesen wird. Dies besagt folgendes Sprichwort: *Es gibt kein glückliches Leben: es gibt nur glückliche Tage.*

Leben gilt in erster Linie als **ein soziales Phänomen** und daher sind soziale Konstituenten des Lebens in den Parömien zahlreich vertreten:

- a) **elend/leidvoll**: *Das Leben besteht aus Leid und Not, der Tod aus Frieden und Freude;*
- b) **sozialschwach**: *Das ist zum Leben zu wenig und zum Sterben zu viel.*

Auch können die Dauerhaftigkeit oder die Kürze des Lebens vom sozialen Status des Menschen vorbestimmt werden: Vgl.: *Das Leben ist den Reichen lang, den Armen kurz.* Im Bereich der sozialen Prioritäten wird vor allem der **Arbeit** und der **Ehe** eine ausschlaggebende Bedeutung beigemessen. Laut der Philosophie der deutschen Vita-Parömien verleiht gerade die **Arbeit** dem menschlichen Leben Sinn: *Arbeit ist des Lebens Würze; Tätigkeit ist das Salz des Lebens,* und eben die **Ehe** macht den Menschen tatsächlich glücklich: *Wer nicht heiratet, genießt sein Leben nur halb.*

In den Vita-Parömien, aufgrund deren das Eigenschaftsstratum des Lebens konstituiert wird, werden einige dominierende **physiologische Merkmale** des Lebens aktualisiert, die zu meist einen pejorativen semantischen Inhalt aufweisen:

- a) **brüchig**: *Sein Leben hing nur noch an einem Faden; Des Menschen Leben hängt an einem Zwirnsfaden;*
- b) **gefährlich/tödlich**: *Das Leben ist größtenteils gefährlich und endet tödlich;*
- c) **schmerzhaft**: *Das Leben ist schön, ein bisschen schmerzhaft;*
- d) **warm**: *Das Leben ist warm, der Tod ist kalt u.a.*

Im **mentalen/intellektuellen** Paradigma dominieren Sachverhalte wie Vernunft und Weisheit. Die Realisierung des eigenen Potentials ist für jeden Menschen sehr wichtig, aber laut der Vita-Parömien hängen die Lebensleistungen, die Lebensqualität des Menschen größtenteils von seiner Vernunft und seinen geistigen Bemühungen ab: *Wie der Sinn, so das Leben.* Es lässt sich allerdings eine gewisse Differenz in der Gestaltung des Lebens eines Narren, eines Toren und eines Weisen verfolgen. Die Wertungen tragen einen ambivalenten Charakter:

einerseits – *Die Narren haben das beste Leben* (mit positiver Ironie); *Der Tor bessert sein Leben wie der Krebs seinen Gang* (mit negativer Einschätzung); andererseits – *Jung und*

ohne Liebe, alt und ohne Weisheit, das darf man ein verlorenes Leben nennen (mittels der Verneinung wird die Weisheit in diesem Beispiel großgeschrieben) u.a.

Das nächste dominierende Stratum des Lebens bildet **das Aktionsstratum (2)** mit den Schlüsselbegriffen „*Handlung*“, „*Tat*“ und „*Tätigkeit*“.

In der Bedeutung der **aktionalen** Vita-Parömien werden mannigfaltige Handlungen nachgewiesen, in denen das Leben entweder als **Handlungssubjekt** oder als **Handlungsobjekt** auftritt, wobei, nach meinen Beobachtungen, die letzten Vita-Parömien dominieren. In Vita-Parömien, in denen das „Leben als Handlungsobjekt“ betrachtet wird, treten folgende Gegebenheiten in der Rolle des Agens auf: „Mensch“, „Stunde“, „Tod“, „Schlaf“, „Glück“ u.a.

Der Mensch kann folgende **negative** Handlungen bezüglich des Lebens vollziehen lassen:

- a) [**das Leben**] **trübe machen**: *Goldliebe macht das Leben trübe*;
- b) **hassen**: *Das Leben dessen, auf dessen Tod sogar die Freunde hoffen, hassen alle Bürger*;
- c) **verachten**: *Wer das Leben verachtet, fürchtet den Tod nicht*;
- d) **verleiden**: *Wer den Tod fürchtet, verleidet sich das Leben*;
- e) **töten**: *Nimm dir die Zeit und nicht das Leben* und dgl.

Aus diesen Sprichwörterbelegen ergibt sich, dass die von den Menschen durchgeführten Handlungen in erster Linie mit der emotionalen Sphäre verknüpft sind. Der Mensch „fühlt“ das Leben. Im deutschen parömiologischen Kulturparadigma wird vor allem der produktive (aktive) Charakter des Lebens betont, z.B. *Ein unnützes Leben ist ein früher Tod*; *Das Testament des Toten ist der Spiegel seines Lebens*.

Die Palette **positiver** menschlicher Handlungen ist ebenso vielfältig wie die der negativen, z. B.:

- a) [**das Leben**] **verlängern lassen**: *Kurzes Mal macht langes Leben*;
- b) **am Leben hängen**: *Das Leben hassen, den Tod verlangen, vor dem Tode beben und am Leben hängen, das Leben hassen und beben vor dem Tod: Diese drei Dinge machen schlimme Not*;
- c) **ums Leben (auch im Sterbebett) kämpfen**: *Wer von seinem Leben noch einen Zoll üppig hat, der hat noch Tausend Geschäfte*;
- d) [**das Leben**] **wieder positiv sehen**: *sein Leben noch einmal leben*;
- e) **sich freuen**: *Freu dich deines Lebens, es ist schon später, als du denkst*;
- f) **lieben**: *Wer das Leben liebt, der vergeudet die Zeit nicht*;
- g) **genießen**: *Wer nicht heiratet, genießt sein Leben nur halb*;
- h) **ein positives Lebenskonzept entwickeln lassen**: *Man muss das Leben eben nehmen, wie das Leben eben ist*.

Außer dem „Menschen“, der in der Rolle des Agens auftritt, kann das Leben auch von anderen Gegebenheiten vorbestimmt werden. Dazu gehören: „**Tod**“, „**Stunde**“, „**Glück**“, „**Fleiß**“ u.a. Einige Beispiele:

1) Tod, der das Leben unterbricht: *Der Tod setzte seinem Leben ein Ziel/ein jähes Ende; Umsonst ist der Tod, und der kostet das Leben; Der Tod erbt den Lebendigen; Der Tod ist des Lebens Botenbrot; Der Tote erbt den Lebendigen*;

2) Stunde, die das Leben verändern kann: *Eine Stunde verändert oft das ganze Leben; Verlorene Stunde, verlorenes Leben*;

3) Glück: *Im Leben regiert alles das Glück, nicht das Leben; Das Leben lebt man dem Glück gemäß, das Essen isst man der Ernte gemäß*;

4) Fleiß: *Eines Jahres Aussichten bestimmt der Frühling, die eines Tages – das Morgenrot, die der Familie – ihre Eintracht, die des Lebens – der Fleiß*.

Das Leben als **Handlungssubjekt** lässt sowohl gute als auch schlechte Taten dem Menschen gegenüber zu. Zu den **positiven** Handlungen des Lebens gehören:

a) *Es lehrt: Das Leben selbst wird es schon zeigen; Das Leben lehrt uns, wenn nichts anderes so jedenfalls, langsam zu gehen;*

b) *Es kann auferstehen: Neues Leben blüht aus den Ruinen;*

c) [Je nachdem] kann das Leben Nutzen bringen: *Was nützt das Leben dem, der stets vor dem Tode zittert; Was kann das schlechte Leben nützen* u.a.

Die Handlungen seitens des Lebens können auch **negativ** sein, indem es:

a) *Das Leben bringt Schaden: Das Leben tut den Schatten gleichen, wann's am besten ist, so tut es weichen;*

b) *Das Leben verschwindet: Das Leben, das Geld, der Speck schwinden rasch;*

c) *Das Leben kehrt nicht zurück: Des Lebens Mai blüht einmal und nie wieder;*

d) *Das Leben vergeht: Das Leben verstreicht, während es sich verlängert* und dgl.

Beachtenswert ist, dass das verbalisierte Konzept „Leben“ vorwiegend als ein **Handlungsobjekt** auftritt, da die Handlungen sowohl von außen als auch von innen hauptsächlich auf das Leben selbst gerichtet sind. Daher wird das Leben eher als eine von jemandem *oder von etwas sich walten lassende Substanz* und *nicht als ein autonomes, unabhängiges Wesen* charakterisiert.

Der Analyse der Vita-Parömien lässt sich entnehmen, dass der Begriff „Leben“ in untrennbarer Verbindung, Wechselwirkung und Abhängigkeit mit vielfältigen *anthropomorphen Sachverhalten* steht und durch diese grundsätzlich determiniert wird.

Des Weiteren werden deutsche Vita-Sprichwörter als Mittel für die Objektivierung **des Relationsstratums des Konzepts „Leben“ (3)** betrachtet. Vor allem lassen sich folgende dominierende Korrelationen feststellen:

–Leben und Eigenschaften [des Menschen] (12);

–Leben und Zustände (8);

–Leben und seine Wahrnehmung seitens des Menschen (5);

–Leben und das soziale Milieu (4);

–Leben und die Existenzweise des Menschen (2) u.a.

Diese gegenseitig beeinflussten Verhältnisse zwischen dem Leben und anderen anthropomorphen Sachverhalten reflektieren die entsprechenden Reziprosprichwörter. Im Vordergrund stehen folgende **Verhältnisarten** des deutschen Ethos zum Leben:

a) ein pragmatisches Verhältnis: *Freu dich deines Lebens, es ist schon später, als du denkst;* **b) ein moralisch-ethisches:** *Man lobt im Tode manchen Mann, der Lob im Leben nie gewann; Goldliebe macht das Leben trübe;* **c) ein rationales/vernünftiges:** *Ein Tag Freude ist besser als zehn Jahre Leben; Wie der Sinn, so das Leben;* **d) ein phobisches/frustrierendes:** *Was nützt das Leben dem, der stets vor dem Tode zittert;* **e) ein skeptisches:** *Das Leben besteht aus Leid und Not, der Tod aus Frieden und Freude;* **f) ein resignierendes/fatalistisches:** *Niemand weiß, was ihn im Leben erwartet* u.a.

Vom quantitativen Standpunkt aus dominiert allerdings ein **pragmatisches** Verhältnis zum Leben: Der Mensch wird einerseits als ein aktiver Kämpfer charakterisiert, dessen Prinzip ist „Mensch sein, bedeutet Kämpfer sein“, andererseits gibt er sich als Konformist aus, der bestrebt ist, sich trotz alledem allen beliebigen Lebensbedingungen, Lebensumständen anzupassen.

Das **Emotionsstratum des Lebens (4)** wird von zahlreichen Emotionstypen, Gefühls- und Gemütsbewegungen konstituiert, die polare Tendenzen in Leben-Mensch- Beziehungen reflektieren. Den Kern des negativen Emotionsspektrums bilden drei Grundemotionen:

Angst: *Was nützt das Leben dem, der stets vor dem Tode zittert;* **Verachtung:** *Verachte dein eigenes Leben, und du bist ein Herr über das Leben anderer;* **Resignation:** *Niemand weiß, was ihn im Leben erwartet.*

Zum einen lehren deutsche Vita-Parömien, dass obwohl es kein angstfreies Dasein gibt und der Mensch „vom Tode, von Krankheiten, Kriegen, Umweltkatastrophen und Verzweiflung weiß“ [16, c.65], er dennoch die Dinge pragmatisch wahrnehmen soll. Zum anderen wird betont, dass die **Verachtung** des eigenen Lebens tödlich ist, da der Mensch in diesem Fall nicht imstande ist, die Bedeutsamkeit eines fremden Lebens einzuschätzen. Jede Suche nach besserem Leben ist der Resignation ausgeliefert, da diese Suche unvermeidlich zu der philosophischen These „vanitas vanitatum“ („alles ist umsonst“) führt.

Es ist nicht uninteressant, in Erwägung zu ziehen, dass die Vita-Parömien, die verschiedene Strata des Lebens kategorisieren, durch einen gewissen **Nihilismus** geprägt sind, was zum Teil durch das Vorhandensein mehrerer negierender Komponenten in ihrer semantischen Struktur bestätigt werden kann: *nie, niemals, vorüber, nie wieder, kein, nichts* etc.

Vgl.: des Lebens *Frühling kehrt nie mehr zurück; des Lebens Mai blüht einmal und nie wieder; Das Leben ist ein ständiges Trinkensein – das Vergnügen geht vorüber, aber die Kopfschmerzen bleiben; Kein größer Dieb als der Schlaf: er raubt uns das halbe Leben* und dgl.

Erwähnenswert ist, dass sich viele negierende Konstituenten zumeist um die Opposition „Leben und Tod“ kreisen. Vermutlich spiegeln sich in diesem Nihilismus die im Unterbewusstsein des Menschen tief verborgenen menschlichen Emotionen wider, die vor allem auf das **Angstparadigma** zurückgreifen, nämlich auf die Angst vor dem bevorstehenden Abschied vom Leben [17, c.107].

Die Palette **positiver** Emotionen weist die Vielfalt menschlicher Stimmungen, Zustände und Gemütsbewegungen auf: Liebe, Freude, Glück, Geborgenheit, Zufriedenheit und dgl. Das Leben wird als das höchste Geschenk der Götter dargestellt, und schon deshalb sollte es von dem Menschen geliebt und geehrt werden: *Wer das Leben liebt, vergeudet die Zeit nicht. Die **Liebe** – als eine wahre Königin im menschlichen Lebensreich – wird als eine der primärsten Voraussetzungen für ein glückliches Leben hervorgehoben:*

Bei Liebe, Brot und Wein kann man sich seines Lebens freuen; Die aus Liebe geben, bringen Sonnenschein ins Leben; Jung und ohne Liebe, alt und ohne Weisheit, das darf man ein verlorenes Leben nennen etc.

Paradoxerweise ist auch evident, dass in vielen deutschen Vita-Parömien die Liebe mit dem Tod in engem Zusammenhang steht, wobei sich beide Phänomene gegenseitig beeinflussen:

Es ist die höchste Liebe, die das Leben opfert; Die Liebe ist ein lebendiger Tod und ein sterbendes Leben; Bei Mägdlein von achtzehn Jahren mit schwarzen Augen und gelben Haaren, mit weißen Händen und schmalen Lenden mag einer wohl sein Leben enden u. a.

Die Liebe kommt auch als ein ambivalentes Phänomen vor: *Die Liebe des Eifersüchtigen ist das Leben eines Kranken*. Der Zustand der **Harmonie und Freude** wirkt sich auf die Lebensgestaltung des Menschen besonders positiv aus: *Wo Freude, da ist das Leben*. Von hohem Wert ist jeder einzelne Lebenstag des Menschen, z. B. *Ein Tag Freude ist besser als zehn Jahre Leben*. Auch gilt das Gefühl der **Abgeschiedenheit** als das A und O für die deutsche Kultur: *Das Schneckenleben ist das beste* [mit positiver Ironie]. Trotz aller Schwierigkeiten, Ungerechtigkeiten wird das Leben im deutschen kulturellen Sprachraum, wie oben schon erwähnt wurde, als das höchste Maß der Dinge betrachtet. Vgl.:

Besser im Leben eine Brotrinde als nach dem Tod ein Denkmal; Nimm dir die Zeit und nicht das Leben; Das Leben muss man leben, die Schlange muss man erschlagen.

Eine ausschlaggebende Rolle spielen bei der verbalen Objektivierung des Konzepts „Leben“ mannigfaltige **metaphorische Bilder**, die in der Semantik der Vita-Parömien aktualisiert werden. Aufgrund parömiologischer Metaphern lassen sich durchaus wichtige Charakteristika im Hinblick auf die kognitiven Mechanismen der Strukturierung des Phänomens „Leben“ und seiner

vielfältigen Korrelationen mit den Gegebenheiten der Innen- und Außenwelt entschlüsseln [18, c.204; 19, c.132]. Als kognitive **Metaphernspender** gelten vor allem: die Universumssphäre, abstrakte Sphäre, die Sphäre der Artefakte, der Naturbereich, die moralisch-ethische Sphäre, kulturbezogene Sphäre u.a. Aus der Analyse der parömiologischen Metaphern geht hervor, dass im deutschen parömiologischen Bereich vorwiegend folgende metaphorische Lebensmodelle in den Vordergrund gerückt werden:

- 1) ein **Universum-Vita-Modell** [Leben ist Wasser, Feuer, Erde];
- 2) ein **Artefakten-Vita-Modell** [Leben ist ein Gegenstand];
- 3) ein **Flora-Vita-Modell** [Leben ist Flora];
- 4) ein **sakrales Vita-Modell** [Leben ist Tod];
- 5) ein **anthropomorphes Vita-Modell** [Leben ist Mensch];
- 6) ein **räumliches Vita-Modell** [Leben ist Raum];
- 7) ein **temporales Vita-Modell** [Leben ist Zeit];
- 8) ein **abstraktes Vita-Modell** [Leben ist ein Abstraktum]

Es muss dabei betont werden, dass mittels parömiologischer Vita-Metaphern der Versuch unternommen wird, das Wesen des menschlichen Lebens nicht zu charakterisieren, sondern zu definieren. Relevant ist nicht die Frage *Wie ist das Leben?*, sondern *Was ist das Leben?* Man bemüht sich, die Lebensdefinitionen nicht nur möglichst präzise und filigran zu beschreiben, sondern auch diese als eine Art **mathematische Formel** darzustellen. Als Belege dafür dienen zahlreiche Vita-Parömien, denen folgende Typen von Lebensdefinitionen zugrunde liegen:

- 1) **empirische** Lebensmodelle: [Leben ist ein X (...): *Leben ist ein Tagebuch/eine Kopeke/eine Zwiebel*];
- 2) **nihilistische** Lebensmodelle:
 - a) [Leben ist kein/keine (X)]: *kein Kinderspiel, kein Vergnügen* etc.;
 - b) [Leben ohne (X) ist ...]: *Ein Leben ohne Freund ist eine Welt ohne Sonne*;
- 3) **vergleichende/komparative** Lebensmodelle:
 - a) [Leben ist „wie + X“]: *Leben ist wie des Morgens Tau*;
 - b) [Leben „gleich X“]: *Leben gleicht einer Handvoll Schnee ...*;
- 4) **kontrastive** Lebensmodelle:
 - a) [Besser (X) ohne (Leben) als (X)]: *Besser Ehre ohne Leben, als Leben ohne Ehre*;
 - b) [X ist besser als]: *Ein Tag Freude ist besser als zehn Jahre Leben*;
- 5) **lokale** Lebensmodelle: [Wo (X) ist ..., da (...): *Wo Freude, da ist das Leben* etc.

Die angeführten Modelle besagen, dass der Mensch bei der verbalen Lebenserfassung von verschiedenen kognitiven Strategien Gebrauch macht. Größtenteils ist er jedoch auf Assoziationen, Vergleiche, Gegenüberstellungen (komparative Lebensdefinitionen) angewiesen. Eine ganz besondere Rolle spielen auch mannigfaltige Verneinungen, Rückdenkstrategien, quantitative Maßsubstanzen, Wertungsindikatoren, Polaritätsstrategien, Kreuzstellungen, Bedingungsangaben etc.

Fazit

Die These „Leben ist ein **universales** Phänomen, das in der Konzeptosphäre jedes Volkes einen ganz besonderen Platz einnimmt“ gilt bekanntlich als ein Axiom. Wenn man es jedoch auf der sprachlichen Ebene aus der ethnokulturellen Perspektive betrachtet, so kommt man zum Schluss, dass dieses Phänomen im deutschen Welt- und Sprachkontinuum (wie auch in jedem Kultur- und Sprachkreis) nicht nur von universalen, sondern auch von vielen kulturspezifischen Merkmalen geprägt ist. Es zeigt sich hauptsächlich bei der Analyse der kognitiv-gnoseologischen Architektonik dieses Konzepts. Ebenso zeigt es sich in den in die kognitive Struktur des Lebens inkorporierten Strata. Sie werden von zahlreichen räumlichen, temporalen, anthropomorphen (mentalenen, sozialen, moralisch-ethischen, emotional-psychologischen, kulturellen

etc.) Lebensmerkmalen strukturiert und weisen eine gewisse mentale Differenz auf. Die Lebensdefinitionen, verschiedenartige metaphorische Lebensmodelle wie auch ihre kognitiven Strukturen tragen einen kulturspezifischen Charakter, denn in ihnen lassen sich kulturbedingte Mensch- und Weltwahrnehmungsvorstellungen, geistige, moralisch-ethische Grunddomänen/Prioritäten, kulturspezifische Charaktereigenschaften nachvollziehen, die sich im Verlauf der Jahrhunderte in der deutschen Kultur herauskristallisiert haben. Die deutschen Sprichwörter als Spiegel der Kultur der Sprachgemeinschaft reflektieren die grundlegenden und für das Phänomen „Leben“ besonders typischen Maximen und somit explizieren sie in der Tat eines der wichtigsten philosophischen Prinzipien, nämlich die „Einheit in der Vielfalt“.

Literaturverzeichnis

1. Freud, Sigmund (1969): Neudovletvorennost kulturoj. Izbrannoje. London, 267-279.
2. Aristoteles (2006): Metafizika. Moskva.
3. Eigen, Manfred (1993): Stufen zum Leben. Die frühe Evolution im Visier der Molekularbiologie. 3. Aufl. München.
4. Schrödinger, Erwin (2001): Was ist Leben? München.
5. Tolstoj, Leo (1936): Ponjatje žizni. Polnoe sobranie sočinenij. Moskva.
6. Witzany, Günther (2000): Life: The Communicative Structure. Bürmoos.
7. Wahrig, Gerhard (1997): Deutsches Wörterbuch. Neu hg. von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“. 6. Aufl. Gütersloh.
8. DWDS = Das digitale Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache des 20. Jahrhunderts (http://www.dwds.de/wörterbuch/1_1).
9. Demidkina, Ekaterina A. (2007): Fraseologizmy, paremii i aphorismy kak sredstvo objektivacii koncepta „zizn“. [Dissertation: WGPU]. Woronesh.
10. Latinsko-russkij slovar (1976). Moskva.
11. Führende Wörter (1961): Eckart, Hans (Hg.); bearbeitet von Grunow, Alfred. J.G.Herder. In: Lebensweisheit und Weltanschauung deutscher Dichter und Denker. Band 1. 6 Aufl. Berlin: Haude & Spenersche Verlagsbuchhandlung. S.79.
12. Bader, Hermann (2002): Eine Anatomie der Seele oder Die Welt, in der wir leben. Universität Ulm, Seminar Ethik in der Medizin: <http://www.baderbuch.de/Seele>.
13. Führende Wörter (1963): Grunow, Alfred (Hg.). Augustinus. In: Weisheiten der Welt. Deutsche Dichter und Denker / Europa und Neue Welt / Altertum und Jüdische Geisteswelt / Vorderer Orient, Indien und Ferner Osten. Band III. Berlin: Haude & Spenersche Verlagsbuchhandlung. S.277.
14. Hellpach, Willi (1954): Der Deutsche Charakter. Bonn. S. 171. In: Klaus-Hinrich Roth (1978): (Hg.): Deutsch/Prolegomenon zur neueren Wortgeschichte. Münchner Germanistische Beiträge. Band 18. München: Wilhelm –Fink-Verlag S. 477.
15. Lakoff, George (2004): Zenshiny, ogon i opasnye veshi. Tshto kategorii jazyka govorjat nam o myshlenii. Moskva.
16. Bergenholtz, Hennig (1980): Das Wortfeld „Angst“. Eine lexikographische Untersuchung mit Vorschlägen für ein großes interdisziplinäres Wörterbuch der deutschen Sprache. Stuttgart: Klett-Gotta. S.65.
17. Fomina, Sinaida (1999): Emotional wertende Lexik der deutschen Gegenwartssprache. Woronesh: Istoki. S.107.
18. Arutjunowa, Nina D. (1990): Metafora i diskurs. In: Teorija metafory. Moskva, 5-32.
19. Telija, Veronika N. (1993): Kulturno-nacionalnaja konnotacija. In: Veronika Telija (red.): Slavjansokoe jazykoznanie. 11. meshdunarodnyi s'ezd slavistov. Moskva, 302-314.

УДК 81'42: 808.51

*Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, аспирант кафедры теории языка и перевода факультета лингвистики ГОУВПО СПбГУЭФ;
e-mail: alenamorgun@yandex.ru*

*Saint Petersburg State University of Economics and Finance, post-graduate student of the Theory of Language and Translation Chair of Linguistics Faculty of GOUVPO SPbSUEF;
e-mail: alenamorgun@yandex.ru*

Е.А. Моргун

**«ПРОШЛОЕ» – «НАСТОЯЩЕЕ» – «БУДУЩЕЕ» В ДИСКУРСЕ ИНАУГУРАЦИИ
(на материале инаугурационных речей американских президентов)**

Статья посвящена исследованию концептуального пространства: «Прошлое – Настоящее – Будущее» в инаугурационных речах американских президентов, отражающих идеалистические и идеологические ориентиры, традиционные идейные ценности, этнокультурные реалии и национальные ментальные особенности общества в условиях перехода и легитимизации власти. Исследуется концептуальная структура феноменов «прошлое – настоящее – будущее», выявляются имманентные признаки концептов «Past», «Present», «Future» в англоязычной языковой картине мира и дискурсе инаугурации.

Ключевые слова: инаугурационная речь, концепт, концептуальное пространство, концепты «Прошлое», «Настоящее», «Будущее»

Е.А. Morgun

**“PAST” – “PRESENT” – “FUTURE” IN THE INAUGURAL DISCOURSE
(based on the example of American presidents’ inaugural speeches)**

The article is devoted to the consideration of conceptual space: “Past – Present – Future” in the US Presidents’ inaugural speeches, reflecting idealistic and ideological values, ethnic and cultural realities and national mentality of the society with the state power being in the period of transition and legitimation. The author analyses a conceptual structure of the phenomena “past – present – future” and reveals immanent characteristic features of the concepts “Past”, “Present”, “Future” both in the English-speaking picture of the world and inaugural discourse.

Key words: inaugural speech, concept, conceptual space, concepts “Past”, “Present”, “Future”

Все сущее в этом мире живет во времени, все доступное нашему уму и нашему истолкованию воспринимается нами сквозь время. Время неотступно преследует человека везде в различных сферах его жизни и деятельности. Сложностью и многогранностью понятия времени и его составляющих объясняется живой, неугасаемый интерес к данной категории, формирующей объект анализа различных наук: философии и культурологи, математики и физики, психологии и лингвистики, где, в частности, категория времени

исследуется многими отечественными и зарубежными учеными (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, А.В. Кравченко, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Дж. Лакофф, Л. Теньер, У. Чейф и многие другие). А.Я. Гуревич пишет о том, что наряду с такими понятиями, как «пространство», «измерение», «причина»..., «время» принадлежит к «определяющим категориям человеческого сознания». «Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [1, с.84].

Время делится на прошлое, настоящее и будущее. Особый интерес представляет отношение языка к настоящему времени, которое можно рассматривать как условность, ибо оно моментально: начало события уже отошло в прошлое, а его конец – в будущем; настоящее время – столь краткий миг, что его как бы нет вовсе, но, оказывается, что кроме него, ничего нет: «Время распадается на прошлое, настоящее, будущее. Но прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее распадается на прошлое и будущее и неуловимо» [2, с.235]. Аврелий Августин в своей «Исповеди» отмечал: «Если меня никто об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [3, с.292]. Он утверждал также, что время – сложная категория, и выделял три времени настоящего: настоящее прошедшего (память), настоящее настоящего (созерцание) и настоящее будущего (ожидание).

В инаугурационной речи соединяется осмысление прошлого (памяти) и будущего (ожидания) нации на фоне настоящего (созерцания). В инаугурационном дискурсе в процессе постижения времени сквозь прошлое в настоящее и будущее в сознании человека складывается концептуальная модель времени, представляющая собой базовую когнитивную структуру, актуализированную посредством концептов «прошлое», «настоящее» и «будущее». Время понимается как форма фиксации знаний о мире, пронизанная ментальными сущностями – концептами в концептуальном пространстве «Прошлое – Настоящее – Будущее».

Прибегая к употреблению термина концепт, следует отметить, что большое количество научных трудов посвящено рассмотрению способов вербализации и выявлению значимых когнитивных признаков параметризации концепта (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев Н.Н., В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и многие другие), однако, до настоящего времени в лингвистике не разработан единый подход к выделению, описанию и определению термина и понятия «концепт». В изначальном понимании автора термина «концепт» – С.А. Аскольдова-Алексеева – «концепт – мгновенное и трудноуловимое мелькание «чего-то» в сознании, это почки сложнейших соцветий мыслительных конкретностей», единица языка и мысли, которая «может быть подвергнута лингвистическому анализу и логической обработке» [4, с.29-31]. Концепт также определяется как «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность»» [5, с.11]; «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с.90]; «понятие обыденной философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей» [7, с.3] и т.д. В рамках данного исследования наиболее целесообразным видится применение когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению «концепта», разрабатываемых такими учеными, как

Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Н.И. Жинкин, Е.С.Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др., который основывается на том факте, что «мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания» [8, с.6]. Концепты детерминируются культурой и опредмечиваются в языке» [9, с.9]. Таким образом, концепт предстает как мыслительный образ, воплощенный через многовековой опыт бытия в национальном мировидении посредством национально-культурных эталонов и образов, традиционных представлений, оценочных норм и стереотипов, моделей поведения и обобщенных ситуативных схем.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении вербальных репрезентантов – лексических детерминант концептов «прошлое», «настоящее», «будущее» в дискурсе инаугурации на основе частотных семантических признаков, и в выявлении общего и специфического в отражении вышеназванных феноменов в англоязычной языковой картине мира и в идиолекте, релевантном для американских президентов в рамках дискурса инаугурации. Для достижения заданной цели в работе поставлены следующие задачи: основываясь на теории семантико-когнитивного анализа вербализованных концептов (З.Д. Попова, И.А. Стернин), выявить и определить концептуальную структуру феноменов «прошлое», «настоящее», «будущее», их имманентные признаки в англоязычной языковой картине мира и инаугурационном дискурсе, в частности.

Объект исследования – концепты «прошлое», «настоящее» и «будущее», лексические средства их объективации. *Предметом исследования* служит совокупность концептуальных признаков, ассоциативных связей слов-репрезентантов, формирующих концепты «прошлое», «настоящее» и «будущее» как в англоязычной языковой картине мира, так и в дискурсе инаугурации. *Материалом* для исследования послужили ключевые лексемы и словосочетания исследуемых концептов «прошлое», «настоящее», «будущее», полученные методом сплошной выборки из англоязычных словарей и инаугурационных речей американских президентов (от первого президента США – Джорджа Вашингтона до Барака Обамы).

Прежде всего, необходимо отразить концептуальную структуру феноменов «прошлое» - «настоящее» - «будущее», их составляющих в англоязычной языковой картине мира. С этой целью наиболее целесообразно рассмотреть толкование ключевых слов-репрезентантов: *past*, *present* и *future* как языковых детерминант концептов «*past*», «*present*» и «*future*» в англоязычных словарях. В частности, обратимся к словарю «*Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition*», определяющего заданные лексемы следующим образом:

«past»

past (as an adjective): Etymology: Middle English, from past participle of *passen* to pass

1 a : ago <12 years past> **b** : just gone or elapsed <for the past few months>

2 : having existed or taken place in a period before the present : bygone

3 : of, relating to, or constituting a verb tense that is expressive of elapsed time and that in English is usually formed by internal vowel change (as in *sang*) or by the addition of a suffix (as in *laughed*)

4 : having served as a specified officer in an organization <past president>

past (as a noun):

1 a : time gone by **b** : something that happened or was done in the past <regret the past>

2 a : the past tense of a language **b** : a verb form in the past tense

3 : a past life, history, or course of action; *especially* : one that is kept secret

«present»

present (as an adjective): Etymology: Middle English, from Anglo-French, from Latin

praesent-, praesens, from present participle of *praesesse*

1 : now existing or in progress

2 a : being in view or at hand **b** : existing in something mentioned or under consideration

3 : constituting the one actually involved, at hand, or being considered

4 : of, relating to, or constituting a verb tense that is expressive of present time or the time of speaking

5 *obsolete* : attentive

6 *archaic* : instant, immediate

present (as a noun):

1 a *obsolete* : present occasion or affair **b** *plural* : the present words or statements; *specifically* : the legal instrument or other writing in which these words are used

2 a : the present tense of a language **b** : a verb form in the present tense

3 : the present time

«**future**»

future (as an adjective): Etymology: Middle English, from Anglo-French & Latin; Anglo-French, from Latin *futurus*

1 : that is to be; *specifically* : existing after death

2 : of, relating to, or constituting a verb tense expressive of time yet to come

3 : existing or occurring at a later time <met his future wife>

future (as a noun):

1 a : time that is to come **b** : what is going to happen

2 : an expectation of advancement or progressive development

3 : something (as a bulk commodity) bought for future acceptance or sold for future delivery – usually used in plural <grain futures>

4 a : the future tense of a language **b** : a verb form in the future tense

«American Heritage Dictionary of the English Language» определяет лексемы *past*, *present* и *future* как:

past – ETYMOLOGY: Middle English, from past participle of *passen*, to pass

ADJECTIVE:

- No longer current; gone by; over;
- Having existed or occurred in an earlier time; bygone;
- Earlier than the present time; ago;
- Just gone by or elapsed;
- Having served formerly in a given capacity, especially an official one;

NOUN:

- The time before the present;
- Previous background, career, experiences, and activities;
- A former period of someone's life kept secret or thought to be shameful;

Grammar:

- The past tense;
- A verb form in the past tense;

ADVERB:

So as to pass by or go beyond;

PREPOSITION:

- Beyond in time; later than or after;
- Beyond in position; farther than;
- Beyond the power, scope, extent, or influence of;

- Beyond in development or appropriateness;
- Beyond the number or amount of.

Present – ETYMOLOGY: Middle English, from Old French, from Latin *praesens*, *prae sent-* present participle of *praesesse*, to be present : *prae-*, *pre-* + *esse*, to be; see *es-* in Indo-European roots

NOUN:

- A moment or period in time perceptible as intermediate between past and future; now;
- Grammar:

The present tense.

A verb form in the present tense.

ADJECTIVE:

- Existing or happening now; current: the present leader; present trends.
- Being at hand or in attendance: Thirty guests were present at the ceremony.
- Existing in something specified: Oxygen is present in the bloodstream.
- Now being considered; actually here or involved: the present subject; present company

excepted.

Grammar Designating a verb tense or form that expresses current time.

Archaic Readily available; immediate.

Obsolete Alert to circumstances; attentive.

IDIOMS:

at present

At the present time; right now.

for the present

For the time being; temporarily.

Future – ETYMOLOGY: Middle English, from Old French *futur*, from Latin *futurus*

NOUN:

- The indefinite time yet to come: will try to do better in the future.
- Something that will happen in time to come: "The future comes apace" (Shakespeare).
- A prospective or expected condition, especially one considered with regard to growth, advancement, or development: a business with no future.

- futures Business Commodities or stocks bought or sold upon agreement of delivery in time to come.

Grammar

The form of a verb used in speaking of action that has not yet occurred or of states not yet in existence.

A verb form in the future tense.

В ходе анализа вышеприведенных словарных дефиниций были установлены следующие доминантные признаки, актуализирующие концептуальную структуру феноменов «прошлое» - «настоящее» - «будущее», их составляющих в англоязычной языковой картине мира.

ОБРАЗ ПРОШЛОГО:

- past – история настоящего, предшествование настоящему, былое, нечто, что произошло ранее, «перевернутая страница», воспоминания (ретроспективный признак);
- past – тайна (признак секретности);
- past – нечто забытое и более не существенное (признак стирания явления из памяти);
- past – в значении отставной (профессиональный признак);
- past – прошлые заслуги, навыки, опыт, происхождение (статусный признак, подразумевающий фоновые знания, происхождение);

- past – грамматическая категория (грамматический признак) и др.

ОБРАЗ НАСТОЯЩЕГО:

present – протяженный настоящий период времени (признак дуративности (временной протяженности));

present – нечто недолговечное, сиюминутное (признак «неуловимого мгновения»);

present – как необходимость сделать что-либо сейчас и не откладывать на потом (признак облигаторности);

present – период времени между прошлым и будущим (медиаальный признак);

present – грамматическая категория (грамматический признак) и др.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО:

future – грядущее событие в перспективе (проспективный признак) ;

future – как нечто неизведанное, ожидающее впереди (признак неопределенности);

future – развитие чего-либо в будущем, продолжение в будущем (признак преемственности);

future – грамматическая категория (грамматический признак) и др.

Выявленные нами признаки на основе анализа словарных дефиниций понятий «past», «present» и «future», являются, на наш взгляд, принципиально важными как для объективации концептов «past», «present» и «future» в американской языковой картине мира, так и для отражения специфики восприятия образа прошлого в идиолекте, релевантном для президентов США в рамках дискурса инаугурации. Однако в ходе дальнейшего исследования было установлено, что отдельные признаки концептов «past», «present» и «future», не являются релевантными для дискурса инаугурации, с одной стороны. С другой стороны, признаки концептов «past», «present» и «future» в инаугурационном дискурсе расширяются, тем самым, раскрывая специфику идиолекта, релевантного для американских президентов.

Рассмотрим репрезентацию концепта «прошлое» в инаугурационных речах президентов США, где образ прошлого достаточно конкретизирован. Обратимся к анализу лексических единиц, эксплицирующих концепт «прошлое» в дискурсе инаугурации, и выступающих, соответственно, в качестве экспликаторов концепта «past». Как следует из проведенного семантико-когнитивного анализа вербальных репрезентантов образа прошлого, представленного в текстах инаугурационных речей американских президентов, они подразделяются на следующие группы:

- по ретроспективному признаку: *history, historical, wisdom, wise, our first President (George Washington), predecessor, ancestors, our forefathers /our forbearers, our founding documents (Bill of Rights, Constitution) и др.* Прошлое – история, историческое наследие; прошлое – упоминание о мудрости отцов-основателей и упоминание о первом президенте США – Джордже Вашингтоне (одушевленность прошлого); положительная оценка деятельности бывшего президента:

e.g.: *Our forefathers were deeply impressed with the delicacy of this subject, and they treated it with a forbearance so evidently wise that in spite of every sinister foreboding it never until the present period disturbed the tranquillity of our common country. Such a result is sufficient evidence of the justice and the patriotism of their course; it is evidence not to be mistaken that an adherence to it can prevent all embarrassment from this as well as from every other anticipated cause of difficulty or danger* [Martin Van Buren (March 4, 1837)].

e.g.: *I've just repeated word for word the oath taken by George Washington 200 years ago, and the Bible on which I placed my hand is the Bible on which he placed his. It is right that the memory of Washington be with us today not only because this is our bicentennial inauguration but because Washington remains the Father of our Country* [George H. W. Bush (January 20, 1989)].

e.g.: *For myself and for our Nation, I want to thank my predecessor for all he has done to heal our land* [Jimmy Carter (January 20, 1977)].

e.g.: *There is a man here who has earned a lasting place in our hearts and in our history. President Reagan, on behalf of our nation, I thank you for the wonderful things that you have done for America* [George H. W. Bush (January 20, 1989)].

I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our ancestors. I thank President Bush for his service to our nation, as well as the generosity and cooperation he has shown throughout this transition [Barack Obama (January 20, 2009)].

- по признаку сохранения традиций, идеалов и ценностей американской нации: *continuance, persistence, tenacity, preservance, preserve, conserve* и др. Прошлое – хранитель долгих устоявшихся традиций, обычаев, ценностей:

e.g.: *Let us invoke a **continuance** of the same protecting care which has led us from small beginnings to the eminence we this day occupy, and let us seek to deserve that **continuance** by prudence and moderation in our councils, by well-directed attempts to assuage the bitterness which too often marks unavoidable differences of opinion, by the promulgation and practice of just and liberal principles, and by an enlarged patriotism, which shall acknowledge no limits but those of our own widespread Republic* [Zachary Taylor (March 5, 1849)].

*The **preservation** of public order, the right of discussion, the integrity of courts, and the orderly administration of justice must continue forever the rock of safety upon which our Government securely rests* [William McKinley (March 4, 1897)].

- по признаку наличия предшествующего опыта: *experience, knowledge, skills, endurance* и др. Прошлое рассматривается как ценный ресурс для решения стоящих перед страной задач, позволяет надеяться на успешное преодоление трудностей, предполагая ссылку на уже имеющийся исторический опыт; прошлое – инструмент для решения задач будущего, «колыбель будущего»:

e.g.: *We in our turn have an assured confidence that we shall be able to leave this heritage unwasted and enlarged to our children and our children's children. To do so we must show, not merely in great crises, but in the everyday affairs of life, the qualities of practical intelligence, of courage, of hardihood, and **endurance**, and above all the power of devotion to a lofty ideal, which made great the men who founded this Republic in the days of Washington, which made great the men who preserved this Republic in the days of Abraham Lincoln* [Theodore Roosevelt (March 4, 1905)].

*With **experience** enough in subordinate offices to have seen the difficulties of this the greatest of all, I have learnt to expect that it will rarely fall to the lot of imperfect man to retire from this station with the reputation and the favor which bring him into it* [Thomas Jefferson (March 4, 1801)].

- по признаку «прошлое – память»: *memory, respect, reverence* и др. Прошлое – память, почтение, уважение, почтение к памяти предков:

e.g.: *To the example of those illustrious patriots I shall always **defer with reverence**, and especially to his example who was by so many titles “the Father of his Country”* [Zachary Taylor (March 5, 1849)]

e.g.: ***For us, they fought and died, in places like Concord and Gettysburg; Normandy and Khesane*** [Barack Obama (January 20, 2009)]. В данном примере, стремясь заручиться поддержкой аудитории, президент использует аргумент к жертве и выражает почтение к памяти предков, павших при Конкорде и Геттисберге, в Нормандии и Кхесане (прошлое конкретизируется).

*Let me speak to the maimed and wounded soldiers who are present today, and through them convey to their comrades the gratitude of the Republic for their sacrifices in its defense. A generous **country will never forget** the services you rendered, and you may hope for a policy un-*

der Government that will relieve any maimed successors from taking your places on another such occasion as this [Warren G. Harding (March 4, 1921)].

Рассмотрим репрезентацию концепта «Настоящее» в инаугурационных посланиях президентов США. В инаугурационных речах американских президентов настоящее предстает как прообраз великого будущего. Инаугурационное обращение относится к эпидейктической риторике (хвалебной речи), одной из важных характеристик которой является ее сфокусированность на настоящем времени. В инаугурационной речи актуализуется особая разновидность настоящего – вневременность инаугурационной речи (вечное настоящее) возвышает участников церемонии над повседневностью. Таким образом, концепт «настоящее», как будто магма, держит концепты «прошлого» и «будущего» и предстает как их единая перспектива.

Обратимся к анализу лексических единиц, эксплицирующих концепт «настоящее» в дискурсе инаугурации, и выступающих, соответственно, в качестве экспликаторов концепта «present». Как следует из проведенного семантико-когнитивного анализа вербальных репрезентантов образа настоящего, представленного в текстах инаугурационных речей американских президентов, они подразделяются на следующие группы:

- по признаку дуративности (временной протяженности): *modern life, nowadays, now current, contemporory, this moment, today* и др. Настоящее – реальная ситуация, развертывание реальной ситуации в преддверии светлого будущего:

e.g.: ***Modern life is both complex and intense, and the tremendous changes wrought by the extraordinary industrial development of the last half century are felt in every fiber of our social and political being.*** [Theodore Roosevelt (March 4, 1905)].

e.g.: ***Today, we affirm a new commitment to live out our nation's promise through civility, courage, compassion and character*** [George W. Bush (January 20, 2001)].

e.g.: ***The shadows that now lie dark upon our path will soon be dispelled, and we shall walk with the light all about us if we be but true to ourselves – to ourselves as we have wished to be known in the counsels of the world and in the thought of all those who love liberty and justice and the right exalted*** [Woodrow Wilson (March 5, 1917)].

- по медиальному признаку (настоящее как центр («золотая середина») между прошлым и будущим): *eternity, timeless* и др. Настоящее – безостановочность хода истории и неразрывная связь времен; «остановившееся мгновение», ощущение вечности. Настоящее – непреходящий характер института президентства и американских ценностей; вневременные и надпартийные актуальные политические проблемы:

e.g.: ***The old ideas are new again because they're not old, they are timeless: duty, sacrifice, commitment, and a patriotism that finds its expression in taking part and pitching in*** [George H. W. Bush (January 20, 1989)].

e.g.: ***When our Founders boldly declared America's independence to the world and our purposes to the Almighty, they knew that America, to endure, would have to change; not change for change's sake but change to preserve America's ideals: life, liberty, the pursuit of happiness. Though we marched to the music of our time, our mission is timeless. Each generation of Americans must define what it means to be an American*** [William J. Clinton (January 20, 1993)].

- по признаку обновления (модернизации): *new, anew, review, rediscover* и др.

e.g.: ***As times change, so Government must change. We need a new Government for a new century, humble enough not to try to solve all our problems for us but strong enough to give us the tools to solve our problems for ourselves, a government that is smaller, lives within its means, and does more with less. Yet where it can stand up for our values and interests around the world, and where it can give Americans the power to make a real difference in their everyday***

lives, Government should do more, not less. The preeminent mission of our new Government is to give all Americans an opportunity, not a guarantee but a real opportunity, to build better lives [William J. Clinton, (January 20, 1997)].

Образ будущего в инаугурационных речах американских президентов предстает как знамя, под которое президент собирает нацию. Будущее прогнозирует видение перспективы. Концепт «Будущее» в инаугурационных речах президентов США – синтез когнитивных и эмоциональных процессов, в ходе которых осознаются и наделяются смыслом и эмоциональной окраской события прошлого и прогнозируемые события и обстоятельства настоящего в будущем. Концепт «Будущее» в дискурсе инаугурации репрезентируется следующим образом:

- по признаку перспективности: *perspective, plans, reform, improve, enforce, reassure* и др. Будущее – изложение принципов, которыми президент будет руководствоваться во внутренней и внешней политике:

e.g.: *If the revenues are to remain as now, the only relief that can come must be from decreased expenditures. But the present must not become the permanent condition of the Government. It has been our uniform practice to retire, not increase our outstanding obligations, and this policy **must again be resumed and vigorously enforced*** [William McKinley (March 4, 1897)].

e.g.: *We need a rigid and yet sane economy, combined with fiscal justice, and it must be attended by individual prudence and thrift, which are so essential to this trying hour and **reassuring for the future*** [Warren G. Harding (March 4, 1921)].

- по признаку определенности (в дискурсе инаугурации будущее не рассматривается как нечто неизведанное, таящее в себе опасность, оно определено и несет в себе дальнейшее благополучие): *welfare, prosperity, flourishing, progress* и др. Будущее – прогресс, образ будущего благополучия и процветания, оптимистического взгляда в будущее:

*And may that Infinite Power which rules the destinies of the universe lead our councils to what is best, and give them a favorable issue for your peace and **prosperity*** [Thomas Jefferson (March 4, 1801)].

e.g.: *All must share in the productive work of this “new beginning,” and all must share in the bounty of a revived economy. With the idealism and fair play which are the core of our system and our strength, **we can have a strong and prosperous America, at peace with itself and the world*** [Ronald Reagan (January 20, 1981)].

e.g.: *Confidently relying upon the aid and assistance of the coordinate departments of the Government in conducting our public affairs, I enter upon the discharge of the high duties which have been assigned me by the people, again humbly supplicating that Divine Being who has watched over and protected our beloved country from its infancy to the present hour to continue His gracious benedictions upon us, **that we may continue to be a prosperous and happy people*** [James K. Polk (March 4, 1845)].

- по признаку кооперации: *cooperation, mutual efforts, coordination, collaboration, integrity, cooperate* и др. Будущее – сотрудничество, интеграция:

*With those who are willing to join, let us **cooperate** to reduce the burden of arms, to strengthen the structure of peace, to lift up the poor and the hungry* [Richard M. Nixon (January 20, 1969)].

e.g.: ***Progress is born of cooperation in the community** – not from governmental restraints. The Government should assist and encourage these movements of collective self-help by itself cooperating with them. Business has by cooperation made great progress in the advancement of service, in stability, in regularity of employment and in the correction of its own abuses. Such progress, however, can continue only so long as business manifests its respect for law* [Herbert Hoover (March 4, 1929)].

Итак, проведенный семантико-когнитивный анализ лексических единиц, вербализующих концепты «Past», «Present», «Future» позволяет заключить, что ядро концептуального пространства: «Past – Present – Future» в инаугурационных речах американских президентов составляют одноименные лексемы «Past», «Present» и «Future». На периферии находятся лексемы и устойчивые словосочетания, эксплицирующие вышеописанные признаки концептов «Past», «Present» и «Future», воплощенные через многовековой опыт бытия в национальном мировидении и зафиксированные, в частности, в инаугурационных речах американских президентов, представляющих собою вневременные послания, передающие непреходящий характер института президентства и общечеловеческих ценностей. В тоже время набор признаков, маркирующих концепты «Past», «Present» и «Future» в дискурсе инаугурации полностью не совпадает с набором признаков, репрезентирующих данные концепты в англоязычной картине мира, что в данном случае объясняется спецификой идиолекта, релевантного для американских президентов. В силу того, что инаугурационная риторика – «безрисковая» риторика, не допускающая полемики, сущностно-имманентные признаки концептов «Past», «Present» и «Future» в дискурсе инаугурации маркируются «положительным наполнением», в то время как «отрицательно наполненные» признаки вышеупомянутых концептов в инаугурационном дискурсе исключаются.

Библиографический список

1. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. – М., 1972. – 318 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М., 1991. – 445с.
3. Аврелий Августин. Исповедь. (Пер. с лат. М. Е. Сергеенко). – М.: Изд. Ренессанс, 1991. – 488 с.
4. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. II. – Л., 1928. – 145 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов // Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 248 с.
7. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
8. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
9. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст, 1999. – 386 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: издательство «Истоки», 2006. – 226 с.
11. Тексты инаугурационных речей американских президентов: [Электронный ресурс]: <http://millercenter.org/>
12. Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition: [Электронный ресурс]: <http://www.merriam-webster.com/>
13. American Heritage Dictionary of the English Language: [Электронный ресурс]: <http://education.yahoo.com/reference/dictionary/>

УДК 811.112.2 (045)

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева, аспирант кафедры немецкого языка ГОУВПО МГПИ
e-mail: burkanovao@mail.ru

The Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev, a post-graduate student of the Chair of the German Language GOUVPO MGPI
e-mail: burkanovao@mail.ru

О.П. Бурканова

ФИГУРЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В БОГОСЛУЖЕБНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению немецких переводов акафиста – наиболее популярного и продуктивного в настоящее время гимнографического жанра и исследованию фигур противоположности в данном виде богослужебного текста. Фигуры противоположности рассматриваются как композиционный и стилистический принцип построения текста акафиста.

Ключевые слова: дискурс церковно-религиозной коммуникации, богослужение, гимнографический жанр, акафист, фигуры противоположности, антитеза, хиазм, оксюморон.

O.P. Burkanova

THE FIGURES OF CONTRAST IN THE LITURGICAL TEXTS (BASED ON THE MODERN GERMAN LANGUAGE)

The article is devoted to the study of German translations of the acathistus german translations, which is the most popular and productive hymnographical genre, at present Figures of contrast in the liturgical texts are also studied. The figures of contrast are considered as the composition and stylistic principle of the constructions of the acathistus texts

Key-words: the discourse of the church-religious communication, divine service, hymnographical genre, acathistus, figures of contrast, antithesis, chiasmus, oxymoron.

В последние десятилетия религиозные тексты становились предметом пристального внимания лингвистов. Одни обращают свое внимание на коммуникативные особенности религиозных текстов (И.В. Бугаева, Л.П. Крысин, Н.Н. Розанова, Е.В. Бобырева, В.И. Карасик), другие исследователи изучают языковые единицы разных уровней, участвующие в конституировании религиозных текстов (О.А. Прохвятилова, М. Войтак, Е.В. Плисов).

Дискурс церковно-религиозной коммуникации неотрывно связан с богослужением, которое в подавляющем большинстве случаев осуществляется в храме. Богослужение составляет существенную часть религии вообще. Оно во внешнем отражает внутреннее содержание самой веры и религиозное настроение души. Как отмечают Р. Баич и К. Кончаревич, богослужение представляет собой речевое событие с присущими ему внешней и внутренней структурой, лингвистическим и внелингвистическим содержанием. Оно имеет свое начало, продолжение и конец, сопровождается многочисленными внеязыковыми по-

ступками в качестве как второстепенных, так и первичных по отношению к вербальным; а (литургия – О. Б.) основывается на единой коммуникативной компетенции (использование вербальных и невербальных средств) ее участников, а это, в свою очередь, подразумевает наличие единых и общеобязательных норм интеракции и интерпретации [1].

И.В. Бугаева считает, что «при изучении и описании религиозной коммуникации необходим многоаспектный подход, так как предмет исследования отличается особой сложностью, многоплановостью и неоднозначностью интерпретации в современной лингвистике. Многоаспектный подход важен и потому, что предполагает интегрированное представление исследуемого материала и привлечение сведений из различных областей научного знания, таких как богословие, история Церкви, религиоведение, философия, культурология, психология, когнитология, социолингвистика» [2]. По мнению Е.В. Плисова, «детальное исследование литургических текстов на немецком языке могло бы привести нас к систематическому описанию современного богослужбного немецкого языка в его конфессиональном, культурно-национальном и языковом многообразии» [3]. Однако религиозные тексты редко являются предметом самостоятельного стилистического исследования.

Целью настоящей работы является выявление композиционного построения акафиста и исследование фигур противоположности в структуре данного вида богослужбного текста. Фактическим материалом исследования послужили церковнославянские [4] и немецкие [5] варианты акафиста Пресвятой Богородице, Господу Иисусу Христу и Божественным Страстям Христовым. Немецкоязычная версия акафиста была переведена Германом Гольтцем и опубликована в 1988 году.

Акафист – наиболее популярный и продуктивный в настоящее время гимнографический жанр. Гимнографические тексты регулярно исполняются во время церковных служб священниками, хором или всеми прихожанами, и их использование подчиняется годовому циклу чинопоследования, жестко регламентированного литургией. В немецкой литературе гимн – жанр богослужбной литературы и тесно связан с богослужением, как в католическом, так и в лютеранском варианте. Особенностью жанра гимна в Германии является строгое использование канонических текстов, сложившихся либо в период раннего средневековья (католический вариант), либо в период Реформации (лютеранский вариант) и написанных либо папой Григорием, либо Мартином Лютером [6].

Особое место среди гимнографических текстов занимают акафисты, которые представлены в немецком православном дискурсе. Ф.Б. Людоговский приводит следующие факты: 1) в настоящее время известно около 660 акафистов на церковнославянском языке; в последнее время ежегодно появляется несколько десятков новых акафистов; 2) в России акафисты пишутся преимущественно на церковнославянском языке; 3) за пределами России акафисты создаются на греческом, болгарском, сербском, румынском, английском, немецком и других языках, при этом осуществляются разнонаправленные переводы. Все это побуждает филологов – в отличие от литургистов – уделить самое пристальное внимание жанру акафиста [7].

Акафист – форма церковной поэзии, близкая к древним кондакам. Акафист имеет два значения: хвалебно-догматическое песнопение к Пресвятой Богородице; жанр позднейших церковных песнопений, содержанием которого является восхваление Господа, Богородицы и святых. Тот факт, что Уставом предусмотрено исполнение лишь одного – Великого – акафиста, и притом только раз в году, является бесспорным. Но столь же очевидно, как отмечает Ф.Б. Людоговский: «современная литургическая практика находится в противоречии с предписаниями Типикона: чтение (пение) акафистов не только келейно, но и всенародно, в храме (нередко – в составе вечерни или утрени) давно стало обычным явлением» [7].

Первым акафистом был акафист Пресвятой Богородице (так называемый Великий акафист, датируемый приблизительно VI-VII вв.). Все остальные акафисты были написаны по его образцу. Прославление лица, к которому обращен акафист, сочетается с повествованием о событиях праздника, изложением жития святого, описанием обстоятельств обретения чудотворной иконы и т.д. Не являясь уставной службой, акафист, тем не менее, широко используется в храмовом богослужении.

По мнению протоиерея Максима Козлова, «композиционное и метрическое построение акафиста очень своеобразно; во всей византийской литературе, за исключением последующих подражаний, не сохранилось ни одного подобного произведения» [8]. Самую близкую жанровую структуру имел древний кондак, оригинальной в композиционном и метрическом плане разновидностью которого можно считать акафист. Акафисту предпослан зачин, вслед за которым идет чередование двенадцати больших и двенадцати меньших строф: большие строфы превышают меньшие по объему примерно в три раза и носят название «икосы», меньшие строфы называются кондаки. Все икосы, как и все кондаки, объединены между собой единообразием ритмического рисунка, основанного на изосиллабизме и на чередовании ударных и безударных слогов. Важнейшая составная часть каждого икоса и характерная примета структуры акафиста в целом – так называемые хайретизмы, т.е. обращения к воспеваемому предмету, начинающиеся приветствием от греческого «*Χαῖρε*» («радуйся») и развертывающиеся в многосложное именование этого предмета [9].

Стилистическое своеобразие акафиста будет достигаться отбором и комбинацией языковых средств: лексических, грамматических, стилистических. Так, для религиозной коммуникации характерно употребление различных фигур противоположности. Стилистические фигуры противоположности характеризуются совмещением в рамках определенного контекста двух или более слов, словосочетаний и высказываний, значения которых противоположны по смыслу. В данной статье рассматриваются и анализируются такие фигуры противоположности, как антитеза, хиазм и оксюморон, выявленные в акафистах, посвященных Пресвятой Богородице, Господу Иисусу Христу и Божественным Страстям Христовым.

Помимо ритмической соотнесенности большинства хайретизмов, синтаксический и семантический рисунок акафиста характеризует регулярное применение принципа ветхозаветной поэтики *parallelismus membrorum* – антитезы логической и семантической. На примере антитез рассмотрим особенности употребления фигур противоположности в акафисте Пресвятой Богородице.

Freu Dich, durch Dich wird aufleuchten die Freude, freu Dich, durch Dich wird schwinden der Fluch. В приведенном первом икосе антитеза проявляется на семантическом уровне. Два противопоставленных по значению глагола *aufleuchten* и *schwinden* (возсиять и исчезать) сигнализируют о наличии такого стилистического средства как антитеза, которая призвана усилить в данном случае семантику существительных *die Freude* и *der Fluch* (радость и клятва) и противопоставить их друг другу. По своему семантическому значению существительные *die Freude* и *der Fluch* не являются антонимами, но именно в данной стилистической фигуре (антитезе) при помощи контекстуальных антонимов *aufleuchten* и *schwinden* они приобретают антонимическое значение. «Клятва» – в переводе с церковнославянского языка означает «проклятие». Подразумевается проклятие от Бога, которое человек своим грехопадением навлек на себя и на все творение, тем самым прервав доверительные отношения с Богом. Проклятие упраздняется, ибо в мир через Пресвятую Деву приходит Бог. Также имеется в виду дарование Богом нравственного закона (заповедей), что одновременно и наставляет человека на истинный путь, и помогает осознать грех как

преступление против Закона, а значит проклятие. В этом случае проклятие упраздняется, так как Бог дарует прощение не по закону, а по Своей великой милости, и через эту милость появляются радость, спасение, блаженство.

В следующем примере (второй икос) антитеза на лексическом уровне также выражается противопоставлением семантики слов: *Freu Dich, Du Wunder, von Engeln vielverkündet, freu Dich, von Dämonen vielbeweint*. Выражение *von Engeln vielverkündet* означает чудо, о котором не перестают говорить, рассказывать ангелы. Противоположно-симметричную мысль мы наблюдаем в выражении *von Dämonen vielbeweint*, что означает поражение бесов, о котором они не перестают плакать.

Аналогичный пример мы наблюдаем в шестом икосе: *Freu Dich, Du Wiederaufrichtung der Menschen, freu Dich, Du Sturz der Dämonen*. Выражение *Wiederaufrichtung der Menschen* (исправление человеков), то есть Христос, рожденный от Девы, попирает власть лжи, противопоставляется выражению *Sturz der Dämonen* (низпадение бесов), где под бесами понимаются идолы, ложные ценности, которым может рабски служить человек.

В примере *Freu Dich, Du Gerücht zum Zweifel den Ungläubigen, freu Dich, Du Ruhm ohne Zweifel den Gläubenden* (восьмой икос) первая часть предложения *Gerücht zum Zweifel den Ungläubigen* (неверных сумнительное слышание) означает для неверных, то есть не верующих в Боговоплощение, что сама речь о Деве Марии как о Богородице есть большое сомнение. Напротив, для верующих слово о Богородице – предмет несомненной похвалы, это мы наблюдаем во второй части предложения *Ruhm ohne Zweifel den Gläubenden* (верных известная похвало). Антитеза здесь выражена противопоставлением субстантивированного имени прилагательного и субстантивированного причастия *den Ungläubigen – den Gläubenden* (неверных – верных).

В акафисте, посвященном Господу Иисусу Христу происходит смена объекта (адресата) восхваления. Смена темы хвалебного пения представлена в следующих примерах семантической антитезы: так, начиная с восьмого кондака, внимание поэта в текстах кондаков и икосов переключается с Евангельских событий Боговоплощения на их нравственный и богословский смысл. Здесь делается традиционное для темы Боговоплощения противопоставление необъятности, неограниченности, «высоты» Бога и ограниченности, «земности» человека. Собственно, это и есть то единственное чудо, которое сравнимо лишь с чудом самого творения мира «из ничего» и перед которым удивляются небесные и земные существа. Такое противопоставление «высоты и земности» мы видим в предложении: *Darum kam Gott auf Erden hernieder, daß Er uns zum Himmel hinaufführe, die wir zu Ihm rufen: Halleluja!* Выражение *auf Erden hernieder kam* (на землю сниде) противопоставляется выражению *zum Himmel hinaufführe* (на небесе возведет).

В приводимом восьмом икосе антитезой являются целые устойчивые выражения: *Ohne irgend in der oberen Welt zu fehlen, war Er ganz und gar ins Niedrige gekommen. Gott, der Unermeßliche, da Er freiwillig um unsern Willen litt und durch Seinen Tod unsern Tod tötete und durch die Auferstehung das Leben denen schenkte....* Данные устойчивые выражения полностью (по грамматической и семантической структуре) противопоставляются друг другу. Выражение *in der oberen Welt* является противопоставлением модели «предлог + субстантивированное прилагательное» *ins Niedrige*; конструкция *zu + Infinitiv* противопоставляется причастию II (*zu fehlen – war gekommen*). Так как данные выражения являются устойчивыми, семантические компоненты, заложенные в них, полностью противопоставляются друг другу. Во второй части анализируемого икоса присутствует еще одна антитеза, которую можно было назвать абсолютной антитезой, а именно каждой части речи противопоставлена идентичная часть речи, противоположная по своему значению, например, слово-

сочетание *durch Seinen Tod* (смертию Своею) противопоставляется словосочетанию *durch die Auferstehung* (воскресением), глагол *töten* (умертвить) – глаголу *schenken* (подарить), существительное *Tod* (смерть) – существительному *Leben* (жизнь). Эти слова относятся к одной части речи и абсолютно противопоставлены по значению.

Аналогичный пример, где антитезой являются целые выражения, мы наблюдаем и в десятом кондаке: *Retten willst Du die Welt, Aufgang der Aufgänge, lichter als alle Morgen. So bist Du zum dunklen Niedergang, zum Abend unserer Natur gekommen, hast Dich erniedrigt bis zum Tode. Deshalb wurde Dein Name erhoben über alle Namen, und jegliches Knie im Himmel und auf Erden beugte sich, von allen hörst Du: Halleluja!* В этом примере мы можем увидеть следующие бинарные оппозиции: словосочетание *Aufgang der Aufgänge* противопоставляется словосочетанию *zum dunklen Niedergang*, существительное *Morgen* – существительному *Abend*, предложный оборот *im Himmel* – обороту *auf Erden*.

Самым простым видом семантической антитезы является противопоставление одной и той же части речи, по значению. Такие виды антитез мы можем наблюдать в следующих примерах из икосов, обращенных Господу Иисусу Христу и Божественным Страстям Христовым:

Jesus, Du Richter der Lebenden und der Toten. В этом примере антитеза выражена причастием и субстантивированным прилагательным (*Судие живых и мертвых*).

В предложении *Dir, Vorkämpfer, Heerführer, Herr des Himmels und der Erde ...* антитеза выражается именами существительными *der Himmel und die Erde* (небесе и земли).

В следующем примере *Uns, die wir im Dunkel der Unvernunft wohnen, scheinst Du auf, Jesus, lichtspendende Leuchte*, причастие *lichtspendend* (светоподательный) усиливает по своему семантическому значению существительное *Leuchte* (светильник) и по своей совокупности эти два слова противопоставляются одному существительному *im Dunkel* (во тьме). В данном примере мы можем наблюдать противопоставление добра и зла. Для того чтобы противопоставить добро злу, автор данного икоса применил такое стилистическое средство, как вариативный синонимический повтор *lichtspendende Leuchte*. Само по себе существительное *Leuchte* уже имеет значение света (добра), но автор посчитал нужным добавить к этому емкому по своей семантике существительному причастие *lichtspendend* (светоподательный) и противопоставил данное словосочетание одному существительному *Dunkel* (темнота, зло).

Разновидностью антитезы является хиазм – стилистический прием, в котором ключевые слова-понятия выстроены в синонимичный, антитетический или обратный параллелизм вокруг центральной темы. Как отмечает Джон Брек, «так называемый «полный» хиазм, при котором каждому слову первого стиха соответствует синонимичное или идентичное слово во втором стихе, следует той же обратной схеме. Он основан на перевернутом двестишь» [10].

В примере *Freu Dich, da der Himmel jubelt mit der Erde, freu Dich, da Irdisches mit Himmlischen tanzt* пара хайретизмов, зеркально соответствует друг другу по смыслу: Бог соединяется с человеком, и потому вместе радуются и ликуют ангелы (небесные) с людьми (земными). В этом примере мы наблюдаем лексический хиазм, где существительное *der Himmel* (небо) образует оппозицию субстантивированному прилагательному *das Himmlische* (небесное), глагол *jubeln* (срадуется) – глаголу *tanzen* (сликовствует).

Аналогичный пример лексического хиазма, в котором пара хайретизмов зеркально соответствует друг другу по смыслу, мы наблюдаем в третьем икосе, обращенном Пресвятой Богородице: *Freu dich, Du Wohlgefallen Gottes an den Sterblichen, freu Dich, Du Zugang der Sterblichen zu Gott.* Выражение *Du Wohlgefallen Gottes an den Sterblichen* (Божие к смертным благоволение) означает, что в событии Благовещения, как и шире, в событии Боговоплощения, проявляется благоволение Божие к смертному человеку. *Du Zugang der Sterblichen zu Gott* (смертных к Богу дерзновение) – со своей стороны смертный человек

сам жаждет или, точнее, дерзает просить живого, личностного общения с Богом, такое сыновнее, а не рабское служение угодно Богу. Это дерзновение не есть богоборчество в смысле отрицания или ниспровержения Бога, а доверчивое и откровенное к Нему отношение. Противоположная симметрия данной пары хайретизмов отражает два тесно связанных между собой аспекта православного учения о спасении. Спасение совершается Богом, но не только с согласия человека, а при его активном участии, содействии Богу.

Лексический хиазм, основанный на перевернутом двустийше представлен во втором икосе, обращенном Господу Иисусу Христу: *Du aber sprachst zu ihm: Schon so lange warst du mit Mir; erkanntest du nicht, daß der Vater in Mir ist und Ich in dem Vater?* В данном предложении хиазм усиливается противопоставлением имени существительного и местоимения, при этом оба слова являются репрезентантами двух ипостасей единого Бога: *ich im Vater und der Vater in mir* (я в Отце и Отец во мне).

Стилистической фигурой, состоящей в соединении двух не просто контрастных, но противоречащих друг другу по смыслу слов, связанных определительными (в широком смысле) отношениями, является оксюморон. Оксюморон представляет собой комбинирование противоположных по значению лексических единиц, обозначающих взаимоисключающие понятия, которые в сочетании дают новое значение, вскрывающее какое-либо глубокое качество, глубокое содержание. Семантическая несовместимость, сопровождаемая низкой степенью предсказуемости, порождает не только неожиданные сочетания слов, нарушающие привычные нормы сочетаемости, но и выявляет новые свойства референта. Оксюморон как стилистическая фигура призвана выражать скорее иронию говорящего, однако в религиозных текстах она несет на себе несколько иную функцию, а именно подчеркивает святость восхваляемого. Это мы можем наблюдать в следующих примерах, выявленных в акафистах, обращенных Пресвятой Богородице, Господу Иисусу Христу и Божественным Страстям Христовым:

Freu Dich, Du Gottes und nicht Menschenbraut! Пример оксюморона, выраженный сложным составным существительным *Gottes und nicht Menschenbraut* (Невесто невестная) по своему значению является оксюмороном, но в совокупности олицетворяет святость Девы Марии. Речь идет о Приснодевстве Богородицы – одной из самых дорогих для Церкви тайн, связанных с Боговоплощением, о Которой в Символе веры говорится: «и Воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы...». Дева Мария – невеста, у которой нет жениха, или мужа, в плотском смысле (именно такое значение имеет слово «Невестная»), но Которая безмужно, безсеменно стала Матерью Господа Иисуса Христа.

Подобное явление мы видим и в кондаке втором: ... *Denn wie kannst du von Schwangerschaft reden, die ohne Samen entstand...* В этом примере формальной моделью оксюморона является словосочетание из стержневого имени существительного и примыкающего глагола *von Schwangerschaft reden* и *ohne Samen entstand* (... безсеменного бо зачатия рождество како глаголеши...). Первой, Кто принял Христа в Его пришествии, была Его Мать – Дева Мария. В Ней Бог соединился с человеком, и вся Церковь, как прежде Сама Богородица, стала невестой Христовой, однако произошло это не по плотским законам зачатия, а «безсеменно», чудесно.

Jesus, Du unser ungerecht gerichteter Richter, richte uns nicht nach unseren Taten. Господь, будучи лицом Пресвятой Троицы, является судьей Вселенной, и верующие ожидают его пришествия как момента Страшного суда. В религиозной сфере он воспринимается как лицо, обладающее абсолютной властью судить. Он по Божественному замыслу сам принял осуждение и смерть, чтобы спасти человечество от греха. Очень яркий оксюморон *ungerecht gerichteter Richter* (*неправедно осужденный Судия*) подчеркивает добровольный характер действия Христа.

В следующем хайретизме *Freu Dich, Du Raum des unräumlichen Gottes* имеются в виду два противоположных начала (Божественная природа и поврежденная человеческая природа): Бог и человек, которые соединились, собрались воедино, в тождество в Богородице. Оксюморон в этом примере представлен словосочетанием из стрекневого имени прилагательного и примыкающего имени существительного: *Raum des unräumlichen* (*невместимаго вместилище*).

В иконе седьмом, обращенном Пресвятой Богородице мы наблюдаем следующий пример оксюморона: *Freu Dich, Du Schutzkleid, Du gibst den Nackten Mut*. «Нагота» понимается и в буквальном, и часто, в символическом или духовном смысле как обозначение беззащитности, обедненности человека. Нагота, которой стыдится человек, в данном хайретизме выступает как символ состояния греховности, от которого человек может быть избавлен только по милостивому прощению от Бога, но в ответ на настойчивое желание – «дерзновение» самого человека. Тем самым, когда Бог нисходит к человеку, воплощается в его «наготу» через Пресвятую Деву, «нагому» человеку дается «одежда дерзновения».

Подводя итог, необходимо обратить внимание на следующие положения. Церковно-религиозный дискурс неотрывно связан с богослужением, которое в подавляющем большинстве случаев осуществляется в храме. Наиболее популярным и продуктивным в настоящее время гимнографическим жанром является акафист, который по форме представляет собой большую поэму. Следует отметить, что акафисты весьма разнообразны по содержанию. Главное, что их объединяет в один жанр – форма: акафист состоит из двадцати пяти строф.

Как особая подсистема богослужебных текстов, акафисты имеют немалый вес и в функциональном плане, и в исследовательской перспективе. Стилистическое своеобразие акафиста достигается отбором и комбинацией лексико-грамматических и стилистических средств. Для религиозных текстов характерно употребление различных фигур противоположности – антитезы, хиазма, оксюморона и др. Синтаксический и семантический рисунок акафиста, помимо ритмической соотнесенности большинства хайретизмов, характеризует регулярное применение логической и семантической антитезы. В тексте акафиста встречаются антитетические построения, в которых противопоставляются в семантическом плане отдельные слова и устойчивые выражения.

Ключевые слова-понятия могут быть выстроены в синонимичный, антитетический или обратный параллелизм вокруг центральной темы, что является одной из разновидностей антитезы – хиазма. Благодаря центральному фокусу хиазм подчеркивает ту главную идею или тему, которую автор стремится передать читателям. Значительно реже в тексте акафиста встречается оксюморон, который представляет собой комбинирование противоположных по значению лексических единиц, обозначающих взаимоисключающие понятия. Семантическая несовместимость, сопровождаемая низкой степенью предсказуемости, часто порождает не только неожиданные сочетания слов, нарушающие привычные нормы сочетаемости, но и выявляет новые свойства референта. Следует отметить, что в религиозных текстах, в частности в акафисте, оксюморон не только не содержит в себе иронию, но подчеркивает особый статус, святость восхваляемого.

Фигуры противоположности (антитеза, хиазм, оксюморон) встречаются во всех композиционных элементах акафиста: икосах, кондаках, молитве. Частотность и специфика использования фигур противоположности в религиозных и, конкретно, в богослужебных текстах обусловлена особым вниманием в религиозной сфере коммуникации к диалектическим противопоставлениям, первая часть которых часто обладает онтологическим характером: добро – зло, небесное – земное, добродетель – грех, свет – тьма. Кроме того, функциональная специфика фигур противоположности в богослужебном тексте носит ярко выраженный интертекстуальный характер: многие образы и способы представления

элементов антитезы и хиазма заимствованы из прецедентных библейских текстов.

Библиографический список

1. Баич Р., Кончаревич К. К вопросу о коммуникативных функциях литургического дискурса // Церковь и проблемы современной коммуникации. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. – С. 15-27.
2. Бугаева И.В. К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации. – Н.Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2007. – С. 39-51.
3. Плисов Е.В. Песнь Пресвятой Богородицы как богослужебный текст: особенности перевода на немецкий язык // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 173-180.
4. Акафистник. Том 1. – М.: Издание Московской Патриархии, 1989. – 255 с.
5. Akathistos. Hymnen der Ostkirche mit Begleittexten von Hermann Goltz. - Leipzig: St. Benno-Verlag, 1988. - 239 S.
6. Жук А.Д. Трансформация жанров оды и гимна в английской, немецкой и французской литературах последней четверти XVIII и XIX вв. // Филологические науки. 2008, № 6. – С. 35-43.
7. Людоговский Ф.Б. Место акафистов в составе корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов // Русский книжник – 2007 / Отв. редактор С.А. Наумов. – СПб., 2007. – С. 60-67.
8. Козлов М., протоиерей. Акафист в истории православной гимнографии // Журнал Московской Патриархии. 2000, № 6. – С. 83-88.
9. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – С.246-247.
10. Брек Д., протоиерей. Хиазм в Священном Писании. – М.: Издательство Общедоступного Православного Университета, основанного протоиереем Александром Менем, 2004. – 352 с.

УДК 81'42

ТГПУ им. Л.Н. Толстого
к.ф.н., проф. каф. английской филологии,
проректор по международному сотрудни-
честву и образованию
e-mail: interdept@tspu.tula.ru
ТГПУ им. Л.Н. Толстого
ассистент кафедры английского языка
e-mail: parody_mail@yahoo.com

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Univer-
sity,
Cand.Phil.Sci, professor, chair of English
philology, vice rector of international edu-
cation and cooperation
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical Univer-
sity,
Teacher, chair of the English Language

Ж.Е. Фомичева, И.Б. Елисеева

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРОДИРОВАНИЯ ЖАНРОВЫХ МОТИВОВ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В РОМАНЕ С. РУШДИ «SHAME» («СТЫД»)

В статье на материале романа С. Рушди «Стыд» («Shame») рассматриваются специфические особенности создания пародийной художественной реальности в

современном англоязычном постмодернистском романе посредством имитации жанровых особенностей волшебной сказки.

Ключевые слова: пародия, жанр, волшебная сказка, интертекстуальность, паратекст, аллюзия, хронотоп, имитация, симуляция, постмодернизм.

Z. E. Fomicheva, I.B. Eliseeva

ON PECULIARITIES OF PARODYING THE FAIRY-TALE GENRE MOTIVES IN THE NOVEL «SHAME» BY S. RUSHDIE

The authors analyse the peculiarities of creating a parodic reality through imitating the fairy-tale genre characteristics in the contemporary English novel (based on the novel of S. Rushdie «Shame»).

Key words: parody, genre, fairy-tale, intertextuality, paratext, allusion, time-space, imitation, simulation, postmodernism.

В теории пародии разработаны различные типологические классификации ее видов, разнящиеся положенными в их основу критериями. Анализ теоретического материала исследования позволил нам выделить следующие типы пародийных текстов на основе определения объекта пародирования в качестве основополагающего принципа настоящей классификации:

- 1) пародия стиля, где персональный стиль автора текста оригинала становится объектом пародии;
- 2) пародия жанра, в которой жанр прототекста является объектом пародии;
- 3) пародия сюжетно-композиционных особенностей текста, где создатель пародии подвергает трансформации сюжет, образы героев текста оригинала;
- 4) пародия дискурса, в которой объектом пародийного творчества является тот или иной дискурс.

Следует отметить, что в мировой литературной художественной практике все вышеперечисленные разновидности пародии не изолированы друг от друга. Нередко они настолько переплетены и взаимосвязаны, что отграничить их друг от друга, провести четкую грань между ними довольно трудно. Как правило, на противоположных полюсах находится небольшое количество литературных произведений, большинство же синтезируют в себе указанные пародийные разновидности, проявляя лишь тенденцию большего или меньшего тяготения к той или другой. Совмещение нескольких видов пародии в пространстве одного художественного текста служит ярким признаком постмодернистского мифотворчества, для которого характерно переплетение отдаленных и контрастных концептов.

Примером подобного пародийного коллажа может служить роман известного английского писателя-постмодерниста С. Рушди «Shame» («Стыд») (1983), для которого характерно столкновение тонкой пародии на политический дискурс с ироничной имитацией особенностей жанра волшебной сказки.

Известно, что пародия жанра как вид пародирования свое развитие в английской литературе получает в средневековье во время расцвета площадной народной культуры с ее карнавальным многообразием пародийно-комических форм. Подтверждением появления указанных литературных форм в средневековом художественном тексте являются произведения английского писателя Джеффри Чосера. В большинстве случаев объектами пародий этого автора являются широко используемые известные литературные жанры того времени, к примеру, эпико-романтический жанр.

Традиция пародирования жанра свойственна современной английской литературе, определенной фазой развития которой являются произведения писателей- постмодернистов, к которым полноправно относится С. Рушди, получивший признание в мировой литературе за такие романы, как «Сатанинские стихи» («The Satanic Verses») (1988), «Дети полуночи» («Midnight's Children») (1981), «Последний вздох мавра» («The Moor's Last Sigh») (1995).

Рассмотрим выявленные нами особенности пародирования жанровых мотивов волшебной сказки в романе Салмана Рушди «Стыд» («Shame») (1983).

Согласно Н.С. Олизько, изучающей художественный постмодернистский дискурс с позиций лингво-синергетического подхода, речевой жанр может быть рассмотрен в качестве коммуникативного аттрактора, упорядочивающего архитекстуальные отношения в постмодернистском литературном тексте. Автор концепции полагает, что, устанавливая определенные ограничения на интерпретацию высказываний, речевые жанры снижают степень неопределенности коммуникации, то есть обуславливают распределение информации по заданному образцу [1].

Для успешного функционирования литературной коммуникации писатель, создавая речевое произведение, должен выстраивать его с учетом знаний предполагаемого читателя о типичной организации того или иного литературного жанра. Одним из способов достижения этой цели является репрезентация в тексте пародии элементов языковой картины мира автора, активизирующих метафорические отношения по сходству с тем или иным имитируемым им жанром. Декодирование пародируемых автором прототипических жанровых черт обнаруживает прямую зависимость от глубины фоновых знаний реципиента. Согласно У. Эко, основу базовой части концептосферы читателя составляет некоторая совокупность данных, представляющая собой открытую систему, находящуюся в состоянии постоянного развития и расширения [2].

В соответствии с теорией сказки (В.Я. Пропп, К. Леви-Стросс, А. И. Никифоров, Т.В. Зуева), одной из ее жанрообразующих характеристик является специфичная репрезентация пространственно-временного хронотопа: традиционно действие анализируемого жанра протекает в неопределенно-прошлом времени.

В романе «Стыд» С. Рушди придерживается **неопределенности в отношении выражения пространственно-временных жанровых характеристик**, чему способствует неоднократное употребление традиционно-сказочного клише «*once upon a time*». По ходу пародийного нарратива романа автор старательно избегает любой конкретности в отношении указания на время происходящего. Все немногочисленные ссылки на временные рамки текстового пространства романа ограничиваются включением отдельных элементов мусульманского летоисчисления, о чем, на наш взгляд, далеко не каждый европеец имеет точное представление. Следует отметить, что целевой читательской аудиторией романа «Стыд» являются представители западной культуры, концептосфера большинства которых, очевидно, не включает в себя реалии мусульманского общества.

В отличие от традиционного хронологического течения нарратива волшебной сказки, С. Рушди в своем произведении отказывается от всякой хронологии: на всем протяжении романа нами были отмечены неоднократные «флэшбеки» и «флэшфорварды», часто поддерживаемые различными стилистическими средствами, например, анастрофой, привлекающей внимание читателя к приему текстовой ретроспекции:

«*Back goes the clock once again*» [3]

В отношении языковых средств выражения художественного пространства пародийного текста следует отметить упоминающуюся выше неопределенность как признак изучаемого образца жанра. В своих комментариях к выбору места действия С. Рушди неод-

нократно подчеркивает нереальность событий, а также самого себя как рассказчика: «*The country in this story is not Pakistan, or not quite. There are two countries, real and fictional, occupying the same space, or almost the same space. My story, my fictional country exists, like myself, at a slight angle to reality*» [3].

Созданию вымышленного пародийного мира с размытыми границами времени и пространства повествования способствует также следующий иронический комментарий С. Рушди:

«... *if I had been writing a realistic novel ... it would have done me no good to protest that I was writing universally, not only about Pakistan. The book would have been banned, dumped in the rubbish bin, burned. All that effort for nothing! Realism can break a writer's heart. Fortunately, however, I am only telling a sort of modern fairytale, so that's all right; nobody need get upset, or take anything I say too seriously. No drastic action need be taken, either. What a relief!*» [3].

Авторские комментарии представляют собой важный паратекстуальный элемент, поскольку оформляют смысловую систему координат как пародийную ирреально-алогичную географию романа, имплицитно описывая мир произведения как принадлежность ментального пространства автора, подчеркивая авторское представление о местонахождении субъекта во вновь созданном им пространственно-временном континууме, соответствующем одному из возможных миров, проецируемых его собственным сознанием.

Довольно часто С. Рушди вводит в повествование ироничные комментарии рассказчика в отношении правил написания художественных литературных произведений в общем и его собственного авторского стиля, в частности. В следующем примере, где автор описывает страдание одного из героев романа «Стыд» Омара Хайама (Omar Khayyam) от бессонницы, мы наблюдаем, как подобный метакомментарий способствует слиянию голосов С. Рушди и рассказчика, который становится своеобразным авторским рупором, позволяющим читателю глубже проникнуть в творческий замысел писателя, а также распознать ту формируемую текстовую картину мира [4], которую постмодернистский автор передает своим произведением:

«*So it was in those half-formed years that Omar Khayyam took the never-to-be-reversed decision to cut down on his sleeping time, a lifelong endeavour which had brought him, by the end, by the time his wife went up in smoke – but no, ends must not be permitted to precede beginnings and middles, even if recent scientific experiments have shown us that within certain types of closed system, under intense pressure, time can be persuaded to run backwards, so that effects precede their causes. This is precisely the sort of unhelpful advance of which story-tellers must take no notice whatsoever; that way madness lies! – to the point at which a mere forty minutes a night, the famous forty winks, sufficed to refresh him*» [3].

Второй выделенной нами особенностью, к которой автор-постмодернист прибегает для создания удачной пародии на жанр волшебной сказки, является **модификация прототипических сюжетно-композиционных элементов сказки**, к примеру, искажение типично-сказочной благополучной концовки для положительных героев: «to live happily ever after» («жить долго и счастливо»). В романе С. Рушди события полностью контрастируют с традиционным сказочным сценарием, поскольку ни одна из сюжетных линий романа «Стыд» не завершается счастливым концом. Данная техника разработки пародийного сюжета отвечает основам создания «пародийности» (термин Ю.Н.Тынянова)[5], в основе которых лежит принцип «несоответствия» [6].

Указанную особенность можно проиллюстрировать развитием сюжетной линии замужества одной из героинь романа (дочери правителя Разы Хайдара Бегум Навид (Begum Naveed)). В начале данной сюжетной линии у Навид рождаются близнецы на первом году семейной жизни и это событие согласуется со сказочным канонem. На следующий год у

нее появляются тройняшки. Рождение четырех девочек на третий год замужества героини («*a beautiful quartet of baby girls*»), несомненно, добавляет оттенок волшебства и необычности к тональности романа [3]. Навид продолжает ежегодно производить на свет все растущее в заданной прогрессии количество детей. Данный процесс продолжается до ее седьмой беременности, во время которой героиня кончает жизнь самоубийством, не в силах справиться с безысходной ситуацией: «*That night Begum ... was found in her bedroom ... hanged by the neck, dead. ... A suicide note ... referred to her terror of the arithmetical progression of babies marching out of her womb*» [3].

Введение мотива суицида, безусловно, искажает традиции жанра волшебной сказки, в конце которой, как правило, герои живут «долго и счастливо». Читатель становится свидетелем того самого пародийного несоответствия между специфической жанровой прото-ситуацией и ситуацией романа, разработанной писателем-постмодернистом.

Для создания удачной пародии С. Рушди также прибегает к **лингвистическому механизму комического эффекта**, создаваемого в тексте романа нарушением узувальной сочетаемости на уровне целого текста. Собственная норма пародируемого жанра нарушается противоречием передаваемого содержания фоновым знаниям читателя, когда за типично сказочным зачином «*once upon a time*» появляются элементы малой предсказуемости, противоположные ожидаемому и требующие в силу своей неожиданности повышения его активности:

1) «*And once upon a time there was a retarded daughter, who for twelve years had been given to understand that she embodied her mother's shame*» [3].

2) «*There was once a wife, whose husband injected her with knock-out drugs twice daily*» [3].

С точки зрения стилистики декодирования речь в данном случае идет об эффекте обманутого ожидания, одном из важнейших типов выдвижения. В плане теории текста данное явление представляет собой нарушение собственной нормы текста. Согласно психологии восприятия, указанное явление основано на нарушении «плавности процесса прогнозирования, эквивалентном необходимости отбросить уже возникшую в сознании читателя гипотезу и заменить ее новой» [7].

В процессе создания пародийной художественной реальности С. Рушди также подвергает **трансформации систему образов**, характерную для сказочного жанра, успешно модифицируя ее в пространстве своего романа. В соответствии с типологией сказочных персонажей, предложенной В.Я. Проппом, выделяются семь основных типов действующих лиц данного жанра на основе выполняемых ими функций:

- вредитель (антагонист),
- даритель,
- чудесный помощник,
- похищенный герой (искомый предмет),
- отправитель,
- герой,
- ложный герой [8].

Особого внимания заслуживает пародийное изображение «героя», одного из названных типов действующих лиц, как центрального персонажа исследуемого жанра. По мнению С.Г. Лазутина, в волшебной сказке разработана специальная поэтика создания образа необыкновенного героя, одним из приемов которой является рассказ о его необычном, чудесном рождении [9].

С. Рушди придерживается указанных традиций жанра волшебной сказки и посвяща-

ет значительную часть романа истории рождения своего «героя» - Омара Хайяма Шакила (Omar Khayyam Shakil). Его появление на свет предваряется описанием уединенной жизни трех сестер, которые после смерти отца ведут затворнический образ жизни. Однажды они осуществляют попытку внести изменение в этот устоявшийся порядок, для чего устраивают прием, на который приглашают в основном живущих неподалеку богатых англичан. Далее в городе появляются слухи о том, что во время указанного события, после которого женщины отгораживаются от окружающего мира в принадлежащем им особняке, одной из сестер был зачат ребенок. Единственным связующим сестер звеном с реальностью служит кухонный лифт: «*This dumb-waiter constitutes their only link with the outside world and serves mainly as a shopping tray which – in accordance with written orders given in advance – regularly supplies any “goods and services” necessary for daily life*» [3]. Обстановка таинственности и секретности поддерживается авторским комментарием в отношении лифта, который, по его мнению, хранил самые разнообразные тайны: «*a dumb-waiter containing “many terrible secrets”*» [3]. Спустя некоторое время в этом странном уединенном доме одна из сестер являет миру «героя» - Омара Хайяма. С его появлением каждая из женщин ведет себя как биологическая родительница, тщательно скрывая истинную мать ребенка, также как и его настоящего отца.

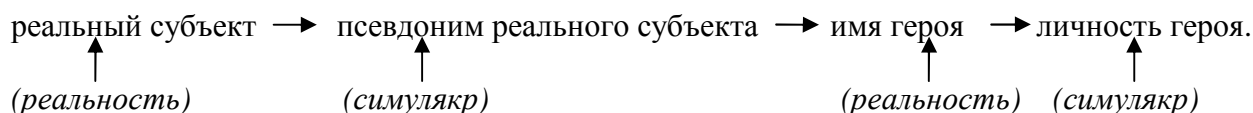
Очевидно, что ничего «чудесного» в рождении указанного персонажа в исследуемом романе нет. Напротив, ситуация является чрезвычайно приземленной. Таким образом, низводя исконно-жанровый компонент сказочного сюжета с волшебного, чистого, чудесного «верха» до реального, земного, неприемлемого для описываемого социума «низа», С. Рушди следует традициям М.М. Бахтина в репрезентации различных аспектов объекта подражания, тем самым изначально формируя у читателя определенное недоверчивое отношение к рожденному на свет герою.

По М.М. Бахтину, снижение и низведение высокого имеют четкое топографическое значение. «Верх – это небо; низ – это земля; земля же – это поглощающее начало (могила, чрево) и начало рождающее, возрождающее (материнское лоно)... Снижение здесь значит приземление, приобщение к земле, как поглощающему и одновременно рождающему началу... Снижение роет телесную могилу для нового рождения. Поэтому оно имеет не только уничтожающее, отрицающее значение, но и положительное, возрождающее: оно амбивалентно, оно отрицает и утверждает одновременно» [10].

Ситуация рождения «героя» является лишь первоначальным этапом в цепи несоответствий, способствующих дальнейшему снижению создаваемого С. Рушди образа одного из главных действующих лиц романа. Следует отметить, что независимо от того, чудесно или обычно рождение героя волшебной сказки, его всегда отличают необыкновенные качества: он проявляет невиданную выдержку, бесстрашие и совершает чудесные поступки [9]. Что касается героя произведения Омара Хайяма, то его личность и свершения скорее более характерны для указанных выше типов сказочных действующих лиц «вредителя» или «антагониста».

Особого внимания также заслуживает имя героя «Омар Хайям». Эрудированный читатель при первом же упоминании указанного персонажа обнаружит, что автор отсылает его к персидскому поэту (ок. 1048 - после 1122) Гиясаддину Абу-ль-Фатх Омару ибн Ибрахиму, носившему прозвище Хайям (Палаточник) [11]. При внимательном прочтении ничего общего кроме отнесенности к разряду имен собственных между реальным субъектом и вымышленным персонажем не обнаруживается. Однако, следует отметить, что С. Рушди, очевидно, преследует определенную цель, называя своего героя упомянутым именем. Принимая во внимание, что персидский поэт носил псевдоним «Хайям», читатель

предвкусывает определенную степень неподлинности в образе персонажа романа «Стыд». Функция использования псевдонима в данном случае заключается в установлении когнитивных связей и ассоциативных параллелей на основе оппозиции «реальность-симулякр», свойственной художественной постмодернистской парадигме и описанной в работе Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляции» («Simulacra and Simulations» (1981)) [12]. Можно выстроить определенную схему создания указанных связей в сознании читателя, т.е. каким образом читатель осознает «неподлинность» личности героя из романа С. Рушди:

Из вышеуказанной схемы следует, что при восприятии имени «Омар Хайам» в сознании читателя аккумулируются два концепта «реальность» и «симулякр». Далее при встрече с вымышленным персонажем читатель находит воплощение концепта «реальность» в имени персонажа, поскольку «Омар Хайам» является истинным именем персонажа романа, а не псевдонимом. Остается не воплощенным концепт «симулякр». Дискурсивной особенностью данного вида пародии является то, что в ходе развития сюжета романа когнитивные механизмы позволяют читателю соотнести данный концепт с личностью персонажа, таким образом, в концептосфере реципиента происходит слияние концептов «личность героя» ↔ «симулякр».

Наравне с героем С. Рушди модифицирует и образ традиционного всезнающего рассказчика, присутствующего в каждой волшебной сказке. Рассказчика данного романа, в отличие от сказочного повествователя, нельзя охарактеризовать как «всеведущего», поскольку он, как утверждает сам автор, не всегда может объяснить суть происходящего («... obliged to leave many questions in the story in a state of unanswered ambiguity ...») [3]. В конце первой главы он задается вопросом, правомерно ли называть Омара Хайяма «героем»: «Dizzy, peripheral, inverted, infatuated, insomniac, stargazing, fat: what manner of hero is this?» [3].

Таким образом, повествователь романа «Стыд» в отличие от его сказочного прототипа, не может дать ответ на любой вопрос о перипетиях описываемого сказочного сюжета. Позднее рассказчик в романе «Стыд» еще раз задается вопросом о соответствии создаваемого образа «героя» жанровому канону, показывая, насколько он сам обеспокоен отсутствием у него способности «всеведения». В следующем отрывке рассуждение повествователя о причинах, толкнувших Омара на брак с умственно-отсталой дочерью правителя страны Суфией Зинойбией, свидетельствует о фактической неподвластности «героя» рассказчику сказочной истории о нем: «You can imagine how depressed I am by the behaviour of Omar Khayyam Shakil. I ask for the second time: what kind of hero is this? Last seen slipping into unconsciousness, stinking of vomit and swearing revenge; and now, going crazy for Hyder's daughter. How is one to account for such a character? Is consistency too much to ask? I accuse this so-called hero of giving me the most Godawful headache» [3].

Созданию пародийной атмосферы волшебной сказки также способствуют аллюзивные указания на эпизоды, имена, названия мифологического, исторического или собственно литературного характера. Средством номинации и идентификации единичных мифологических, литературных и прочих объектов выступают аллюзивные включения, которые «актуализируют иконические связи данных объектов с соответствующими прецедентными феноменами... и вызывают у читателей ассоциации содержательного и эмоционального плана, способствуя более глубокому пониманию принимающего текста» [1].

По ходу романа С. Рушди неоднократно прибегает к аллюзиям на известные сказочные сюжеты. Так, аллюзии на сказку «Красавица и чудовище» («Beauty and the Beast») вводятся С. Рушди при описании раздвоения личности одной из героинь, душевнобольной Суфии Зинобии: *«The beast inside the beauty. Opposing elements of a fairy-tale combined in a single character»* [3].

Созданию причудливой гротескной картины вымышленной пародийной реальности способствует формирование псевдообразов, характерных для изучаемого романа. Мы приходим к данному выводу на основе сопоставления возможного мира романа «Стыд» с одной из разновидностей описываемого жанра - героической сказкой, в которой основным сюжетным мотивом является тема защиты богатырем «своего» мира и живущих в нем людей от врагов. Жанрообразующим признаком данной разновидности сказки является развитие указанной темы в мотиве борьбы героя со страшным чудовищем, «змеем», мотиве змееборства. Мнимость и ложность создаваемого пародийного мотива борьбы находит свою языковую репрезентацию на разных уровнях: образном и сюжетно-композиционном. Проекция образа сказочного «героя» или «богатыря» на Омара Хайяма, равно как и проекция образа страшного чудовища на его жену Суфию-Зинобию, с которой он ведет борьбу по ходу романа, позволяют сделать вывод об их симулятивном характере. Таким образом, С. Рушди, разрушая исходные характеры жанра героической сказки, «героя» и «чудовища», создает их образы-симулякры.

В исследуемом романе также можно проследить авторскую модификацию традиционно-сказочного мотива об освобождении от плена или колдовства невесты или жениха. Следующая ситуация романа «Стыд» С. Рушди служит ярким примером подобной пародийной трансформации.

Осознав ответственность своей дочери за серийные убийства в городе, регулярно происходящие в ночной период, генерал Раза Хайдар просит Омара сделать смертельную инъекцию своей жене. Омар оказывается неспособным выполнить эту просьбу, поэтому он применяет другую меру в отношении Суфии. Ежедневно Омар делает жене инъекции снотворного для поддержания ее в состоянии постоянного сна. Аллюзия на известную сказку о спящей красавице «Sleeping Beauty» как вид интертекстуального включения в текст романа выполняет функцию формообразующего и смыслообразующего взаимодействия различных вербальных текстов. Жанр волшебной сказки выступает в качестве текстопорождающего:

«... twice in every twenty-four hours, Omar Khayyam would go unobserved into that darkened room, that echo of other death cells, to inject into the tiny body lying on its thin carpet the fluids of nourishment and of unconsciousness, to administer the drugs that turned her from one fairy-tale into another, into sleeping beauty instead of beauty-and-beast» [3].

В вышеуказанном примере аллюзивное включение выполняет также оценочно-характеризующую функцию, поскольку способствует проекции образа героини С. Рушди на образ сказочной невесты, которую муж освобождает от злых чар – мотив, который также подвергается в постмодернистском романе снижению.

Пародийную нагрузку в тексте романа несут также другие аллюзии на известные мифы и легенды. Описание жизни Рани, жены одного из генералов, Искандера Хараппы, занимает значительную часть романа С. Рушди.

После военного переворота Рани оказывается под домашним арестом в то время, когда ее мужа отправляют в тюрьму. Основным времяпрепровождением Рани во время ожидания возвращения мужа становится вышивание платков. Заданный С. Рушди сюжет является своеобразной отсылкой к истории Пенелопы, верной жены древнегреческого героя

Одиссея, ожидающей возвращения своего мужа из Трои. Известно, что Пенелопа ткала покрывало все годы ожидания. В романе «Стыд» стилистическое снижение достигается посредством искажения моральных ценностей героев прецедентного текста.

Пенелопа хранила верность мужу, отказывая всем женихам, просившим ее руки. Покрывало стало символом этой верности, поскольку героиня древнегреческого мифа об Одиссее обещала выбрать жениха только после окончания своей работы. Как Рани не является верной и любящей женой, так и ее платки не служат знаком ее желаний и намерения воссоединиться с супругом. Напротив, ее рукоделие становится символом ненависти к мужу, поскольку Рани изображает в своих работах все отрицательные стороны Харашпы, начиная от измен и лжи и заканчивая пытками и тиранией:

«What did eighteen shawls depict? Locked in their trunk, they said unspeakable things which nobody wanted to hear:... the great man lay unclothed, while all about him the pink-skinned concubines cavorted,... the arachnid terrors of the days, when men lied to their sons... the foetid violence of his jails, blindfolded prisoners tied to chairs while jailers hurled buckets of water, now boiling hot ..., now freezing cold, until the bodies of the victims grew confused and cold water raised hot burns upon their skins» [3].

Описание вышивки Рани аллюзивно отсылает читателя к еще одному мифологическому сюжету о древнегреческой богине мудрости Афине Палладе (Минерве в римской мифологии) и искусной вышивальщице и ткачихе Арахне. Гордясь своим мастерством, последняя самоуверенно вызывает на состязание саму богиню. Афина ткет на пурпуре изображения двенадцати олимпийских богов, а по углам ткани — в назидание Арахне — наказания, которые претерпели смертные, пытавшиеся соперничать с богами. В свою очередь Арахна вышивает сюжеты о любовных похождениях верховных богов Зевса, Посейдона, Диониса. Разгневанная богиня разрывает ткань и бьет Арахну челноком, после чего та в отчаянии совершает попытку самоубийства. Однако Афина вынимает ее из петли и превращает в паука, который вечно висит на паутине и неустанно ткет пряжу (*«Arachne hanged herself in despair; but the goddess out of pity loosened the rope, which became a cobweb, while Arachne herself was changed into a spider» [13]*).

Аллюзивной отсылкой на историю Арахны может также служить эпизод, в котором Рани пытается убедить своего главного стражника позволить ей получить иглы и нити для вышивки платков. Рани, в ответ на его постоянные отказы сделать это, замечает, что она не собирается кончать жизнь самоубийством: *«Don't think I'm going to stab myself on account of you, boy Or what do you suppose? Will I hang myself, perhaps, by a noose of embroidery wool?» [3].*

В своем романе С. Рушди завершает описание вышивки Рани следующими рассуждениями: *«... but now that all eighteen shawls have been spread out and admired, it is time to turn away from Harappas, from Rani and Arjumand sequestered in that house whose decay had reached the point at which the water trickled blood-red from rust-corroded taps. Time to turn back the clock, so that Iskander rises from the grave, but recedes, as well, into the background of the tale. Other people have been living lives while Harappas rose and fell» [3].*

Указанный комментарий рассказчика провоцирует дальнейшее движение текста, ориентируя читателя, продолжающего увлекательное путешествие по страницам романа С. Рушди, на очередной темпорально-пространственный сдвиг. Данные нарративные стратегии подчеркивают открытость и незамкнутость структуры постмодернистского произведения, характеризующегося динамичностью и непрерывностью процесса порождения смыслов. Подобные авторские приемы приводят к размыванию границ текста, который лишается относительной

завершенности и закрытости, становится внутренне неоднородным и открывает перспективы его нелинейного прочтения.

Аллюзивные ссылки, приведенные выше, устанавливают связь с прецедентными феноменами. Эта связь рождается посредством актуализации метафорических отношений по сходству, лежащих в основе текстовых реминисценций, представляющих собой иконическое воспроизведение знакомой образной или фразовой структуры из другого произведения. Это чрезвычайно важно учитывать при анализе пародийного художественного текста, поскольку связь с прецедентными феноменами посредством точных и деформированных цитат, различного рода аллюзий, всевозможных намеков и отсылок позволяет рассматривать любой текст как совокупность «анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных «цитат» без кавычек» [14].

В свете вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для создания пародийной художественной реальности С. Рушди использует следующие приемы:

- 1) традиционный сказочный хронотоп для создания пародийного пространственно-временного континуума романа;
- 2) транспозиция прототипических мотивов, соответствующих законам жанра волшебной сказки, и сюжетных схем в текст романа, их имитация и трансформация;
- 3) установление формообразующего и смыслообразующего взаимодействия между текстом пародии и прецедентными текстами за счет интертекстуальных включений, в частности аллюзий;
- 4) заимствование прототипических сказочных персонажей, их пародийная модификация в тексте пародии;
- 5) лингвистический механизм комического эффекта, создаваемый посредством нарушения узуальной сочетаемости на уровне целого текста.

Иными словами автор прибегает к пародийной модификации характеристик жанра волшебной сказки, которые выражаются в смещении, сокращении, трансформации фаз сюжетного и языкового членения текста, в наличии эффекта открытых границ, в преобладании имплицитного способа изображения художественной действительности и фрагментарности репрезентации основных параметров создаваемой пародийной текстовой картины. Благодаря вышеперечисленным особенностям в каждом конкретном случае создается пародийный комический эффект, происходит ценностная переориентация реципиента.

Подводя итог, следует отметить, что С. Рушди в своем романе удается создать удачную пародию на жанр волшебной сказки и сымитировать её специфические черты сочетание реального и нереального, обычного и необычного, жизненно правдоподобного и совершенно неправдоподобного, невероятного. В результате столкновения этих двух миров, реального и нереального, двух типов сюжетных ситуаций, вероятных и невероятных, рождается новая пародийная действительность.

Библиографический список

1. Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. – Автореф. дис... доктора филол. наук. – Челябинск, 2009.
2. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005.
3. Rushdie, Salman. Shame. - London: Vintage Books.1995.
4. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.

5. Тынянов Ю.Н. О пародии.//В кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.
6. Тяпков С.Н. Русская литературная пародия конца 19 – нач. 20 века (жанровые и функциональные особенности). – Автореф. дисс...д. филол. наук. – М.: 1995.
7. Арнольд И.В. Нарушение сочетаемости на разных уровнях – лингвистический механизм комического эффекта//Сб. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сб. статей/ Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
8. Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки. URL. <http://lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt> (дата обращения 25.01.10).
9. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. URL. <http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/index.html> (дата обращения 25.11.09).
10. М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса». URL. <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html> (дата обращения 28.04.09).
11. Современный толковый словарь. Изд. «Большая Советская Энциклопедия», 1998 г.
12. Jean Baudrillard Simulacra and Simulations. URL. http://www.stanford.edu/dept/HPS/Baudrillard/Baudrillard_Simulacra.html (дата обращения 10.10.09).
13. URL. http://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclopædia_Britannica/Arachne (дата обращения 1.03.10).
14. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1994.

УДК 802.0 : 801

*Муниципальное образовательное учреждение «Основная общеобразовательная Курская школа», соискатель кафедры славянской филологии, заместитель директора по УВР
e-mail: Prorokina@mail.ru*

*Municipal General educational Establishment «the Basic general educational Kursk school», a competitor of slavic philology the faculty, the deputy director on teaching and educational work
e-mail: Prorokina@mail.ru*

Е.А.Пророкина

ФОНЕТИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А.С.ПУШКИНА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «АДЕЛИ»)

В статье анализируется фонетика текста А.С. Пушкина «Адели» в аспектах языка и речи. Рассматриваются лексемы, имеющие конкретное, опосредованное и соотносительное денотативное значения, осуществляется анализ различительного и сходного означивания денотатов и смыслов денотатов, выявляются ведущие ритмовертикали текста, устанавливается смысловое наполнение и речевой статус ритмовертикалей в данных музыкальной партитуры.

Ключевые слова: язык, речь, лексема, фонетика, фонема, просодема, денотативное значение, категориальное значение, лексическая семантика, грамматические признаки, синтаксическая функция

E.A.Prorokina

**PHONETICS OF A.S. PUSHKIN'S POETIC TEXTS
IN ASPECT OF LANGUAGE AND SPEECH (ON THE BASIS OF THE MATERIAL OF
«ADELI» POEM)**

The paper deals with the analysis of the phonetics of A.S. Pushkin's text "Adele" in the aspects of language and speech. The lexemes having concrete, mediated and correlative denotative meanings are considered. The analysis of distinctive and similar meaning of denotata and senses of denotata is carried out. The leading verticals of rhythm of the text are revealed. Semantic filling and the speech status of the verticals of rhythms in the data of the music score partita are established.

Key words: language, speech, a lexeme, phonetics, a phoneme, prosodies, denotative meaning, categorical value, lexical semantics, grammatic attributes, syntactic function.

Современная лингвистика пытается отойти от изучения только отдельных единиц текста, чем занималась прежде. Она предлагает исследовать эти элементы как части более крупных объединений, «как элементарную структуру текстовой системы» [1, с.218]. При чем под текстом понимается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [2, с.507].

При характеристике текста выделяют его категории (грамматические, синтаксические и другие) и единицы (ударение, слово, предложение и др.). «Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам относится, например, роль денотатов, различие между значением и смыслом» [3, с.80].

Целью статьи является исследование языкового и речевого аспектов фонем через анализ данных лексики, различительного языкового означивания денотатов и сходного речевого означивания смыслов денотатов, выявление ведущих и периферийных ритмовертикалей, установление структурообразующей роли фонем как инвариантного факта языка и текстообразующей роли просодем как вариативного факта речи.

Денотат (от лат. *denotatum* - обозначаемое) – обозначаемый предмет. Данный термин употребляется в нескольких значениях. Одно из них – «то же, что «денотативное значение» - понятийное ядро значения, т.е. «объективный» («номинативный», «внешнеситуационный», «когнитивный», «репрезентативный», «фактический», «диктальный», «предметно-реляционный») компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т.п. оттенков» [4, с.128].

Текст - это единство языка и речи. Основной механизм перехода языка в речь - нейтрализация языкового различительного означивания денотатов и смыслов денотатов сходным речевым. В каждом тексте этот процесс словесно проявляется по-разному. Поэтому и язык, и речь в тексте - величины искомые. Главное для текста - речь. Основное ее доказательство - системность. «Не бывает системности на пустом месте. Речевая системность текста выявляется или в данных семантики (пространство, время, оценка и др.) или в данных смыслов (универсальный - энциклопедический; национальный - контекстуальный и ситуативный; уникальный - прагматический, образный)» [5, 11]. «Если данные о речевой системности текста претендуют на статус научных, они должны предъявляться, как писал Ф. де Соссюр (Соссюр, 1977, с.133), через понятия «факторы» и «принципы». Используемые при обсуждении речевой системности текста в данных семантики, эти понятия применимы и при описании речевой системности текста в данных смыслов,

что подтверждает их сущностность и универсальность» [6, с.37].

Языковое в тексте – это различительное означивание денотатов. Анализируя тексты, мы прежде всего руководствовались соотносительностью лексем с той или иной группой, а именно: имена предметной и признаковой семантики, указывая при этом на факт участия фонемы в различительном означивании денотатов.

В самом начале нами будет рассмотрено устойчивое в тексте, то есть языковое, затем обратимся к вариативной, речевой сфере.

Исследуем «вертикаль» текста А.С.Пушкина «Адели», обращая внимание на смысловоразличительный потенциал фонем. Анализ начнем с описания имён предметной семантики. Наиболее полно в данном тексте раскрывается фонема **Е**. Это 8 существительных с конкретным денотативным значением:

- *Адель*– имя существительное, собственное, одушевленное, ж.р., 3 – е скл., ед.ч., именительный падеж в значении звательного, обращение;
- *Лель* – имя существительное, собственное, одушевленное, м.р., 2 – е скл., ед.ч., именительный падеж, подлежащее;
- *колыбель*– имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ж.р., 3 – е скл., ед.ч., винительный падеж, дополнение;
- *лета* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, имеет форму только мн.ч., винительный падеж, дополнение (архаическая форма);
- *света*– имя существительное, нарицательное, неодушевленное, м.р., 2 – е скл., ед.ч., родительный падеж, дополнение;
- *Адель*– имя существительное, собственное, одушевленное, ж.р., 3 – е скл., ед.ч., именительный падеж, обращение;
- *Адель*– имя существительное, собственное, одушевленное, ж.р., 3 – е скл., ед.ч., именительный падеж в значении звательного, обращение;
- *свирель*– имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ж.р., 3 – е скл., ед.ч., винительный падеж, дополнение;

Категориальное значение данных слов - «предметность».

Охарактеризуем лексическую семантику данных слов.

Имена собственные:

Адель – имя собственное, принадлежащее человеку («благородная»). В тексте употребляется 3 раза.

Лель – «Лелия, Лелио, Ляля – божество весны и молодости из свиты Лады, побуждающее природу к оплодотворению, а человека к брачным союзам. Он старший сын Лады, сила его состояла в воспламенении любви. Иногда он изображался в виде златовласого пламенного крылатого младенца. Он метал из рук искры, воспламеняя любовь. По молодости лет своих, Лель порой просто забавляется любовью, хотя делает это из добрых побуждений – для него это весёлая игра. Появляется Лель весной, живет вместе со своим братом Полелем в лесу. Свирель Леля можно услышать в Купальскую ночь.«К нему девицы ходят / Красавицы, и по головке гладят, / В глаза глядят, ласкают и целуют. / И Лелюшком и Лелем называют, / Пригоженьким и миленьким» (А.Н.Островский. «Снегурочка»). Целый ряд записей говорит о Леле в женском роде. Например, в белорусской заклинательной песне: «Дай нам житцу да пшаницу, / Ляля, Ляля, наша Ляля!» [7, с.39].

Мебель: колыбель – «качающаяся кровать, люлька для младенца» [8, с.359].

Временной отрезок: лета («младые лета») – года, год – «период времени в 12 месяцев,

отчисляемых от какого-нибудь определенного дня» [8, с.149].

Категория людей: света – употреблено в значении «окружающие люди, общество, общественная среда» [8, с.936].

Музыкальный инструмент: свирель – «народный музыкальный инструмент в виде дудки из дерева или из трубчатых стеблей растений» [8, с.938].

Специфичными грамматическими признаками для данной группы являются:

- единственное число: *Адель, Лель, колыбель, света, Адель, Адель, свирель*;
- род (женский): *Адель, колыбель, Адель, Адель, свирель*;
- склонение (3): *Адель, колыбель, Адель, Адель, свирель*.

В предложении являются дополнением: *колыбель, лета, света, свирель*; подлежащим – *Лель*; не имеют синтаксической роли: *Адель* (обращение).

В «вертикаль» текста уходит *А* (3 случая):

- *тебя* – личное местоимение, ед. ч., родительный падеж, дополнение;
- *твоя* – притяжательное местоимение, ж.р., ед. ч., именительный падеж, определение;
- *весна* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ж.р., 1 – е скл., ед.ч., именительный падеж, подлежащее;

Категориальное значение данных лексем - «указательность»: *тебя, твоя*; «предметность»: *весна*.

Лексическая семантика - слова «*тебя*», «*твоя*» обозначают указание. *Весна* – употреблено в значении «молодость как время надежд и мечтаний» [8, с.68].

Специфичными грамматическими признаками являются:

число (для данной группы характерно единственное число): *тебя, твоя, весна*;

род (женский): *твоя, весна*; падеж (именительный): *твоя, весна*.

Синтаксическая функция слов различна: *весна* - подлежащее, *тебя* - дополнение; *твоя* - определение.

В данном стихотворении обнаружены 3 единицы, реализованные в фонеме *У*:

- *твою* – притяжательное местоимение, ж.р., ед.ч., винительный падеж, определение;
- *(в) шуме* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, м.р., 2 – е скл., ед.ч., предложный падеж, обстоятельство места;
- *мою* – притяжательное местоимение, ж.р., ед.ч., винительный падеж, определение;

Их категориальное значение - «указательность»: *твою, мою*; «предметность»: *(в) шуме*.

Рассматривая языковые единицы с точки зрения лексической семантики, выявляются следующие факты: местоимения «*твою*», «*мою*» обозначают «указание»; существительное «*(в) шуме*» – употреблено в значении «движение, оживление, суэта» [8, с1210].

Специфичными грамматическими признаками являются:

- единственное число: *твою, (в) шуме, мою*;
- род (женский): *твою, мою*;
- падеж (винительный): *твою, мою*.

Данные слова имеют различную синтаксическую функцию: определение (*твою, мою*); обстоятельство (*в шуме*).

В различительном означивании денотатов участвует *И* (2 существительных):

- *Хариты* – имя существительное, собственное, одушевленное, мн.ч., именительный падеж, подлежащее;
- *дни* (данная лексема обнаружена в романсе М.И.Глинки, написанном на стихотворение А.С.Пушкина) – имя существительное, нарицательное, неодушевленное,

м.р., 2 – е скл., мн.ч., винительный падеж, дополнение;

Категориальное значение - «предметность»: *Хариты, дни*.

Выявим лексическую семантику этих слов.

Имя собственное: Хариты – «в греческой мифологии – благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни (греч. «милость», «доброта»). Хариты – дочери Зевса и океаниды Эвриномы (вариант: Гелиоса и Эглы, Paus. IX 35,5), прекрасные видом. Их имена: Аглая («сияющая»), Евфросина («благомыслящая»), Талия («цветущая»). Имена Харит, их происхождение и число в вариантах мифов различны. Гомер знает одну Хариту, супругу Гефеста или некую младшую из Харит. – Пасифею, обещающую Герой в жёны богу сна...Харитам соответствуют римские грации» [9, с.585].

Временной отрезок: дни – употреблено в значении «время, пора, период» [8, с.175].

Для данной группы характерно множественное число.

Синтаксическая функция слов различна: *дни* – дополнение, *Хариты* – подлежащее.

Такое же количество лексем (2) ритмизируется с **БГ**:

- *ты* - личное местоимение, ед.ч., именительный падеж, подлежащее;
- *часы* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, м.р., 2 – е скл., мн.ч., винительный падеж, дополнение;

Языковая единица «часы» имеет категориальное значение «предметность»; «ты» – «указательность».

В данной группе выявляем следующую лексическую семантику: обозначает «указание» лексема «*ты*», временной отрезок – «*часы*» (час – употреблено в значении «время, пора, момент» [8, с.1175].

Доминирующий грамматический признак выделить невозможно, т.к. все грамматические признаки данных слов уникальны. Сравни: *ты* – ед.ч., именительный падеж; *часы* – нарицательное, неодушевленное, м.р., 2 склонение, мн.ч., винительный падеж.

Синтаксическая функция языковых единиц различна: лексема «*ты*» является подлежащим; «*часы*» - дополнением.

Фонема **О** в различительном означивании денотатов имен предметной семантики не участвует.

Имена признаков семантики, имеющие опосредованное денотативное значение и составляющие вторую группу нашего исследования, ритмизируются в 9 случаях фонемой **А**:

- *играй* - глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 1 спряжение, повелительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;
- *(не) знай* - глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 1 спряжение, повелительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;
- *печали* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ж.р., 3 – е скл., ед.ч., родительный падеж, дополнение;
- *венчали* - глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 1 спряжение, изъявительное наклонение, мн.ч., прошедшее время, простое глагольное сказуемое;
- *качали* - глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 1 спряжение, изъявительное наклонение, мн.ч., прошедшее время, простое глагольное сказуемое;
- *тиха* – имя прилагательное, качественное, краткая форма, ж.р., ед.ч., сказуемое;
- *ясна* – имя прилагательное, качественное, краткая форма, ж.р., ед.ч., сказуемое;
- *рождена* - причастие, страдательное, прошедшее время, совершенный вид, невозвратное, краткая форма, ж.р., ед.ч., сказуемое;
- *отдай* - глагол, совершенный вид, переходный, невозвратный, 1 спряжение, пове-

лительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;

Категориальное значение данных слов различно. Наибольшее количество лексем обозначают «действие»: *играй, (не) знай, венчали, качали, отдай*. 2 слова – «признаковость»: *тиха, ясна*; по одной языковой единице – «предметность» («*печали*») и «признак по действию» (*рождена*).

Рассмотрим лексическую семантику группы слов, ритмизирующихся фонемой *А*.
Действия, связанные с душевным состоянием: играй (играть) – употреблено в значении «развлекаться, забавляться; резвись, забавляться. // Проводить время в каком-нибудь занятии, служащем для развлечения, доставляющем удовлетворение, удовольствие одним только участием в нем» [8, с.287];

(не) знай – «знать – употреблено в значении «испытывать, переживать, чувствовать» [8, с.281];

Душевное состояние: печали – «скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство» [8, с.685];

тиха – «тихий – употреблено в значении «безмятежный, погруженный в спокойствие, мирный», [8, с.1050];

ясна – «ясный – употреблено в значении «ничем не омраченный, чистый, умиротворенный, спокойный» [8, с.1238];

Действия, связанные обрядами: венчали – «венчать – употреблено в значении «наградить (награждать), признать (признавать) что-нибудь достойным награды, увенчивать» [8, 65];

Действия, связанные с перемещением: качали – «качать – употреблено в значении «приводить в колебательное движение, нагибая из стороны в сторону или вверх и вниз», [8, 342];

рождена – «рожденный – появившийся на свет, родившийся, предназначенный для чего-нибудь» [8, с.911];

отдай – «отдать – употреблено в значении «употребить на что-нибудь, посвятить кому-чему-нибудь, израсходовать ради кого-чего-нибудь» [8, с.627].

Специфичными грамматическими признаками являются:

- единственное число: *играй, (не) знай, печали, тиха, ясна, рождена, отдай*;
- «невозвратность»: *играй, (не) знай, венчали, качали, рождена, отдай*;
- спряжение (1): *играй, не знай, венчали, качали, отдай*.

Слова имеют различную синтаксическую функцию. В роли сказуемого выступают следующие лексем: *играй, (не) знай, венчали, качали, тиха, ясна, рождена, отдай*; дополнения – *печали*.

Имена признаков семантики, имеющие опосредованное денотативное значение, ритмизируются фонемой *И* (5 случаев):

- *лови* – глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 2 спряжение, повелительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;
- *лови* – глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 2 спряжение, повелительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;
- *любви* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ж.р., ед.ч., родительный падеж, дополнение;
- *люби* – глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 2 спряжение, повелительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;
- *люби* – глагол, несовершенный вид, переходный, невозвратный, 2 спряжение, повелительное наклонение, ед.ч., 2 лицо, простое глагольное сказуемое;

4 языковые единицы обладают категориальным значением «действия»: *лови, лови, любви, любви*; 1 позиция исследована в значении «предметности»: *любви*.

Охарактеризуем лексическую семантику данных слов.

Действия, связанные с перемещением: лови – «ловить – употреблено в значении «стараться воспользоваться чем-нибудь быстро исчезающим, проходящим» [8, с.412].

Душевное состояние: любви – «чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. // Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости» [8, с.418].

Действия, связанные с душевным состоянием: люби – «любить - испытывать любовь» [8, с.418];

Опишем грамматические признаки слов, имеющие опосредованное денотативное значение. Специфичными являются:

- число (для данной группы характерно единственное число): *лови, лови, любви, любви, любви*;
- переходность, невозвратность, 2 спряжение, повелительное наклонение, 2 лицо: *лови, лови, люби, люби*.

Проанализируем синтаксическую функцию лексем. В предложении являются сказуемыми: *лови, лови, любви, любви*; дополнением: *любви*.

В вертикаль текста второй группы нашего исследования входит фонема **Е**. Это 2 существительных абстрактного значения:

- (*для*) *наслажденья* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ср.р., 2 – е скл., ед.ч., родительный падеж, дополнение;
- *упоенья* – имя существительное, нарицательное, неодушевленное, ср.р., 2 – е скл., ед.ч., родительный падеж, дополнение;

Категориальное значение этих двух лексем - «предметность»: (*для*) *наслажденья, упоенья*.

Лексическая семантика данных слов - душевное состояние: (*для*) *наслажденья* – «наслаждение – высшая степень удовольствия (чувственного, душевного, умственного)» [8, с.500]; *упоенья* – (упоение – восторг, восхищение, экстаз) [8, с.1105].

Грамматические признаки лексем, которые вошли в данную группу, одинаковы: нарицательность, неодушевленность, род (средний), склонение (2), число (для данной группы характерно единственное число), падеж (родительный): (*для*) *наслажденья, упоенья*

Синтаксическая функция - дополнение.

1 лексема, имеющая опосредованное денотативное значение, ритмизируется **Ы**:

- *младые* – имя прилагательное, качественное, полная форма, мн.ч., винительный падеж, определение;

Как видно из анализа данного слова, его категориальное значение - «признаковость».

Лексическая семантика - *временной отрезок (возраст): младые* – «молодые, молодой имеющий немного лет отроду; юного возраста» [8, с.456].

В связи с тем, что в данную группу вошла 1 языковая единица, определим её грамматические признаки: *младые* – качественное, полная форма, мн.ч., винительный падеж.

Синтаксическая функция - определение.

О, У в различительном означивании денотатов имен признаковой семантики не участвуют.

Служебные слова, имеющие соотносительное денотативное значение и составляющие третью группу нашего исследования, ритмизируются в 2 случаях фонемой **И**:

- *и* – сочинительный (соединительный) союз, синтаксической роли не имеет.

В одном – с **А, Е**:

- *для* - предлог, производный, неизменяемое слово, не является членом предложения
- *не* - отрицательная частица, модальная, синтаксической роли не имеет;

Фонемы **У, Ы, О** в различительном означивании денотатов служебных частей речи не участвуют.

Кроме того, в тексте лишь однажды показан непроемный предлог «в»:

- *в* – предлог, непроемный, неизменяемое слово, не является членом предложения.

Итак, проанализировав стихотворение А.С.Пушкина «Адели», можно прийти к выводу, что в большей мере смысловозначительный потенциал реализуется у нелабиализованной гласной *Е* (8 случаев имен предметной семантики), затем - в 3 лексемах, содержащих гласную нижнего подъема среднего ряда *А* (такое же количество слов ритмизируется *У*) и далее - *И*, *Ы* - по 2 языковые единицы. Уходящая в «вертикаль» *О* в именах, имеющих конкретное денотативное значение, не обнаруживаем.

Опосредованное денотативное значение имеют имена признаков семантики, т.е. абстрактные существительные, прилагательные, глаголы. Его находим в 9 случаях с фонемой *А*, в 5 лексемах с *И*, меньший объем (2 слова) – у звука *Е*, 1 – у *Ы*. В «вертикальном» развертывании текста при определении имен признаков семантики *О*, *У* не найдено.

В случаях с именами, имеющими соотносительное денотативное значение (служебные части речи и междометия), были исследованы 2 случая с *И*, по одному – с *А*, *Е*. Примеров с уходящими в «вертикаль» *У*, *Ы*, *О* не выявлено.

В тексте проанализирован непроемный предлог «в», который нельзя отнести к какой-либо ритмизирующей фонеме.

В конце XX - начале XXI века языковеды, обобщая наблюдения над текстом, переходят ко второй части внутренней лингвистики Ф. де Соссюра - теории речи, которую он выделил, но не разрабатывал. В основе этой теории — системный аспект речи. Он может раскрываться через те же понятия, что и системный аспект языка, но с другим содержанием:

- а) семиотическая природа речи (сходное означивание);
- б) структура - уровни речи (межжанровый, внутрижанровый, внутритекстовый, словесно-синтаксический);
- в) отношения единиц речи (функциональная иерархия, функционально-речевая синонимия, нейтрализация, пересечение, объединение, дополнение);
- г) принципы речи (знаковость речевых серий-множеств, произвольность знака, нелинейный характер означающего);
- д) функции речи (сопряжения коммуникативных речемыследеятельностей отправителя и адресата сообщения через семантико-структурные модели текста как его знаковые основы).

Однако при переходе от системного аспекта языка к системному аспекту речи меняется не только содержание терминов, раскрывающих сущность языка и речи как соотносимых, но разных феноменов. При движении исследования от языка как моделируемой системы к речи как реальной системе - к речевой деятельности (процессу) и к тексту (результату) - ключевыми для раскрытия системного аспекта речи становятся следующие понятия:

- а) системообразование речи (выявляется через факторы, принципы и закон);
- б) системность речи конкретного текста (выявляется через семантико-структурные модели его строения);
- в) система речи (выявляется через структуру, отношения и функции речевых единиц) [10, с.67].

Печали, венчали, качали... Что объединяет эти слова, какие смыслы ритмизируются? Это может быть значение как прямое, так и переносное.

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали

И колыбель
Твою качали.

Адель – это аллегория, в данном произведении везде покой. Смысл покоя - «не печалься», «пребывай в состоянии покоя» (весь первый куплет).

Доминирующие предикатные синтаксемы *венчали, качали, печали* отличаются исконно долгими *а*, ритмизацией смысла покоя и данными партитуры.

Играй, не знай – с одной стороны, исконно долгие, с другой – это зона разных экспрессий, оценок.

Играй – в значении «живи»;

Не знай - «не живи в беспокойстве», а «живи в покое».

Синтаксемы тематической зоны – имперактивы, тема бурлит, живет. Здесь – зона поиска, жизнеутверждения. Однако тема «Живи в покое» подготавливает рему. С морфологической точки зрения *венчали, качали* – глаголы прошедшего времени, но среди них – *печали* – существительное. Противопоставления нейтрализуются, поэтому вертикаль текста состоялась.

Центрация семантикой положительной оценки обозначается серией существительных благосклонности, созидания: *наслажденья, упоенья*; модально-оценочной семантикой имплицитной желательности - серией императивов *играй* (в значении *живи*), *люби*.

Этот текст содержит большое количество исконно долгих звуков. Наиболее значительные фонетические и просодические явления ярко раскрываются в свете музыкальной партитуры, существенно обогащают наше представление об истории русской фонетики и просодии, ведь многие стихотворения А.С.Пушкина были положены на музыку. С этой точки зрения некоторые факты, к сожалению, до сих пор остаются в тени лингвистики, а именно: фонологические данные языка, ярко раскрывающиеся в свете музыкального оформления поэтических текстов, т.е. анализ романсов с точки зрения фонетики.

Стихотворение «Адель» А.С.Пушкин посвятил двенадцатилетней дочери Александра Львовича и Аглаи Антоновны Давыдовых – Адели. Образ девушки дан как бы в период её весеннего расцвета. Жизнь Адели, взлелеянная «Харитами и Лелем», должна пройти светло и радостно, постоянно сохраняя заданный ей отзвук поэтической «свири». Романс М.И.Глинки отличается своим смысловым рисунком от стихотворения А.С.Пушкина. У М.И.Глинки жизнь Адели проходит перед слушателями от колыбели до совершеннолетия. На протяжении всего романа тончайшим сплавом мелодии, гармонии и ритма создаётся воздушно-лёгкий, полный счастья образ Адели. Но если в стихотворении А.С.Пушкина поэт выступает лишь в роли жизнерадостного наставника Адели, то в романсе М.И.Глинки образ наставника приобретает новые черты. Сам наставник стареет и изменяется по мере подрастания Адели. Он радостен, весел, беспечен во время ранних пестований ребёнка и тревожен, грустен в конце романа.

Рассмотрим текстовую и нотную партитуру более подробно.

Размер стихотворения – ямб с пиррихиями. Размер романа – также двудольный, причём ударный слог текста совпадает с первой, сильной долей музыкального сопровождения:

слабая доля сильная доля

Иг - рай, Адель, не

Композитор М.И.Глинка чувствовал метр стихотворения и, чтобы добиться данного совпадения, вокальную строку начинает из-за такта со слабой доли, сопоставляя её с идентичной слабой долей слова.

В следующем слове «Адель» слог «-дель» по сравнению с первым сильным слогом «-ра» (в предыдущем слове «играй») менее сильный. Это заметно в партитуре снижением нот: если на первом сильном слоге «-ра» звучала нота «ми», то на второй доле – относительно сильной в музыкальном отношении – «ре», то есть на ступень ниже:

Иг – рай, Адель, не

Совпадение сильной доли в тексте и в музыкальном сопровождении наблюдается и в следующем слове, причём сохраняется такая закономерность: сильная доля – самая высокая нота в пределах одного такта, относительно сильная (вторая доля) немного ниже, слабые доли показаны несомненно более низко.

Во второй, четвёртой и шестой строках стихотворения представляют интерес последние слова: *печали, венчали и качали*. Последний безударный слог как бы оттягивает количество, причём наблюдается различная степень интенсивности безударных слогов даже в одном слове, например: *печали* – «*пе-*» и «*-ли-*» - безударные слоги, но они – носители разного количества, степень интенсивности безударности у них различна. Это видно и по партитуре в неодинаковой звуковысотности нот:

знай пе - ча - ли; Ха-

-бя вен - ча - ли

В словах «*печали*» и «*венчали*» слоги «-ли» находятся на ступень выше первых безударных слогов «*пе-*» и «*ве-*».

Однако в следующем интересующем слове «*качали*» оба безударных слога расположены на одном уровне:

-ю ка - ча - ли

Это создаёт незаконченность фразы, и композитор вновь и вновь повторяет строку: «И колыбель твою качали» (И – односложные слова пиррихия). Лишь после троекратного повторения последний безударный слог, наконец, получает разрешение и звучит значительно ниже (на целую сексту!) первого безударного слога («*ка-*» - «до» 2 октавы, «*-ли*» - «ми» 1 октавы):

-ю ка – ча – ли

Таким большим скачком создаётся иллюзия, будто Хариты и Лель качают и подкидывают вверх маленькую Адель.

Итак, партитура позволяет разграничить разное количество и разную интенсивность ударных. В системе языка звуки «и» (в данном случае второй безударный слог) не были долгими, но они остаются потенциальными носителями долготы, ибо были исконно долгими.

В следующем куплете:

Твоя весна

Тиха, ясна,

Для наслажденья

Ты рождена;

Часы упоенья

Лови, лови!

Младые дни

Отдай любви, -

интерес представляют слова «весна» и «ясна» со староакутовой интонацией на исконно долгих, причём партитура отражает это понижением нот:

-я вес – на ти

– ха, яс – на; для

В следующих строках «Для наслажденья ты рождена» вызывает сомнение первое слово «для» (считать ли его ударным). В свете партитуры выявляется ямбическая стопа, так как слово исполняется на слабой доле (а она, как уже выяснялось, совпадает со слабой долей стихотворного текста) с ударением на первый слог слова «наслажденья»:

-ха, яс – на; для на – слаж – день – я ты

В словах «наслажденья» и «упоенья» слоги «-де-» и «-ень» в музыкальном отношении находятся в одинаковой позиции: на относительно сильной, второй доле такта; длительность нот, на которых располагаются данные слоги, одинаковая – «восьмая». Следовательно, партитура позволяет выявить исконно краткий, имевший новоакутовую интонацию. Происходит выравнивание долготы исконно долгого [а] и исконно краткого [е], который ранее оказался под новоакутовой интонацией.

В строках «Младые дни / Отдай любви » выявляется неточность воспроизведения пушкинского текста (сравни: «Младые лета / Отдай любви» и «Младые дни / Отдай любви»). Очевидно, композитор М.И.Глинка почувствовал несовпадение ударений в стопах двух последних строк куплета и заменил слово «лета» на «дни», после чего по протяжён-

ности стопы стали совпадать.

Итак, проанализировав стихотворение А.С.Пушкина и романс М.И.Глинки, мы выяснили, что текст содержит большое количество исконно долгих [а], [и], а исконно краткие [е] – единичные и с новоакутовой интонацией.

Партитура музыкального сопровождения оказывает неоценимую помощь при восстановлении количества гласного, тона и силы. Исконно долгие звуки (а также исконно краткие под новоакутовой интонацией) зачастую располагаются на первых сильных долях тактов, имеют длительную ноту и занимают главные ступени лада (1, 4 и 5) и тонического трезвучия (1-3-5). Исконно краткие, напротив, в данных характеристиках значительно уступают им. Композитор, несомненно, обладал знаниями истории фонем, потому что в романсе был отмечен следующий факт: исконно долгие (а их в этом тексте большинство) [а], [у], [ы], [и], [е] из [ять] нашли свое отражение в долгих по длительности и высоких в регистровом отношении звуках; исконно краткие [о], [е] – единичны и значительно уступают в музыкальном отношении исконно долгим звукам.

Ряд сегментных фонем уже суперсегментных, так как сегментные фонемы включают способы образования звуков и их акустические свойства, а суперсегментные свойства речи – акустические свойства, тон, количество, силу (громкость). Важно разграничивать фонетику языка (ряд сегментных фонем) и фонетику речи текста (ряд суперсегментных фонем). Устойчивая языковая фонетика выполняет структурообразующую роль, т.е. участвует в создании предикативных единиц или синтагм, а вариативная речевая фонетика – текстообразующую и стилеобразующую роли.

Библиографический список

1. Пфютце М. Грамматика и лингвистика// Новое в зарубежной лингвистике. В. VIII. - М, 1978. – 218 с.
2. Николаева Т.М. Текст// Лингвистический энциклопедический словарь. - М, 1990.- 507 с.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. - М.:Наука,1982.-80с.
4. Ярцев В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н Ярцев. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанровой формы «житие») / А.А.Припадчев //Текст – дискурс – картина мира: сб.науч. тр. – Воронеж: Истоки, 2009. – с.11-20.
6. Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «летопись») / А.А.Припадчев //Теоретические проблемы современного языкознания. Сб. науч. ст.- Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. - с.37
7. Вагурина Л.М. Славянская мифология. Словарь-справочник / Л.М.Вагурина. – М.: Линор & Совершенство, 1998. – 320 с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. - М.: Альта-Принт, 2005. - 1239 с.
9. Мелетинский Е.М. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Е.М.Мелетинский. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 736 с.
10. Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А.Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике: сб. науч. тр.- Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. - 112 с.

УДК 81 373.44

*Московский педагогический
государственный университет,
ассистент, аспирант кафедры
лексики и фонетики немецкого
языка ГОУВПО МПГУ
e-mail: yulyetta@mail.ru*

*Moscow Teacher Training State University
Teacher, a post-graduate Student of the
Chair of Lexics and Phonetics of the German
Language GOUVPO MPGU
e-mail: yulyetta@mail.ru*

Ю. М. Назырова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХАИЗМОВ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются изменения в семантической структуре многозначных слов, обусловленные развитием лексического состава языка, а именно появлением новых значений у слов в процессе образования неологизмов и устаревания отдельных значений. Освещаются функциональные особенности темпорально маркированных единиц и основные черты полисемии как сложного лингвистического явления. Также в статье затрагиваются проблемы фиксации устаревающих и новых значений слов в лексикографических источниках.

Ключевые слова: полисемия, лексико-семантический вариант, архаизм, неологизм, классификация, основное значение слова, производное значение слова, словарь.

Y. M. Nazyrova

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF ARCHAISMS IN SEMANTIC STRUCTURE OF POLYSEMANTIC WORDS

The article deals with some changes in the semantic structure of polysemantic words which are caused by the development of language lexis, namely, by the appearance of new words meanings in the the process of formation of neologisms and obsolescence of certain meanings. Functional distinctive features of temporal marked words and about main features of polysemy as a complex linguistic phenomenon are also covered. The article are touches the problem of fixation of archaic and new word meanings in dictionaries.

Key words: polysemy, lexico-semantic variant, obsolete word, neologism, the main meaning of the word, the derivative meaning of the word, dictionary.

В процессе развития лексического состава языка, как известно, происходят его качественные и количественные изменения. Однако помимо изменений внутри словарной системы языка меняется также внутренняя структура самих лексических единиц, то есть значения слов также не остаются неизменными. И учитывая, что, по мнению Р. А. Будагова, подавляющее большинство слов любого современного живого языка, имеющего длительную литературную традицию, являются многозначными [1], то для значений слов так же, как и для самих слов, характерны процессы устаревания и инновации (обновления). Лексический состав постоянно увеличивается не только и не столько количественно, сколько качественно за счет появления новых значений у старых слов, переосмысления отношений между старыми и новыми значениями.

Прежде всего, следует отметить, что обычно говорят об устаревании и обновлении лексических единиц, называя результаты данных процессов обобщенно архаизмами и неологизмами. Таким образом, мы можем рассматривать архаизмы и неологизмы как определенный пласт лексического состава языка, а именно как темпорально маркированную лексику, то есть лексику, хронологически соотнесенную с определенным историческим периодом в развитии общества. В семантической структуре таких темпорально маркированных слов хронологическая (или временная) соотнесенность выражается в наличии дополнительной семы, несущей отпечаток принадлежности данной лексической единицы к определенной исторической эпохе, что ощущается носителями языка и автоматически учитывается ими при употреблении архаизмов и неологизмов в речи.

Однако, существуют некоторые сложности при демаркации устаревшей и новой лексики от основного лексического состава языка, так как архаизмы, например, включают в себя, согласно некоторым классификациям, не только устаревшие, но и устаревающие слова, и иногда между этими двумя видами слов трудно провести четкую разделяющую их грань. Действительно, как определить, является ли данное слово уже устаревшим, или еще употребляется, но уже воспринимается носителями языка как несущее определенный отпечаток прошлого, то есть является устаревающим? В этом заключается сложная проблема для лексикографов, которые, используя для обозначения архаизированной лексики чаще всего пометы «устаревшее» и «устаревающее» (как, например, в толковых словарях Дудена, Клаппенбах-Штейнитца и издательства Лангеншайдт), должны иметь в своем распоряжении некий набор критериев, позволяющий определить степень устаревания лексики для соответствующего обозначения ее в словарях. Учитывая существующие в разных лексикографических источниках несоответствия, о которых нами будет упомянуто ниже, можно сделать вывод об отсутствии таких критериев. Кроме того, употребление архаичной лексики зависит от возрастных и социальных характеристик говорящего на данном языке, а также оно часто является территориально обусловленным. Некоторые устаревшие и устаревающие слова являются широко употребительными в диалектах или в сельской местности и поэтому не являются для носителей языка темпорально маркированными при коммуникации.

Что же касается неологизмов, то для них трудно определить временные рамки их существования в языковой системе в качестве новых слов. Когда с течением времени коннотация новизны утрачивается, а значение неологизма не перестает быть актуальным, то он переводится говорящим в разряд общеупотребительных слов, не маркированных временем, при этом само слово сохраняет свою форму и значение. Однако не все новые слова акцептируются языком и распространяются в употреблении, становясь полноправными лексическими единицами. Некоторые неологизмы быстро становятся устаревшими, так и не успев стать общеупотребительными, что наиболее ярко проявляется на примере послевоенной лексики в ГДР, которая перестала употребляться после ослабления влияния Советского Союза и исчезновения коммунистических реалий, которые она обозначала. В качестве примера можно привести такие слова, как *der Kolchos*, *der Subbotnik*. То же самое можно сказать и о так называемых «модных словах» (*Modewörter*), которые становятся популярными и активно употребляются (особенно в молодежной среде), но через довольно короткий промежуток времени забываются и заменяются другими, переходя в разряд устаревших, например, *in etwa*, *cool*. Данную группу слов выделяют в своем словаре и снабжают специальной пометой Клаппенбах и Штейнитц, кроме того, их словарь единственный из толковых словарей немецкого языка имеет специальные пометы для неологизмов. Большинство толковых словарей современного немецкого языка помечают только

устаревшую и устаревающую лексику. Возможно, что объяснение этому факту заключается в существующей в лингвистике точке зрения, согласно которой слово, зафиксированное в словаре, перестает быть неологизмом. Однако, если необходимость снабжения устаревших и устаревающих слов специальными (хронологическими) пометами и признается лексикографами, то однозначной и общепринятой системы помет для таких темпорально маркированных лексических единиц до сих пор не существует. В результате возникает путаница в понимании функций и отличительных особенностей некоторых помет, что приводит к определенным трудностям при использовании толковых словарей.

Проведенный анализ нескольких толковых словарей немецкого языка показывает, что разные словари используют разные виды и разное количество хронологических помет, а некоторые, как, например, Толковый словарь издательства Лангеншайдт относят их к стилистическим.

В восьмитомном толковом словаре Дудена (1993г.) выделяются следующие шесть помет, характеризующие хронологическое расслоение лексики:

1) помета «veraltend» (устаревающее) – для слов, употребляющихся редко и большей частью старшим поколением, например: Bockfisch;

2) помета «veraltet» (устарелое) – для слов, не относящихся к современному немецкому языку, но еще употребляющихся в стилистических целях, например: Muhme;

3) помета «früher» (раньше) – используется для слов, обозначающих явления и предметы, которые в наше время неактуальны, например: Leibeigenschaft;

4) помета «hist.» (historisch - историческое) – указывает, что явление, обозначаемое данным словом, относится к прошлой исторической эпохе, например: Beutbahn;

5) помета «ns.» (nationalsozialistisch – нацистское) – указывает на принадлежность слова к языку нацизма, либо на характерное применение данного слова в данный период;

6) помета «selten» (редкое) – для слов, которые используются в отдельных случаях.

Интересно, что в более позднем, третьем издании десятитомного словаря Дудена (1999) помета «selten» уже не рассматривается вместе со всеми хронологическими пометами, а относится к стилистическим, но также используется для слов, которые хотя и встречаются в употреблении, но очень редко, таких, как, например, Abersinn или similar.

В словаре Х. Пауля пометы «veraltet» и «veraltend» отнесены в группу лингвоисторических, где также упоминаются этимологические пометы (fnhd. - Frühneuhochdeutsch) и другие указания на даты (Anf. 17 Jh. – Anfang des 17. Jahrhunderts).

В двухтомном словаре современного немецкого языка для временного обозначения используется только одна помета - «veraltend», которая обозначает устаревшие лексические единицы, которые еще используются старшими поколениями.

Большой толковый словарь Кнаура использует следующие пометы для устаревших слов: «veraltet», «veraltend» и «früher».

Как уже было отмечено выше, в толковом словаре современного немецкого языка Клаппенбах-Штайница используются как пометы, характеризующие устаревшую лексику, так и пометы для неологизмов, что, вероятно, объясняется происхождением словаря: данный словарь издан в ГДР, где на развитие языковой системы огромное влияние оказал русский язык, откуда было заимствовано много слов, в качестве неологизмов появившихся в языке. Толковый словарь Клаппенбах-Штайница выделяет следующие пометы хронологического расслоения лексики:

1) помета «veraltet» (veralt. - устаревшее) – помечает слова, которые сегодня больше не используются, но встречаются в современной литературе и поэтому понятны носителям языка, например: Binokel, Eidam;

2) помета «veraltend» (устаревающее) – для слов, которые сегодня мало используются и принадлежат большей частью старому поколению, например: Boudoir, Gendarm;

3) помета «historische» (hist. – историческое) – для слов, обозначающих предметы, традиции и обычаи исторического прошлого, например: Hellebarde, Turnier;

4) помета «nazistische» (naz. - нацистские) – указывает, что данное слово или выражение было типичным для периода нацизма, например: Gestapo;

5) а) помета «Neuwort» (неологизм) – для слов, которые появились в немецком языке с 1945 г., например: Automation, campen;

б) помета «Neuprägung» (Neupräg. – новообразование) – используется для слов или выражений, которые были образованы в немецком языке из уже существующих слов, начиная с 1945 г., например: Atomenergie;

в) помета «Neubedeutung» (новое значение) – используется для новых значений, возникших у уже существующих слов с 1945 г.;

б) помета «Modewort» (модное слово) – указывает на слова и выражения, которые вдруг начинают использоваться носителями языка с особым предпочтением, например: zutiefst, in etwa.

В шеститомном толковом словаре немецкого языка Брокхаус-Варига вводятся пометы, ограничивающие употребление заглавного слова или одного из его значений во временном отношении (здесь они называются «пометы временного распространения»):

1) помета «veraltet» (veralt.) - означает, что слово больше не существует в современном языке, так как принадлежит прошедшей эпохе;

2) помета «früher» отмечает слова, которые обозначают не существующие сегодня предметы;

3) помета «ursprünglich» применяется для слов, у которых первое, ставшее со временем устаревшим, значение с течением времени подвергалось изменению, например, расширению или ухудшению значения;

4) пометой «selten» отмечаются слова и выражения, употребление которых нетипично для современного языка.

Большой толковый словарь немецкого языка издательства Лангеншайдт, который относит пометы временного отношения к стилистическим, выделяет три их разновидности:

1) помета «veraltet» – для слов и конструкций, которые раньше были обычными для языка, но сегодня не употребляются или употребляются для особого стилистического эффекта, например: Pestilenz;

2) помета «veraltend» – указывает на слова, которые большинству носителей языка кажутся старомодными, но еще употребляются более старшими поколениями, например: Mentor, Missetat, geziemend;

3) помета «hist.» (= «historisch») – для слов, обозначающих предметы и явления, характерные для прошлых эпох, но не существующие в наши дни, например: Postkutsche, Guillotine;

Итак, проанализировав материал вышеназванных толковых словарей, мы приходим к выводу, что в немецкой лексикографии не существует единой точки зрения о статусе хронологических помет, как и не существует общепринятой системы, точно фиксирующей количество и виды помет, уточняющих темпорально маркированную лексику.

Рассмотрим кратко функциональные особенности и классификационные критерии архаизмов и неологизмов. Существует большое количество определений архаизмов, но большинство лингвистов сходятся во мнении, что архаизмы – это устаревшие слова, вышедшие из употребления вследствие исторического развития общества и развития языковой системы, которые неразрывно связаны между собой. Лингвистический энциклопеди-

ческий словарь под редакцией В.Н.Ярцевой определяет **архаизмы** как устаревшие слова, то есть слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка [2].

Традиционная классификация архаизмов в немецком языке основывается на утверждении, что слово – это языковой знак, объединяющий в себе значение (*Bedeutung*), звуковую форму (*Formativ*) и понятие (*Begriff*), которое оно обозначает. Принимая во внимание, что устаревать может каждый из этих элементов слова в отдельности, выделяют следующие виды и подвиды архаизмов:

- 1) архаизмы по понятию или историзмы, обозначающие предметы и явления, больше не существующие в современной действительности (например: *die Zunft* объединение ремесленников в Средневековье);
- 2) архаизмы по значению (например: слово *klein* раньше имело два значения – «чистый» и «маленький», сегодня это слово используется только в значении «маленький», а значение «чистый» устарело);
- 3) архаизмы по форме, здесь выделяют подвиды:
 - а) фонетические (например: слово *der Atem* произносилось раньше как *der Odem*);
 - б) грамматические (устаревшие грамматические формы, например: окончание –е в дательном падеже существительных *dem Hemde, im Walde*);
 - с) устаревшие слова, значение которых остается актуальным и сегодня, то есть для обозначения их денотатов используются слова-синонимы, вытеснившие их из употребления (например: слово *die Minne* - устаревший синоним слова *die Liebe*)

М. Д. Степанова в своей классификации выделяет следующие три группы архаизмов [3]:

- 1) историзмы
- 2) фоно-морфологические архаизмы
- 3) семантизмы

А. П. Ялышева считает, что историзмы нельзя рассматривать как вид архаизмов и предлагает свой вариант классификации устаревших слов, в которой она четко разграничивает историзмы и архаизмы [4]:

1. Историзмы (устаревшие слова, обозначающие понятия, исчезнувшие из современной действительности, например: *die Blutrache* (кровная месть), *der Gulden* (гульден, устаревшая денежная единица), *die Hexenverbrennung* (сожжение ведьм)

2. Лексические архаизмы (устаревшие или устаревающие слова, обозначающие понятия, исчезнувшие из современной действительности и, как правило, не имеющие синонимов или вариантов в современном языке):

а) фонетико-морфологические архаизмы или архаизмы по форме (например: *danket* (*dankt*), *Hirte* (*Hirt*))

б) семантические архаизмы (например: *Abgunst* (*Abneigung*), *Zunge* (*Sprache*))

Как видно из этих примеров, на данный момент не выработано единой классификации архаизмов, но наиболее важным в практическом плане является то, что в словарях чаще всего помечаются две группы архаизированной лексики: устаревшие и устарелые слова. И если устаревшие слова определяются в десятитомном словаре Дудена как вышедшие из активного словарного запаса языка и встречающиеся только в исторических текстах, то устаревающая лексика еще употребительна, но большей частью старшими поколениями.

Неологизмы являются неотъемлемым и вместе с тем уникальным элементом лекси-

ческой системы языка. Их количество постоянно растет, несмотря на то, что не все новые слова становятся общеупотребительными лексическими единицами. Лексический состав языка обновляется непрерывно, независимо от того, фиксируются языковые инновации или нет, так как носители языка постоянно испытывают потребность в новых словах для обозначения новых предметов и явлений, либо для самовыражения и усиления экспрессии и одновременно с этим для демонстрации своей принадлежности к определенной социальной группе. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н.Ярцевой характеризует неологизмы как слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные слова») в каком-либо тексте или акте речи [2]. Развитие языка, как известно, обусловлено не только интралингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, поэтому социальный контекст, в котором развивается язык, имеет огромное значение. Как отмечает Е.В. Розен появление в языке новых обозначений, то есть неологизмов, является спутником всего нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная жизнь, мода или взаимоотношения людей, социальных групп или государств [5]. Таким образом, мы можем сказать, что неологизмы являются символами времени, отражая современное состояние науки, техники и культуры и осуществляя связь индивида с современностью.

По мнению В.Д. Девкина, в обновлении лексического состава языка заложены следующие принципы [6]:

1. Новое явление – новая номинация, неологизмы в полном смысле слова;
2. Знакомое, известное явление – новая номинация, то есть переименование;
3. Устаревание слов и фразеологии и исчезновение их из активного употребления или замена более новым словом или выражением;

Таким образом, потребность в новом обозначении известных предметов и понятий может удовлетворяться путем реализации одной из трех возможностей: заимствование названия из другого языка; образование нового слова на базе собственного языкового материала; использование «готовых», уже существующих слов языка в новом для них значении. В соответствии с этим Е.В. Розен выделяет следующие виды неологизмов [5]:

- 1) собственно неологизмы – слова, впервые зафиксированные в немецком языке, чаще всего это заимствования из других языков (*der Laptop* – «портативный компьютер» (из английского));
- 2) новообразования – слова с ясной словообразовательной структурой, состоящие из компонентов, уже использовавшихся в другом сочетании в иных словообразовательных конфигурациях, в большинстве случаев это сложные слова, реже – производные (*der Kultfilm* – «культовый фильм»);
- 3) семантические неологизмы – новые значения у существовавших ранее лексических единиц или новые лексико-семантические варианты (*die Ikone* в значении «предмет восторженного поклонения»).

Согласному меткому замечанию А. П. Ялышевой, устареть может любое языковое явление: как различные морфемы слова, формы слова, все слово, так и значение слова [4]. То же самое касается и обновления лексики: как мы видим из классификации, одним из видов неологизмов являются новые значения у уже существующих лексических единиц. Таким образом, процесс устаревания или наоборот обновления значения слов возможен только у лексических единиц, имеющих как минимум больше одного лексического значения, то есть являющихся многозначными. Значит, явление полисемии (многозначности) и семантические изменения, происходящие в ходе развития слов, тесно взаимосвязаны, что

и было выявлено в ходе анализа устаревшей лексики, содержащейся в десятичном толковом словаре издательства Дуден.

Однако прежде чем рассматривать устаревшие и новые значения многозначных слов немецкого языка, обратимся к понятию полисемии и ее основным функциональным особенностям. Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой определяет полисемию как наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [7]. Следует отметить, что нередки случаи, когда это первоначальное значение перестает быть основным, а затем и вовсе устаревает.

Полисемия присуща слову как компоненту системы языка (в частности его лексической системы). Полисемия непосредственно связана с практической деятельностью человека, в процессе которой он сталкивается с бесконечным многообразием окружающего его мира. При изучении и познании предметов и явлений реальной действительности, человек старается охватить как можно больше их граней, функций и взаимосвязей, постоянно открывая для себя что-то новое. И если бы семантическая структура слов оставалась в процессе человеческого познания всегда перманентной, не располагая возможностями для трансформации, то людям приходилось бы придумывать новое слово для обозначения всякого нового явления или предмета. Нетрудно представить себе, каким громоздким и невозможным для изучения стал бы язык любой развитой цивилизации или народности к началу двадцатого века. Таким образом, важнейшим качеством всякого живого языка является его способность к свободному знакообразованию, благодаря которому человеческий язык, в отличие от жестко фиксированных знаковых систем, может быть использован для описания бесконечного множества самых разнообразных ситуаций в процессе коммуникации. Как справедливо заметил Р. А. Будагов, «...лишенное многозначности слово перестало бы служить цивилизации», так как лексика была бы не в состоянии передавать движение и развитие мысли говорящих на языке людей [1]. Р. А. Будагов, много трудов посвятивший вопросу полисемии, указывает также на двустороннюю обусловленность многозначности слова, с одной стороны, особенностями повседневного опыта человека, а с другой стороны – природой человеческого мышления.

Известно, что анализ современного многозначного слова приводит к его расчленению на лексико-семантические варианты, каждый из которых представлен отдельным значением в составе слова, как оно описывается в толковом словаре, и соответствующим этому отдельному значению типом контекста. Несмотря на различия между лексико-семантическими вариантами одной лексемы, в структуре многозначного слова всегда есть нечто общее, связывающее все лексико-семантические варианты независимо от их количества в одно целое и поддерживающее их единство в пределах слова. Это основное значение. Чрезвычайно широко распространено мнение о том, что структура многозначного слова характеризуется иерархией: главенствующую роль в ней, как правило, играет всегда одно основное или главное значение, все остальные подчинены основному. Значения слова, составляющие семантическую структуру слова, при всем своем различии не разрушают его единство, опирающееся на тождество его звуковой формы. Таким образом, значения многозначного слова образуют определенную семантическую структуру с одним (иногда с сосуществующими двумя и более) основным значением, вокруг которого группируются остальные. Многозначное слово обладает в каждом своем варианте разной употребительностью и разным объемом семантического содержания, то есть каждый лексико-семантический вариант многозначной лексемы является самостоятельным и обладает известной долей своеобразия. Системность значений многозначного слова является одним из важнейших признаков полисемии.

Основное значение обычно характеризуется как прямое номинативное значение и выступает в лексико-семантической системе языка как основное средство выражения данного понятия. Общеупотребительное, устойчивое, легко выделяемое, основное значение является опорой, фундаментом других значений слова. Оно отличается наибольшей словообразовательной активностью, наименьшей стилистической и синтаксической ограниченностью.

Наличие основного лексико-семантического значения или основного значения слова обусловлено особенностями коммуникативной функции языка. Подобно тому, как главное качество определяет целостность предметов, основной вариант конституирует слово в целом. Анализ языкового материала показывает, что основное значение дается слову его употреблением, а не его происхождением. Основным вариантом, который как бы воплощает общую характеристику слова, может с течением времени меняться. Несмотря на то, что многие лингвисты считают, что основным вариантом является тот, которому присуще этимологическое значение, довольно часто этимологическое значение становится достоянием истории и уже не является определяющим и объединяющим фактором для системы лексико-семантических вариантов многозначного слова в современном языке. Например, этимологическое значение «волнение» у существительного «*Geist*» устарело, и теперь основным его вариантом в современном немецком языке является «ум, разум». Р. А. Будагов также отмечает, что многозначность является результатом обобщения, «перегруппировки и исторического наращивания разных значений в пределах одного слова» [1]. Тот факт, что значения основных вариантов в современном языке не совпадают с этимологическими только подтверждает зависимость лексической системы языка от исторического развития человеческого общества. Основное значение, даже если первоначально оно и было этимологическим, не может считаться неизменным, ведь в процессе исторического развития изменяются и денотаты, а иногда и совсем исчезают из действительности в процессе устаревания. Таким образом, исторические изменения находят свое отражение в языке и в семантической структуре многозначных слов. Однако варианты с этимологическим значением не всегда устаревают и исчезают из словоупотребления. Часто они сохраняются в языке, но не являются основными для лексических единиц. Например, слово «*Natur*» сохранило лексико-семантический вариант с этимологическим значением «характер, врожденное свойство», но в настоящее время он не является основным. Основным значением в процессе семантических изменений стало «природа, окружающий мир».

Многозначные слова не могут сохранять всю свою систему значений неизменной: в процессе развития общества, а вместе с ним и языка, многие значения устаревают, равно, как и появляются новые значения. Между значениями многозначных слов существуют известные связи, а поскольку значение слова – подвижный элемент, то эти связи легко меняются. Однако это не приводит к их ликвидации, так как слова обозначают определенные предметы, явления реальной действительности, которые подвижны и непостоянны. Системность значений многозначного слова является одним из важнейших признаков полисемии, она подвержена развитию, меняется ее характер. Трансформация семантики слов способствует эволюции словарного состава не в количественном, а в качественном отношении, то есть не путем создания новых лексем, а через переосмысление уже имеющихся, что является основным в изменении лексики.

Семантические процессы в слове имеют многосторонний характер, в них отражаются явления, происходящие в словарном составе языка. Это относится, в частности, к функциональной неоднородности слова по разным лексико-семантическим вариантам. Например, этимологическое значение слова *Zimmer* – «строительный лес», затем оно имело значения «деревянная постройка», техническое значение «деревянная обшивка што-

лен» и самым новым значением было «жилое помещение, комната». В современном немецком языке оно функционирует в двух лексико-семантических вариантах: основном «жилое помещение, комната» и производном «деревянная обшивка». Вариант с этимологическим значением теперь можно выявить только путем этимологического анализа. Однако производный от существительного глагол *zimmern* (обрабатывать плотничьим инструментом строительный лес) сохранил определенную семантическую связь с вариантом с этимологическим значением.

Связи полисемии сложны и многомерны. Они возникают в ходе исторического развития лексических единиц, и в этом плане они имеют отношение к такому явлению, как моносемия. С одной стороны, существуют семантически моновариантные слова, которые отличаются большой стабильностью в языке. С другой стороны, однозначные лексические единицы с течением времени приобретают усложненную семантическую структуру, развивая все новые и новые лексико-семантические варианты. Иногда с развитием семантической структуры слова изменяется и его грамматическая структура: в грамматической парадигме появляются новые варианты, либо происходит четкая функциональная дифференциация существующих. Например, первоначально семантически моновариантное существительное *der Staub* с развитием промышленности начало использоваться в терминологии, включив в свою семантическую структуру производный лексико-семантический вариант «особая масса частиц пыли», который привел к изменениям в грамматической парадигме данной лексической единицы. У слова, которое прежде употреблялось исключительно в единственном числе, в данном значении появилась форма множественного числа (*Stäube, Staube*), кроме того, слово *Staub* имеет еще и лексико-семантический вариант «вулканический пепел». Данный пример также ярко иллюстрирует процесс терминологизации значений слов, когда в семантической структуре слова появляются лексико-семантические варианты терминологического характера, иногда принадлежащие к разным терминосферам. Подобную функциональную неоднородность слова по его разным лексико-семантическим вариантам мы можем наблюдать на примере глагола *schneiden* с основным значением «резать». Среди его производных лексико-семантических вариантов есть несколько терминологических: «оперировать» (мед.), «срезать мяч, шар» (спорт.), «монтировать фильм». У древнегерманского глагола *saugen* (сосать) существуют колебания в формах претерита и причастия II (*saugte / sog , gesaugt / gesogen*). В настоящее время благодаря широкому распространению бытовых приборов у глагола появился лексико-семантический вариант «чистить пылесосом», для которого возможны только слабые формы претерита и причастия II (*saugte-gesaugt*), то есть произошла дифференциация фонеморфологических вариантов. Таким образом, слово, первоначально однозначное, может с течением времени приобрести новые значения.

Другие значения появляются позднее и тем самым сосуществуют со старыми значениями не на всех этапах бытования языка. Возникает вопрос: как следует понимать многозначность слова в процессе исторического развития языка. Полисемия – результат обобщения, результат группировки и исторического наращивания разных значений в пределах одного слова. Контекст может лишь уточнять эти значения, но не предопределять их каждый раз заново, если сами различные значения уже установились и стали общим достоянием лексики определенной эпохи. В самом процессе формирования новых значений у старых или сравнительно старых слов основную роль играют переносные значения, например, слово *die Ameise* (муравей) используется также для обозначения небольшого транспортного средства, слово *das Netz* употребляется часто в переносном значении «интернет».

При этом нередко происходит и обратное явление, когда семантически поливариант-

ная лексема утрачивает один за другим ряд своих лексико-семантических вариантов и становится семантически моновариантным словом. Например, у глагола *spezialisiren* из двух значений одно («излагать по пунктам») устарело и больше не используется, поэтому слово стало семантически моновариантным. Из трех значений глагола *spornen* два («пришпоривать лошадь» и «поощрять») устарели, и лексическая единица из многозначной превратилась в однозначную. Как отмечает А.П. Ялышева, когда устаревает все слово, это значит, что устаревают все его лексико-семантические варианты. Данное положение касается в основном двузначных слов, так как у многозначного слова вряд ли могут устареть сразу все значения. У многозначных слов широкой семантики чаще всего устаревает один из лексико-семантических вариантов, например в смысловой структуре глагола *entwickeln* устарел лишь один вариант из одиннадцати – *sich aus etw auswickeln* (распутаться, развернуться из чего-либо).

Немаловажной лексикографической особенностью многозначных слов является тот факт, что иногда одно и то же слово внесено в одни словари как однозначное, а в другие как многозначное. Например, существительное *Gast* включено в словарь Э. Агриколы как моносемантическое слово, а в словаре Р. Клаппенбах и В. Штейнитца оно является полисемантическим.

Касарес дефинирует полисемию как совпадение разных обозначаемых в одном и том же словарном знаке и пытается эмпирически наметить основные случаи, когда «окказиональное» употребление слова приобретает достаточную определенность для того, чтобы дать отдельное лексикографическое значение [8]. К таким случаям он относит:

- 1) Наличие двух значений в языке-основе
- 2) Сужение значения
- 3) Превращение окказионального значения в узуальное
- 4) Возникновение нового значения на основе образного употребления
- 5) Обогащение значения слова через определяющее его слово в словосочетании

В ходе анализа устаревшей лексики из десятичного словаря Дудена нами было обнаружено большое количество случаев устаревания какого-то из нескольких значений многозначного слова. Например, слово *abdanken* имеет три значения, из которых устарело второе значение «освободить от службы». У глагола *bauen* устарело восьмое значение из девяти «заставлять чем-то, застраивать». Однако, наиболее часты случаи устаревания у многозначных слов первых или вторых значений, например, у слов *Devolution*, *armieren*, *Bagage* устарело первое значение, а у слов *büicken*, *Diastase*, *ausbitten*, *Applikation* – второе.

Таким образом, развитие семантической системы многозначных слов, отражающееся в устаревании и обновлении отдельных лексико-семантических вариантов, свидетельствует о прогрессе лексического состава языка и всей языковой системы в целом. Полисемию надо связывать не с мнимой двусмысленностью лексики, а с противоположными ее качествами: стремлением приобрести такие свойства, которые позволяли бы ей быть адекватным средством передачи мыслей и чувств людей, живущих в обществе. Если лексика отдельных языков не всегда справляется с такой задачей, то в своей исторической тенденции она всегда стремится к ее решению. Зависимость характера многозначности слова от исторического развития познания человеком мира не вызывает сомнений и должна наглядно свидетельствовать о том, что при относительной самостоятельности языка и наличии внутренних закономерностей его развития решающее воздействие на его организацию оказывает его функциональная сторона, в конечном счете социальные факторы и мышление.

Библиографический список

1. Будагов, Р.А. Человек и его язык [Текст] / Р.А. Будагов. - М.:Изд-во Моск.Ун-та, 1974.

2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.
3. Степанова, М. Д., Чернышева, И. И. Лексикология современного немецкого языка [Текст] / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. - М.: Высшая школа, 1962.
4. Ялышева, А. П. Функционирование устаревших слов в современном немецком языке [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / А.П. Ялышева. – М., 1971.
5. Розен, Е.В. Как появляются слова. Немецкая лексика: история и современность [Текст] / Е.В. Розен. – М.: МАРТ, 2000.
6. Девкин, В.Д. Обновление лексики [Текст] / В.Д. Девкин // Лексика и лексикография: Сб. научных трудов. – М.: 2000.
7. Ахманова, О.С. Лингвистический словарь. [Текст] – М.: 1996.
8. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. [Текст] – М.: 1958.

Словари

1. Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык./ Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М.: Изд-во Март, 1998.
2. Brockhaus W. Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden.- Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1980.
3. Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. 2 Aufl. - Mannheim u.a.: Dudenverlag, 1993.
4. Duden . Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3 Aufl. - Mannheim u.a.: Dudenverlag, 1999.
5. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in zwei Bänden – Berlin.: Akademie-Verlag, 1984.
6. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Berlin.: Akademie Verlag, 1969.
7. Knaur's Grosses Wörterbuch der deutschen Sprache. – München.: Der grosse Störig, 1985.
8. Paul H. Deutsches Wörterbuch. 9Aufl. - Tübingen.: Max Niemeyer Verlag, 1992.

УДК 811.11.

*Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
преподаватель, аспирант кафедры языкознания СФ ПГУ
e-mail: eichhoernchen@inbox.ru*

*Severodvinsk Branch of Pomor State University named after M.V.Lomonosov,
Teacher, a post-graduate student of the Chair of Linguistics SF PGU
e-mail: eichhoernchen@inbox.ru*

А.И. Попова

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФНЫХ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности различных структурных разновидностей переосмыслений зоонимов и лексем, образованных с помощью компонента-

зоонима, в современном немецком языке. Лексемы рассматриваются в структурно-семантическом аспекте; анализируются также пути возникновения переносных значений зоонимов.

Ключевые слова: зооним, животное, переосмысление, метафора, простое слово, дериват, композит.

A.I. Popova

STRUCTURAL DISTRICTIVE FEATURES OF FIGURATIVE MEANINGS OF ZOONYMS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The article deals with the structural distinctive features of various types of re-examinations of zoonyms and lexemes formed by using a component-zoonym in the modern German language. Lexemes are considered in structural-and semantic aspects, the ways of the appearance of zoonyms rethinking are also explored.

Key words: zoonym, animal, re-examination, metaphor, simple word, derivative, composite.

Зоонимом в лингвистической литературе принято называть прямую номинацию животного. Как отмечают исследователи (см. напр., [1, с.3]) лексико-семантическая группа зоонимов принадлежит к числу наиболее активно употребляемых пластов лексики, эти языковые единицы широко участвуют в процессах фразообразования, а также в процессах образования образных лексем, а именно метафор. Одним из наиболее интересных аспектов изучения зоонимов в современном языкознании является исследование структурных особенностей переосмысленных лексем, изучение способов и путей образования новых слов или новых значений зоонимов. Как пишет К.А. Левковская, «словообразование может рассматриваться как основа для структурно-семантической классификации лексических единиц, так как различие в строении между словами с простыми, производными и сложными основами затрагивает не только структуру, но и семантику соответствующих слов» [2, с.304].

Цель статьи заключается в описании структурных особенностей одиночных лексем. Источником материала послужили данные толковых словарей немецкого языка, а также данные наиболее авторитетных немецко-русских словарей, таких как, например, Большой немецко-русский словарь [БНРС]. Кроме того, в нашем исследовании мы обратились к немецкой художественной литературе с тем, чтобы расширить и объективировать исследовательский материал. Лексемы с переносным значением, функционирующие в художественной литературе, представляют огромный интерес, так как именно в контекстах актуализируются новые, не закрепленные в языке значения зоонимов. Стоит сказать, что мы не ограничивали материал переносными значениями лексем в традиционном для лексикографии понимании, когда только метафорический перенос трактуется как переносное значение. Все вторичные значения зоонимов и слов с компонентом-зоонимом входят в наш исследовательский материал.

Словообразование всегда было одним из самых актуальных направлений лингвистических исследований. В России и в Германии сложились свои традиции в этой области знания. С точки зрения словообразовательной структуры в русистике принято делить слова на мотивированные (производные) и немотивированные (непроизводные), а мотивированные слова, в свою очередь, подразделяются по способам образования основы (суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация, сложение, сращение и аббревиация),

данной точки зрения придерживаются Н.А. Николина, Г.О. Винокур, В. Дорошевский, Е.А. Земская и др. (см. напр. КРГ [3, с. 39]). Подобное мнение высказывает и германист В. Фляйшер: он предлагает делить все слова на простые (*Simplizia*), напр. *Haus* или *Tür*, и сочетания (*Gefüge, Kombinationen, Konstruktionen*), напр. *Haustür* [4, с.29]. Однако чаще в германистике весь корпус лексем по типу словообразовательной формы принято подразделять на три большие группы: простые (непроизводные), сложные и производные, придерживаются данного мнения М.Д. Степанова, К.А. Левковская, Е.И. Шендельс (см. напр. [5, с.57]). Мы также придерживаемся этой точки зрения, так как подобное разделение наиболее точно соответствует словообразовательным особенностям немецкого языка.

Рассмотрим названные группы слов. В каждой группе мы сочли необходимым разделить слова по частеречной принадлежности, так как это облегчает анализ и помогает выделить общие особенности словообразования отдельных частей речи.

Простые слова. К рассматриваемой группе относятся зоонимы, переносное (метафорическое) значение которых закреплено в словарях. Как пишет Н. А. Аблова, такие зоометафоры «...возникают на основе свойственного всем народам приписывания животным и неодушевленным предметам человеческих черт и качеств, которые затем как бы "обратно" переносятся на человека» [6, с.82].

В рамках этой группы встречаются как антропоморфные метафоры, в которых наблюдается перенос по типу животное → человек (один), например, *die Ziege* ('сумасбродная женщина'), животное → человек (группа людей), например, *die Schlange* ('очередь'), так и не антропоморфные, в которых перенос значения происходит по типу животное → предмет, например, *die Schwalbe* ('фрак') или *der Kuckuck* ('печать судебного исполнителя'), либо животное → животное, что встречается значительно реже, например, *die Biene* ('вошь'). Стоит отметить, что данный тип переноса не зафиксирован исследователями, в то время как в современном языке он представлен достаточно: напр. *der Fuchs* ('лошадь рыжей масти'), *der Fuchs* ('дневная бабочка с желтыми или красными крылышками') [Duden]. Более богатый материал в подтверждение данного тезиса представлен в разряде производных слов.

Недериватные метафоры, функционирующие в художественной литературе, также представляют интерес, так как именно в контекстах актуализируются новые, не закреплённые в языке значения зоонимов. Ср.: (1) *Marguerite, das Roß, am Nebentisch, hob nach scharfem Nachdenken den Kopf. »Zwei Flaschen Pommery«, bestellte sie triumphierend. Sie hatte Rolande gern und wollte ihr das zeigen.* [D.K., с. 334]. В этом контексте зооним употребляется не в том значении, которое зафиксировано в словаре, а именно: 'дурак, простофиля', ср.: '*Dummkopf, Trottel*' [Duden], а в окказиональном: 'вульгарная, грубая женщина; баба'.

Сложные слова (дериваты). Одним из самых продуктивных способов словообразования является деривация. Деривация (*die Ableitung*), по определению С.М. Хантимирова, есть, во-первых, процесс образования производных слов и, во-вторых, результат этого процесса, собственно производное слово (дериват) [7, с.53]. Термин «дериват» употребляется в данном случае в узком смысле, то есть под ним понимаются «языковые единицы, образованные на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем «расширения» корня за счет аффиксации [БЭС, с.129].

Интересующее нас значение слова может быть в словаре или основным, или, в случае сохранения первичного значения зоонима, переносным. Так, лексема *das Bärchen*, основным лексическим значением которой является 'медвежонок, детеныш медведя', приобрела метафорическое значение 'увалень, невежа', а лексема *der Äffer* имеет основное значение 'подражатель', то есть сема «животное» утратилась. В случае с первой единицей

налицо непосредственная связь семантики отдельных компонентов лексемы и ее итогового значения 'медвежонок', что объясняется прозрачной семантикой суффикса *-chen*, а в результате переноса оно приобрело новое, образное значение 'увалень, невежа'. В образовании лексемы *der Äffler* участвовал суффикс *-er*, который обозначает лицо, деятеля, и основа существительного уже в переносном значении (это доказывается наличием в языке лексем *affig, äffen, affen* и т.д. с общей семой 'подражание'). Таким образом, на базе семы 'подражание' возник новый лексико-семантический вариант слова, а первичное значение лексемы *Affe* ('обезьяна') утратилось; мы имеем дело с семантической модификацией первичного значения.

Нами было отобрано более 150 лексем, имеющих словообразовательную структуру деривата. В данной группе преобладают глаголы, в основном, за счет того, что один глагол имеет 5-6 переносных значений в языке. Затем следуют прилагательные и наименьшее количество составили существительные. Объяснить это можно тем, что в немецком языке непродуктивна модель образования существительных от одушевленных существительных путем добавления аффикса либо же другим способом, кроме сложения основ.

Рассмотрим подробно группу дериватов-существительных. К ней относятся, в первую очередь, уменьшительно-ласкательные формы зоонимов с суффиксами *-chen* и *-lein*. Кроме того, к этой группе мы причисляем производные лексические единицы с суффиксом *-er*, обозначающие деятеля, например, *der Hamsterer* ('мешочник, спекулянт'). В семантическом аспекте группа представляет интерес, так как в отличие от остальных групп, здесь присутствует достаточно много слов с положительной оценкой. Очевидно, что это связано с семантикой продуктивных для группы суффиксов. Ср.: *das Lämmchen, das Mäuschen* и т.д. Однако же, суффикс не полностью определяет общую семантику лексем, например, *das Schäfchen, das Schäflein* ('слепо доверяющий ведущему его'), *das Pferdchen* ('проститутка, работающая на сутенера'), *das Möpschen* ('маленький толстый человек') [Duden].

В современном языке имеются примеры не только суффиксации, но и контаминации. Такой пример обнаружен при анализе словаря современного языка «Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache», размещенного на Интернет-сайте <http://www.sprachnudel.de/woerterbuch>. Слово *der Krokodackel* образовано путем слияния двух зоонимов, *das Krokodil* и *der Dackel*. Интересно и то, что в значении этого слова, предложенного пользователем сайта («*Kosenname für den Partner. Der Begriff trifft dabei auf Menschen zu, die ihren Partner gerne anknabbern und dreinschauen wie ein Dackel - eben lieb und treu*») имеется прямое сравнение с таксой, основанное на представлении о верности и преданности этих животных [Sprachnudel]. Однако общих сем со словом *крокодил* нами обнаружено не было. Тезис о том, что это именно контаминация, подтверждает этимология слова. Слово было придумано сказочником Оттфридом Пройслером, когда в сказке «*Räuber Hotzenplotz*» такса Васти превращается в крокодила и ведет себя при этом очень «пособачьи» (как такса). Кроме аффиксации и контаминации в языке имеется пример сокращения: *der Dinosaurier – der Dino*. Сокращенный вариант в современном языке имеет значение «*пожилой человек*» [Sprachnudel].

Интересны примеры окказионального употребления дериватов в художественном тексте. Например: (2) *Das Hamsterhafte in seinem Wesen quietscht auf, sowie jemand kommt und kauft ihm irgend etwas ab aus seiner Trödlerbude gegen noch so teures Geld: er empfindet nur den Zwang des ›Hergebenmüssens‹*. [Meyrink, с. 53]. Здесь мы наблюдаем результат конверсии, перехода имени прилагательного в существительное. Интересна семантика данного окказионализма. Слово состоит из зоонима *Hamster* и суффикса *-haft*, который, как свидетельствует «Словарь словообразовательных элементов немецкого языка», мо-

жет указывать на: 1) на наличие чего-л. 2) на сходство, подобие, характер чего-л., таким образом, суммируя данные значения, образованное означает 'свойственное хомяку, хомячье' [ССЭНЯ, с.187].

Глаголы с зоокомпонентом представлены в немецком языке достаточно широко. Эта группа содержит метафоры, например, *äffen, büffeln, hamstern*. Отличительной особенностью данной группы является многозначность большинства дериватов-глаголов. Это можно объяснить тем, что в глагольной лексеме актуализируются несколько смыслов, так как глагольные суффиксы не создают в большинстве своем ограничений по семантике деривата и, тем самым, позволяют значению меняться в нескольких направлениях, в то время как суффиксы существительных несут определенную грамматическую или семантическую нагрузку. Например, суффикс *-er* всегда означает деятеля, а суффикс *-chen* придает лексеме диминутивное значение. Проиллюстрируем сказанное. У дериватов-существительных семантика достаточно прозрачна, ср.: *das Gänschen* – дурочка (ср. *die Gans* – дура), а у глаголов-дериватов, образованных с помощью присоединения элементов *-en* или *-ern*, грамматическим значением которых является принадлежность лексемы к классу глаголов, семантика глагола полностью определяется зоонимом, тем его смыслом, который актуализируется в конкретной речевой ситуации. Например, лексема *eseln* имеет следующие закрепленные в языке значения: 1) тяжело работать; работать, не разгибая спины; надрываться; 2) совершать глупость, поступать глупо, сглупить; 3) подшучивать (над кем-л.), дурачить (кого-л.) [Duden]. На данном примере видно, какие особенности образа осла нашли отражение в метафорике: во-первых, это способность упорно и много трудиться, во-вторых, как и в русском языке, осла приписывается глупость, а из этого значения развивается и третье – 'высмеивать кого-л, выставлять кого-л. глупцом'.

Дериваты прилагательные тоже достаточно широко представлены в немецком языке, нами было отобрано более 40 единиц. Новые лексемы образуются с помощью формантов *-haft, -artig, -ig*. В некоторых случаях кроме словообразующего суффикса дериват получает умлаут, ср.: *säuisch*. В семантическом аспекте лексемы имеют достаточно широкое значение, как и глаголы, описанные выше, ср.: *aalig, affig, bärenhaft, eselhaft, eulenhaft* и т.д. [Duden]. Из набора признаков животного выделяется один, как правило, не главный, а зачастую вообще не соответствующий действительности, приписанный животному людьми признак и на основе этого признака создается лексема. Рассмотрим на примере лексемы *eselhaft*. Языковым сознанием осла приписывается глупость, хотя, как свидетельствуют исследователи, осел весьма неглупое животное, просто упрямое [8, с.48-49]. Исходя из структурного состава слова лексическое значение слова должно быть «как у осла, свойственный осла». Однако словарь дает значение «*dumm, töricht*» [Duden], а значит, актуализируется только сема «глупость».

Производные слова. Как известно, словосложение является типичным способом расширения лексического состава немецкого языка. Об этом неоднократно говорили такие ученые, как М.Д. Степанова, В.С. Вашунин, В.М. Павлов. Например, М.Д. Степанова пишет: «Словосложение во всех его видах весьма продуктивно в современном немецком языке» [5, с. 64]. В ходе исследования нами было выявлено 429 композитов.

Анализ композитов с зоокомпонентом целесообразно начать с имен существительных, так как лексемы данной части речи в значительной степени преобладают в нашем материале.

В структурном аспекте сложные существительные с зоокомпонентом можно разделить на три группы:

1) первую группу составляют лексемы, в которых зооним, находясь на первом месте, является только усилительной частицей, привносящей в общий смысл какое-либо дополнительное значение ($S_{(Tier)}+S$), например, *die Lausekälte* – ‘собачий холод’;

2) во вторую группу входят лексемы, в которых зооним является смысловым компонентом, то есть стоит в композите на втором месте ($S+ S_{(Tier)}$), например, *die Feldratte* – ‘пехотинец’, ‘полевая мышь’, ‘крыса’;

3) третья группа включает композиты, содержащие в себе два зоонима ($S_{(Tier)}+S_{(Tier)}$), например, *der Affenzeck* – ‘комедия’, ‘балаган, фарс’.

Учитывая, что многие зоонимы в системе языка являются сильными экспрессивами, то факт, что первая группа содержит в несколько раз больше лексем, чем вторая или особенно третья не кажется неожиданным. Именно коннотированность зоонимов обуславливает их высокую словообразовательную активность в качестве компонента, выражающего субъективную оценку.

Об этом свидетельствуют, в частности, и данные «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка» / Под ред. М.Д. Степановой. Возьмем, например, компонент «*Sau-*». По мнению составителей словаря, существительным этот полупрефикс придает экспрессивно-оценочное уничижительное значение и служит для образования слов, отмеченных грубой экспрессией, ср.: *Sauklaue, Sauleben, Sauwirtschaft* [ССЭНЯ, с. 362]. Добавим, что субстантивные лексемы с компонентом «*Sau-*», по нашим данным, имеют и другое, антонимичное значение – «высокая степень оценки чего-либо», причем не связанное с грубостью, выражением негативизма, ср.: *Sauglück, Sauhitze*.

Интересно, что прилагательным этот же полупрефикс, по данным «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка», придает несколько иное, а именно: экспрессивно-усилительное значение (с разговорной, шуточной окраской), ср.: *saufrech, saugut, saukomisch, sauteuer* [ССЭНЯ, с. 363].

Обратимся к рассмотрению семантических особенностей композитов второй группы, образованных по модели **Sub + Sub_(Tier)**, где на первом месте всегда стоит существительное, а на втором – зооним.

Направления переноса значения традиционны: животное → человек (напр. *der Pechvogel* – неудачник), животное → предмет (напр. *die Chausseewanze* – мотоцикл, небольшой автомобиль), животное → животное. Остановимся на последнем типе подробнее. Уже говорилось о том, что данный тип, как правило, не фиксируется исследователями или называется редким и нерегулярным, например, Г.Н. Скляревская пишет: «... данный тип метафорического переноса не имеет регулярного характера и тенденции к узуальности» [9, с. 105]. Однако в языке XXI века имеется несколько примеров подобного переноса. Эти номинации, безусловно, остроумны и имеют достаточно прозрачную внутреннюю форму. Например, *der Bonsaiwolf, die Handtaschenratte* (‘о карликовых собачках’) [Sprachnudel]. В этих лексемах подчеркивается миниатюрность животных с помощью компонентов *bonsai-* и *handtasche-*. Или лексема *der Dachhase* [Sprachnudel], обозначающая кошку, в которой подчеркивается образ жизни этого животного, его привычка гулять по крышам. Таким образом, мы видим, что первый компонент композитов может не только выражать субъективную оценку, но и уточнять значение всего слова, ср.: *die Luftratten* (о голубях) [Sprachnudel]. Лексема с ярко выраженной пейоративной окраской, чему способствует компонент *-ratte*, то есть в лексеме манифестируется негативное отношение людей к голубям, а компонент *luft-* не улучшает значения (хотя в целом в языке слово имеет положительную окраску), а уточняет, что речь идет о ком-то, кто находится в воздухе.

Семантически группа достаточно неоднородна. Большинство новообразованных

слов являются бранными, то есть оценочная функция выходит на первый план. В основном эти лексемы характеризуют умственные способности человека через сравнение их с повадками животного. Ср.: *das Bählmamm* (дурак, баран), *der Brummochse* (груб. балда, дуралей), *der Heuochse* (бран. дубина, тупица), *der Hornochse* (бран. дубина, тупица), *das Mondkalb* (фам. глупый, недалекий человек) [Duden]. Интересно, что выбор тех «глупых» животных, с которыми сравнивается невысокий интеллект людей, ограничен *ягненком, верблюдом, теленком и быком*.

Обратимся к функциональным особенностям метафоризированных субстантивных композитов с компонентом-зоонимом. Прежде всего, отметим, что в этом случае мы имеем дело с художественными, или окказиональными, зоометафорами, в отличие от языковых метафор, которые были представлены выше.

Среди окказиональных метафор композиты-существительные представлены достаточно широко. Ср.: (3) *Die Stadt war wieder da mit Hupellärm und Rädergesumm. Der Nebel machte aus dem Omnibussen grosse Fabeltiere, die Autos wurden zu schleichenden Lichtkatzen und die Schaufenster zu bunten Höllen der Verwirrung* [D.K., с. 118] Лексема *Fabeltier* состоит из двух компонентов, и этот способ словообразования является типичным для немецкого языка. Толковый словарь Duden дает данным компонентам следующие дефиниции:

die Fabel – 1) поучительное, часто сатирическое повествование в стихотворной или в прозаической форме, в котором <...> отражается общеизвестная истина, практическая жизненная мудрость; 2) выдуманная, фантастическая история [Duden];

das Tier – как правило, свободно передвигающееся существо, обладающее мыслительными и дыхательными органами, питающееся другими животными или растительными организмами, не способное к логическому мышлению и к речевой деятельности [Duden].

В лексеме *Fabeltier* в приведенном выше контексте актуализируется второе значение слова *Fabel* – ‘выдуманная, фантастическая история’ и основное значение слова *Tier* – ‘животное’. Таким образом, образуется новая лексема, совмещающая семы двух своих компонентов-«прообразов».

Анализ материала показал, что наиболее часто представлены в составных словах зоокомпоненты, обозначающие домашних животных (*Schwein, Maus, Katze, Hund*), которые выступают в большинстве своем в качестве экспрессивов, стоящих на первом месте. Например: (4) *Kufalt hält den nachdenklich betäubten Blick der bösen Schweinsäuglein drüben aus*. [Fallada, с.185]. Компонент *Schwein-* придает данной лексеме новую коннотацию – экспрессивно-оценочное, усилительное и уничижительное значение. Толковый словарь так определяет семантику этого слова: *Schweinsäuglein* (маленькие, сверкающие глазки, похожие на глаза свиньи [*kleines, blitzendes, dem Auge des Schweines ähnelndes Auge*]) [Duden]. В сочетании с препозитивной лексемой *böse* вся конструкция приобретает резко негативное, сниженное значение.

Рассмотрим следующий контекст: (5) *»Glutzen, habe ich gesagt! Du glotzt jetzt noch, Bolschewistenschwein! Frech sogar! Freust dich wohl, daß das Privateigentum von ehrlichen Bürgern zerstört wird, was?«* [F.L., с.127]. Новообразованное слово имеет структуру **S+S_(Tier)**, то есть зооним в этой лексеме стоит на втором месте и является смысловым компонентом. Отметим, что зооним *-schwein* являлся достаточно распространенным в языке фашистов, если судить по примерам из художественной литературы о том времени. Ср.: (6) *Dabei hatte er noch am Tag, bevor die Amerikaner in Bonn einmarschierten, mit den Jungen in unserem Park geübt und ihnen gesagt: »Wenn ihr das erste Judenschwein seht, dann drauf mit dem Ding«* [Böll, с. 40]. Или: (7) *Der Mann erwiderte etwas auf russisch. »Laß deine Schweinesprache, Idiot! Du verstehst deutsch! Oder soll ich hinauskommen und es dir beibrin-*

gen? [F.L., с. 28] В структурном плане в этих предложениях представлены две подгруппы композитов – с зоонимом на первом и на втором месте. На примере этих двух лексем можно показать разницу между ними: в слове *Judenschwein* смысловую нагрузку несет сам зооним, а компонент *Juden-* имеет дополнительное лексическое значение. Во втором примере (*Schweinesprache*) уже зооним, в свою очередь, несет дополнительные коннотации, такие как «грязный», «плебейский», «недостойный», а компонент *-sprache* является носителем основного лексического значения сложного слова.

Несмотря на свою немногочисленность, наибольший интерес представляет третья группа композитов, состоящих из двух зоонимов. При этом первый зооним будет выполнять характеризующую, уточняющую функцию, а второй – нести основное лексическое значение. Например, *das Elefantenkalb* (зруб. очень толстая [неуклюжая] девочка). Смысловый компонент *-kalb* (*das Kalb*) имеет в языке устойчивое значение – "нескладеха, растяпа, балда, дурачина". Что касается уточняющего компонента *elefanten-*, можно сказать, что в данном слове актуализируется сема большого размера, неуклюжести, свойственных слону, закрепленная в языке (ср. также: *sich benehmen, wie ein Elefant im Porzellanladen* — вести себя крайне неуклюже).

Во вторую подгруппу вошли прилагательные-композиты, в которых зоо-компонент находится на первом месте. Интересно заметить, что лексем с компонентом-зоонимом на втором месте, то есть в позиции смыслового компонента, выявленные нами в классе сложных существительных, в этой группе отсутствуют.

Группа представлена 82 единицами. Именно на примере лексических единиц этой группы лучше всего показать *tertium comparationis* или, по терминологии Г.Н. Скляревской, символ переноса [10, с. 109], так как второй компонент прилагательного, собственно, и представляет это основание. Возьмем, например, слово *taubenfarbig*, в котором компонент *-farbig* обозначает концепт цвета, а компонент *tauben-* дает представление о конкретном цвете, сером. О том, что имеется в виду именно серый цвет, мы можем утверждать на основании того, что в языке имеется зоометафора *taubengrau* [БНРС].

Интересна лексема *fuchsteufelswild* ('расвирепевший'). Она представляет собой единственный в нашем материале пример композита, образованного из трех частей. Интересующий нас компонент *fuchs-* еще более усиливает экспрессивность этого составного слова, так как второй компонент *-teufel* также в данном случае играет роль функционального экспрессива.

На материале лексикографических источников было выделено несколько композитов с компонентом-зоонимом, таких, например, как *aalgleich, bärenänlich* и т.д. [Duden]. Они представляют собой, скорее, сравнение, чем метафору. В этих лексемах не прослеживается четкого символа переноса, по которому животное сравнивается с человеком. Компоненты *-gleich, -ähnlich* несут в себе саму сему сравнения, а не его основание, то есть сравнение проводится по нескольким параметрам сразу. Это расширяет сферу употребления данных прилагательных, предоставляя говорящему право выбирать признак, который будет актуализирован в конкретной речевой ситуации.

Глаголов-композитов на нашем материале совсем немного, всего 6 лексем. Рассмотрим процесс словообразования на примере слова *fuchsschwänzen*. Сначала произошло словосложение из двух основ: зоонима *Fuchs* и существительного *Schwanz*, в подтверждение этому в языке есть лексема *Fuchsschwanz*, имеющая переносное значение 'лесть, подхалимаж', 'лстец', зафиксированное, однако, не всеми словарями [Küpper]. Затем, в результате морфологической транспозиции произошло изменение морфологического окружения исходной основы, присоединился глагольный суффикс *-en* и изменился по каче-

ству корневой гласный, он стал умлаутированным. Значение слова ‘льстить, подхалимничать’ актуализировало сему ‘лесть’, имеющуюся в композите *Fuchsschwanz*, а также представленную в исходном слове *Fuchs* (в его переносном значении).

Таким образом, зоонимы активно участвуют в процессах расширения лексического состава языка, как путем появления новых значений, так и посредством образования дериватных лексем (особенно существительных). Словообразовательные аффиксы могут либо сильно трансформировать лексическое значение зоонима, либо изменить оттенок значения, придать лексеме пейоративную или мелиоративную коннотацию. Композиты с зоокомпонентом составляют достаточно большую часть лексического состава немецкого языка. Изучаемые нами лексемы или имеют в языке закрепленные переносные значения, или же метафоризированное значение актуализируется у композита непосредственно в контексте. В структурном аспекте особый интерес представляет группа композитов, в которых зооним стоит на первом месте, то есть играет роль описывающего, характеризующего элемента, при этом, безусловно, зоонимы придают лексеме разнообразные коннотации: могут выражать положительное или отрицательное отношение говорящего к данному предмету, а могут служить маркером экспрессивности композита. Перспективой исследования нам видится более подробное исследование данной группы лексем, в первую очередь, в семантическом аспекте, а также было бы небезынтересным провести анализ зоонимов, наиболее активно участвующих в образовании новых слов, а также в процессах метафоризации. Кроме того, интересным кажется более детальное исследование особенностей функционирования окказиональных лексем в текстах художественной литературы.

Библиографический список

1. Козлова Т.В. Предисловие / Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М., 2001.
2. Левковская К.А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика: Учебник. – М., 2004.
3. Краткая русская грамматика/Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М., 1989. [КГР]
4. Stepanowa, M. D., Fleischer, W. Grundzüge der deutschen Wortbildung. – Leipzig, 1985.
5. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / Под ред. Т.В. Строевой. – М., 2007.
6. Аблова Н.А. Передача немецких прозвищ на русский язык // Образование и культура России в изменяющемся мире - Новосибирск, 2007.
7. Хантимиров С.М. Лексикология немецкого языка: Учебно-методическое пособие. Уфа, 2002.
8. Schmid Ulrich. 275 populäre Irrtümer über Pflanzen und Tiere von blühenden Algen, fliegenden Fischen und singenden Seekühen. – Pau, 2002.
9. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 2004.
10. Складарская Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Современный русский литературный язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия и учебные задания / Сост. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова, Д.М. Поцепня, М.А. Тарасова, М.Ю. Жукова, Е.И. Зиновьева, М.А. Шахматова; отв. ред. Д.М. Поцепня. – СПб., 2002. С.105-114.

Словари

1. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; Под рук. М.Д. Степановой. – М., 2000 [ССЭНЯ].
2. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetztsprache // <http://www.sprachnudel.de/woerterbuch> [Sprachnudel].
3. Küpper Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. [Электронный ресурс]: 1. Auflage, 6. Nachdruck. Stuttgart, München, Düsseldorf, Leipzig: Klett, 1997. — Электрон. дан. и прогр. Directmedia. —Berlin 2000. — 1 электрон, опт. диск (CD-ROM) [Küpper].
4. Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]: подготовлен по 3-му печ. изд. 1999г. — Электрон. дан. и прогр. — Mannheim 2000. — 1 электрон, опт. диск (CD-ROM) [Duden].
5. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т./ Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева и др.; Под рук. О.И. Москальской. - 2-е изд., стереотип. – М., 1980 [БНРС].
6. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб.и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998 [БЭС].

Источники примеров:

1. Böll H. Der Flüchtling // Der blasse Hund. – Köln, 1995. S. 37-55 [Böll].
2. Fallada H. Wer einmal aus dem Bleichnapf frisst. – Berlin, Weimar, 1978 [Fallada].
3. Remarque E. M. Der Funke Leben. – М., 2006 [F.L.].
4. Remarque E. M. Drei Kameraden. – М., 2005 [D.K.].
5. Meyrink G. Golem // <http://andrey.tsx.org> [Meyrink].

УДК 811.111'373.46

*Северо-восточный государственный университет (Магадан), доцент кафедры иностранных языков СВГУ, аспирант КИЯ при Институте биологии моря ДВО РАН (Владивосток)
e-mail: velikoda@neisri.ru*

*North-East State University (Magadan), associate Professor, a post-graduate student at the Foreign Languages Chair, IBM DVO RAN (Vladivostok)
e-mail: velikoda@neisri.ru*

Т. Н. Великода

**ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

В данной статье рассматриваются процессы наивно-бытовой и научной концептуализации и категоризации с точки зрения их отражения в английской употребительной лексике и научной терминологии. Процессы терминологизации обыденной лексики описываются как переход от наивной картины мира к научному мировоззрению.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, общеупотребительная лексика, термин, терминообразование

T. N. Velikoda

TERM-FORMING PROCESSES AS REFLECTION OF SCIENTIFIC CATEGORIZATION OF THE REALITY

Processes of every day and scientific conceptualization and categorization are considered from the viewpoints of their reflection in the English everyday and scientific lexis. Term-forming processes are described as the transition from a naïve understanding to world outlook.

Key words: conceptualization, categorization, every day lexis, term, term-forming process

С точки зрения проблемы соотношения языка и сознания, в современной лингвистике предлагаются три альтернативных подхода: сосюрровская парадигма, постулирующая приоритет родного языка относительно процессов концептуализации и категоризации, антисосюрровская парадигма, в соответствии с которой концептуальный мир первичен и своей системностью индуцирует системность языковую, и, наконец, промежуточный подход, предполагающий автономность формирования концептуальной и языковой систем и наличие некоего мыслекода, посредством которого языковые значения репрезентируют элементы концептуального мира [1, с. 15-16].

В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как феномен ментальности и как одна из когнитивных способностей человека, а в качестве методологической основы предлагается антропоцентрический подход, при этом гипотетико-дедуктивный метод является приоритетным. Когнитивная лингвистика оперирует понятиями концепта, категории, концептуальной сферы, рассматривает отношения между концептом и понятием, концептом и значением и т. п. [2].

В данной статье анализируется корреляция двух ключевых ментальных конструкта – концепт и категория с точки зрения их роли в процессе терминологизации общеупотребительной лексики.

Человек как центр антропосферы ощущает себя вообще (в экзистенциальном смысле) и тем более ощущает себя комфортно в мире благодаря осмыслению и упорядочению окружающей среды и её фрагментов в форме категоризации. С позиций современной лингвистики, предполагающей исследование языка “в непосредственной связи с индивидуумом” [3, с.57], категоризируются сущности, испытавшие влияние языка, что конкретно прослеживается на многих примерах языковых различий, репрезентирующих расхождения в способе категоризации. У народов, живущих в северном полушарии, распространён концепт первого весеннего цветка, пробивающегося из-под снега, как символа весны в прямом смысле и некоего обновления в переносном. Однако в разных языках этот образ имеет различную категоризацию. Например, во французском языке - это *perce-neige* – значение действия “пройти, пробиться сквозь, выйти наружу”. В немецком - это *Schneeglöckchen* – значение непроцессуального признака (“снежный колокольчик”), а в русском языке слово “подснежник” имеет значение местонахождения “под снегом” и действия “пробиться из-под снега”. Один и тот же фрагмент объективной реальности, именно в силу своей объективности, в целом, осмысливается одинаково, но в различных языках по-разному отражается в языковых значениях и получает различную категоризацию. Данные примеры демонстрируют исходную когнитивную мотивированность языковой формы, а

также тот факт, что различное мировосприятие носителей различных языков и культур воплощается и находит своё выражение в бесконечном разнообразии языковых форм и структур.

Типизация опыта индивидуальной и общественной практик субъектом является непрерывной и происходит как на непосредственно-перцептивном, так и отвлечённо-абстрактном уровнях обобщения. При этом задействуются такие ментальные образования как категория и концепт. Концепт предстаёт как квант знания, это оперативная единица памяти, тогда как категория есть некий разряд или класс сущностей, сформировавшийся вследствие рубрикации опыта. Концепт – это целостная ментальная структура, воспринимаемая как образ, тогда как категория – это набор признаков, в том числе как наиболее, так и наименее существенных. Концепты “задают базовые категории, и их функция – обеспечивать человеку восприятие предметного мира...” [1, с.16]. Существуют так называемые концепты базового уровня, задающие категоризацию мира по родам. Это с наглядностью демонстрирует всем известный психологический тест: если человека (речь идёт об обитателях северного полушария) попросить назвать, не раздумывая, какой-либо фрукт, цветок или животное то, как правило, соответствующие ответы будут “яблоко”, “роза”, “собака”. Это и есть психологически базовые гештальт-концепты, в основе которых лежит опыт перцептивной практики индивида. Базовые концепты задают первичную родовую категоризацию человеческого опыта: “фрукты”, “цветы” и т. д. Концептуализация и категоризация иерархически соподчинены и являются диалектически связанными сторонами человеческой ментальности. Концептуализация первична, носит гетерогенный характер и обладает модальностью, категоризация вторична и объединяет гомогенные множества. Совокупная иерархия выражена следующим образом: “Первичные концепты (концепты-понятия) образуются выделением смыслов, отражающих внеязыковую действительность и совокупно представленных в наивной концептуальной модели мира, в то время как производные концепты (ассоциации) создаются пересечением категорий” [4, с.16]. Концептуальный мир первичен по отношению к языку, значения отдельных слов представляют собой первичные концепты-образы или их обобщённое содержание, а языковая системность есть репрезентация системности концептуально-категориальной.

Иными словами, можно говорить о наивной концептуализации на уровне повседневно-бытового знания и, соответственно о наивной категоризации, обобщающей чувственный опыт, и о последующем абстрагировании, вплоть до философских отвлечений. Так, перцептивно-конкретный образ “катание на лодке” подвергается категоризации, постепенно восходящей от конкретно-наглядного к абстрактно-отвлечённому: “движение по водной поверхности” - “движение вообще” - “процесс вообще” - “процессуальность” (как отвлечённая категория). Абстрагированное значение позволяет осмыслить конкретный объект или явление в его системно-структурной соположенности с другими объектами или явлениями. Язык, в свою очередь, рассматривается, с одной стороны, как средство вербализации ментальных единиц категориального и концептуального уровней, с другой – как средство и способ коммуникации.

Наивная концептуализация и категоризация мира имеют своим следствием образность, модальность и отсутствие элементов глубокой отвлечённо-абстрактной категоризации в общеупотребительной лексике, тогда как для научной терминологии не характерны какие-либо психологические коннотации, но ей присуща строгая системно-структурная упорядоченность, а принцип научной категоризации доминирует над образным восприятием. Иными словами, общеупотребительная лексика репрезентирует наивную концептуализацию и категоризацию фрагментов жизненного пространства, а терминологическая – научную категоризацию окружающего мира и иных сфер, которые в состоянии (или не в

состоянии) объять человеческая мысль.

Каким же образом компоненты конкретной концептуализации и категоризации (как наивной, так и научной) находят своё выражение в значении слова, отражающим то или иное представление или понятие?

Наиболее типичным и продуктивным способом образования научных терминов является семантический способ. В семантической структуре общеупотребительного слова происходят процессы глубинного переосмысления содержательно значимого потенциала языковой единицы, затрагивающие её системно-парадигматические и синтагматические свойства. Как указывает в своём диссертационном исследовании М.В.Косова, “В семантической структуре общеупотребительного слова существуют “опорные смысловые пункты” для будущих научных обобщений, и лексема проходит определённые этапы в своём развитии, затрагивающие разные уровни преобразований” [5, с.6]. Указанный автор исследует процессы терминологизации, используя при этом методику компонентного анализа, при этом семантическая структура слова понимается как единство взаимодействующих разноуровневых значений (*ibid.*, с.9). В рамках этого подхода, в содержательной системно-структурной иерархии общеупотребительного слова выделяются категориальные (категориально-лексические) семы, интегральные семы и дифференцирующие семы или дифференциальные признаки и прослеживаются их трансформации в процессе терминологизации. Процессы терминологизации описываются как семантическая модуляция (категориальная сема сохраняется), и семантическая деривация, сопровождающаяся разрушением категориально-лексической семы. Кроме того, существует процесс терминологической специализации языковой единицы, не сопровождающийся изменениями в семантической структуре общеупотребительного слова. Иными словами, можно сказать, что процесс формирования термина на основе общеупотребительной лексики отражает переход в сознании индивида от наивной концептуализации и категоризации к научному обобщению и абстракции (научной категоризации), а метод компонентного анализа позволяет проследить эту трансформацию на практике. Как указывается в диссертационном исследовании А. А. Карелиной “Процессы языкового изменения напрямую зависят от результата категоризации действительности, целью которой является объяснение нового через уже известное (или предполагаемое таковым) и структурирование картины мира с помощью обобщения” [6, с.7].

Проанализируем явления терминологизации на примере некоторых терминов из сферы геологических наук. В рамках данного исследования мы анализируем лишь основные словарные значения рассматриваемых языковых единиц.

Рассмотрим процесс терминологизации лексемы “золото”. Толковый словарь “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” [7] даёт следующие толкования (берём первые три) лексемы “gold”: 1) precious yellow metal used for making coins, ornaments, jewellery, etc.; 2) money in large sums, wealth; 3) (fig.) brilliant or precious things or qualities и проч.

В общеупотребительном значении слово “золото” (“gold”) имеет конкретно-предметное значение, а также переносные метафорические и метонимические значения, развившиеся в процессе общечеловеческой практики. Отсюда возникли широко употребительные фразеологизмы, устойчивые словосочетания и обороты: “a heart of gold”, “the red and gold of the woods in autumn”, “black gold”, “to promise smb. whole mountains of gold”, “he is as good as gold”, “to make a gold”, “gold standard” и др. Эти языковые единицы демонстрируют осмысление и категоризацию мира на наивно-бытовом уровне, привязанном к конкретным признакам и свойствам объекта (“gold”).

Сравним теперь эти значения с толкованием той же самой лексемы в специализированных терминологических словарях. Так, трёхтомный “Толковый словарь английских

геологических терминов” [8] предлагает следующую дефиницию: “gold – золото. Мягкий тяжёлый жёлтый минерал, самородный металлический элемент, Au. Куб. В природе обычно образует сплавы с серебром или медью, реже с висмутом, ртутью или другими металлами...” и т. д. Как термин, данная лексема употребляется в терминологических сочетаниях “*alluvial gold*”, “*flake gold*”, “*rebellious gold*”, “*fine gold*” и др.

Сопоставляя общеупотребительное и терминологическое значение, мы видим, что в качестве термина данная языковая единица обрела новые узкоспециальные технические характеристики. В научном контексте появляются новые значения, связанные с новым видом категоризации действительности – научным и научно-техническим, сменившим бытовую концептуализацию и рубрикацию. Именно научный контекст способствует развитию терминологического значения у данной лексемы, которая, тем не менее, сохраняет свой базовый смысл. И в общеупотребительном слове “gold” и в термине “gold” сохраняется категория субстанциальности и основное значение “драгоценного металла”. Это пример научной специализации общеупотребительного слова.

Теперь рассмотрим процесс развития геологического термина на базе общеупотребительного слова “*reserve*” (“запас”). Основное словарное значение слова “*reserve*” Оксфордский словарь [7] трактует следующим образом: “something that is being or has been stored for later use”, при этом традиционным является словосочетание “запас еды”. Вместе с тем, уже в процессе общеразговорной практики начинает формироваться контекстуально обусловленный оттенок терминологического значения: “*the bank’s reserves*”, “*the company’s reserves*”, “*a game reserve*”, “*a forest reserve*” и проч.

Общеупотребительное слово “*reserve*” отражает бытовую картину мира и имеет основные синонимы “*provision*”, “*stock*”, “*store*”, “*supply*”. В качестве категориальной определяем сему “значимая субстанция, организованная субъектом”, которая конкретизируется интегральными семами “свойства субстанции” - неодушевлённость и конкретность, и “характер субстанции” - отражение бытовой картины мира, а также интегральными семами “свойства субъекта” - конкретность/обобщённость и одушевлённость, и “характер свойств субъекта” - отражение бытовой картины мира.

Терминологическое значение данной лексемы в словосочетании “*mineral reserve*” формулируется следующим образом [8]: “*mineral reserves* – минеральные запасы. Выявленные месторождения полезных ископаемых, которые могут разрабатываться при существующих условиях, но пока не разрабатываются. Понятие не включает предполагаемые залежи руд (potential ore). Ср. *mineral resources*.”. Как терминологическая единица, “*reserve(s)*” имеет своим неполным синонимом термин “*resources*” (“*mineral resources*”), а также термин “*ore*” в словосочетаниях “*indicated reserves/ore*”, “*inferred reserves/ore*”, “*possible reserves/ore*”, “*measured reserves/ore*” и др. “Эти словосочетания с ключевым компонентом “*reserve(s)*” отражают фрагмент геологической картины мира и более высокую ступень абстрагированной категоризации – научную (в рамках данного исследования мы не говорим о философских категориях). В термине “запасы полезных ископаемых” сохраняется категориальная сема “значимая субстанция”, её интегральная сема “свойства субстанции” с интегрирующими дифференциальными признаками “неодушевлённость” и “конкретность”, но утрачивается компонент “организующий субъект” и, соответственно, утрачиваются присущие ему интегральные семы. Вместе с тем, на наш взгляд, здесь можно также говорить о дифференциальных признаках обобщённости и отвлечённости/абстрактности. По сравнению с общеупотребительным словом, в термине также изменилась интегральная сема “характер субстанции” - здесь она определена как отражение геологической картины мира. Таким образом, исходя из того, что категориальная сема со -

хранилась (в термине утрачен субъект как таковой, но можно говорить в этом смысле о природе как об агенсе и природных процессах, в результате которых была сформирована “субстанция”, имеющая значение для субъекта), мы предполагаем, что в данном конкретном случае имеет место процесс семантической модуляции. В результате объективации научной (геологической) картины мира возникает новая родо-видовая классификация объекта, и меняются синтагматические и парадигматические свойства языковой единицы. На основе семантики предметности формируется отвлечённая семантика субстанциальности и осуществляется категоризация высшего уровня, по сравнению с повседневной-бытовой.

Перейдём к рассмотрению следующей языковой единицы, подвергшейся терминологизации – лексеме “*tension*” – “напряжение”, используя данные различных словарей.

Латинско-русский словарь [9]: *tēnsio, ōnis* 1) напряжение; 2) спазм (*nervorum Scr*).

Оксфордский словарь [7]: *tension* 1) state of, degree of, being tense; 2) stretching or being stretched; 3) mental, emotional or nervous strain; condition when feelings are tense, when relations between persons, groups, states, etc. are strained; 4) voltage и др. Большой англо-русский словарь [10]: *tension* **1.** 1) напряжение; напряжённость; 2) перен. напряжённое состояние и др.; **2.** напряжённые отношения и др.; **3.** натянутость, неловкость и др.; **4.** эл. напряжение; **5.** физ. растяжение, натяжение, растягивающее усилие; **6.** физ. упругость (газа); давление (пара); **7.** мед. давление; и др.

Как термин, данная лексема демонстрирует следующее употребление: *high/low tension; arterial tension, tension of the eye, high/low tension accumulator, high/low tension current, tension member, tension spring* и др. (Отметим, что медицинская терминология близка по своему значению базовому смыслу “нервное/мышечное - сосудистое напряжение”). Как геологический термин, данная лексема употребляется в следующих терминологических сочетаниях [8]: “*tension crack*” (“трещина растяжения”), “*tension fault*” (“разлом растяжения”), “*tension fracture*” (“трещина растяжения”) и др.

Исходя из принципа первичной антропоцентрической концептуализации мира, в качестве базового смысла избираем значение “нервного или мышечного напряжения (субъекта)”. Как общеупотребительная языковая единица, данная лексема демонстрирует следующие сочетаемостные свойства и переносно-метафорические значения: *tension of the muscles, international tension, reduction of tension, removal of tension, to ease tension, to aggravate tension, inner tensions, feeling of tension* и проч. В качестве категориальной определяем сему “состояние (как свойство) субъекта”, которая конкретизируется интегральными семами “характер свойства” - физико-психическое состояние, “а также интегральными семами “свойства субъекта” - конкретность и одушевлённость, и “характер свойств субъекта” - отражение бытовой картины мира. Как термин, данная языковая единица обозначает уже не состояние субъекта и связанные с этим значением метафоры, а физическую величину, причём в различных областях знания. На смену бытовой картине мира пришла научная рефлексия, а дифференциальный признак “физико-психическое состояние субъекта” сменился физико-техническими параметрами объекта исследования. Всё это позволяет, на наш взгляд, определить данный процесс терминологизации как семантическую деривацию. Разрушение категориально-лексической семы подтверждается синонимическими явлениями: синонимами общеупотребительной лексемы являются слова *strain, intensity, exertion*, тогда как термин имеет следующие синонимы (в различных областях знания): *stress, strain, voltage* и в геологических словосочетаниях: *extensional fault, subsidiary fracture* и проч.

Таким образом, общеупотребительная лексика репрезентирует процессы наивно-бытовой концептуализации и категоризации окружающей среды, тогда как терминологи-

ческая лексика отражает научную категоризацию фрагментов мира и самого мира в целом. Наивная концептуализация представляет собой эмоциональное целостно-образное восприятие и осмысление действительности индивидом. Возникающая на её основе наивная категоризация представляет собой формальное отражение внешних качеств и свойств объектов, которые, в процессе освоения мира субъектом преломляются в его сознании и метафоризируются в речи. Формирующаяся научная картина мира предполагает строгую дефиницию понятий и категоризацию, базирующуюся на понимании сущностно-глубинных связей и отношений, имманентно присущих объекту исследования и обеспечивающих как иерархическую соподчиненность элементов и уровней, так и структурно-системную организацию объекта. В качестве примера можно привести классификацию запасов полезных ископаемых в зависимости от их геолого-технических характеристик, рентабельности добычи, экономичности производства и т. д. В свою очередь уже научная категоризация лежит в основе формирования нового видения мира, видения, основанного на понимании глубинных сущностей объекта исследования и способности субъекта к абстрагированному мышлению. Иными словами, наступает этап научной концептуализации, в рамках которой формируется проблемно-гипотетическое знание, формулируются теории и выдвигаются научные идеи.

Библиографический список

1. Кошелев А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии. // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15-40.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин – Воронеж: 2007.- 250 с.
3. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57-68.
4. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике. // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3-17.
5. Косова М.В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики: дис. д-ра филологических наук / М.В.Косова.- Волгоград, 2004.- 403 с.
6. Карелина А. А. Когнитивные механизмы взаимодействия многозначных существительных и отсубстантивных прилагательных в современном английском языке (на материале словообразовательных моделей N + -Y, N + -ISH): автореф. канд. филолог. наук / А. А. Карелина.- Владивосток, 2003.-15 с.

Словари

1. Hornby A.S. – A.S.Hornby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford. 1978.
2. Толковый словарь английских геологических терминов. Редакторы М.Гери, Р.Мак-Афи мл., К.Вульф. В 3-х томах. М., 1978.
3. Дворецкий И.Х. – И.Х.Дворецкий. Латинско-русский словарь. М., 1976
4. Большой англо-русский словарь. Редакторы И.Р.Гальперин, Э.М.Медникова. В 2-х томах. М., 1987.

УДК81'367.628

Орловский государственный
университет
Аспирант

e-mail: mariya.zimovaya@eurochem.ru

Orel State University
Post-graduate student

e-mail: mariya.zimovaya@eurochem.ru

М.В. Зимовая

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ “НАГРУЗКА” ТЕРМИНОЛОГИИ

В работе рассматриваются вопросы функционирования терминологии как средства обеспечения коммуникации в рамках специальных подязыков, которые понимаются как динамические системы, обслуживающие специальные дискурсы. Рассматривается влияние на функционирование терминологии таких факторов, как коммуниканты, обстоятельства общения, система коммуникативных замыслов, коммуникативные процессы, коммуникативный текст. Кроме того, выясняется, что условия коммуникации способны значительно влиять на семантику термина.

Ключевые слова: терминология, термин, номинация, подязык, специальная коммуникация, профессиональный коммуникативный акт.

M.V. Zimovaya

FUNCTIONALITY OF TERMINOLOGY

The paper deals with some problems of terminology functioning as a means of communication within specific sublanguages, which we treat as dynamic systems serving the purposes of specialized professional discourses. Such factors of influence as communicants, circumstances of communication, communicative intentions system, communicative processes, and communicative text are considered. Besides, the variables of a communication act are found to considerably influence terminology semantics.

Key words: terminology, term, nomination, sublanguague, special communication, professional communication act.

Термин определяется как «слово или словосочетание, призванное точно обозначить понятие и его соотношение с др. понятиями в пределах специальной сферы. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений» (БСЭ). Как видно из данного определения, термин рассматривается, прежде всего, как средство обозначения чего-то, т. е. как номинативная единица.

Такая трактовка, безусловно, оправдана, если смотреть на терминологию только лишь с точки зрения содержания той области познания, в которой он употребляется: понятно, что, например, химика термин интересует именно как способ обозначения химического понятия, другие аспекты данного явления ему не важны. Однако с лингвистической точки зрения термин, безусловно, заслуживает внимания как явление, задействованное в коммуникативной деятельности человека, следовательно, взгляд на него должен быть существенно более широким. Б. Н. Головин отмечает, что термины необходимо изучать не в сфере фиксации, т. е. в словарях, а в процессе их функционирования, т. е. в текстах [1].

В настоящей работе мы рассматриваем проблемы терминологии с точки зрения ее функционирования как средства обеспечения специальной профессиональной коммуникации. Обычно, когда речь заходит об обеспечении коммуникации в тех или иных областях человеческой деятельности, прибегают к понятию подъязыка. Объем этого понятия варьируется в зависимости от теоретических установок того или иного автора. В наиболее упрощенном варианте подъязык понимается как «минимальный набор лексических и грамматических категорий и элементов, необходимых для общения в узкой сфере деятельности и описания определенной предметной области» [2]. При этом «различие между подъязыками... объясняется различием между самими науками по их предмету, кругу понятий» (там же). Таким образом, в рамках этого подхода подъязык практически оказывается приравненным к терминосистеме. Мы не можем согласиться с такой однобокой трактовкой.

Несколько более широкое понимание подъязыка демонстрирует Е.Н. Руденко, поскольку она включает в состав подъязыка не только терминологию, но и профессиональный жаргон. Следует отметить, что такой подход обусловлен, очевидно, спецификой того материала, с которым работает Е.Н. Руденко: это подъязык информационных технологий. Эта область бурно развивается, в нее вовлечены люди различных социальных статусов (ср: «Материалом для размышлений послужили печатные издания "Компьютерра", "Инфобизнес", "Компьютерные вести", "Компьютерная газета"; словари компьютерной и сетевой терминологии компаний "Формоза" (www.formoza.ru/tech_bred/dictionary), толковый словарь "Термины и жаргон Интернет" (sakura.chernovtsy.ua/guide/glossary.htm); "Словарь компьютерного сленга" Дениса Садошенко (Украина, Днепропетровск), распространяемого через HomeNet, а также живая речь двух десятков юных хакеров с незаконченным высшим образованием и многолетним опытом общения на объекте исследования» [3]). Соответственно, роль жаргона в этой ситуации существенно увеличивается.

Однако и такой подход представляется нам упрощенным, поскольку он все равно ориентирован только лишь на лексические средства, номинирующие те или иные реалии данной сферы коммуникации.

Мы придерживаемся функционального подхода к определению подъязыка. При таком подходе подъязык рассматривается как активная динамическая система, обслуживающая специальный дискурс или набор дискурсов, ср.: «Подъязык данного языка – это его некоторая подструктура, способная функционировать как язык в определенной сфере общения, т.е. полностью определять строение некоторого множества текстов» [4] или «С текстоцентрической точки зрения подъязык – это объективно заданная в эмпирическом массиве специальных текстов определенной ограниченной предметной области система средств выражения. Каждый подъязык имеет свой набор типичных стилей и жанров» [5]. В этом случае система терминов выступает в качестве одного из компонентов подъязыка, его номинативной основы. При этом терминосистема тесно соседствует и взаимодействует с такими, прежде всего, системами средств номинации, как профессиональный жаргон и общеупотребительная лексика. Характерно, в том, что касается последней, что ее употребление зачастую приветствуется в профессиональной речи, в то время как избыточное употребление терминологии может рассматриваться как признак невладения приемлемым в данном типе дискурса стилем (ср.: «Термин был, есть и будет ключевым словом научного стиля, но термин требует пояснения, уточнения, мотивации. Его ... должно окружать ясное, прозрачное пространство, а не чудовищные заросли слов и оборотов» [6]).

Необходимость учитывать профессиональный жаргон как важную сопутствующую номинативную систему обусловлена спецификой профессионализмов. Во-первых, частично профессионализмы перекрывают собой референтную область терминосистемы, в резуль-

тате чего зачастую возникают пары синонимов с различными стилистическими характеристиками, ср. *материнская плата* — *материнка*, *мать* (комп.), *вещественные доказательства* — *вещдоки* (юр.) и др. Во-вторых, возможны ситуации, когда между этими синонимами в профессиональном тексте возникает прямая конкуренция, см. следующую цитату из упоминавшейся нами работы Е. Н. Руденко: «Во фразе из серьезной научной статьи *Каждый должен легко навигироваться в рамках сайта по всему браузеру, а задача СисАдминов — следить за чистой URL'ов* (Компьютерные вести 1-7.06.2000) есть один безусловный термин *браузер*, термин *сайт* (конкурентный термин *сервер* (в Интернете)) и жаргонизмы *навигироваться*, *СисАдмин* (при термине *системный администратор*), *URL'ы*, которые невозможно найти в словарях, справочниках и учебниках, но которые тем не менее широко употребляются в научной технической литературе» [3]. Следует отметить, впрочем, что, по мнению автора, такая конкуренция между терминами и жаргонизмами характерна именно для данного подъязыка и является его отличительной особенностью.

В-третьих, понимание подъязыка как динамической функционально обусловленной системы предполагает возможные коммуникативно-прагматические варианты профессионального общения, которые так или иначе потребуют либо «снижения» уровня «профессиональности» речи, либо, наоборот, «повышения», причем в этих ситуациях наличие «параллельной» системы номинативных средств с несколько иными стилистическими характеристиками может играть ключевую роль.

Функциональная нагрузка терминологии связана с необходимостью обеспечения успешности коммуникативного акта, осуществляющегося в рамках определенной профессиональной деятельности. Использование терминологических средств оправдано потребностью в точной понятийной отнесенности используемых коммуникантами номинативных средств, при этом данная потребность обусловлена конкретными условиями коммуникации.

На взгляд Ю. В. Правикова, при анализе специальных подъязыков уместно говорить о таком явлении, как профессиональный коммуникативный акт, в рамках которого выделяются такие компоненты, влияющие на функциональные характеристики используемых языковых средств (в том числе, и на содержательную сторону высказывания, и на отбор средств выражения), как коммуниканты, обстоятельства общения, система коммуникативных замыслов, коммуникативные процессы, коммуникативный текст. Как видно, здесь при анализе профессионального коммуникативного акта предлагается опираться на модель речевого акта, предложенную Б. Ю. Городецким [7].

Когда речь заходит о таком факторе, как коммуниканты, важно понимать, что в профессиональном акте коммуникации могут принимать участие лица, в жизни которых данная профессиональная тематика занимает разное место. Так, наряду с ситуацией «специалист-специалист» (которая, как представляется, принимается зачастую «по умолчанию»), возможны ситуации «специалист в одной области — специалист в смежной области». Не следует забывать о возможности профессиональной коммуникации между специалистами разного класса. Наконец, возможно множество разновидностей ситуации «специалист-неспециалист». Все эти ситуации предъявляют различные требования к терминологии, понятийная насыщенность профессиональной коммуникации будет значительно варьироваться, причем, на наш взгляд, это будет происходить как за счет количества используемых терминологических единиц, так и за счет глубины осознания понятия. Поясним нашу мысль на примере ситуации «врач-пациент». В такой коммуникативной ситуации вполне можно говорить о профессиональной коммуникации, хотя бы потому, что большая часть коммуникативного текста здесь создается одной из сторон. Врач, безусловно, говорит с профессиональной точки зрения, но при этом он необходимо учитывает степень готовности пациента воспри-

нимать передаваемую ему информацию. Кроме того, даже при условии того, что пациент знает употребляемые термины и в целом понимает передаваемое ему сообщение, некоторые моменты, имплицитно содержащиеся в нем, могут остаться незамеченными, в то время как для специалиста они были бы очевидны. Более того, такая ситуация может возникнуть не сама по себе, а быть задумана именно в таком виде, например, когда по этическим или каким-либо иным соображениям от больного могут пытаться скрыть какие-то аспекты его болезни. Принципиальная разница в объемах понятий используемых терминов для специалиста и неспециалиста не может служить доводом в пользу того, чтобы говорить о нетерминологичности таких употреблений: конечно, бывают ситуации, когда говорящий и слушающий употребляют одну форму с разным содержанием, но в подобных случаях речь идет о коммуникативной неудаче, о несовпадении кода, чего явно нельзя сказать о ситуации, рассмотренной нами выше.

Обстоятельства коммуникации – также важный элемент коммуникативного акта, связанный в том числе и с использованием терминологии. «Обстоятельства общения задают определенные функциональные и коммуникативные роли участников ситуации. Они определяют диалогичность или монологичность речи, диктуют форму обмена репликами, устную или письменную, непосредственную или опосредованную форму коммуникации, предполагают официальность или неофициальность общения, что непосредственным образом влияет на качество и особенности профессиональной речи и ее номинативный состав» [5]. В частности, можно говорить об опосредованности обстоятельствами коммуникации употребления конкурирующих терминов и профессионального жаргона (см. выше).

Система коммуникативных замыслов должна рассматриваться как важнейший фактор, обуславливающий употребление номинативных единиц в акте коммуникации, поскольку коммуникация в принципе имеет стратегический характер и связана с целеполаганием в рамках человеческой деятельности в целом. В зависимости от типа профессиональной коммуникации (которая может быть направлена на обмен специальной информацией, на передачу специальных знаний, уже известных в данном сообществе или на создание новых знаний, т. е. носить деловой, обучающий или эвристический характер), на терминологические знаки возлагается различная функциональная нагрузка. Наиболее четко это видно при сопоставлении обучающей и эвристической функций: учебный курс по некоторой дисциплине может, по сути, рассматриваться как курс терминологии соответствующей дисциплины, при этом, естественно, подразумевается, что в изученной системе терминов отражен понятийный аппарат данной дисциплины. В исследовательском тексте зачастую сталкиваются различные понимания одного и того же термина, при аргументированном сопоставлении которых делаются выводы о предпочтительности того или иного подхода, о возможности или необходимости пересмотра/расширения/сужения и т. д. рассматриваемых понятий.

Наиболее сложно говорить о коммуникативных процессах, представленных как процессы вербализации и понимания. Мы не уверены, что возможно говорить о каких-то особенных психолингвистических механизмах, работающих при профессиональной коммуникации, хотя и допускаем возможность специфичности речепорождения и речевосприятия в таких ситуациях.

Рассмотрение такого элемента профессиональной коммуникации, как профессиональный текст, сопряжено с многочисленными сложностями, связанными, прежде всего, с многогранностью собственно термина *текст*. Во избежание ненужной здесь дискуссии скажем, что принципиальным для нас является тот факт, что профессиональный текст должен строиться по определенным канонам, где некоторые существенные требования предъявляются не только к его содержанию, но и к его форме, и корректное использование терминологиче-

ских единиц является одним из необходимых условий выполнения этих требований. Важно помнить, что специальная коммуникация не ограничена какой-либо одной формой, и функциональное разнообразие коммуникативных ситуаций подразумевает и разнообразие типов текстов (или жанров).

Таким образом, все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что терминологические знаки являются не просто средствами осуществления номинации специальных понятий (эта функция, определяемая как номинативно-дефинитивная, согласно наиболее распространенному мнению, определяет сущность термина [8]), но и средствами обеспечения профессиональной коммуникации, вариативно осуществляемой разными участниками в различных условиях и с различными целями. В зависимости от переменных параметров коммуникации, термины способны изменять свое понятийное наполнение и семантические характеристики в целом (например, стилевые), однако при этом важно помнить, что важнейшей характеристикой термина остается его стремление к точности. С точки зрения Б. Ю. Городецкого, диалектическое противоречие нечеткости и стремления к точности является имманентным свойством терминов, и понимание одного свойства позволяет реалистичнее оценить другое [4]. Осознав границы варьирования значения термина, мы вряд ли получим надежный инструмент отличия термина от не-термина (см. ниже), однако обретем достаточно надежный критерий для того, чтобы отличать профессиональную коммуникацию от иной коммуникации. В качестве интересного примера можно привести такую распространенную коммуникативную ситуацию, как экзамен. В случае хорошего ответа можно говорить о том, что специальная коммуникация между профессионалами (хотя и разного уровня) имеет место, в случае же плохого ответа имеет место имитация профессиональной коммуникации, поскольку, среди прочего, употребляемые термины не выполняют своей функции точного именованя понятий, хотя бы и с присущими учебному дискурсу ограничениями. Другой случай имитации профессиональной коммуникации в юмористической форме описывает психолог В. Леви в своей книге «Разговор в письмах»: «... благополучие мое зависит сегодня от множества компетентных представителей высших сил. Вчера опять пришлось вызывать сантехника. «У вас, — сказал он, — унитаз с негабаритным пломбиром». Не понимаю, не постигаю, какой такой крем-брюле, сую купюру. А он, глядя в сторону: «И профундирование эксклюзивное. Целых три тромба». Я понял так, что надо еще две, и, оказалось, правильно понял, с трудом, но правильно». В этом случае на термины возлагается не задача передачи специальной информации, а демонстрация «особости» сложившейся ситуации, в которой один из коммуникантов обладает знанием, недоступным пониманию другого, что делает его услуги особо ценными. При этом термин, естественно, остается термином, ибо именно опознание его как термина, то есть элемента специального подязыка, и позволяет достичь нужного эффекта.

В связи с этим отдельно следует сказать о такой разновидности функциональной нагрузки термина, как достижение определенного стилистического эффекта через употребление термина в неспециальном тексте. Так, И. Р. Гальперин отмечает, что «в художественной прозе они (термины – М. З.) несут особую функцию, стилистическую. Иногда термины в художественных произведениях используются и в качестве средств речевой характеристики героев. В этом случае научные и технические термины выступают как условные приемы косвенного описания среды, обстановки, интересов персонажей произведения. Знаменательно то, что читателю для понимания текста даже не обязательно точное знание содержания этих терминов. В некоторых случаях специальная терминология в прямой речи героев создает не столько речевой портрет, сколько сатирический эффект» [9].

С точки зрения С. В. Гринева, в употреблении, подобных описанным И. Р. Гальпериным, термин утрачивает собственную идентичность, превращаясь в лексическую единицу

какого-то иного рода: «Как понятие принадлежит к определенной области знания, так и термин является элементом фиксированного подъязыка и употребляется как таковой только в пределах данного подъязыка (при использовании в стилистических целях в художественных произведениях он перестает обозначать понятие, теряет свое основное свойство и детерминированно фиксируется)» [10]. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса, поскольку принятие такой точки зрения означало бы отрицание наличия у терминологического знака собственного значения и признание его каким-то ярлыком, индексальным знаком, значение которого обусловлено исключительно его конкретным употреблением.

Таким образом, можно сказать, что функциональные возможности терминологии отнюдь не ограничиваются лишь исключительно именованием понятий, относящихся к той или иной области науки или техники. Будучи компонентами специального профессионального подъязыка, предназначение которого – обеспечивать определенные, достаточно разнообразные типы коммуникации, терминологические единицы не равны собственным дефинициям. В зависимости от разнообразных обстоятельств коммуникации, семантика терминологической единицы может варьироваться, приспособляясь к целям, задачам коммуникации, уровню компетентности коммуникантов и др., причем номинативная единица не утрачивает собственной идентичности как термина. Динамичность семантики термина сближает его с общеупотребительной нетерминологической лексикой, снимая тем самым традиционное противопоставление терминологии и общеупотребительной лексики в его дихотомическом виде.

Библиографический список

1. Головин Б. Н. Роль терминологии в научном и учебном общении. // Термин и слово. Межвузовский тематический сборник научных трудов Горьковского государственного университета. — Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1979. — С. 14 - 23.
2. Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. — М.: Русский язык, 1985. — 128 с.
3. Руденко Е. Н. Подъязык информационных технологий как объект лингвистического исследования // *Slavia orientalis*. R. L. # 2. Kraków, 2001. С. 287-302.
4. Городецкий Б. Ю. Термин как семантический феномен (в контексте переводческой лексикографии) www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/GorodetskiyB.htm
5. Правиков Ю. В. Профессиональный коммуникативный акт // Научный журнал КубГАУ. 2007. № 29(5). Май. URL: <http://www.ej.kubagro.ru>
6. Харченко В. К. Как заниматься наукой. — Белгород: Изд-во Белгородск. гос. пед. ун-та, 1996. — 208 с.
7. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. — М.: Прогресс, 1989. — С. 5-31.
8. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. - М.: Наука, 1987. - 144 с.
9. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
10. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: Московский лицей, 1993. — 309 с.

УДК 802.0 : 801

*Саратовская государственная
академия права, аспирант кафедры
английского языка и межкультурной
коммуникации ГОУВПО СГАП
e-mail: rushkin12@mail.ru*

*Saratov State Law Academy
postgraduate of the English language
and cross-cultural communication
department of GOUVPO SGAP
e-mail: rushkin12@mail.ru*

Р.И. Востриков

**ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА ОБЩЕУГОЛОВНОГО ЖАРГОНА
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ CRIMINAL LANGUAGE)**

В статье анализируется общекриминальная лексика английского языка. Характеризуется социальная дифференциация языка и определяется место жаргона в нем. Представлена классификация лексических единиц по тематическим группам.

Ключевые слова: жаргон, общекриминальная лексика, преступник, тематическая группа.

R.I. Vostrikov

**NOTION AND SPECIFIC CHARACTER OF THE ENGLISH
UNDERWORLD LANGUAGE
(BASED ON THE CRIMINAL LANGUAGE ENCYCLOPEDIA)**

The paper deals with the English underworld language. A general description of language social stratification and place of jargon in it is shown. Distribution of lexical units into topical groups is done.

Key words: jargon, underworld language, criminal, topical group.

Социальная дифференциация языка является одной из центральных проблем современной лингвистики. Как в отечественном, так и в зарубежном языкознании детально исследованию подвергаются подязыки отдельных территориальных, социальных и профессиональных групп, разграничиваются понятия сленга, арго, жаргона, канта, характеризуются соотношения этих подсистем лексики, а также их влияние на общепринятый стандарт языка.

Определить место того или иного территориального или социального подязыка в языковой системе зачастую довольно сложно. Концепцию, которая помогает систематизировать социальные разновидности языка, предлагает Э.Г. Туманян. Она вводит термин «архисистема», т.е. система систем, система, которая образована из совокупности систем частного, соподчиненного порядка, именуемых формами существования, стратами, или экзистенциальными формами. По мнению Э.Г. Туманян, экзистенциальная форма – это относительно самостоятельная, автономная вариативная форма языка, которая обладает собственной внутрисконструктурной организацией, представляющей систему, особыми функциями коммуникации и связана с социумом, который она обслуживает. Между отдельными экзистенциальными формами нет непроходимой стены. Они обладают способностью взаимопроникновения, но,

вместе с тем, их внутренняя целостность не нарушается. Каждая экзистенциальная форма, являясь самостоятельной системой, способна удовлетворить коммуникативные потребности обслуживаемого ею социально-детерминированного общества. Совокупность же таких систем образует систему более высокого ранга – социолингвистическую архисистему, язык конкретного народа. В процессе исторического развития языка каждая экзистенциальная форма подвергается внутривидовым изменениям, которые частично связаны с внешними факторами, стимулирующими те или иные изменения в системе, с социумом, соотносящимся с конкретной формой выражения языка [1].

В архисистеме языка социально-детерминированные формы речи или социальные диалекты выделяются как особые формы существования языка. По мнению большинства лингвистов, наиболее существенным фактором, обуславливающим возникновение социальных диалектов, является социальная неоднородность общества, распадающегося на различные производственно-профессиональные и возрастные группы. Одновременно с этим появляются и группы деклассированных элементов, изгои общества, преступные синдикаты, воры и другие отторгнутые от общества социальные слои. Социальная дифференциация общества привела к тому, что сформировались так называемые социально-обусловленные варианты речи: групповые или корпоративные жаргоны, собственно профессиональные языки, арго, в том числе и деклассированных элементов, условно-профессиональные языки ремесленников-отходников, торговцев и т.д.

В результате проведенного анализа было выделено 8 тематических групп номинативных единиц.

В.Д. Бондалетов предлагает классификацию социальных диалектов в зависимости от их природы, назначения, языковых признаков и условий функционирования. К социальным диалектам он относит:

1) собственно профессиональные «языки» - это, например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, а также других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных коллективов; 3) условные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 4) жаргон (арго) деклассированных. В этой классификации впервые разграничены условные языки (арго) и жаргон деклассированных как два разных типа социальных диалектов, поскольку они вызваны к жизни разными социальными причинами и имеют разное назначение [2].

Профессиональные лексические системы или профессиональные «языки» имеют тесную связь с конкретной профессией и обладают соответствующей данной специальности лексико-терминологической системой, т.е. словарем, например, язык моряков, рыбаков, плотников и т.д. Возникновение профессиональных лексических единиц в языке прежде всего связано с потребностью в назывании новых профессиональных понятий.

Групповые или корпоративные жаргоны формируются в среде людей, объединяемых по каким-либо признакам, например, служба в армии, учеба в институте, спорт, коллекционирование и др. Характерным здесь является то, что использование специфических лексических единиц связано не столько с деловой потребностью в особой профессиональной лексике, сколько со стремлением к экспрессии и новизне.

Условные языки ремесленников-отходников, торговцев и т. д. и близких к ним социальных групп имеют криптолалический характер, задача которого — сделать его по возможности малопонятным для окружающих с целью изолировать себя от основной части общества для сохранения тайны ремесла. Данные лексические системы предназначены для выполнения преимущественно конспиративной функции.

Жаргоны деклассированных встречаются в среде людей, принадлежащих к уголовному миру. Этот жаргон обладает относительным единством и по специфике отличается от групповых и корпоративных жаргонов. Специфика жаргона деклассированных заключается в том, что здесь развита воровская специальная и бытовая терминология. Данному «подъязыку» характерны как черты профессиональных лексических систем, например названия воровских специальностей, так и стремление к экспрессии, которое присуще групповым жаргонам, а так же конспиративная функция, являющейся главной функцией условных языков.

Наиболее полное определение термина “жаргон” представлено в Большом энциклопедическом словаре: «Жаргон (франц. Jargon) – разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста. От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств. Часть жаргонной лексики – принадлежность не одной, а многих (в том числе и уже исчезнувших) социальных групп. Переходя из одного жаргона в другой, слова их общего фонда могут менять форму и значение»[3].

Разноплановость присутствует и в весьма полном определении жаргона в энциклопедии «Русский язык»:

«Жаргон – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек (например, жаргон моряков, летчиков, спортсменов, учащихся, актеров). В нестрого терминологическом смысле «жаргон» употребляется для обозначения искаженной, вульгарной и неправильной речи (то же, что арго), но с пейоративной уничижительной оценкой» [4].

В англоязычном языкознании встречаем схожие определения понятия жаргон. Авторы *Definitional dictionary of Linguistic terms* дает следующее определение:

Jargon – a form of speech or writing used by sectional groups of specialists, characterized by the use of technical terms, words that are either too learned or too crude to understand, circumlocutions and hackneyed words and phrases; (b) technical expressions used among themselves by members of a particular profession, craft or trade not intelligible to the general public; e.g. gangsterese [5].

Dictionary of language and linguistics дает следующую дефиницию термина:

Jargon – a set of terms and expressions used by a social or occupational group, but not used and often not understood by the speech community as a whole. Outsiders often regard jargons such as ‘officialese’, ‘journalese’, ‘medicalese’, etc. as ‘bad style’[6].

Из этих определений видно, что дефиниция понятия жаргон тесно связана с вопросом о социальной стратификации общества, а именно какие классы, слои, социальные группы и подгруппы на каких основаниях выделяются в том или ином обществе. Так же отмечается затрудненность в понимании жаргона представителями всего остального общества. Затрудненность в понимании связывается, прежде всего, с использованием особого словаря, не известного основной массе населения.

Жаргон деклассированных в последнее время привлекает к себе все большее внимание ученых-лингвистов, поскольку, являясь одной из составляющих национального языка и культуры, он оказывает все большее влияние на разговорный язык, средства массовой информации, а также современную художественную литературу. Посредством изучения языка правонарушителей и преступников, исследователи выявляют специфику использования языка различными группами людей. Такие знания в значительной мере помогают идентифици-

ровать социально опасных элементов общества, тем самым делают жизнь людей безопаснее.

По степени владения уголовным жаргоном можно определить принадлежность конкретного преступника (заключенного, осужденного) к определенному преступному сообществу (ворам, грабителям, рэкетирам, насильникам, мошенникам, наркоманам, бомжам и т.п.), имеющим свои установки и отношение к закону, правилам человеческого общежития, моральным ценностям; степень его криминальной зараженности; внутреннее отношение данного субъекта к труду, дисциплине, государственной и частной собственности, к другим людям, представителям власти и правоохранительных органов и т.п. По индивидуально словарному запасу можно также охарактеризовать микросреду, социальную группу (банду, команду, стаю, бригаду и т.п.), членом которой является данный преступник, ее нормы, ценности, установки [7].

Конечно, исследование субъязыка преступных элементов не ограничивается лишь целью идентификации этих субъектов, но также и решает задачи сугубо лингвистические, как то: определение способов образования жаргонизмов, их семантическая наполненность, взаимопроникновение единиц жаргона и литературного языка и т.д. Психолингвистика изучает наряду с прочими функциональные качества уголовного жаргона как особого средства внутригруппового общения, овладение которым обязательно для члена соответствующей криминальной группы.

Уголовный жаргон любого национального языка представляет собой социально обособленный вариант этого языка. К основным критериям, по которым можно отличить жаргон от других многочисленных социальных форм существования языка исследователи относят:

- преимущественно устное использование лексических единиц;
- употребление их определенной группой лиц, объединенных по особому социальному признаку;
- наличие особого словаря;
- криптографическая функция номинативных единиц.

Каждый из этих критериев в отдельности может принадлежать не только уголовному жаргону, но и к другим социальным разновидностям языка, например, преимущественно устное использование лексических единиц также присуще подавляющему большинству территориальных говоров. Стоит отметить, что только совокупность всех вышеперечисленных критериев дает основание дифференцировать жаргон от других форм существования языка.

Уголовный жаргон – определенная и довольно значительная часть национальной культуры. Он возник вместе с появлением преступности и произошел не от какого-либо социального диалекта, а изначально был самостоятельной лексической подсистемой, постепенно усложнявшейся в результате развития межкриминогенных отношений. Выявление основных функций уголовного жаргона позволяет более четко разграничивать социальные диалекты.

Многие ученые отмечают трудности при создании словарей жаргона любой социальной группы, ввиду устного характера его существования. Криминальный жаргон зафиксировать в письменном виде еще сложнее из-за асоциальности и скрытности его носителей. Авторы словаря языка преступного мира *Criminal language*, однако, утверждают, что в 19 и 20 в.в. газеты и книги, а затем и телевидение помогли другим социальным слоям общества «проникнуть» в некогда закрытый мир криминального жаргона. Поэтому в словарь *Criminal language*, наряду с жаргонизмами, используемыми группами различных асоциальных элементов, включены и специальные лексемы, которые используются служителями закона, медицинскими работниками и обычными гражданами. Объединяющим фактором для всех лексем служит семантическая отнесенность к сфере преступной действительности [8].

Криминальное общество, в котором жаргон употребляется, далеко не однородно. Преступный мир состоит из профессиональных взломщиков и карманных воров, карточных шу-

леров, мошенников, рэкетиров, спекулянтов, скупщиков краденного и фарцовщиков; наркоторговцев и сутенеров, проституток, профессиональных попрошайек и бродяг.

Каждая из этих групп имеет свой словарь, который позволяет им с легкостью осуществлять коммуникацию с представителями своей группы. Вместе с тем речь преступных групп не может состоять лишь из жаргонизмов, т.к. основой ей служит литературный язык со своими фонетическими, лексическими и грамматическими нормами и правилами. Кроме того, есть достаточно многочисленная группа лексем, не принадлежащая литературному языку, но которой пользуется большинство членов криминального общества. Можно предположить, что по функции, которую выполняет слой общекриминальной лексики (в английском варианте «underworld language»), он схож с функцией разговорных элементов языка. Как и разговорная лексика, обслуживающая неформальное общение большого числа социальных групп законопослушного общества, общекриминальный слой уголовного жаргона используется для общения между группами деклассированных элементов.

Также важно обратить внимание и на профессиональную лексику сотрудников органов правопорядка и общеупотребительную лексику, которая тем или иным образом связана с лексикой преступного мира. Правовые дисциплины давно выработали терминологический инвентарь, который призван описать и дать характеристику правовым и иным аспектам жизни и деяниям преступников. В общеупотребительной и профессиональной лексике сотрудников органов правопорядка так же есть особые лексические элементы, которые описывают и характеризуют уголовный мир.

В данной статье мы рассмотрим общекриминальную лексику. Материалом для нашего исследования послужил словарь уголовного жаргона английского языка «Criminal language». Методом сплошной выборки было отобрано 200 лексических единиц, относящихся к общекриминальной лексике. Тематика жаргонизмов ограничена наиболее важными и существенными сферами деятельности той или иной группы, пользующейся жаргоном. В общекриминальном жаргоне основные тематические группы включают понятия:

- наркотические вещества (5 лексических единиц);
- члены криминального сообщества (74 лексические единицы);
- бытовая лексика (30 лексических единиц);
- места лишения свободы, арест (19 лексических единиц);
- орудия преступников (15 лексических единиц);
- жертвы преступников (6 лексических единиц);
- виды преступлений (44 лексические единицы);
- сотрудники правоохранительных органов (7 лексических единиц).

Традиционно понятие «тематическая группа» определяется как ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю. Исследование тематических групп – это изучение регулярных корреляций между языком и экстралингвистической реальностью, поскольку тематическая группа является, по определению Ф.П. Филина, «объединением слов, основывающимся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [9].

Самой многочисленной тематической группой (74 лексические единицы) в нашем исследовании оказалась группа, в которой представлены обозначения членов криминального сообщества. К этой группе относятся воры разных специализаций, грабители, проститутки, шулеры и другие преступные элементы. Например, *Aaron, The* – “The leader of a school or gang of crooks, named after the first Hebrew high priest”, *abandana*. – “A petty thief, esp. one who

pickpockets bandannas”, *abbess* – “The madam of a whorehouse”, *autoleyne* – “A career criminal, esp. a professional thief”, *autem goggler* – “A con artist who uses a spiritual or religious angle to lure his victims”.

Такое большое количество единиц, по сравнению с другими группами, объясняется как наличием достаточно большого числа преступных «профессий», так и значительно развитой синонимией жаргонизмов. Достаточно длинные ряды синонимов представлены для обозначения лексических единиц, обозначающих “вора” (18 единиц), “проститутку” (9 единиц) и “мошенника” (5 единиц). Некоторые ученые склонны сомневаться в употребимости всего множества синонимов представителями той или иной группы. А. Герд, предполагает, что ни один представитель той или иной группы носителей жаргона, не знает абсолютного большинства всех этих синонимов. Появление “квазисинонимов” объясняется включением в словарь лексем из самых различных источников [10]. Согласиться или опровергнуть данную точку зрения возможно только после проведения специального исследования (опроса), которое бы задействовало достаточно количество носителей того или иного жаргона, которые смогли бы определить употребимость той или иной лексической единицы.

Следующей по численности в нашем исследовании (44 лексические единицы) стала тематическая группа с наименованиями видов преступлений. В эту группу входят лексические единицы, обозначающие убийства, кражи, обман и жульничество, взяточничество и т.п. Например, *airing, take someone out for an* – “Taking someone out and killing them”, *alzo* – “A protection agreement between criminals and police who have been bribed”, *acquire* – “To obtain by illegal means”, *apostles* – “To steal from one person to pay back another”, *attache-casing* – “Collecting bribes so large that they must be carried in a briefcase”. Интересным обстоятельством в этой тематической группе жаргонизмов, представляется тот факт, что видов преступлений, отразившихся в исследуемом лексическом материале, не так уж много, нам удалось выделить следующие подгруппы: убийство, кража, мошенничество, взяточничество. При этом мы наблюдаем достаточно большое обилие лексических единиц, обозначающих то или иное преступление. Этот факт также можно объяснить развитостью синонимии жаргонизмов. Наличие большого количества синонимов также можно объяснить проникновением общеуголовной лексики в литературный стандарт языка. После того как слово становится общеизвестным, его необходимо заменять на секретную лексему, доступную для понимания узкому кругу преступников. Так словосочетание *bang off* – “To shoot at someone” имеет такое же значение и в литературном стандарте. В жаргоне уголовников существует так же синоним, который не известен большинству законопослушных граждан: *betsey* – “To shoot someone with a handgun”.

Орудия преступников также имеют специальные наименования в жаргоне. Здесь присутствуют как эквиваленты лексем литературного языка, так и особые единицы, возникшие в среде уголовников. Например, *acky* – “Nitric acid used by burglars in opening locks”, *alderman* – “A crowbar used in entering a house illegally”, *April fools* – “The instruments a burglar uses, so named because they rhyme with tools”.

Следующая группа, которую нам удалось выделить – обозначения сотрудников правоохранительных органов, например, *April fool copper* – “1. A detective, usu. private. 2. A small-town police officer”, *arm* – “A police officer”, *air bear* – “A police helicopter”, *bandog* – “A police officer in uniform”. Группа немногочисленна, но бросается в глаза дополнительная семантическая, как правило, уничижительная, наполненность таких лексем.

Особые лексические единицы используются и для обозначения мест лишения свободы и всего, что связано с ними. Например, *Academy* – “A hard-labor prison”, *accommodation arrest* – “A pre-arranged arrest performed by corrupt police officers to hoodwink the general public”, *an-cay* – “A prison”, *bandbox* – “A jail or prison where the criminal is forced to face the music, often a

small town or country jail where an escape is easily made but not always necessary”.

В группе бытовой лексики присутствуют как обозначения специфических для криминального общества феноменов, так и эквивалентов литературной лексики, обозначающей феномены повседневной жизни граждан. К бытовой лексике относятся названия пищи, одежды и обуви, частей тела, животных, насекомых, обычных для любого человека действий и т.п. например, *Abe's cab* – “A five-dollar bill, because of the portrait of Lincoln on the front”, *Ali Baba* – “Proof that one was somewhere else when a crime took place; an alibi”, *all-night money* – “The amount a prostitute charges a customer to spend the entire night with her”, *baggage* – “Anything which gets in the way of a life of crime, usu. women and children”.

Группа с наименованиями наркотических веществ не так многочисленна. Здесь присутствуют лексемы называющие наркотики и алкогольные вещества. Например, *AIP* – “Heroin made from poppies grown in Afg., Iran, and Pak. often shipped via Turk. to the West”, *alc* – “An intoxicating drink containing alcohol”, *alkali* – “A whiskey, esp. illegal”, *alki; alky* – “Alcohol, esp. illegal”, *A; A's* – “Alcohol”.

В последней рассматриваемой группе представлены лексические единицы, обозначающие жертв преступников. В группу вошли наименования как потенциальных, так и уже состоявшихся жертв преступных деяний. Например, *articles* – “Women kidnapped and shipped to South America where they are sold into prostitution”, *angel* – “One who is an easy target for criminals”, *baggage* – “Women exported to Argentina for prostitution”, *Alderman Lushington* – “The victim of a con artist”.

Конечно, говорить о сколько-нибудь четкой границе между заявленными группами невозможно. Некоторые лексические единицы многозначны и различные значения относятся к различным группам. Так лексическая единица *alzo* имеет несколько значений, относящихся к различным тематическим группам: 1. A protection agreement between criminals and police who have been bribed. 2. The advantage one group of criminals has over another in a certain area. 3. An area ripe for stealing. Первое значение относится к тематической группе номинативных единиц, обозначающих преступные деяния. Второе и третье значения относятся к тематической группе номинативных единиц, объединяющих бытовую лексику преступных элементов. Сочетание лексем *all caught up* имеет следующие значения: 1. Picked out for murder. 2. Known as a habitual criminal. 3. An area completely exploited by crime. 4. To be discovered engaged in crime. Первое значение относится к тематической группе номинативных единиц, обозначающих места лишения свободы и арест.

Приведенные выше примеры являются случаями многозначности слов, принадлежащих общеуголовной лексике. При исследовании материала также было обнаружено множество примеров многозначности лексем уголовного жаргона. В таких случаях различные значения лексических единиц в словаре получают специальные пометы, относящие эти значения к той или иной группе носителей уголовного жаргона (жаргон наркоманов, воров, проституток, шулеров и т.д.). Например лексема *agent* имеет следующие значения: 1. One who arranges the sale of counterfeit money. Underworld use 1910. 2. One who seeks out bets for the numbers game. 3. A gambler who has a secret agreement with the house that allows him to win. 4. One who seeks out victims for a crooked gambling operation. Gambling and underworld use. 5. An enforcer of the law, usu. A federal officer. Legal and law enforcement use. Первое значение относится к общеуголовной лексике, на это указывает помета “Underworld use”, сделанная авторами словаря. Следующие три значения используются в среде карточных шулеров, а так же могут встречаться и в речи большинства носителей уголовного жаргона, о чем свидетельствует помета “Gambling and underworld use”. Следующее значение принято среди представителей право-

охранительных органов – помета “Legal and law enforcement use”. Лексема *angle* также представлена несколькими значениями, которые используются различными группами носителей преступного жаргона: 1. A means of obtaining money illegally. Underworld use 1929. 2. The approach that a con artist employs in his swindle. Con artist's use. 3. Writing that displays an angle as the connection between the downstroke and upstroke of a letter. Handwriting analysis use. 4. The method one employs in cheating. Gambling use. 5. v. To take from another's pocket. Underworld use. Первое и последнее значение принадлежит слою общеуголовной лексики. Второе значение лексемы используется в среде мошенников – помета “Con artist's use”. Третье значение используется специалистами-графологами, имеющими косвенное отношение к преступному миру – помета “Handwriting analysis use”. Следующее значение используется в среде карточных шулеров.

Анализ лексических единиц, относящихся к вышеперечисленным тематическим группам, позволяет говорить о неоднородности сообщества преступников. В номинациях заложены значения, несущие информацию о возрасте, стаже, роде деятельности преступников, например, *baby pro* – “A young prostitute, usu. age 16 or younger”, *academy buzz-napper* – “An apprentice in the art of picking pockets”. В то же время уголовный жаргон не отличаются семантическим разнообразием, о чем свидетельствует выделение только 8 тематических групп. Жаргон преступников практически исчерпывается словами, относящимися к уголовному быту и преступной деятельности.

Таким образом, в жаргоне уголовников находит отражение то, что их окружает, их повседневный «домашний» и «профессиональный» микромир. Разграничение криминального жаргона на семантические группы упрощает процесс понимания быта членов данного сообщества, в некоторой степени объясняет взаимоотношения преступников и законопослушных граждан.

Библиографический список

1. Туманян Э.Г. Язык как система социолингвистических систем. М.: Наука, 1985. С.3.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. С. 69-70.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М. Научное изд.-во «Большая Российская Энциклопедия», 1998. С. 151.
4. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. 431 с.
5. Definitional Dictionary of Linguistic Terms. New Delhi.: National Publishing House, 1985. pp. 109
6. Dictionary of Language and Linguistics. London. Applied Science Publishers Ltd., 1973. pp. 121
7. Колокольчикова О.Н. Жаргон как средство латентного общения преступников. Домодедово, 1998. С. 16.
8. Encyclopedia of Criminal Language, 1995
9. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 231.
10. Герд А. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц // Грани слова. М., 2005. С.620.

УДК 811.134.2'271

*Воронежский государственный университет,
преподаватель, соискатель кафедры
романской филологии ВГУ
e-mail: pikul@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University,
Teacher, Competitor of the Chair
of Roman Philology VGU
e-mail: pikul@rgph.vsu.ru*

С.Ю. Пикуль

ФРАЗЕОЛОГИЯ С ИМЕНЕМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом числительное как часть испанской картины мира. Анализируется смыслообразующий потенциал числительных, их способность к фразообразованию, а также частотность их употребления во фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, числительное, картина мира, испанский язык, количество, национально-культурная специфика.

S.Y. Pikul

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NUMERALS IN THE SPANISH WORLD PICTURE

The article deals with phraseological units with numerals as an element of the Spanish world pictures. The article presents the analysis of word-forming potential of the numerals, their ability to phrase and sentence building and frequency of their use in phraseology.

Key words: phraseology, numeral, world picture, the Spanish language, quantity, national-and-cultural specific character.

Выражение «картина мира» в последнее время получило широкое распространение в самых различных областях науки. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром. Являясь своеобразным видением мира, мировосприятием, картины мира многообразны, обладая исторической, национальной, социальной и рядом других специфик. К понятию «картина мира» обращаются исследователи различных областей знания. Исследуемые аспекты целостной картины мира получают соответствующие терминологические обозначения: физическая, биологическая, мифологическая, этнокультурная, языковая, художественная и другие. В аспекте философии и логики термин «картина мира» был введен в «Логико-философском трактате» Людвигом Витгенштейном. В семиотике и структурной антропологии данный термин стал рассматриваться в трудах Лео Вайсгербера, указавшим на стимулирующую роль языка по отношению к формированию у человека единой картины мира [1]. Лео Вайсгербер воплотил философские идеи В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера в создании комплексной концепции языка, где переплелись также взгляды Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Фр. Маутнера, Ф. де Соссюра и др. Так в поле зрения ученого мира появился еще один из существенных факторов, влияющих на формирование картины мира — язык. Бенджамен Уорф по этому поводу писал: «Мы расчлняем природу в

направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [2].

В настоящее время повышенное внимание ученых к проблеме языковой картины мира можно объяснить возросшим интересом к тому, как человек познает предметы и явления окружающей действительности, как он фиксирует полученные знания средствами языка и как последние функционируют в языке. Картина мира, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, представляет собой «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [3, с.4]. Ученые предлагают различать непосредственные и опосредованные картины мира.

Непосредственная картина мира — это картина, получаемая в результате прямого познания окружающей действительности при помощи органов чувств и абстрактного мышления; эта картина не имеет «посредников» и формируется как результат непосредственного восприятия мира.

Опосредованная картина мира — результат фиксации когнитивной картины мира вторичными знаковыми системами, материализующими существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. В составе опосредованной картины мира выделяется языковая картина мира как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [3, с.5].

Ряд исследователей называет языковую картину мира «наивной» поскольку она не передает полностью заложенную в национальном сознании информацию о действительности, а научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объёму и даже содержанию. Языковая картина мира способна отобразить лишь часть «образа мира», который переживается во взаимодействии его перцептивно-когнитивно-аффективных характеристик и с разной мерой «глубины» и степени осознаваемости достраивается индивидом за счет многообразных и многоступенчатых выводных знаний [4, с.46].

Таким образом, языковая картина мира является вербальным воплощением системы представлений, знаний человека об окружающем его мире. Она выполняет функцию ориентации человека в мире. Однако восприятие мира в значительной мере обусловлено принадлежностью индивида к различным общностям [5, с.3], поскольку именно этнический компонент, представленный совокупностью традиций, обычаев, верований, определяет то, что языковые системы по-разному представляют окружающую действительность. Так, каждый народ имеет свой, специфический способ восприятия мира, его концептуализации, что непосредственно отражается в его языке. По мнению Е.В. Урысона, «каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфические модели мира имеют и общие, универсальные черты)» [6, с.3]. В силу этого мы можем говорить о «национальной картине мира», которая проявляется в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах [3, с.5], то есть восприятие окружающего мира зависит от культурно-национальных особенностей носителей конкретного языка.

Тот факт, что языковые системы имманентно по-разному представляют окружаю-

щую действительность, определяет способность языковых средств этих систем, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций. Вслед за Ю.А. Рыловым мы считаем, что языковая картина мира, рисуемая тем или иным языком, совершенно естественно связывается с его лексикой, поскольку именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности, системной организацией лексики, не допускающей наложения одной системы на другую. Поэтому семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением некоторых терминологических образований), а имеются лишь различного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе. [5, с.5].

Вопрос концептуализации мира языком при помощи слов, очень важен. В своё время Р. Ладо заметил: «Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [11; с.34-35]. Варьируются не только значения, но и состав лексики. Специфика этого варьирования составляет существенную часть специфики языковых картин мира. По выражению А. Вежбицкой: «Каждый язык образует свою “семантическую вселенную”. Не только мысли могут быть “подуманы” на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого» [8, с.21].

Будучи основой человеческого бытия, язык, согласно Вайсгерберу, связан со всеми жизненными проявлениями отдельного человека и языковой общности в целом. Говоря о зависимости национального характера мышления от конкретного языка, Л. Вайсгербер писал, что каждый человек определенной культуры не способен понять представителя другой культуры, т.к. у них разные языковые картины мира [1]. Таким образом, являясь прямым отражением культурных особенностей того или иного народа, его национального характера, традиций, обычаев, системы ценностей, отношения к миру и другим народам, язык неотъемлемо связан с культурой. Именно язык и культура являются основными характеристиками любого этноса, на какой бы стадии эволюции он ни находился. Язык «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [9, с.28], способен лексически и семантически охватить всю многогранную культуру, все многосложное общество.

Наиболее ярким источником передачи культурного наследия народа являются фразеологизмы. Они иллюстрируют образ жизни, историю и традиции социума, объединенного одной культурой. Фразеологический состав языка играет особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации, воплощая в образном содержании его единиц культурно-национальное мировидение. По мнению Масловой В.А., план содержания фразеологических единиц и метафоры, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, т. е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков [10, с.54]. Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц. Знание особенностей идиоматики языка дает новый уровень видения фактов и явлений в языке, позволяет видеть их

самобытность, своеобразие и качества, присущие языку, отражающему картину мира его носителей, позволяет увидеть заложенную в единицах языка культурную информацию о социуме.

Одним из важных компонентов языковой картины мира является число. Исследователями в области лингвистики число понимается как нечто абстрактное, как обозначение какого-либо члена некоторого ряда, лишенное конкретного содержания, в котором этому члену предшествует или следует за ним какой-нибудь другой определенный член; как абстрактный индивидуальный признак, отличающий одно множество от другого того же рода. В языке данная категория количественных отношений выражается именем числительным. Имя числительное отображает определенную счетную систему, образованную входящими в нее числами, каждый элемент которой обозначает отдельное числовое понятие (число, количество предметов, порядок их при счете).

Далеко не всегда число использовалось в своем прямом значении, т.е. для обозначения определенного количества предметов, часто число наделялось неким магическим смыслом. Древние народы придавали числам сакральную силу, приписывали им скрытый смысл и магическую возможность влияния на окружающий мир. Для мифопоэтического сознания числа не могут быть сведены к выражению количества. Число определяет качественные характеристики вещей в модели мира, оно определяет суть мира.

Представления о священных свойствах числа возникли в глубокой древности. Еще пифагорейцами было разработано учение о числе и числовых отношениях. В их космологических построениях число являлось центральным понятием, наделялось онтологическим, гносеологическим и эстетическим значением. Число толковалось как синтез предела и беспредельного, как божественное начало в мире и принцип всех вещей и души. Отсюда — вера в таинственный, мистический смысл числа и числовых отношений и связанная с ней символика чисел. Как полагают некоторые исследователи, символический смысл отдельного числа нельзя свести к какому-либо одному значению, поскольку он представляет собой многослойную и многогранную семантическую структуру, содержание которой в каждом конкретном случае, в зависимости от контекста, может быть более или менее однозначным. Число обожествлялось и наделялось магическими свойствами и поэтому играло важную роль в ритуальных и культовых обрядах, в фольклорных и древних литературных текстах. Для христианской нумерологии главным источником являлась Библия, преисполненная самыми различными числовыми указаниями. Наиболее часто употребительными являются числа 3, 4, 5, 7 и кратные им 10, 12, 30, 40, 50, 70, 100. Символическое значение чисел сохранилось в преобразованном виде в составе современных фразеологизмов.

В испанской языковой картине мира широко представлены числительные, передающие, как правило, точное количество чего-либо. В то время как в составе фразеологизмов имя числительное, помимо выражения количества, получает новое культурологическое содержание.

В составе фразеологических единиц испанского языка встречается свыше 20 различных числительных. Разные числительные обладают разным потенциалом к фразеобразованию. По нашим наблюдениям активно используются числительные от 1 до 15, десятки, отдельные двузначные и трехзначные числа, числительные 100 и 1000. Наиболее частотными являются числительные первого десятка, из которых мы в свою очередь можем выделить *dos, tres, cuatro, cinco, siete, diez*.

Многие фразеологизмы с компонентом числительное выражают не собственно числовое значение, а передают идею большого/малого количества, а числительные *cien* и *mil* выражают эту идею практически во всех случаях.

Высокой частотностью употребления отличаются:

а) Числительное *uno/una* : передает в большинстве случаев непосредственное значе-

ние числа *один* — единичность чего-либо:

Con una rueda no anda una carreta — На **одном** колесе телега не едет;

¡Basta un barbaro en un linaje! — В семье не без уроды. (Букв. Достаточно и **одного** варвара в роду!);

Dañada una pera, dañadas sus compañeras — Паршивая овца все стадо портит. (Букв. **Одна** испорченная груша портит остальные).

Здесь необходимо отметить, что русский эквивалент фразеологизма не всегда содержит числительное, что является собой национальную специфику:

Cuando pases por la tierra de los tuertos, cierra un ojo — С волками жить — по-волчьи выть (Букв. Когда идешь по земле одноглазых, закрывай **один** глаз).

б) Числительное *dos*: здесь необходимо отметить большую способность данного числа к фразеобразованию в испанском языке. Фразеологизмы с числительным *dos* могут использоваться в разных семантических сферах: характеристики человека, отношений между людьми, качественные и пространственные характеристики:

tener uno dos haces — быть **дву**личным;

andar uno en dos pies por la misericordia de Dios — быть ограниченным человеком (Букв. Ходить на **двух** ногах по Божьему милосердию);

Casa de dos puertas, mala es de guardar — Дом с **двумя** дверями плохо охраняем;

Dos medidas tengo, con la grande compro y con la chica vendo — У меня **две** меры, большой покупаю, а малой продаю;

a *dos pasos* — в **двух** шагах.

Отметим также способность числительного *dos* к передаче количественной характеристики:

no tener dos reales — Не иметь ни гроша. (Букв. Не иметь и **двух** реалов);

Salud y dinero haya, que lo demás no vale dos habas — (Букв. Здоровье и деньги будут, а все остальное не стоит и **двух** бобов);

En la boca de un gañán, en dos paletas se pierde un pan — Во рту батрака в **один миг** исчезает хлеб.

Как правило, *dos* передает малое количество чего-либо.

в) Числительное *tres*. Как и предыдущее, данное числительное характеризует высокая частотность употребления. Оно имеет магический смысл в большинстве культур. После принятия христианства считается священным в связи с библейской символикой (Святая Троица). Сакраментальность числа *tres* передается и испанской фразеологией:

El número tres, perfecto es — Число **три** совершенное;

De tres cosas no te has de fiar: del rey, del tiempo, ni de la mar — **Трем** вещам не стоит доверять: королю, времени и морю;

Decir “sí” tres veces, negar es — Сказать «да» **три** раза, значит, отвечать отказом.

Но вместе с этим *tres* высокопродуктивно для обозначения различных характеристик:

estar una mujer tres piedras — быть привлекательной (Букв. быть женщиной **три** камня);

tener tres narices las cosa — быть сложным (о деле) (Букв. Дело имеет **три** носа);

de tres cominos — незначительный (Букв. **три** семени тмина);

а также для передачи большого или малого количества чего-либо:

A quien no quiere caldo, tres tazas y la última rebosando — Тому, кто не хочет бульона, **три** чашки и последняя с верхом;

Dale el villano confianza y antes de tres días te pegará en la cara — Доверься подлецу, и не пройдет и **три** дней, как он тебя ударит в лицо;

¡Buen puñado son tres moscas! — Не густо!, Раз, два и обчёлся! (Букв. Хорошая пригоршня – **три** мухи!).

г) Числительное *cuatro* имеет среднюю частотность употребления. У многих народов число 4 считалась совершенным числом, символом целостности, универсальности мироздания:

El buen boticario ha de tener cuatro ces: ciencia, conciencia, capital y cojera — Хороший аптекарь должен иметь **четыре** вещи: умение, совесть, состояние и хромоту;

Cuatro bueyes en un carro, si bien tiran para arriba, mejor tiran para abajo — **Четыре** вола в повозке, если хорошо тянут вверх, еще лучше тянут вниз.

Помимо характеристик, относящихся к человеку, числительное *cuatro* передает пространственные и временные характеристики:

andar en cuatro pies — быть диким, неотесанным (Букв. ходить на **четырёх** ногах);

abierto a los cuatro vientos — открытый всем (Букв. открытый **четырем** ветрам);

por los cuatro costados — со всех сторон (Букв. с **четырёх** боков);

entre cuatro paredes — взаперти, в **четырёх** стенах;

dentro de cuatro días — через пару дней. (Букв. через **четыре** дня).

А также идею количества, как правило, малого:

caer/llover cuatro gotas — две капли дождя (Букв. упасть **четырем** каплям дождя);

cuatro gatos — раз-два и обчёлся (людей) (Букв. **четыре** кота).

д) Числительное *cinco*. Употребляется в основном при переносном обозначении пяти органов чувств:

No estar en sus cinco (sentidos) — Быть не в себе (Букв. Не быть в своих **пяти** чувствах); или при обозначении руки (по количеству пальцев):

dame esos cinco — дай руку (Букв. дай **пять**);

cinco y la garra — ловкость рук (Букв. **пять** и лапа).

Также данное числительное используется при обозначении количества и, в меньшей степени, различных характеристик человека:

estar sin cinco — быть, сидеть без гроша (в кармане) (Букв. быть без **пяти**);

no saber cuántas son cinco — быть тупицей (Букв. Не знать сколько будет **пять**).

е) Числительное *siete*. Достаточно высока частотность употребления данного числительного. У многих народов считалось символом святости, в библейской символике символ союза Бога и человека (числа 7 и 12, а не только 10 рассматриваются и употребляются в библейской символике как «круглые числа», т.е. в других числах учитывается полная кратность семерки и дюжины):

Cada siete años se muda la condición, la costumbre y complexión — Каждые **семь** лет меняется характер, привычка и телосложение;

Convite de siete, pendencia de nueve — Приглашение **семи**, ссора девяти;

De un palo de escoba salieron una vez siete balas — И из ручки метлы вышли однажды **семь** пуль.

Употребляется также для выражения большого количества:

Cinco no son montón, pero siete ya lo son — Пять — не куча, а **семь** да;

saber más que siete — знать много (Букв. знать больше, чем **семь**);

и в некоторых случаях, для передачи отдельных качеств человека/предмета:

de siete suelas — крепкий, прочный, значительный; законченный, отпетый (негодяй) (Букв. с **семью** подошвами).

ж) Числительное *ocho*. Количество фразеологических единиц с числительным *ocho* сравнительно невелико. Тем не менее, данное числительное употребляется в составе фразеологизмов при выражении различных характеристик человека, выражения эмоций, временных характеристик:

con una barba de ocho días — давно небритый (Букв. с *восьмидневной* бородой);
dar (echar) a uno con los ochos y los nueves — пробрать кого-либо, сказать пару тёплых слов кому-либо (Букв. дать кому-либо с *восьмерками* и девятками);

estar/ser más serio que un ocho — быть очень серьезным. (Букв. быть более серьезным, чем *восемь*);

que ... ni que ocho cuartos — какого черта! какое там! (Букв. никаких *восьми* монет!);

¡Que se apunte ocho! — Вранье! Вздор! (Букв. Пусть появится *восемь*!);

En lo que no es de ni cuenta, lo mismo me da ocho que ochenta. — Если меня не касается, то мне все равно *восемь* или восемьдесят.

з) Числительные *diez* и *doce* имеют невысокую частотность, хотя, число 10 связано с Библейским источником (10 заповедей), рассматривалось как «число окончания» и служило символом мирового порядка, а 12 — «число высшего совершенства» согласно библейской символике):

Diez libros buenos, diez excelentes amigo — *Десять* хороших книг — *десять* отличных друзей;

El amigo que está presente vale por diez ausentes — Присутствующий друг стоит *десяти* отсутствующих;

Doce fueron los que Cristo escogió, y uno lo vendió, otro lo negó, y otro no le creyó — *Двенадцать* выбрал Бог, и один его продал, другой отрекся и третий не поверил.

Также числительное *doce* употребляется для выражения различных характеристик человека/предмета через употребление его в значении 12 часов (полдень/полночь):

comer donde dan las doce — быть ловким, расторопным. (Букв. обедать там, где (часы) бьют *двенадцать*);

dar las doce antes de la hora — из молодых, да ранних. Быть чрезвычайно красивым (чаще о женщине); быть замечательным (о вещи). (Букв. Пробыть *двенадцать* раньше времени).

и) Числительное *cien* во фразеологии, как правило, выражает не точное число, а лишь большое количество чего-либо:

Cortesía y bien hablar, cien puertas nos abrirán — Вежливость и красноречие *сто* дверей откроют;

De una mentira ciento se derivan — Ложь имеет длинные ноги (Букв. Из одной лжи проистекает *сто*);

El preguntador indiscreto, comete cien yerros — Кто задает нескромные вопросы, совершает *сто* ошибок.

к) То же значение большого количества выражают и числительные *mil* и *millón (mil millares)*:

Amor grande, vence mil dificultades — Большая любовь все побеждает (Букв. Побеждает *тысячу* трудностей);

Antes de mil años, todos seremos calvos — До *тысячи* лет все станем лысыми;

De refranes y cantos tiene el pueblo mil millares — Народ имеет *миллион* пословиц и песен;

A costa de los campos viven en los pueblos millones de vagos — За счёт полей живут в деревнях *миллионы* лентяев.

Часто числительные *cien* и *mil* служат интенсификаторами каких-либо качеств:

andar (estar) con cien ojos — быть бдительным (Букв. ходить (быть) со *ста* глазами);

ser como mil flores — быть изящным, прелестным (Букв. быть как *тысяча* цветов);

ruido de mil demonios — ужасный шум (Букв. шум *тысячи* демонов).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что среди числительных в составе фразеологизмов испанского языка наибольшей частотностью обладают числитель-

ные первого десятка, а также числительные 100 и 1000, репрезентирующие большое количество чего-либо. Самые большие способности к фразеобразованию отмечены у числительного 2. Данное числительное в составе фразеологизма используется испанцами в различных семантических сферах, таких как характеристики человека, предмета, отношений между людьми, качественные, количественные и пространственные характеристики.

Становясь компонентом фразеологизмов, числительные, как правило, утрачивают конкретно-числовое значение, способствуя формированию оценочно-квалифицирующей или количественной характеристики идиомы. Данное явление, релевантное для многих языков, имеет в каждом свои особенности, сформированные под влиянием отдельно взятых культур. Так, испанские идиомы задействуют большее количество числительных, способных выразить помимо своего прямого значения числа ряд характеристик человека/предмета, определяемых как значимые в пределах данного этноса, а также значение большого/малого количества чего-либо.

Таким образом, имя числительное является одним из значимых средств, используемых фразеологией. Изучение фразеологических единиц с именем числительным на примере испанского языка имеет большое значение для углубления нашего понимания реалий и народного менталитета Испании, что помогает расширить и обогатить культурную информацию о природе тех или иных языковых явлений в рамках испанской языковой картины мира. Во фразеологии наиболее ярко запечатлены особенности мировосприятия того или иного этноса, культурно-исторический опыт, традиции, обычаи, верования. Факт существования расхождений в языковых картинах мира дает огромное поле для деятельности по расшифровке и интерпретации особенностей национальных картин мира, что имеет огромную научную и практическую ценность.

Библиографический список:

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 224 с.
2. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. — Вып. 1. — М., 1960. — С. 174—175.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. — Воронеж: Истоки, 2002. — 60 с.
4. Залевская А.А. «Образ мира» vs. «языковая картина мира» // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003 г., Курск) / под ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. — С. 41—47. (Серия «Научные доклады»; вып. 2).
5. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. — 272 с.
6. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. — 1998. — № 2. — С.3—21.
7. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XXV: Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В.П. Нерознак; под общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. — М.: Прогресс, 1989. — С 34—35.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996. — 416 с.
9. Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества. — СПб.: Блиц, 1996. — 158 с.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.

УДК 811.134.2'363.633

*ПГЛУ, Пятигорск доцент кафедры испанского языка
факультета испанского и английского языков ПГЛУ, Пятигорск*

*associate professor of the Chair of the Spanish and English languages of PGLU
Pyategorsk*

Е.Н. Пронченко

**АВТОРСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)**

В статье определяются основные направления в оценке роли и принципов испанской пунктуации. Предпринимается попытка выявить индивидуально-авторские особенности использования знаков препинания в художественных текстах испаноязычных авторов.

Ключевые слова: испанская пунктуации, правила пунктуации, авторский стиль.

E.N. Pronchenko

**THE USAGE OF AUTHOR'S PUNCTUATION
(BASED ON SPANISH-SPEAKING AUTHORS' FICTION)**

The article determines the main dimensions in evaluation principles of Spanish punctuation.

Futhermore, the attempt is undertaken to examine the individual peculiarities of the author's punctuation in Spanish-speaking authors' punctuation.

Key words: Spanish punctuation, punctuation rules, writer's style.

В истории испанского языкознания сложились два основных направления в оценке роли и принципов испанской пунктуации: просодическое и семантическое. Наиболее значимыми работами, отражающими основные концепции первого из указанных направлений, являются работы Х.А. Переса-Риохи, Г., Мартина Вивальди Г.. Испанские исследователи видят главную роль знаков препинания в визуализации интонации и, таким образом, в донесении до читателя намерения пишущего. Таким образом, согласно первому направлению, знаки препинания рассматриваются как реакция на просодические особенности испанских предложений, которые служат организации его семантико-мелодических единиц в письменной коммуникации. Второе, семантическое направление в объяснении принципов употребления знаков препинания представлено, в частности, в работе М. Линареса. Главная идея сторонников этого направления сводится к тому, что функционирование пунктуационных знаков строится на смысловой основе. Согласно семантическому критерию пунктуация помогает правильной интерпретации адресатом написанного текста и служит для устранения неоднозначности в письменном тексте. В данном случае пунк-

туационные знаки выражают те или иные отношения между частями предложения и самими предложениями.

В последние годы ряд испанских лингвистов, провозглашающих необходимость семантико-прагматического изучения пунктуации с точки зрения теории релевантности, исходят, прежде всего, из того, что употребление того или иного пунктуационного знака отвечает стилистическому выбору пишущего. Пунктуация при этом является дополнительным механизмом обогащения высказывания информацией, которая способствует правильной интерпретации письменного высказывания, передаче читающему смысла написанного. Объяснение выбора в употреблении знаков препинания, регламентированных правилами пунктуации, с позиции Каролины Фигерас, позволяет учитывать и тот факт, что письменный дискурс представлен различными жанрами. В синтаксическом отношении каждая из разновидностей письменной речи обладает своими особенностями, что сказывается и на выборе пунктуационных знаков в различных стилях письменной коммуникации. Особенным своеобразием отличается пунктуация художественных текстов, где знаки препинания служат для передачи как логического, так и эмоционально - экспрессивного содержания.

При анализе роли пунктуационных знаков в художественных произведениях особую важность приобретает двусторонняя функциональная значимость пунктуации (пунктуация для автора и пунктуация для читателя). Автор при написании художественного текста следует, в первую очередь, правилам и нормам пунктуации не потому, что хочет продемонстрировать свою пунктуационную грамотность, а потому, что заинтересован в том, чтобы читатель осознал смысл его намерения.

Возможность переосмысления слова в художественном тексте, многоплановость его проявления приводят к синтаксической усложненности предложений, проявляющейся в обилии специальных оборотов речи, пояснений, уточнений, сравнений, дополнений. Пунктуация в художественном тексте наряду с другими стилистическими средствами обладает широчайшим потенциалом для передачи смысловых, эмоциональных и интонационных коннотаций. Как заметил поэт Михаил Светлов: « В науке слова идут ровным шагом, в стихах - разбегаются, скользят, взлетают».

Говоря о пунктуации художественного текста, следует согласиться с мнением Л.М. Кольцовой, что « текст, написанный рукой мастера, имеет свою пунктуационную стратегию и свою пунктуационную тактику, которые находят свое отражение в определенной системе его пунктуационных позиций». Здесь же уместно вспомнить и слова испанского писателя Асорина о том, что «любой писатель, создавая свой стиль, создает и свою пунктуацию». По мнению писателя, вопрос об авторской пунктуации заключается в авторской психологии и только психологии. Аналогичный взгляд на авторское новаторство в пунктуационной системе находим в словах Владимира Маяковского, высказанных столетие назад по поводу русских знаков препинания, согласно которым пунктуация представляется чересчур бедной и маловыразительной по сравнению с оттенками эмоций, которые пишущий стремится вкладывать в свое произведение. Среди испанских писателей также существует весьма распространенное мнение о том, что современная пунктуационная система не всегда способна отразить все те сложные синтаксические ситуации, которые возникают при написании литературного текста. По мнению многих авторов, синтаксическое поле по своей сложности превосходит возможности академической пунктуационной системы и требует создания новых графических знаков на уровне фразы. Другой точки зрения придерживается ряд испанских лингвистов, в частности Хосе Поло, который заявляет о том, что прежде чем думать о создании новых пунктуационных знаков, было бы разум-

нее более глубоко изучить возможности и вариации уже существующей пунктуационной системы испанского языка.

Вышеприведенные высказывания писателей и лингвистов свидетельствуют о том, что авторы прибегают к использованию в художественных текстах как установленных правил функционирования пунктуационной системы, так и к использованию нерегламентированной пунктуации, которая обусловлена своеобразием авторского стиля письма, ведущей авторской модальностью, желанием автора как можно полнее передать свою интенцию и интонацию.

Следует заметить, что подход к пониманию авторской пунктуации весьма противоречив, так как сам термин имеет двойное толкование. С одной стороны, под данным термином понимаются индивидуальные авторские особенности и приемы пунктуационного оформления текста, которые не противоречат принятым в данный период нормам пунктуационной системы и являются неотъемлемым элементом стиля. С другой стороны, указанный термин трактуется как сознательное отступление от действующих норм, оправданное стилем и контекстом произведения.

В любом случае, авторская пунктуация, по мнению многих лингвистов, выполняет разнообразные функции, среди которых выделяется кодирование авторской интонации в графической форме текста. Испанский лингвист Линарес считает, что выбор того или иного знака автором объясняется его стремлением донести до читателя тот или иной интонационный рисунок, который поможет понять смысл высказывания. Исходя из этого, Линарес полагает, что писатель употребляет запятую, чтобы придать повествованию ясность и размеренность; использует тире, чтобы прокомментировать свои собственные мысли; прибегает к скобкам для ссылок, уточнений или напоминаний. В пунктуационном оформлении письменного высказывания находят отображение излюбленные авторские приемы и индивидуальный авторский стиль.

Рассмотрение нами авторского стиля свидетельствует о том, что пунктуация в исследованных произведениях испаноязычных авторов во многих случаях расходится с нормативным употреблением; настолько нагроможденными предстают знаки в пределах короткого текста, настолько сложным является их сочетание. Однако, являясь элементом стиля, авторская пунктуация в большинстве рассмотренных случаев все же не выходит за рамки нормативных предписаний.

Более детальное изучение пунктуации мастеров художественного слова испаноязычной литературы свидетельствует о ее богатых стилистических возможностях, об оригинальности авторского выбора тех или иных пунктуационных знаков.

Своеобразие композиционно-речевого строя художественного текста проявляется в активном использовании прямой речи и, следовательно, разговорных конструкций, передающих непринужденность общения, спонтанность и экспрессивность речи. Все это требует особого пунктуационного оформления, которое обнаруживает значительное варьирование у разных авторов.

Так, в прямой речи персонажей исследованных произведений Венсеслао Фернандеса Флореса характерно употребление разнообразных знаков препинания, среди которых одно из первых мест по частотности занимает многоточие. Использование данного пунктуационного знака в речи героев повести Фернандеса Флореса «Человек, который купил автомобиль» является ярким средством выражения состояния аффекта персонажей, оно имитирует паузы, прерывистость речи, возникающую при эмоциональном возбуждении, смущении или возмущении:

Por eso del ejercicio... y... por otra razon... La vida se encarecería mucho... El tranvía

cuesta un real; el autobús dos (El hombre que compró un automóvil).

К разряду других частотных функций многоточия в речи героев писателя можно отнести контекстуальное окрашивание высказывания и передачу шутливо – иронического отношения автора к своим персонажам.

Como tendría hacer cuatro viajes diarios, el precio de la casa resultaría gravado en tres pesetas jornada. Ya no era negocio (El hombre que compró un automóvil)...

В произведениях выдающегося писателя XX века Камило Хосе Селы обнаруживается ряд особенностей индивидуально-авторской пунктуации, представляющей собой композиционно-интегрирующую систему, в которой интегрирующая функция превалирует над функцией разделительной.

Наблюдения за использованием знаков препинания в текстах произведений К.Х. Селы выявляет оригинальность и стилистическое авторское своеобразие пунктуационной системы этого автора. Так, одним из характерных способов построения предложения, к которому прибегает писатель, является построение письменного высказывания при помощи точки с запятой. Пунктуационный знак « точка с запятой» в его фразах занимает различные позиции, фиксирующие границы частей сложного синтаксического целого; указывает на завершенность и логическую достаточность каждой отдельно взятой части предложения и в то же время подчеркивает их недостаточность для выражения общего смысла. Точка с запятой выполняет здесь как связующую, так и интегрирующую функции, указывая на смысловую связь разных по структурно-грамматическим характеристикам и прагматическим свойствам предложений, составляющих целостный смысловой комплекс:

La perilla se sentaba enfrente de mí, sobre sus dos patas de atrás y me miraba, con la cabeza ladeada, con sus dos ojillos casatños muy despiertos; yo le habalaba y ella, como si quisiese entenderme mejor, levantaba un poco las orejas; cuando me callaba aprovechaba para dar unas carreras detrás de los saltamontes, o simplemente, cambiar de postura (La familia de Pascual Duarte).

Наряду со случаями употребления точки с запятой в вышеприведенном фрагменте в произведениях Камило Хосе Селы встречаются случаи употребления данного знака в нетипичных позициях, например:

No; no podía perdonarla porque me hubiera parido...

No; definitivamente; no. No podía; era algo superior a mis fuerzas, algo que me revolvía la sangre.

Sí; mejor era no seguir, me lo decía la conciencia (La familia de Pascual Duarte).

В данном фрагменте точка с запятой сегментирует и вместе с тем интегрирует три семантико-мелодические единицы предложения для репрезентации общего смысла и визуализации интонационного рисунка.

Вопреки сложившейся у современных писателей тенденции к опущению точки с запятой и к употреблению других знаков, Камило Хосе Села следует традиции, заложенной еще итальянским печатником Альдо Манусио, и широко употребляет данный пунктуационный знак для усиления степени смысловой спаянности разделяемых компонентов высказывания. Писатель умело сочетает в одной фразе запятые, точки с запятой и точки, что позволяет фиксировать рематически выделенные части предложений и указывать на внутреннее членение этих частей.

La casa de don Jesús estaba también en la plaza y, cosa rara para el capital del dueño que no reparaba en gastar, se deferenciaba de las demás, además de en todo lo bueno que llevo dicho, en una cosa en la que todos le ganaban: en la fachada, que aparecía del color natural de la piedra, que tan ordinario hace, y no enjalbegada como hasta la del más pobre estaba; sus motivos tendría(La casa de Pascual Duarte).

Еще одной пунктуационной характеристикой стиля писателя является его чрезмерное пристрастие к тире, что чаще всего обусловлено его объективистским стилем и стремлением дополнить высказывание персонажа:

Rosario se nos crió siempre debilucha y esmirriada - ¡ poca vida podía sacar de los vacíos pechos de mi madre! – y sus primeros tiempos fueron tan difíciles que en más de una ocasión estuvo a pique de marcharse (La familia de Pascual Duarte).

La criatura se quedó tirada todo lo larga que era, y mi madre – le aseguro que me asusté en aquel momento que la vi tan ruín – no lo cogía y se reía haciéndole el caso al señor Rafael (La Familia de Pascual Duarte).

Употребление данного пунктуационного знака позволяет писателю, избегающему пространных портретных зарисовок, внести дополнительные штрихи в создание образа его героев. Тире выполняет характерологическую, уточняющую функции, иногда даже с оттенком юмора:

El marido de Danville, Illinois, es un vivo ejemplo - vivo de milagro - de esto que decimos (Relatos cortos).

Таким образом, частотное использование тире в произведениях Села определяется семантической неоднозначностью, а также семантической, синтаксической и интонационной функциями знака. Тире становится универсальной знаковой единицей оформления коммуникативной целостности текста, вытесняя в отдельных случаях запятую и точку с запятой.

Интересным представляется авторский прием в использовании скобок для достижения разъясняющей функции, чем самым подчеркивается присутствие автора. При помощи слов, заключенных в скобки, Камило Хосе Села в авторское повествование вносит оттенки юмора или иронии:

Era un pueblo caliente y soleado, bastante rico en olivos y guarros (con perdón), con las casas pintadas tan blancas, que aún me duele la vista al recordarlas (La familia de Pascual Duarte).

Las sillas, que eran seis, dos de ellas con brazos, eran altas de respaldo con mullido peluche colorado por culera (con perdón), recias de patas y tan cómodas que mucho hube de echarlas de menos al volver acuerdo de ellas, a pesar de los años pasados (La familia de Pascual Duarte).

К авторской пунктуации Камило Хосе Села следует отнести и своеобразное использование многоточия, которое часто указывает на преднамеренную многозначительную недосказанность мысли и погружает нас в «затекстовое» пространство.

Después se marchó y tardó dos días enteros en volver; cuando lo hizo venía borracho como una bota; se acercó a la cama de mi madre y la besó; mi madre se dejaba besar (La familia de Pascual Duarte)...

Pero el guionista del programa, que ignoraba el caballereco y usual proceder de Bobby Amadís de Gaula, sostuvo más tiempo del precisouna situación angustiosa para la heroína que iba a caer de un momento a otro en las garras del traidor y ... aquí vino el malo (Relatos cortos).

В последнем предложении автор при помощи многоточия достигает временной паузы, чем привлекает внимание к последней части предложения.

Использование многоточия в рамках компрессионно-компенсирующей функции в середине и в абсолютном конце предложения компенсирует смысловые отношения. Для писателя данный пунктуационный знак является одним из эффективных средств достижения выразительности. Во многих случаях многоточие служит для передачи особенной интонации высказывания и для временной паузы, которая может передавать самую разнообразную гамму чувств: ожидание, колебание, сомнение, страх.

В своих произведениях писатель довольно часто использует восклицательный знак, употребление которого помогает отразить внутренний мир героев, как правило, самые сильные чувства, переживания, эмоции, а иногда и авторскую модальность.

¡ Se daba resquemos llegar al pueblo, así, solo, de noche, y pasar lo primero por junto al camposanto! ¡ Parecía como si la Providencia se complaciera en ponérmelo delante, en hacerlo de propósito para forzarme a caer en la meditación de lo poco que somos (La familia de Pascual Duarte)!

A la desgracia no se acostumbraba uno, créame, porque siempre nos hacemos la ilusión de que la que estamos soportando la última ha de ser, aunque después, al pasar de los tiempo, nos vayamos empezando a convencer - ¡ y con cuánta tristeza!- que lo peor aún está por pasar(La familia de Pascual Duarte)...

Приведенные примеры демонстрируют также, что данный пунктуационный знак в произведениях Камило Хосе Селы имеет большое интонационно-смысловое значение.

Своеобразие пунктуационного оформления письменной речи испанского писателя, как мы видим, заключается в том, что автор прибегает к развернутым предложениям, которые часто включают элементы сложного, которые, в свою очередь, по ходу рассуждения содержат вставки, замечания и дополнения, врывающиеся в главную мысль. Все это требует особой комбинации знаков препинания с учетом не только общей функции, но и возможности их сочетания друг с другом.

Значительная роль в пунктуационном оформлении художественных текстов испаноязычных авторов отводится запятой, использование которой в отдельных случаях обуславливает некоторую перегрузку текста знаками препинания.

Как и любой другой знак препинания, запятая подчиняется определенным правилам пунктуации, в соответствии с которыми ее употребление строго регламентировано. Однако тот факт, что запятая может выступать и самостоятельным организатором смысла высказывания либо структуры текста, объясняет ее частое использование мастерами художественного слова.

Так, запятая стала «излюбленным» пунктуационным знаком Марио Варгаса Льосы. Анализ произведений данного автора выявил частотность употребления данного знака в текстах писателя после союзов, для выделения подлежащего и отделения дополнения от сказуемого. Наибольшее количество примеров встречаем с союзом «pero», который автор употребляет в начале и в середине предложения. Рассмотренные примеры показали, что запятая ставится автором между союзом и подлежащим, глаголом, между двумя союзами. При этом подлежащие может быть выражено и существительным, и местоимением:

Pero, balaguer sabía que el hijo de Trujillo jamás dejaría salir libres a los ajusticiadores todavía libres (La fiesta del chivo).

Pero, un instinto lo diría que, ese hombre que venía puntualmente a visitarla cada tarde, era un ser querido (La fiesta del chivo).

Pero, yo no soy militar (La fiesta del chivo).

Вместе с тем следует заметить, что в произведениях автора встречаются предложения, в которых союз “pero” и подлежащие не отделяются запятой, что соответствует норм испанского языка:

Pero los diminutos ojillos, aunque no se apartaban de Urania, se mantienen inexpresivos (La fiesta del chivo).

Pero Urania no tiene fuerzas para disimular (La fiesta del chivo).

В произведениях Марио Льоса распространены и предложения, в которых союз «pero» отделяется запятой от глагола.

Pero, hay que hacerlo bien.

Pero, se mataba, se golpeaba, se torturaba y se desaparecía.

Такие предложения могут включать только союз и глагол, что не мешает автору при таком ограниченном количестве слов разделить их запятой:

Pero, fracasaré. Pero, me extrañaría (La fiesta del chivo).

Еще одна особенность использования запятой в произведениях Льюсы проявляется в предложениях с однородным подлежащим. Автор настолько увлекается запятой, что ставит ее и после последнего подлежащего данного ряда.

La taza de café o el trago del ron debían saber mejor, el humo del tabaco, el baño de día caluroso, la película de los sábados o el meringue de la radio, debían dejar en el cuerpo y el espíritu una sensación más grata(La fiesta del chivo).

Ni la rata del Palacio de Miraflores, ni Muñoz Marín, el narcomano del Puerto Rco; ni el pistolero costarricense de Figueres, lo inquietaban (La fiesta del chivo).

Частотность «запятой» в произведениях Марио Варгаса Льюсы объясняется тем фактом, что для писателя немаловажную роль играют протяженность и долгота паузы, которые актуализуются в очень длинных рядах чередований подлежащего в предложении.

Авторские приемы употребления запятой демонстрирует, что для Варгаса Льюсы прежде всего важна экспрессия текста и интонационная картина, а не логическая закономерность использования пунктуационного знака. Другими словами, запятая используется писателем в экспрессивно-стилистических целях в ущерб грамматической необходимости.

Наблюдение над расстановкой знаков препинания в произведениях испанских авторов позволяет выявить определенную степень ее субъективности и подтверждает мнение Асорина, о том, что « каждый автор имеет свой стиль, и каждый расставляет знаки препинания в соответствии со своим взглядом и волеизъявлением. Следовательно, художественные тексты, являясь отражением индивидуального авторского стиля, не всегда могут служить моделью нормативного употребления знаков препинания. Вместе с тем исследование авторской пунктуации представляется нам интересным и важным для постижения авторского замысла и общей архитектоники художественного текста.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация / Н.С. Валгина. – М.: Высш. Шк., 1989.- 176 с.
2. Дзякович Е.В. О выразительных средствах пунктуации / Е.В. Дзякович // РЯШ, 1999.- №5. –С.76-78
3. Кольцова Л.М. пунктуационный эксперимент в художественном тексте /Л.М. Кольцова.- Воронеж, 2006. - 194 с.
4. Орехова Н.Н. Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков) / Н.Н. Орехова.- Ижевск: Издательский дом « Удмуртский университет», 2000.- 216 с.
5. Benito Lobo, José Antonio: La puntuación: usos y funciones. Madrid: Edinumen
6. Figueras, Carolina: La semántica procedimental de la puntuación: [www.ucm.es/espculo/numero 12/punctual.html](http://www.ucm.es/espculo/numero%2012/punctual.html).
7. Linares, Mario: Estilística. Teoría de la puntuación: Paraninfo, 1979, - 345 p.
8. 8.Mejilla, J.: Práctica y Teoría de la puntuación. -Yelmo, 1982
9. Martin Vivaldi, G.: Curso de redacción. La Habana; 1970
10. Perez – Rioja, J-A: Gramática de la lengua española. – Edit. Tecnos,-108 p.

Источники языковых примеров

1. Cela, Camilo José: La familia de Pascual Duarte/ BIBLIOTEX, S.L., 2001

2. Cela, Camilo José: *Visperas, festividad y octava de San Camilo del año 1936 en Madrid*. Alianza Editorial, S.A., Madrid, 1995
3. Vargas Llosa, Mario: *¿ Quién mató a Palomino Melero?* // Barcelona, RBA, 1999
4. Vargas Llosa, Mario: *La fiesta del chivo*// Madrid: Alfaguara, 1999

УДК 811.134.2'363.633

Воронежский государственный университет Климova А.П., аспирант, преподаватель кафедры романской филологии
e – mail: klimova208@rambler.ru

Voronezh State University Klimova A.P., Post-graduate Student, Lecturer of the Romance Philology Department
e – mail: klimova208@rambler.ru

А.П. Климова

ПРЕДЛОГИ В ИСПАНСКОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящается исследованию проблемы восприятия пространства, пространственных отношений и их языковой репрезентации в испанском языке с помощью пространственных предлогов *en, a, hacia, contra*, выражающих значение сопостранственности/несопостранственности. Выявляются случаи синонимии рассматриваемых предлогов.

Ключевые слова: пространство, пространственные отношения, языковая картина мира, испанский язык, пространственные предлоги, сопостранственность, неопостранственность, движение, статика, синонимы.

A.P. Klimova

PREPOSITIONS IN THE SPATIAL SPANISH LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

The paper deals with the investigation dedicated to the problem of perception of space, spatial relations and their representation in the Spanish language by spatial prepositions *en, a, hacia, contra* that express the notion of co-location/non co-location. These prepositions are also being examines as synonyms.

Key words: space, spatial relations, linguistic picture of the world, the Spanish language, spatial prepositions, co-location, non co-location, motion, statics, synonyms.

Пространственные отношения, отражающие координацию существующих объектов, это фундаментальные отношения, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Пространственные отношения в самом общем виде есть соположение в пространстве какого-либо предмета, действия, признака и некоторого пространственного ориентира, относительно которого определяется местонахождение предмета и характер их взаимоотношений.

С точки зрения когнитивной лингвистики исследование предлогов представляется актуальным, поскольку отображение окружающей действительности в языке с помощью

предложных конструкций связано с субъективным видением пространственных ситуаций и преломлением полученной информации в сознании. Выбор пространственных предлогов в качестве предмета исследования обусловлен тем, что именно эти предлоги являются одним из средств репрезентации пространственных отношений в языке, выражая те же общие отношения, что и косвенные падежи существительных, они способны передавать их более дифференцированно. Актуальность работы определяется также недостаточной изученностью синонимии предлогов в современной лингвистике.

Цель данной работы состоит в сопоставлении употребления предлогов, выражающих значение сопостранственности/несопостранственности в испанском языке, а также выявление синонимии испанских пространственных предлогов *en, hacia, a, contra*, выражающих значение направленности движения одного предмета по отношению к другому и статичное положение предмета в пределах заданного локума.

Пространство – одна из основных категорий бытия, форма существования материи, отражающая протяженность и расположение предметов в мировом континууме и их положение относительно друг друга.

Как справедливо отмечает В. Г. Гак, из двух основных свойств движущейся материи – пространства и времени – пространство легче воспринимается человеком: для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком [1, с.670]. Пространственные отношения доступны непосредственному зрительному восприятию и связаны с движением самого отражающего существа. Необходимо отметить, что первичность пространственных отношений определяется их наглядностью, доступностью непосредственного чувствительного восприятия. Первые предметы, с которыми сталкивается человек еще в раннем детстве – игрушки, мебель, комната, дом и др., дают ему и первые пространственные представления о форме, размере и взаимном расположении объектов в окружающем его мире. Кроме этой первой, утилитарно-бытовой формы существования пространства, в своем развитии человек постепенно постигает и другие ипостаси этой сложной категории.

Исторически одна из первых ипостасей пространства, осознанная человеком, наряду с утилитарно-бытовой, – это географическое пространство. Чтобы организовать свое существование, человечество в первую очередь должно было узнать и осмыслить пространство своего обитания, сориентироваться в нем, изучить его и измерить для своих практических целей. История всех древних цивилизаций показывает, какую существенную роль в их развитии играла среда обитания, территория, которую занимало то или иное государство, ее топологические и размерные характеристики. Первые реалии бытия, с которыми сталкивался человек, наряду с предметами быта, в своей повседневной жизни – это были участки окружающего его ландшафта: поля, равнины, горы, леса, долины, реки, озера и др., где он селился и которые постепенно узнавал и использовал, расширяя все более освоенные им территории.

Не подлежит сомнению тот факт, что познание и обживание пространства каждым отдельным народом, играет весьма важную роль в формировании его национального менталитета. Ученые неоднократно подчеркивали, что в основе познания мира человеком лежат именно пространственные восприятия и значения, на базе которых развилось в дальнейшем и осознание других типов связей и зависимостей предметов окружающей человека действительности. «Одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира – категоризация пространства» [2, с.22]. Постепенное осмысление своего места в физиче-

ском мире, измерение и изучение различных параметров пространства, позволили человеку максимально адаптироваться к окружающей его среде и организовать свою биологическую и социальную жизнь. Пространственные представления человека постепенно эволюционировали от наивно-бытового, наглядного, архаического, восприятия пространственных форм и отношений к более умозрительному, абстрактному и научному его объяснению.

Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному представлению. Появилось обобщающее понятие пространства, представление о его не/прерывности, абсолютном или относительном характере, бес/конечности, протяжности, трехмерности, размерности, геометрической и топологической разновидности, стали различать геометрическое, физическое, географическое, космическое и т.д. пространства.

Влияние пространственных представлений на формирование национального менталитета отмечается современными культурологами, философами и лингвистами. Так, например, в своей статье «Родные просторы» И.Б. Левонтина и А. Д. Шмелев раскрывают тему особенностей русского характера, сформированного под влиянием бескрайних российских просторов. В данной работе авторы цитируют слова Е.Ф. Шмурло «Всякий ландшафт, (...) несомненно, воспитывает народное чувство, своими очертаниями действует на нравственное существо человека, неотразимо западает в его душу и содействует образованию его характера, настроения, всего мирозерцания». Авторы утверждают, что тема пространственной беспредельности это один из структурообразующих элементов русской культуры и, часто возникая в художественной и философской литературе российских авторов, «является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере». Причем под «национальным характером» понимается «фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отраженных в культуре стереотипов» [3 с.338].

Следует отметить значимость «способа использования пространства». Есть некоторые видеокдры, показывающие при ускоренном воспроизведении, как, например, японский политик «отпрыгивает» от своего европейского собеседника. Эти кадры демонстрируют семиотическую несовместимость систем проксемики.

Ю. С. Степанов указывает на особенности национально-культурного восприятия пространства: «обращение с пространством - определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» [4, с.7].

Анализируя языковую концептуализацию категории пространства, столь сложно и противоречиво объясняемую и описываемую в научных исследованиях по философии, физике, геометрии, астрономии и другим наукам, имеющим отношение к локализации изучаемых явлений, лингвисты отмечают специфический характер восприятия и кодировки пространственных отношений в человеческом сознании и в языке. Представления о пространстве и времени являются существенным и важным фрагментом как научной, так и наивной картин мира, отражаемых каждым отдельным языком. Языковая репрезентация этих категорий базируется на весьма сложном их отражении в человеческом сознании, вбирающем в себя как наивно-бытовое их восприятие и толкование, так и некоторые строго научные методы, понятия и единицы, характерные для различных областей познания.

Сравнивая научную и языковую картины мира, Ю. Н. Караулов отмечает, что обе картины складываются из элементов знаний, но научная картина содержит систематизированные элементы научных знаний, образующих логически упорядоченную структуру,

представляющую последовательно и детерминировано весь микрокосм и макрокосм нашего мира. В языковой картине мира заложены единицы знания о мире, включающие в себя как научные термины и понятия, так и целый набор единиц, отражающих способ восприятия мира человеком (афоризмы, фразеологические единицы, фреймы типовых ситуаций, пословицы и поговорки, крылатые слова, метафоры, прецедентные тексты культуры, прототипические образы национальной культуры, устойчивые оценки фактов, явлений, событий по шкале “хорошо -плохо” или “добро-зло” и др.). “Совокупность этих элементов не образует последовательной, стремящейся к завершенности картины мира. Скорее наоборот, они складываются в мозаичную, фрагментарно заполняемую, принципиально незавершенную, а подчас и противоречивую языковую картину мира, сильно окрашенную национальным колоритом.” Важное ее отличие от научной картины мира является то, что “центром языковой картины мира, точкой отсчета и мерилем для всех ее составляющих служит *человек*, тогда как в научной картине мира человек занимает ничем не выделяющееся место где-то между, с одной стороны, элементарными частицами, а с другой - общей структурой мироздания. Кроме того, если научная картина мира претендует на полное, без разрывов и пробелов, отражение реальности, то языковая картина мира всегда остается лакунарной и непоследовательной” [5, с.128 - 129].

В последние несколько лет интерес к языковым единицам с пространственным значением чувствительно усилился в связи с применением когнитивного анализа, изучением языковой концептуализации мира, с языковой картиной мира и ее национально-специфическими особенностями. В работах нескольких представителей московской семантической школы началось последовательное изучение пространственной лексики и отдельных концептов, формирующих суперкатегорию пространства. Самые авторитетные представители семантического и когнитивного направления в современном отечественном языкознании последних лет Ю. Д. Апресян, Р. М. Фрумкина, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. В. Кравченко, Е. С. Яковлева, И. М. Кобозева имеют разработки по методологии когнитивного анализа и описанию пространства.

В трудах Ю. Д. Апресяна и Е. С. Яковлевой пространственные отношения рассматриваются как фрагмент наивной картины мира. “Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными” [6, с.630]. Согласно исследованиям Ю.А. Рылова восприятие мира в значительной мере обусловлено как принадлежностью индивида к различным общностям, так и его личными характеристиками. Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен и языковой картиной мира и совокупностью традиций, обычаев, верований [7, с.80]. «Обычно языковая картина мира, создаваемая тем или иным языком, связывается с его лексикой, что совершенно естественно: именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности системной организацией лексики, не допускающей наложения одной системы на другую» [7, с.81].

По мнению И.М. Кобозевой, обыденное понимание пространства отдает приоритет топологическим свойствам объектов над метрическими. В бытовом описании пространства отсутствуют точные количественные характеристики размера, расстояний между объектами, угловых мер и т.д. Пространственные предлоги, являющиеся основным средством

выражения пространственных отношений в языке, “идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними” [8, с.154 - 155].

Следует отметить, что воспринимаемое человеком пространство всегда имеет антропоцентрическую ориентацию. “Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса” [1, с.127]. В языке пространственные отношения могут отсчитываться как с позиции субъекта/деятеля в ситуации, так и с позиции наблюдателя, причем оба пространства могут не совпадать.

При языковом восприятии и отражении пространства решающую роль имеет структура локативной ситуации, которая складывается из нескольких элементов: локализуемый предмет, ориентир, тип пространственного отношения между ними, статика или динамика ситуации, субъект действия или состояния, наблюдатель, а также точка отсчета локативного отношения (см. подробнее [9]).

Говоря о языковых средствах выражения пространственных отношений на лексическом уровне, наряду с именами существительными, прилагательными, глаголами следует отметить значительный интерес исследователей к изучению предлогов и наречий как специализированных средств выражения пространственной локализации, а также многочисленностью корпуса пространственных предлогов в разных языках мира [10, с.15]. Пространственные предлоги входят в систему лексических средств выражения пространственных отношений, так как в их семантике отражается восприятие человеком таких характеристик, как геометрическая форма объекта, его осевая ориентация, направление движения, относительное расстояние между объектами.

Язык обладает богатым составом разнообразных средств, в семантике которых находят отражение пропущенные через восприятие человека объективные пространственные отношения, и предлоги занимают в этой системе одно из ведущих мест.

Как известно, предлоги – это неизменяемые слова, выражающие в зависимости от своего лексического значения различные отношения между двумя словами. В работах А.И. Смирницкого, Е.С. Кубряковой, В.Г. Гака, Т.Н. Маляр, О. Н. Селиверстовой содержится точка зрения, согласно которой предлоги обладают самостоятельным лексическим значением. При таком подходе обращается внимание на то общее, что объединяет предлоги со словами других частей речи. Например, показывается, что предлоги, как и знаменательные слова, выполняют номинативную функцию в языке. Если существительные номинируют предметы и явления, глаголы номинируют действия и состояния, прилагательные номинируют свойства предметов и явлений, то предлоги служат обозначением разного рода отношений между ними, познанных человеком в ходе практического освоения действительности.

В языках флективного типа предлоги сочетаются определенным падежом и, как правило, усиливают значение падежа; в тех же языках, где склонение существительных как система морфологических форм слова отсутствует, роль предлога возрастает, он берет на себя функцию падежа и выступает как маркер разного рода отношений. Тип этих отношений зависит от семантики предлога, так происходит даже в тех случаях, когда предлог является многозначным, ибо контекст снимает эту многозначность и сигнализирует об определенном типе отношений.

Рассмотрим некоторые предлоги испанского языка: *contra*, *en*, *a*, *hacia*. Заметим, что если в русском языке, как указывалось, роль предлога нередко сводится к конкретизации или усилению значения предложной формы имени, то в испанском языке, как и в других языках, где отсутствует склонение имени, роль предлогов в выражении пространственных значений резко возрастает.

В «Практической грамматике испанского языка» Н. И. Поповой выделяется 17 простых или неизменяемых предлогов и 19 сложных предлогов. Простые предлоги испанского языка в зависимости от выражаемого ими лексического значения делятся на абстрактные (*a, de, en, por, con*) и конкретные (*ante, bajo, contra, desde, entre, hacia, hasta, para, según, sin, sobre, tras*). Лексическое значение конкретных предлогов носит индивидуальный характер, оно фиксируется словарем, в то время как абстрактные предлоги выражают самые общие грамматические отношения. Последнее обстоятельство является причиной того, что лексическое значение абстрактных предлогов является ослабленным и – в силу этого – многозначным. Согласно Н. И. Поповой, и у этих предлогов можно выделить абстрактное значение. Так у предлога **a** автор выделяет обобщенное значение направления предмета вперед; у предлога **de** - значение движения от какой-либо точки в пространстве или во времени, а также значение принадлежности; предлог **en** указывает либо на местонахождение предмета, либо на место проникновения субъекта; предлог **por** в сочетании с глаголами движения фиксирует место реализации действия, в сочетании с другими глаголами и именами он обозначает причину действия; и наконец, предлог **con** выражает инструмент совершения действия, либо совместное действие.

Следует обратить внимание на то, что из пяти вышеназванных предлогов только предлог **con** никак не маркирует пространственные отношения, в то время как все остальные предлоги передают те или иные аспекты пространственной локализации предмета и действия.

Что касается конкретных предлогов, то их Н.И. Попова делит на пространственные и временные (хотя следует отметить, что семантический диапазон конкретных предлогов этим не исчерпывается, есть и другие значения).

Сложные предлоги в большинстве своем являются однозначными и тоже специализируются главным образом на передаче пространственных отношений [11, с.294-296].

Как справедливо замечает В.В. Корнева, существенное преобладание пространственных предлогов относительно предлогов, выражающих временные значения, очевидно «свидетельствует о значимости пространственных отношений для испанского менталитета о том, какую важную роль играет данный тип отношений в отражении и познании окружающей действительности» [10, с.88]. Последнее же, как представляется, обусловлено, не только тем, что по сравнению со временем пространство является трехмерным, но и тем, что оно, в отличие от времени, воспринимается визуально. Многие исследователи полагают, что «именно языковое отражение пространственных представлений в дальнейшем служит той семантической базой, на которой образуются временные значения» [10, с.88].

Существуют разные подходы к изучению отображения пространства в языке. Воспользуемся классификацией пространственных отношений, разработанной М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирским. Данная классификация основывается на разграничении по признаку соппространственности и несопространственности и представляется нам наиболее удачной.

Отношение соппространственности рассматривается авторами как местонахождение предмета или осуществление действия в пределах заданного пространства или локума, а отношение несопространственности квалифицируется как местонахождение предмета или осуществления действия вне указанного пространства [9, с.6].

Ограничимся рассмотрением особенностей выражения двух аспектов значения пространственной локализации – значение направленности движения одного предмета по отношению к другому и статичное положение предмета в пределах заданного локума, и определим возможности совпадения предлогов при выражении значения непосредственного взаимодействия (или невзаимодействия) функциональных поверхностей предметов, что

выступает как частный случай соппространственности (несоппространственности).

Рассмотрим следующие пространственные предлоги испанского языка: *contra*, *en*, *a*, *hacia*. Нас интересуют только пространственные отношения, выражаемые с помощью данных предлогов.

Значение направленности движения в самом общем виде передается предлогом *a*, дальнейшая актуализация разных аспектов этого движения осуществляется с помощью предлогов *hacia*, *hasta* (а так же *contra*, *de*, *desde*, *por* и предложного словосочетания *a lo largo de*). Фиксируя разные аспекты движения, испанские предлоги дифференцированно обозначают всю траекторию движения от начальной точки до конечной, с указанием на место совершения перемещения и на общую его направленность.

Предлог *a* выражает следующие пространственные отношения:

1) конечная точка движения (к, в, на): *ir al cine (al médico)* — идти в кино (к врачу), *subir al techo* — подниматься на крышу, *¿a dónde?* — куда?;

2) направление (к, в, на): *volverse a la pared* — повернуться к стене, *mirar al suelo* — смотреть в землю;

3) в некоторых сочетаниях означает положение в пространстве (вблизи чего-либо, на чём-либо у, за): *a la mesa* — за столом, *a la puerta* — у двери (в дверях), *a la orilla* — на берегу.

Предлог *hacia* выражает значение движения по направлению к чему-либо, в направлении чего-либо: *se volvió hacia mí* — он повернулся ко мне, *hacia abajo* — книзу, *hacia arriba* — кверху, *hacia adelante* — вперёд, *hacia atrás* — назад, а так же значение приблизительного местонахождения предмета в каком-либо месте: *la casa está hacia la parte del monte* — дом стоит где-то в лесу (садииков, нарумов).

Предлог *en*, как правило, вводит нейтральное значение местонахождения. В определенном контексте может указывать на значение вхождения или проникновения, добавляя присущему ему значению нейтрального местонахождения понятие движения:

1) (находиться) в, на чём: *en el bolsillo* — в кармане, *en la ciudad* — в городе, *en la calle* — на улице, *en la mesa* — на столе, *en la pared* — на стене.

2) (перемещать; перемещаться) в, на что: *entrar en la habitación* — войти в комнату, *meter algo en el bolsillo* — положить что в карман, *poner algo en la mesa* — положить что на стол.

3) в, на (средстве передвижения): *ir en coche*, *en el tren* — ехать в, на автомобиле, на поезде, *viajar en avión* — лететь самолётом.

Предлог *contra* выражает следующие значения пространственной локализации:

1) (контакт) у чего: *estar contra la pared* — стоять у стены.

2) (установление контакта) к чему; обо что: *estrechar contra el pecho* — прижать к груди, *apoyarse contra un árbol* — прислониться к дереву, *estrellarse contra un árbol* — налететь на дерево; разбиться о дерево.

3) (ориентация в пространстве) на что; к чему: *esta habitación está contra el norte* — эта комната выходит окнами на север.

4) (направление интенсивного движения) к кому; чему; на кого; что; в кого; что: *lanzarse contra el criminal* — (на)броситься на преступника, *tirar piedras contra los pájaros* — бросать камни в птиц.

Далее рассмотрим два аспекта пространственных отношений, выражаемых с помощью предлогов *contra*, *en*, *a*, *hacia*:

1) непосредственное направление движения по направлению к чему-либо, в направлении чего-либо. Данный тип пространственных отношений (динамику) отражают предлоги *contra*, *a*, *hacia*:

Lanzarse contra el criminal- (на)броситься на преступника.

Tirar piedras contra los pájaros – бросать камни в птиц.

Se fue al teatro – он ушел в театр.

Subimos al techo – мы поднялись на крышу.

Me dirigí a la puerta – я направился к двери.

Me atrajo hacia sí – он привлек меня к себе.

Nadabamos hacia orilla – мы плыли к берегу.

2) местонахождение какого-либо предмета в пределах заданного локума. Статичное положение предмета выражается с помощью предлогов *contra*, *en*, *a*, *hacia*:

Estar contra la pared – стоять у стены.

Se apoyó contra el árbol – он прислонился к дереву.

El portátil está en la mesa – ноутбук стоит на столе.

Tus discos están en mi habitación – твои диски в моей комнате.

Clavó un clavo en la pared – он вбил гвоздь в стену.

Estar a la puerta – стоять у двери; в дверях.

Estar a la mesa – за столом.

Estar a la orilla – на берегу

La hoja se pegó al cristal – лист прилип к стеклу.

El vaso se me cayó al suelo – стакан выпал у меня из рук на пол.

El barro se ha pegado a las ruedas – грязь навязла на колесах.

La casa está hacia el monte – дом стоит где-то в лесу (см. подробнее [12]).

Отметим, что предлоги *en*, *contra* и *a* выражают значение непосредственного контакта функциональных поверхностей предметов (*El portátil está en la mesa – ноутбук стоит на столе; Se apoyó contra el árbol – он прислонился к дереву; La hoja se pegó al cristal – лист прилип к стеклу*). Предлоги *en* и *a* также фиксируют положение предмета в пределах заданного локума (*Tus discos están en mi habitación – твои диски в моей комнате; Estar a la puerta – стоять у двери в дверях*); это же значение имеет предлог *hacia* (*la casa está hacia el monte – дом где-то в лесу*).

Предлог *a* выступает в качестве синонима предлогов *contra*, *hacia* и *en* в случае выражения направления движения и в случае местонахождения предмета в заданном пространстве соответственно. Причем предлог, *a* фиксирует как значение непосредственного контакта функциональных поверхностей (*La hoja se pegó al cristal – лист прилип к стеклу; El vaso se me cayó al suelo – стакан выпал у меня из рук на пол*), так и бесконтактное положение в пределах определенного локума (*Estar a la puerta – стоять у двери; в дверях; Estar a la orilla – на берегу*). Следует отметить тот факт, что предлог *a* выражает значение контакта функциональных поверхностей предметов как в вертикальной плоскости, так и в горизонтальной (*La hoja se pegó al cristal – лист прилип к стеклу; El vaso se me cayó al suelo – стакан выпал у меня из рук на пол*). Те же значения сопостранственности выражает предлог *en* (*El portátil está en la mesa – ноутбук стоит на столе. Tus discos están en mi habitación – твои диски в моей комнате*). Предлог *en* тоже выражает значение контакта функциональных поверхностей и в вертикальной плоскости (*El cuadro está en la pared – картина висит на стене*), и в горизонтальной (*La caja está en el suelo – коробка стоит на полу*).

Предлоги *en* и *contra* в значении установления непосредственного контакта функциональных поверхностей могут заменять друг друга ср.: *apoyarse contra un árbol – прислониться к дереву; apoyar la cabeza en la mano – подпереть голову рукой*. Предлог *contra* также передает значение сопостранственности (контакта функциональных поверхностей) в горизонтальной и в вертикальной плоскостях ср.: *apretar el armario contra la puerta – прижать шкаф к двери, apretar a uno contra el suelo – прижать кого-то к полу*.

Таким образом, рассмотренные нами предлоги, являются синонимами при выражении значения движения, направления к чему-либо и значения статичного нахождения в пределах заданного пространства. Значение непосредственного контакта функциональных поверхностей выражается с помощью предлогов *a, contra, en*. Отметим, что в русском языке для выражения значения сопостранственности при контакте функциональных поверхностей используются две конструкции: *на + П.п.* (*книга лежит на столе, зеркало висит на стене, поставить коробку на пол*) и *к+ Д.п.* (*прислониться к стене, прижаться к дери, приклеиться к полу*).

В испанском языке предлогам принадлежит большая роль в формировании пространственной картины мира: они задают основные параметры системы пространственных координат. Вопрос о том, как пространство кодируется в естественном языке, с помощью каких лексических средств выражается пространственная ориентация и пространственная локализация, ведь в любом языке они весьма разнообразны, волнует представителей разных наук и объясняет столь большой интерес к предлогам и наречиям. Как справедливо замечает В.В. Корнева, объективная реальность, в нашем случае пространство, весьма своеобразно преломляется в сознании конкретного этноса, в результате чего пространственная картина мира имеет ярко выраженную национальную специфику [10, с.90-91].

Библиографический список

1. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 763с.
2. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка / Е.С. Кубрякова// СЛЯ, 1997. – Т. 56, № 3. – 22 -31с.
3. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы /И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев //Логический анализ языка. Языки пространств /Отв.ред.:Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры,2000. – 338-347 с.
4. Степанов Ю. С. Пространство и миры - новый, “воображаемый”, ментальный” и прочие. - Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий, Харьков, - 1994. - т.2, 3 – 18с.
5. Караулов Ю.Н. Языковое сознание как процесс /Теоретические предпосылки одного эксперимента / . - Слово. Юбилейн. сборник, посвященный 70-й годовщине проф. И. Червенкова. – София, 2001. – 128-129с.
6. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян. Избранные труды, т. 2 – М., 1995, - 629-650с.
7. Рылов Ю.А. О семантических доминантах в языковой картине мира: На материале итальянского и русского языков / Ю.А.Рылов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — Б.м. — 2003 .— № 1 .— 80-94 с.
8. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства// Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 152 – 163 с.
9. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – М.: Русский язык, - 1982. – 264 с.
10. Корнева В.В. Пространство в единицах и структурах языка: монография/ В.В. Корнева. – Москва: АНО ВПО «МГИ», 2008. – 192 с.
11. Попова Н. И. Практическая грамматика испанского языка. / Н.И. Попова. – М.: ЧеРо, 2000. – 428с.

12. Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления / А.В. Садиков, Б.П. Нарумов. – 5-е изд., стереотип.- М.: Рус. яз., 2002. – 752 с.

УДК 811.112.2'367367

*Российский государственный торгово-экономический университет Воронежский филиал,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ГОУВПО РГТЭУ
e-mail: dolgorukaja1@rambler.ru*

*Voronesh State Trade University Voronesh Branch
P.h.D., associate professor of the Chair of Foreign Languages GOUVPO RGTEU
e-mail: dolgorukaja1@rambler.ru*

Е.Г. Скребова

НЕМЕЦКИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ДЛИТЕЛЬНО-ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ТИП СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В статье анализируются сложноподчиненные длительно-временные предложения как самостоятельный тип сложноподчиненных временных предложений. Этот факт подтверждается на уровне союзных средств и на уровне акционально-темпоральной характеристики глаголов, которые определяют вариативные значения придаточных предложений длительности, модификации состава частей, особенности акциональных и темпоральных характеристик частей сложного целого.

Ключевые слова: длительно-временные отношения, значение срока существования действия, вариативные значения, сомкнутая длительность, лимитированная длительность, акционально-темпоральная характеристика глаголов.

E.G. Skrebova

GERMAN COMPLEX LONG-TIME SENTENCES AS INDEPENDENT TYPE OF COMPLEX SENTENCES

The article analyses complex long-time sentences as an independent type of a complex-time sentences. This fact is confirmed on the level of conjunction means and on the level of actional-and-temporal characteristics of the verbs, which determine variant meanings of subordinate clauses of duration, modification of the composition of parts, peculiarity of actional and temporal characteristics of parts of a compound complex whole.

Key-words: long-temporal relations, meaning of the term of action existence, variant meanings, joint duration, limited duration, actional-and-temporal verb characteristics.

Проблема описания устройства и функционирования сложного предложения неоднозначна и остается актуальной до сих пор. В русском и немецком языкознании она разрабатывается на протяжении более чем двух столетий. За это время написано большое коли-

чество работ, в которых выясняются различные свойства предложений в общетеоретическом плане. Однако, несмотря на обширность накопленных сведений, и материалов, на широкий размах исследований, многие вопросы требуют серьезных усилий для их решения, поскольку среди лингвистов не выработано еще единой точки зрения на них. Такое положение вещей объясняется сложностью и неоднозначностью *объекта* исследования.

Эвристически многообещающим, согласующимся с последними тенденциями в развитии синтаксиса нам представляется подход, который наряду с изучением структурных и содержательных особенностей частных моделей сложного предложения, учитывал бы специфику функционирования синтаксических единиц в речевой деятельности носителей языка. Важную роль играют здесь механизмы процесса восприятия и порождения речи, которые включаются на этапе лексико-грамматического структурирования компонентов «внутренней программы речевого высказывания» [1; с.2].

Описанный выше подход предполагает использование методики многоаспектного (поаспектного) анализа синтаксических конструкций, который включает в себя последовательное рассмотрение их семантико-структурного и функционального устройства [3]. Применение данного метода к описанию сложноподчиненных предложений, показывает, что равно как синтаксические условия подчинения способствуют установлению подчинительных отношений между лексическими единицами, так и лексические единицы, входящие в сферу лексико-семантической парадигматики, стремятся к подчинительной интеграции. В то же время, по наблюдениям К.Я. Сигала, компоненты, входящие в состав сложноподчиненного предложения, должны быть осмыслены носителями языка как часть общей картины, в которой на довербальном уровне опосредуются подчинительные отношения [2]. Такими компонентами являются: союзные средства; средства усиления и дифференциации взаимосвязи частей, выражающие системные отношения и вследствие этого являющиеся базовыми элементами номинативного аспекта; акционально-темпоральная и модальная характеристики глаголов, которые образуют основу предикативного аспекта; взаиморасположение частей сложного целого, которое превращает предложение в конкретное речевое произведение – высказывание (актуализирующий аспект). С учетом сказанного общая картина подчинительной конструкции оказывается своеобразным когнитивным эталоном, формирующим такое соотношение между событиями и фактами объективной действительности, при котором они могут быть осмыслены как неравноправные составляющие будущего речевого высказывания.

Предметом рассмотрения в предлагаемой работе являются сложноподчиненные длительно-временные предложения. Однако, прежде чем перейти к их многоаспектному анализу, необходимо сказать несколько слов о месте интересующего нас типа конструкций в общей классификации сложноподчиненных предложений.

По традиции, восходящей еще к ранним описаниям немецкого языка, сложноподчиненные длительно-временные предложения принято рассматривать в одном ряду со сложноподчиненными собственно временными предложениями. Это обстоятельство объясняется тем, что дифференциация придаточных предложений времени дается через типологию союзов, подразделяющихся на три группы. Первые две группы составляют союзы, которые передают собственно временные и длительно-временные отношения. В третью группу входят союзы, которые указывают на кратность соотносимых в сложном предложении ситуаций, а также на начальную и конечную границу ситуации главной части. Характеризуя немецкие временные союзы (= temporale Konjunktionen), Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс отмечают, что их задача заключается в конкретизации значения одновременности/разновременности в отношении порядка следования действий, длительности, кратко-

сти, повторности, временного интервала и др. [4]. Однако данная классификация оказывается неоправданной, поскольку в третью группу включены союзы, представляющие разные варианты собственно временных и длительно-временных союзов. Таким образом, если убрать противоречия, то следует говорить не о трех, а только о двух группах временных союзов.

В последние годы стали появляться работы, в которых для дифференциации временных значений используются два критерия. У. Браунер подчеркивает, что сложноподчиненные предложения времени («temporale Satzgefüge») в первую очередь различаются по трем основным типам временных отношений, в которых могут находиться глагольные действия главной и придаточной частей. При этом в качестве ориентира, по мнению ученого, выступает, как правило, придаточная часть, по отношению к которой действие главной части может быть квалифицировано как одновременное с действием придаточного предложения, следующее за ним или предшествующее ему. В качестве второго критерия дифференциации используется вопрос, на который отвечает содержание сложного предложения, а именно *wann? seit wann? wie lange? bis wann?* [5]. Отсюда сложноподчиненные предложения с придаточными собственно временными, фиксирующими момент, КОГДА осуществлялась ситуация главной части, противопоставляются сложноподчиненным предложениям с придаточными длительно-временными, уточняющими, КАК ДОЛГО существовала ситуация главной части. Ср. предложения

Als die deutschen Jagdflieger 1940 London und den Süden Englands bombardierten, schien es am Rande der Vernichtung (R. Blombert); Noch bevor die Geschichte richtig begann, war er für Mary schon zur Nebensache geworden (C. Amery);

Ich hörte ihn die ganze Zeit über, während ich auf Marie wartete, da oben im Schlafzimmer husten... (H. Böll); Ignaz Igel - er nannte sich Ivan Igel, seit er in Moskau war (R. Neumann).

Однако отнесение структур с союзами собственно временными и длительности к разным типам предложений автор не считает целесообразным, придерживаясь в этом вопросе традиционной точки зрения.

В нашей работе мы противопоставляем собственно временные придаточные предложения придаточным предложениям длительно-временным на том основании, что синтаксические средства выражения длительности (в первую очередь имеются в виду средства выражения на уровне сложного предложения – придаточные с союзами *während; solange; seitdem; bis*) и средства выражения на морфемном уровне (имеется в виду акционально-темпоральная характеристика глаголов) значительно отличаются от синтаксических средств выражения времени.

В современном немецком языке существует только один вид длительно-временных предложений, а именно: сложноподчиненные длительно-временные предложения, определяющие интервал времени, в течение которого реализовывалось действие главной части (иначе – «**сложноподчиненные длительно-временные предложения со значением срока существования действия**»). Особое внимание следует обратить на то, что длительно-временные отношения в рассматриваемых конструкциях могут интерпретироваться либо как сомкнутая, либо как лимитированная длительность. В первом случае указывается на протяженность действия главной части, а во втором - на начальную/конечную границу действия главной части.

Solange es uns schlecht ging, war reges Interesse da... (A. Wimschneider); GALILEI: Er soll etwas sehen, was noch kein Mensch gesehen hat, seit die Erde besteht außer uns (B. Brecht); Es wird wahrscheinlich noch einige Zeit dauern, bis Deutschland seine Stimme erheben kann (Chr. Schlüter).

Как было сказано выше, первичным критерием для вычленения того или иного типа

сложноподчиненных предложений являются союзы, поскольку именно союзы оказываются основными компонентами, которые выделяют тип сложноподчиненного предложения среди остальных, определяют функциональное единство того или иного типа.

Длительно-временные отношения в немецком языке выражаются посредством союзов *während, solange, seit/seitdem, bis*, которые реализуются в автономной или зависимой позиции, что оказывает известное влияние на характер репрезентации интересующих нас отношений.

Союз *während* функционирует не только как союз, репрезентирующий таксисные отношения одновременности, но и как союз, выражающий длительно-временные отношения [7]. Данное обстоятельство значительно затрудняет дифференциацию сложноподчиненных собственно временных и длительно-временных предложений. Отсюда, более или менее надежным критерием их дифференциации служит явление «разноподлежащности» (термин Н.М. Подколизинной), возможное в сложноподчиненных собственно временных предложениях. Соответственно, длительно-временные отношения данный союз передает в тех случаях, когда подлежащие в главной и придаточной частях совпадают, т.е. являются тождественными. Ср.:

Ich wurde gebeten, eine Karte aufzudecken, während mein stets zuvorkommender Hans als Zeuge für eine Pokerpartie fungierte (R. Fabel);

Während er dann das Hemd anzog, horchte er (W. Borchert).

Обычно союз *während* реализуется в автономной позиции, причем длительно-временные отношения квалифицируются как сомкнутая длительность:

Herr Wolfsohn, während er die Zeitung umschlägt, sieht im Spiegel sein Bild (L. Feuchtwanger).

Правда, иногда встречаются случаи, когда *während* реализуется в зависимой позиции, относясь к темпоральному обстоятельству в главной части, указывающему на то, как долго существовала ситуация главной части:

(Bella hatte den Festplatz gegen Mitternacht verlassen.) Während sie ging, hörte sie hinter sich noch einen Augenblick lang die schläfrigen Stimmen der Männer, dann kam sie in das Dunkel und die Stille ihres Gartens (D. Gerke).

Союз *solange* передает длительно-временные отношения в сомкнутом виде. Например:

Ich filmte die ganze Ausfahrt, solange man Manhattan sah, dann die Möwen, die und begleiteten (M. Frisch).

Длительно-временное значение в сложноподчиненных предложениях с союзом *solange* может совмещаться с условным. По замечанию У. Браунер, длительно-временное значение в сложноподчиненных утвердительных предложениях с союзом *solange* осложняется дополнительным условным значением в том случае, если действие придаточной части отрицается или является коротким и однократным [5].

Союз *solange* реализуется исключительно в автономной позиции.

Союзы *seit/seitdem* представляют длительно-временные отношения как лимитированную длительность, указывая на начальную границу действия главной части. Например:

Seit sie die Sitzung verlassen hatten, war kein Wort zwischen ihnen gefallen (W. Bredel); Aber sie ist nicht dumm, und seitdem sie ihren Mann weggeholt haben, ist sie doppelt klug geworden (L. Feuchtwanger).

Здесь необходимо сказать несколько слов о статусе рассматриваемых союзов. Как правило, *seit* и *seitdem* характеризуются как два самостоятельных союза [8; с.9]. В последние годы эта точка зрения подвергается все большей критике. Так, У. Браунер пишет: «Так как между сложноподчиненными предложениями с союзами *seit* и *seitdem* в плане семантики нет видимых различий, то я рассматриваю *seit* и *seitdem* в качестве вариантов

(= Formvarianten) одного союза» [5]. Ср. также мнение З. Цшунке, согласно которому различия в употреблении *seit* и *seitdem* обусловлены особенностями авторского стиля [10]. Кроме того, в современном немецком языке наблюдается тенденция к вытеснению союза *seitdem* из активного употребления и замене его союзом *seit*.

Союзы *seit/seitdem* обычно реализуются в автономной позиции. Однако в некоторых случаях они могут также реализовываться и в зависимой позиции, относясь к темпоральному обстоятельству или коррелятивному элементу *seitdem* в главной части:

Seit er aus dem Gefängnis entlassen war, hatte er nur ein einziges Mal Zeitungen gekauft... (Chr. Heiz); *Seitdem er katholisch geworden ist, seitdem habe ich Leo noch nicht gesehen* (H. Böll).

При этом необходимо подчеркнуть следующее. Если темпоральное обстоятельство в этих и им подобных построениях указывает на срок существования ситуации главной части или на ее кратность, то коррелятивный элемент *seitdem*, отсылая к придаточной части, выдвигает на передний план начальную границу существования ситуации главной части, подчеркивая, таким образом, ее значимость для коммуникативной перспективы высказывания.

Союз *bis* представляет длительно-временные отношения как лимитированную длительность, указывая на конечную границу действия главной части:

Er (der Kater) mußte sich auf dem Dach des Geräteschuppens ausruhen, bis er wieder bei Stimme war (E. Rönckendorff).

В этих конструкциях союз *bis* реализуется в автономной позиции.

Употребление *bis* в зависимой позиции также не исключено:

Offenbar hatte ich tatsächlich nochmals geschlafen - eine halbe Minute oder eine halbe Stunde, bis mein Kopf von der Wand rutschte, so daß ich erschrak... (M. Frisch).

В этих предложениях союз относится к темпоральному обстоятельству в главной части, указывающему на то, как долго существовала ситуация главной части прежде, чем достигла своей конечной границы.

Проведенный нами анализ на уровне союзных средств показывает, что большую, часто решающую роль в формировании семантики описываемых сложноподчиненных длительно-временных предложений играют подчинительные союзы, которые, с одной стороны, обеспечивают связь между предикативными блоками, а с другой - выполняют квалифицирующую функцию, определяя отношения между ними. В сложноподчиненных предложениях с придаточными длительно-временными реализуются союзы *während*, *solange*, *seitdem*, *bis*, имеющие различные лексические значения. По наблюдениям лингвистов, чем уже лексическое значение союза, тем в большей степени основной центр тяжести при выражении семантических отношений между главной и придаточной частями падает на союз [11]. Союзы «длительности» в немецком языке указывают либо на протяженность действия главной части, представляя длительность в сомкнутом виде (союзы *während*, *solange*), либо на его границы - начальную (союз *seitdem*) или на конечную (союз *bis*), участвуя в передаче лимитированной длительности.

На морфемном уровне специфика сложноподчиненных длительно-временных предложений со значением срока существования действия заключается в том, что в них (в отличие от сложноподчиненных собственно временных предложений) таксисные отношения отесняются на второй план, поскольку они должны согласовываться с длительно-временными. Отсюда, способы глагольного действия оказывают известное влияние на репрезентацию интересующих нас отношений, причем для глаголов одних способов действия значение длительности является основным и единственным; для глаголов других способов действия значение длительности совмещается с иными значениями и оказывается фоновым. Глаголы названных способов действия различаются по акциональным и темпо-

ральным характеристикам. Кроме того, при анализе акционально-темпоральных свойств глаголов в данном типе сложноподчиненных предложений необходимо иметь в виду, что длительно-временные отношения могут интерпретироваться как сомкнутая или лимитированная длительность, а соотносимые ситуации – как однократные или многократные.

В ОДНОКРАТНОЙ ситуации длительно-временные отношения, представляемые как сомкнутая длительность, обычно передаются сочетанием одинаковых форм времени в главной и придаточной частях в плане прошедшего и настоящего времени абсолютной системы отсчета:

Solange es uns schlecht ging, war reges Interesse da... (A. Wimschneider);

Solange Ruth in Würzburg gewesen war, hatte David sie selten und nie länger als Minuten besucht (L. Frank);

MÄDCHEN: (...) Sie dürfen nicht so viel Geld ausgeben für mich! WONG: Solange ich hier bei der Armee bin, habe ich Geld genug (A. Andersch);

«Heinrich ist nicht mehr Priester», sagte er leise. «Ich denke, das bleibt man, solange man atmet» (H. Böll).

В этих и им подобных синтаксических конструкциях функционируют глаголы не-предельных способов действия, акциональное значение которых закрепляет количественно-временное употребление глаголов, так что значение длительности для них оказывается единственным. При этом действия главной и придаточной частей представляются как параллельно развертывающиеся процессы.

Длительно-временные отношения, представляемые как сомкнутая длительность, в трех временных планах абсолютной системы отсчета могут также выражаться сочетанием разных временных форм в главной и придаточной частях, а именно:

– претеритум (гл. ч.) – плюсквамперфект (прид. ч.): *Solange die beiden Offiziere ihn begleiteten, waren seine Gedanken und Empfindungen abgelenkt gewesen... (W. Bredel);*

– перфект (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.): *Mit Marie war alles in Ordnung, solange sie sich Sorgen um meine Seele gemacht hat... (H. Böll);*

– презенс (гл.ч.) – перфект (прид. ч.): *Erst wenn alle sichtbaren Merkmale des Schreckens, der Religion, tatsächlich verschwunden und zerfallen sein werden, dann erlöschen auch ihre Wirkmale in den Menschen. Solange das nicht geschehen ist, so lange gibt es das unsinnige Geschlägel, das Nicht-mehr-Gewußte, das Halb-Bewußte (R. Brinkmann);*

– футур I (гл. ч.) – презенс (прид. ч.):

(...) Ich sage euch, die Kleine muß weg, bevor hier alles auffliegt. (...) Günther liegt im Krankenhaus und Hermann in der Leichenhalle. Das reicht ja wohl! (...) Solange Günther im Krankenhaus liegt, werde ich mich um sie kümmern... (K.-P. Wolf).

Характеризуя сложноподчиненные длительно-временные предложения с комбинациями разных временных форм в главной и придаточной частях, представляющих длительность в сомкнутом виде, У. Браунер отмечает, что в сложноподчиненных предложениях с союзами *während/solange* употребляются, как правило, глаголы, действия которых развертываются от нескольких секунд до нескольких часов. Глаголы, действия которых протекают в период времени от нескольких дней, недель или даже лет, употребляются в качестве сказуемых в предложениях с указанными союзами крайне редко [5].

Кроме того, необходимо отметить, что в описываемых сложноподчиненных предложениях реализуются глаголы с количественно-временным, процессно-фактическим, обобщенно-фактическим акциональным значением, которые по-разному интерпретируют значение длительности, являющееся для них основным.

В однократной ситуации длительно-временные отношения, представляемые как ли -

митированная длительность, передаются обычно сочетанием разных временных форм в главной и придаточной частях. Сочетания идентичных временных форм здесь скорее исключение, чем норма. Ср.:

Ignaz Igel – er nannte sich Ivan Igel, seit er in Moskau war (R. Neumann);

Unmöglich, einzuschlafen! Trojandt war blind durch die Stadt gelaufen, bis seine Füße geschmerzt hatten, sein Hirn ertaubt war, ihn Müdigkeit übermannt hatte (W. Steinberg);

Die Preise für Brot waren rapide gestiegen, seitdem kein Krieg mehr war. Der Frieden trieb die Preise in die Höhe (H. Böll);

Seit ich den Brief unter meinem Kopfkissen gefunden habe, ist mir zumute wie einem, der zum Tode verurteilt ist und nicht weiß, wann das Urteil vollstreckt wird (R. Huch);

Wenn du willst, werde ich die fünfzehn Pfennig als Depot hinterlegen, bis sich herausgestellt hat, ob du in Notwehr gehandelt hast (L. Feuchtwanger).

Случаи употребления временных форм в относительной системе отсчета единичны и характерны в основном для комбинации презенс (гл. ч.) – презенс (прид. ч.):

Alle Versuche, die Stadt zu überwältigen, schlagen fehl, bis Napoleon seine gesamte Energie und sein taktisches Geschick in die Schlacht wirft und Toulon zurückerobert (S. Fenske); Sie erschießt jemand, geht ruhig wieder heim und wartet gelassen, bis sie verhaftet wird (L. Frank).

Анализируя сложноподчиненные предложения, репрезентирующие отношения лимитированной длительности, следует иметь в виду, что для них характерно асимметричное соотношение способов глагольного действия, при котором в частях сложного целого совмещаются глаголы предельных и непредельных способов действия. Глаголы предельных способов действия имеют, как правило, конкретно-фактическое акциональное значение, глаголы непредельных способов действия получают процессно-фактическое, реже – обобщенно-фактическое акциональное значение. Такое сочетание способов глагольного действия уже сигнализирует лимитированность действий, поскольку непредельные глаголы передают действие, стремящееся к завершению, а предельные глаголы информируют о достижении результата, об осуществлении действия.

В многократной ситуации длительно-временные отношения, представляемые как сомкнутая длительность, выражаются сочетанием идентичных временных форм в главной и придаточной частях, употребляющихся в плане прошедшего, реже настоящего времени:

Selbst der heute von allen verachtete Udo Tiedemann (...) war, solange er in Ichtenhagen wohnte, jeden Sonntag hier (in der Kirche) anzutreffen gewesen (K.-P. Wolf).

Длительно-временные отношения, представляемые как лимитированная длительность, в многократной ситуации (впрочем, также как и в однократной ситуации), передаются сочетанием разных временных форм в главной и придаточной частях. Наиболее типичными здесь являются следующие комбинации:

– претеритум (гл. ч.) – плюсквамперфект (прид. ч.):

Seitdem er bemerkt hatte, daß offenes Auftreten (bei der Präsentation einer Fotokollektion von Asiatinnen) Seriosität suggerierte und sogar während des Verkaufsgesprächs neue Kunden brachte, genierte er sich nicht mehr und suchte gut einsehbare Plätze aus (K.-P. Wolf);

– плюсквамперфект (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.):

Seitdem sie in der Stadt war, seit fünf oder sechs Jahren, hatte Katharina sich immer wieder über die nicht vorhandenen Möglichkeiten, «mal einfach irgendwo tanzen zu gehen», beklagt (H. Böll).

В некоторых случаях длительно-временные отношения, представляемые как лимитированная длительность, могут выражаться комбинациями претеритум (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.) или плюсквамперфект (гл. ч.) – плюсквамперфект (прид. ч.):

Im Büro hob niemand ab (...). Zu Hause klingelte es viermal, bis sich eine klägliche Stimme meldete (J. Becker).

Собранный и проанализированный иллюстративный материал показывает, что соотносимые ситуации в сложноподчиненных длительно-временных предложениях с приведенными выше комбинациями относятся в план прошедшего времени. При этом релевантность категории способов глагольного действия в рассматриваемых конструкциях нейтрализуется. Таким образом, контексту принадлежит ведущая роль в структурировании глагольных действий. Этим объясняется употребление дополнительных темпоральных квалификаторов в составе сложного целого, указывающие на частотность реализации («die Zahl der Wiederholungen») главной части.

Проведенное исследование свидетельствует, что на уровне сложноподчиненного предложения реализуются специальные средства выражения длительности действия – придаточные длительности, определяющие интервал времени, в течение которого реализовывалось действие главной части. Выделенные придаточные интерпретируют временную протяженность действия либо как сомкнутую, либо как лимитированную. Длительность в сомкнутом виде указывает на протяженность действия главной части, лимитированная длительность – на начальную/конечную границу длительного действия главной части.

Было установлено, что на уровне союзных средств значение сомкнутой длительности выражается посредством союзов *während, solange*, значение лимитированной длительности передается союзами *seit/seitdem, bis*, обозначающими, соответственно, начальную и конечную границу действия. При этом интересующие нас синтаксические конструкции в ряде случаев обнаруживают большую зависимость от количественно-временных показателей, прежде всего – от коррелятивных элементов, которые фиксируют либо только левую/правую границу действия, либо обе границы действия.

Анализ показал, что для сложноподчиненных длительно-временных предложений важной является акционально-темпоральная характеристика глаголов, поскольку длительно-временные отношения совмещаются с таксисными отношениями одновременности.

Таким образом, для сложноподчиненных предложений, передающих срок существования действия в сомкнутом виде, наиболее частотна комбинация глаголов неопределенных способов действия и сочетание одинаковых форм времени в главной и придаточной частях. Однако, при выражении длительно-временных отношений в сомкнутом виде могут реализовываться и сочетания разных временных форм глаголов в главной и придаточной частях. В этом случае подчеркивается, что соотносимые в сложном предложении действия развиваются от нескольких секунд до нескольких часов.

Для сложноподчиненных предложений, представляющих длительно-временные отношения как лимитированную длительность, типичным оказывается асимметричное соотношение способов глагольного действия и временных форм глаголов, что объясняется необходимостью подчеркнуть идею ограничения соотносимых ситуаций известными пределами.

Как показывает собранный и проанализированный языковой материал, в сложноподчиненных предложениях с придаточными длительности глагольные формы функционируют в трех временных планах: прошедшем, настоящем и будущем – как в абсолютных, так и в относительных значениях.

Библиографический список

1. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
2. Сигал К.Я. Об одном фрагменте психолингвистической грамматики сочинительной связи / К.Я. Сигал // Вопросы филологии. – 2007. – № 1 (25). – С. 28-52.

3. Копров В.Ю. Аспект сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 298 с.

4. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.

5. Brauner U. Temporale Satzgefüge mit einmaligem Zeitbezug im Deutschen und Italienischen / U. Brauner. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1997. – 358 S.

6. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin; München: Langenscheidt KG, 2001. – 654 S.

7. Подколизина Н.М. Синонимия подчинительных союзов в современном немецком языке / Н.М. Подколизина // Филологические науки. – 1959. – № 2. – С. 91-101.

8. Hartung W. Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen / W. Hartung. – 3. Aufl. – Berlin: Akademie-Verlag, 1967. – 220 S.

9. Buscha J. Lexikon deutscher Konjunktionen / J. Buscha. – Leipzig: Langenscheidt, 1989. – 159 S.

10. Zschunke S. Untersuchungen zur Bedeutung und Verwendung der subordinierenden temporalen Konjunktionen in der deutschen Schriftsprache der neueren und neuesten Zeit. Autorreferat zur Dissertation (A). – Potsdam, 1970. – 21 S.

11. Чекомасова Н.К. О взаимодействии аспектуальности, темпоральности и таксиса в английских сложноподчиненных предложениях с темпоральной семантикой / Н.К. Чекомасова // Контрастивная и функциональная грамматика. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1987. – С. 141-149.

МЕТОДИКА И ДИДАКТИКА METHODS AND DIDACTICS

УДК: 37.016:81

Некоммерческая организация Негосударственное образовательное учреждение «Учебный центр “Комп Лэнг”», гор. Москва.

соискатель степени кандидата педагогических наук.

заместитель директора

e-mail: melnichenkosergey@gmail.com

Non-Commercial Organization Non-State Educational Institution “CompLang Training Center”, Moscow

Deputy Director

e-mail: melnichenkosergey@gmail.ru

С.А. Мельниченко

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ПИЛОТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ В РОССИИ

В статье рассматриваются отличия подготовки по английскому языку пилотов гражданской авиации по сравнению с другими специальностями. Автор дает примеры демонстрации уровней владения языком по Шкале ИКАО, анализирует лингвистические функции и лексические домены, которыми должны владеть пилоты, и предлагает формировать коммуникативную компетенцию общего языка перед тем, как переходить к изучению авиационного английского.

Ключевые слова: авиационный английский, Шкала ИКАО, владение языком, функциональный подход, лексические домены.

S.A. Melnichenko

CHARACTERISTIC PROPERTIES OF AIRLINE PILOTS LANGUAGE TRAINING IN RUSSIA

Training the aviation English language of airline pilots differs from training other professional groups. The author gives examples of language proficiency demonstration in accordance with the ICAO LPR Scale, analyzes language functions and lexical domains in which pilots should be proficient, and suggests the aviation English language the communicative function in general language should be formed before starting the English aviation language learning.

Key-words: the aviation English language, ICAO Scale, language proficiency, functional approach, lexical domains.

После нескольких авиационных катастроф, в которых слабое владение английским языком явилось одним из причинных факторов, Международная организация гражданской авиации (ИКАО) приняла обязательное для всех ее 190 Договаривающихся Государств требование [1, с.1–8] о владении пилотами и диспетчерами английским языком, используемым при международных полетах, на четвертом (рабочем) уровне по разработанной шестиуровневой «Шкале ИКАО для определения уровня владения языком». [1, АТТ А-1]

В соответствии с этими требованиями, владеющий языком обязан «свободно общаться в процессе речевой связи (телефонная/радиотелефонная) и при непосредственных

контактах; недвусмысленно и четко изъясняться по общим, конкретным и связанным с работой вопросам; использовать соответствующие методы коммуникации для обмена сообщениями и для распознавания и устранения недопонимания (например, посредством проверки, подтверждения или уточнения информации) в общем или связанном с работой контексте; успешно и относительно легко решать лингвистические проблемы при усложнении или непредвиденном изменении событий в процессе штатной (рабочей) ситуации или выполнения известной коммуникативной задачи; использовать диалект или акцент, которые понятны для авиационного сообщества». [1, APP 1-1]

Анализ этих требований говорит о довольно высоком целевом уровне языковой компетенции. С другой стороны, осуществляющие радиообмен коммуниканты должны выполнять и другое требование ИКАО: *«Радиосвязь должна быть краткой и однозначной, и использоваться во всех ситуациях, для которых она предусмотрена»*. [2, 5–11] Таким образом, владея общим и авиационным языком, коммуниканты имеют право демонстрировать его только при возникновении нерутинных ситуаций, когда стандартной фразеологии не хватает. Такие ограничительные требования во многом усложняют работу составителей программ и авторов учебных и методических пособий, рассчитанных на пилотов.

Мировая гражданская авиация решает уникальную проблему: языковые требования для пилотов и авиадиспетчеров стали квалификационными. Если в других профессиях языковой ценз обычно устанавливается при найме на работу иностранцев, то в международной авиации лингвистическая компетенция стала обязательной для граждан всех национальностей, в том числе носителей языка, и возникла она, когда многие авиаторы находятся в середине или в конце своей профессиональной карьеры. Начиная с 5 марта 2011 г. лица, не соответствующие этим требованиям, должны быть отстранены от выполнения или обслуживания международных полетов.

В соответствии с действующим российским авиационным законодательством, подготовка пилотов разделена на два направления: ***по общему и авиационному английскому языку***, включая изучение фразеологии радиообмена на английском языке. [3, приложение 1] При установлении очередности курсов обучения можно предположить, что фразеология радиообмена, являющаяся частью языка для специальных целей, может изучаться только после того, как обучаемый овладел определенными коммуникативными навыками в рамках общего языка.

Для выяснения потребного начального уровня владения общим языком спроецируем это предположение на дефиниции шести оцениваемых элементов Шкалы ИКАО (произношение, грамматические структуры, лексика, беглость речи, понимание, взаимодействие). На первом уровне по Шкале ИКАО находятся специалисты, не способные говорить на языке даже в объеме, необходимом для получения речевого отрезка, пригодного для определения уровня репитерами – специалистами, прошедшими подготовку по использованию Шкалы ИКАО.

В описании языковой компетенции авиаспециалиста, находящегося на втором уровне по Шкале ИКАО, говорится: *«Произношение, ударение, ритм и интонация подвержены сильному влиянию первого языка или регионального варианта и обычно мешают простоте понимания. Показывает только ограниченное управление несколькими простыми, заученными наизусть грамматическими структурами и предложными схемами. Ограниченный словарный запас, состоящий только из отдельных слов и заученных наизусть фраз. Способен предъявлять очень короткие отдельные, заученные наизусть высказывания, с частыми паузами и отвлекающим употреблением заполнителей пауз при поиске выражений и произнесении менее знакомых слов. Понимание ограничено отдельными, за-*

ученными наизусть фразами, если они произнесены четко и медленно. Ответы замедлены и зачастую неуместны. Взаимодействие ограничено простыми рутинными обменами сообщениями».

Доминантами данной дефиниции являются слова «отдельные», «ограниченные» и «заученные наизусть», поэтому предположением о том, что к изучению фразеологии радиообмена можно приступить со второго уровня, следует пренебречь, как несостоятельным.

Владение языком на третьем уровне обозначено в Шкале следующим образом: *«Произношение, ударение, ритм и интонация подвержены влиянию первого языка или регионального варианта и часто мешают простоте понимания. Основные грамматические структуры и предложные схемы, ассоциирующиеся с предсказуемыми ситуациями, не всегда хорошо управляемы. Ошибки часто влияют на понимание. Словарный запас и его точность часто достаточны для общения на общие, конкретные и связанные с работой темы, но запас ограничен, а выбор слов зачастую неправилен. Часто при нехватке словаря отсутствует способность успешно перефразировать. Предъявляет порции речи, но построение фраз и паузы зачастую неуместны. Хезитация или медлительность при речевой деятельности могут мешать эффективному общению. Заполнители пауз иногда отвлекают. Часто точное понимание по общим, конкретным и связанным с работой темам, если используемый акцент или вариант достаточно понятны международному сообществу пользователей. Может не понять лингвистическое или ситуативное усложнение либо неожиданный поворот событий. Ответы иногда немедленны, уместны и информативны. Может начинать и поддерживать диалоги на знакомые темы и в предсказуемых ситуациях с достаточной легкостью. Обычно неадекватен при встрече с неожиданным поворотом событий».*

Даже при существующих ограничениях на данном уровне языковой компетенции, авиационная языковая специализация может начинаться осуществляться. Третий уровень обучаемых достаточен, чтобы овладевать фразеологией радиообмена в обычных и нестандартных ситуациях.

Поэтому при установлении очередности прохождения курсов языковой подготовки пилотов следует придерживаться такого графика проведения занятий, когда изучению фразеологии радиообмена предшествует языковая подготовка до третьего уровня по Шкале ИКАО. Однако из-за недостаточной теоретической лингвистической подготовки преподавателей такой подход почти нигде в России не осуществляется.

Многие используемые программы языковой подготовки пилотов не учитывают языковые функции, которыми они должны владеть. Данные функции, приведенные в Документе ИКАО 9835 [4, В1–В4], варьируются от умения произносить буквы и цифры в соответствии с правилами радиообмена до передачи требований угонщиков воздушного судна.

При составлении обучающих программ функциональный подход обеспечивается за счет использования всех функций, приведенных в упомянутом выше документе. Отсутствие хотя бы нескольких функций в программе подготовки может привести к низким результатам при прохождении квалификационного тестирования и лишению пилотов права на выполнение полетов с использованием английского языка.

Пилоты и авиадиспетчеры должны владеть достаточным словарным запасом, лексические домены которого также приведены в Документе ИКАО 9835. Приоритетные лексические домены включают в себя следующие понятия: аббревиатуры и акронимы, животные и птицы, авиация, полет, поведение, деятельность, грузы, товары, упаковка, материалы, причины и условия, география, топографические характеристики, национальности, здоровье и медицина, язык, устное общение, модальность (обязательность, вероятность,

возможность), числительные, восприятие, чувства, проблемы, ошибки, происшествия, отказы оборудования, правила, принуждение к исполнению, нарушение правил, протокольные мероприятия, пространство, движение, местоположение, расстояние, размеры, технологии, время, продолжительность, расписание, транспорт, путешествия, транспортные средства, погода, климат, стихийные бедствия [4, В–10]. Список авиационных доменов намного шире, одно его перечисление заняло бы несколько страниц [4, В11–В17].

Однако в большинстве авиационных учебных заведений России обучение пилотов до сих пор проводится с учетом требований программ, разработанных задолго до принятия Международной организацией гражданской авиации требований к владению языком. Например, в Приказе «О подготовке авиационных специалистов объединений и предприятий воздушного транспорта российской федерации к международным полетам» обучение общему языку смешано с обучением авиационному языку, а принципы обучения английского для специальных целей не соблюдены: изучение *ing*-овых конструкций осуществляется с одновременным изучением правил передачи и сокращения позывных авиакомпаний; степени сравнения прилагательных и наречий соседствуют с уточнением скорости воздушных судов, временем пролета пунктов обязательного донесения и изменением эшелонов и курсов, и т.д. [5, пункт 10.2].

В упомянутом выше документе ничего не говорится в отношении лингвистических функций, которыми должны уметь пользоваться авиаспециалисты, что свидетельствует об отсутствии проведения анализа потребностей перед составлением обучающей программы. Если бы авторы смогли провести такой анализ, они бы поняли, что коммуникативные функции авиационного радиообмена можно синтезировать в рамках девяти различных типов речевых актов: вызов, запрос, проверка, указание, информация, подтверждение, ответ, согласие, недопонимание [6, с. 53-54].

В том же документе цели обучения представлены только как «повышение квалификации авиационных кадров и обеспечение конкурентоспособности авиапредприятий на авиационном рынке» [5, с.1]. Эти цели абсолютно далеки от реальных целей обучения:

- использование релевантного, соответствующего решаемым задачам авиационного языка;
- развитие коммуникативных языковых навыков;
- учет всех шести элементов Шкалы ИКАО;
- достижение четвертого (рабочего) уровня по всем шести элементам Шкалы ИКАО [7, с. 1-2].

Чтобы избежать повторения подобных ошибок, сегодня, в условиях, когда авиационная деятельность и профессиональная подготовка пилотов регламентированы десятками, а то и сотнями документов, необходимо учитывать такие факторы, как объем и содержание подлежащего изучению материала, невозможность длительного непрерывного обучения пилотов с отрывом от полетов, желание руководителей авиакомпаний решить языковую проблему быстро и дешево и т.д. Поэтому при составлении программ разработчикам следует действовать с прагматических позиций. Их содержание, во-первых, должно включать в себя обучение решению реальных коммуникативных задач, с которыми пилоты могут столкнуться при выполнении своих функциональных обязанностей, во-вторых, оно должно быть свободно от излишних учебных материалов и заданий.

Важной составляющей качественно разработанной обучающей программы является ее контекстуальное содержание, основанное на знании ситуации использования языка. Владение ситуацией использования языка в авиации достигается за счет изучения профессиональной деятельности пилотов, используемой техники, правил и процедур выполнения полета.

Качественная программа немыслима также без проведения анализа потребностей,

который подразумевает получение ответов на следующие вопросы:

- Зачем пилоту нужно учить язык?
- Что он должен выучить? Какие языковые аспекты понадобятся? Какой уровень владения он должен достичь? Какие темы необходимо включить в программу?
- Кто является участником учебного процесса (обучаемый, преподаватели, спонсоры, представители авиакомпании, экзаменаторы и т.п.)?
- Как будет построено обучение, какая методика будет применяться?
- Когда необходимо провести обучение? Какова будет его продолжительность?
- Где будут проводиться занятия? Каким потенциалом обладает место проведения занятий? Какие ограничения оно налагает? [8, с. 55].

Ответы на эти вопросы заключаются в следующем. Пилоту необходимо учить язык, чтобы соответствовать квалификационным требованиям ИКАО, предъявляемым к профессии пилота, вводимых во всех 190 Договаривающихся Государствах этой международной организации с 5 марта 2011 года.

Взяв за основу требования ИКАО к владению языком, мы приходим к выводу, что изучаемый язык – это язык рутинных ситуаций, язык, известный как «стандартная фразеология ИКАО», плюс язык, используемый в ситуациях, где стандартной фразеологии ИКАО не хватает. Таким образом, эти две части авиационного английского языка и станут основой предметного содержания учебного курса. Из четырех видов речевой деятельности (понимание на слух, говорение, письмо и чтение) продемонстрировать необходимый уровень владения пилот должен только в двух: понимание на слух и говорение. Пилоты должны достичь владения этими видами речевой деятельности на четвертом (рабочем) уровне по шестиуровневой Шкале ИКАО. Темы, которые необходимо включить в предметное содержание курса, приведены в Приложении «В» Документа ИКАО 9835 “Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements” («Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком»).

В некоторых государствах-членах ИКАО, к которым следует частично отнести и Россию, и страны СНГ, сложилась ситуация, когда требования к владению языком выполняются не столько для того, чтобы лучше владеть авиационным английским, обеспечив, таким образом, лингвистическую составляющую безопасности полетов, сколько в целях только получения заветного четвертого уровня по Шкале ИКАО. С одной стороны, это говорит о незрелости значительной части летного и диспетчерского персонала, с другой стороны, появилась возможность действительно научить и пилотов и диспетчеров говорить на английском и понимать его.

Такой возможностью нельзя не воспользоваться. Для этого нужно не так уж и много: это одинаково правильное понимание языковых требований и Шкалы ИКАО, наличие адекватных обучающих программ и валидных тестов, профессиональные преподаватели, справедливые и высоко-моральные рејтеры. При соблюдении этих условий государствам СНГ не понадобился бы так называемый «льготный» период, который ИКАО предоставило государствам, не справившимся с поставленной задачей к 5 марта 2008 года, когда языковые требования были внедрены.

Сегодня же решается задача – как обеспечить высокий процент имеющих четвертый уровень. В погоне за процентами не всегда учитывается фактор необучаемости определенного количества технических специалистов языку. В семидесятых годах прошлого века в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореза в течение многих лет использовалась программа обучения технических специалистов иностранному языку. Это была очень серьезная подготовка, когда каждый рабочий

день в течение 11 месяцев подряд эти специалисты серьезно, по 6 академических часов в день, занимались иностранным языком – кто английским, кто испанским, французским, немецким.

В результате языком овладевали только около 80% специалистов, а 20 могли повысить свой уровень владения лишь ненамного. Сегодняшняя ситуация сравнима с той лишь по общей задаче, заключающейся в необходимости подготовить значительное количество людей к относительно свободному общению на языке. Во многом другом имеются серьезные отличия: отсутствие, в большинстве случаев, возможности изучать язык с отрывом от производства; несравнимые по продолжительности программы (более 1000 часов против примерно 400 в авиации); единая программа инъязы против нескольких десятков имеющихся у нас, и т.п.

Поэтому ориентироваться надо было бы не на заоблачные проценты, а на реальные 60-70 в авиации. Исходя из этого, нужно было в самом начале провести тестирование по определению уровня и не вкладывать деньги в тех, кто заведомо не в состоянии освоить язык. Это было бы тяжелое, но грамотное управленческое решение.

И сегодня еще не все потеряно, потому что есть несколько действительно хороших обучающих программ и есть несколько отвечающих требованиям ИКАО тестов. Поэтому следует использовать ситуацию, когда у пилотов и диспетчеров имеется хотя и небезгрешная – получить 4 уровень, - но мотивация, и научить их тому, что действительно надо, и протестировать действительно по тому, чем они должны владеть. К сожалению, многие известные нам программы отражают не те ситуации, с которыми могут столкнуться пилоты и диспетчеры при выполнении полетов и обслуживании воздушного движения, а те, которые включают в занятия преподаватели, зачастую имеющие очень смутное представление даже о стандартной фразеологии радиообмена.

Это наблюдение касается не только наших, но и многих зарубежных программ и учебников. К сожалению, не все в наших государствах понимают, что требования ИКАО были восприняты многими англоязычными школами и авторами как выстрел стартового пистолета. Вот и наводнили наши страны учебники, в которых на первой же странице буква радиотелефонного алфавита написана с ошибкой, примеры из фразеологии следовало бы поместить в раздел «Так говорить нельзя», а иностранные акценты имитируют английские актеры. Понятно, что восхищаться такими учебниками могут только те, кто абсолютно не знает предмета, однако у нас таких преподавателей множество.

В тестировании ситуация еще интереснее. Из-за слабого знания Шкалы ИКАО представленному уровню доверять можно не всегда. В России, оказывается, несколько десятков пилотов, владеющих английским на шестом уровне. Это при том, что ни один из существующих *тестов не имеет заданий на «понимание лингвистических и культурных тонкостей»* и *«чувство невербальных намеков»*, - а ведь это лишь частичное описание некоторых языковых умений на шестом уровне.

Однако это не самая страшная ошибка. Хуже, когда адекватность оценки уровня зависит даже не от теста, а от специалистов, работающих с ним. Нам известны случаи, когда один и тот же человек был оценен на второй уровень одним тестом, и на четвертый – другим. Причем этот человек, не стесняясь, рассказывал, что во втором случае к нему подошли с пониманием, а когда это понимание заканчивалось, то просто прикрывали микрофон рукой и помогали на родном языке. Не знаю, так ли было на самом деле, но четвертый уровень этот специалист действительно получил, хотя с трудом мог связывать несколько слов. Это негодный метод достижения четвертого уровня.

Но и на этом проблемы не заканчиваются. Сейчас государства СНГ переживают сложный этап, когда подготовленных пилотов просто не хватает. Почему же случается

что те, кто мог бы летать, не могут пройти собеседование в авиакомпании по английскому языку? В одной авиакомпании их просят рассказать на английском языке про Великую буржуазную революцию в Европе, в другой предлагают письменный тест по грамматике (очевидно, там или преподаватели не знают, что ИКАО требует умения говорить и понимать, или не знают, как это делается). В одном из зарубежных тестов предлагается успокоить плачущую в лесу девочку или разнять дерущихся в баре. Что сказать по этому поводу? Наверное, те, кто это придумал, считают, что именно этим и приходится заниматься пилотам и диспетчерам.

Из сказанного можно сделать простой, но в то же время наводящий на самые серьезные размышления вывод: настоящих профессионалов в преподавании и тестировании очень мало. Проблема нехватки профессионалов в авиации не уникальна – в начале года в одном из журналов “AeroSafety World” Президент Всемирного Фонда безопасности полетов Билл Восс указал на недостаточное количество грамотных специалистов вне зависимости от уровня экономического развития того или иного государства.

Однако, как известно, каждая медаль имеет две стороны. Мы можем приложить максимум усилий и добиться реального повышения владения языком до четвертого уровня. Но давайте не будем забывать, что большинство носителей языка (хотя, как показали исследования, не все) все-таки владеют им на шестом. Есть множество свидетельств пилотов о том, что при проведении перронных проверок инспекторами SAFA (Safety Assessment of Foreign Aircraft), особенно в государствах носителей языка, авиакомпаниям предъявляются претензии в том, что уровень владения языком не соответствует выставленному в пилотском свидетельстве.

К сожалению, многие десятилетия игра идет в одни ворота. Нашим странам предъявляют претензии, мы ищем объяснения и оправдания. Мы не призываем менять правила игры – это всегда плохо. Но правила должны быть для всех одинаковыми.

В главе 3.2 Документа 9835 «Руководство по внедрению требований ИКАО к владению языком» говорится о том, что требования эти в одинаковой степени касаются как неносителей, так и носителей языка. Далее привожу дословно в собственном переводе: «Поскольку английский является наиболее часто используемым языком для обеспечения связи в международной авиации, многим неносителям английского для улучшения их владения языком потребуется языковая подготовка. Тем не менее, бремя совершенствования связи не должны нести только неносители языка. Носители английского языка также играют исключительно серьезную роль в усилиях государств по повышению безопасности связи... Повышение безопасности при ведении связи – задача не из простых; она требует скоординированных усилий и многостороннего сотрудничества, и от улучшения понимания того, как функционирует язык, выиграют и пилоты, и диспетчеры. Сосредоточиваться надо на тех стратегиях, которые способствуют пониманию и ясности. Кроме этого, со стороны носителей английского языка появляется этическое обязательство, в частности, развивать свою осведомленность в лингвистических вопросах и быть предельно внимательными при произнесении сообщений».

Прямыми участниками учебного процесса являются пилоты и преподаватели. Опосредованные участники – это руководители авиакомпаний и других государственных и негосударственных организаций, в которых работают пилоты; регулирующие органы гражданской авиации, устанавливающие минимальную продолжительность языковой подготовки и утверждающие соответствующие программы; экзаменаторы и рейтеры тестирующих систем, определяющие, достигнут ли потребный уровень владения языком.

Вопрос о том, каким образом будет строиться обучение, зависит от множества фак-

торов. Наиболее удачным способом является обучение с отрывом от полетов при равномерном распределении учебной нагрузки и продолжительности около 18 часов в неделю. Однако в таких «тепличных» условиях оказываются только единицы. Наиболее востребованным графиком занятий является 30-часовая учебная неделя, по 6 академических часов в день. При таком графике 180-часовой курс проводится в течение 6 недель. Другим графиком предусматриваются занятия в течение 6 учебных дней по 6 академических часов (тогда продолжительность курса уменьшается до 5 недель). Известны и исключительно интенсивные графики, когда занятия проводятся двумя преподавателями, а нагрузка составляет 9 академических часов ежедневно, без выходных. В таких жестких условиях предпочитают обучаться пилоты одной из авиакомпаний СНГ. В этом государстве разрешено в качестве пилотов использовать граждан других государств (что пока что запрещено в других государствах СНГ), и уже 25% пилотов-иностранцев с как минимум четвертым уровнем владения авиационным английским языком выполняют полеты в составе экипажа вместе с гражданами этого государства. Пилоты данной авиакомпании обеспокоены тем, что они могут потерять летную работу, поэтому их мотивация исключительно высока. Однако в связи с тем, что руководство авиакомпании не соглашается оплачивать дополнительную тренировку на тренажере, связанную с полетом в одно из государств Европы, а без такой подготовки пилот может не осуществлять полеты максимум 30 суток, то максимальный срок обучения без выполнения полетов привязывается к этому требованию, и пилоты хотят заниматься с колоссальными нагрузками.

Опорой методики является коммуникативный метод, однако он не является единственным. Для достижения конечного результата необходимо обеспечивать синергизм используемых методик, поэтому свое место есть и у грамматико-переводного метода. Поскольку в авиации необходимо однозначное толкование терминов, то для некоторых из них дается перевод на родной язык.

Определение места проведения занятий также зависит от множества факторов, и обучающая организация готова как обеспечить процесс обучения на своей территории, так и направить своего преподавателя в другие государства. Поскольку в курсе авиационного английского значительное место уделяется прослушиванию аудиозаписей и выполнению заданий с опорой на визуализацию, то наиболее подходящим техническим средством обучения зарекомендовали себя переносные персональные компьютеры, которые могут заменить и лингафонный кабинет, и видеопроектор с экраном.

В общем и целом, ИКАО выступает за упорядочение подходов к составлению обучающих программ и их содержанию, а также методике преподавания.

Разработчики программ должны учитывать то, что Шкала ИКАО предъявляет требования только к двум видам речевой деятельности: пониманию на слух и говорению. Поэтому значительная часть занятий должна строиться на широком использовании коммуникативных методик и обучении именно этим двум видам.

Еще одна особенность языковой подготовки пилотов заключается в том, что по окончании обучающего курса должно проводиться не итоговое, а квалификационное тестирование, которое также должно соответствовать предъявляемым ИКАО требованиям. [9, с. 5] Среди этих требований – адекватность, валидность и надежность теста, а также признание его уполномоченным органом гражданской авиации государства.

Таким образом, программы, используемые для обучения пилотов авиационному английскому языку, составлены без учета исследований в области преподавания английского языка для специальных целей, не ставят перед собой реальных задач и не могут выполнить задачу достижения четвертого (рабочего) уровня по всем шести элементам Шкалы

ИКАО. Новые требования ИКАО к уровню владения общим и авиационным английским языком ставят новые задачи перед составителями обучающих программ и учебных материалов, а также разработчиками квалификационных тестов, поскольку они имеют непосредственное влияние на лингвистическую составляющую безопасности полетов.

Библиографический список

1. Personnel Licensing / Annex 1 to the Convention on International Civil Aviation. – Tenth Edition. – 2006.
2. Aeronautical Communications / Annex 10 to the Convention on International Civil Aviation // Volume 2: Communication Procedures including those with PANS status. – Sixth Edition. – October 2001.
3. Требования к членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации Российской Федерации при подготовке к выполнению международных полетов / Федеральные авиационные правила: утверждены Приказом Минтранса России № 90 от 9 июля 2007 г.
4. Manual on the Implementation of ICAO Language Proficiency Requirements / ICAO Doc 9835 AN/453.– First Edition. – 2004.
5. Приказ от 6 августа 1992 г. N ДВ-94 «О подготовке авиационных специалистов объединений и предприятий воздушного транспорта Российской Федерации к международным полетам».
6. Asdis O. Vantsdal. “Register analysis: the language of air-traffic control”. Occasional Papers in Systemic Linguistics, Volume 1 (1987).
7. Circular 323 AN/185. “Guidelines for Aviation Training Programs”, International Civil Aviation organization – 2009.
8. Поляков О.Г. «Английский язык для специальных целей: теория и практика». «Тезаурус», Москва, 2003.
9. Language Testing Criteria for Global Harmonization / ICAO Cir 318, AN/180. – ICAO, 2009.

УДК 811.111(072.3)

Орловский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков ФГОУ ВПО «Орловского юридического института МВД России»
e-mail: dorokh3@mail.ru

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Senior Teacher of the Foreign and Russian Languages Department of FGOU VPO «Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia»
e-mail: dorokh3@mail.ru

Т.Н. Дорохина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

Статья посвящена вопросам совершенствования произносительной культуры студентов. На современном этапе речь студентов характеризуется различными

отклонениями от нормативного произношения, которые носят как массовый, так и индивидуальный характер. Это ведет к затруднению процесса коммуникации. Целенаправленная работа на основе коммуникативного подхода поможет совершенствовать произносительные навыки студентов.

Ключевые слова: произносительная культура, произносительные навыки, нормативное произношение, коммуникативный подход, коммуникативная компетенция, совершенствование произносительных навыков.

T.N. Dorokhina

THE IMPROVEMENT OF PRONUNCIATION CULTURE OF STUDENTS ON THE BASIS OF THE COMMUNICATIVE APPROACH

The article is devoted to the problems of improving students' pronunciation culture. At present time students' speech is characterized by various deviations from the normative pronunciation which are common for all of them or for only one person. It leads to some problems in communicating with each other. The work on the basis of the communicative approach will help to improve the pronunciation of students.

Key words: pronunciation culture, pronunciation skills, norms of pronunciation, communicative approach, communicative competence, improvement of pronunciation skills.

Современный процесс подготовки специалистов в вузе представляет собой сложную многоаспектную форму целенаправленного обучающего воздействия на личность студента с целью формирования в ее структуре специальных профессионально-направленных качеств (полноценных знаний о языке и сформированных речевых умений), позволяющих ему в будущем эффективно выполнять весь комплекс функций, связанных с его основной профессиональной деятельностью. Изучение любого языка и его практическое использование в речевом общении неразрывно связаны с нормативным овладением звуковым строем и формированием произносительных навыков, необходимых для языковой и коммуникативной компетенции. Поэтому в настоящее время вопросы культуры речи приобретают особую актуальность в современных условиях широкого распространения устной коммуникации.

Цель статьи заключается в научно-теоретическом обосновании системы совершенствования произношения студентов I и II курсов в аспекте коммуникативного подхода. *Объектом* предлагаемой работы является процесс совершенствования произношения при изучении русского и английского языков студентов нефилологических специальностей. *Актуальность* исследования подтверждается результатами констатирующих срезов, которые были проведены в рамках нашего диссертационного исследования по теме «Совершенствование произносительной культуры при изучении русского и английского языков студентами первых курсов нефилологических специальностей». Срезы представляют собой определение исходного уровня владения студентами неязыковых специальностей начальных курсов слухо-произносительными навыками русской и английской речи, а также диагностирование характера допускаемых ими ошибок в ходе проведения констатирующего среза. Диагностика уровня сформированности нормативного произношения проводилась на базе факультета Технологии, предпринимательства и сервиса ГОУ ВПО «Орловского государственного университета» и ГОУ ВПО «Орловского Юридического Института Министерства Внутренних Дел России». Констатирующим срезом было охвачено 246 студентов (134 - на первом курсе и 112- на втором), обучающихся по специ-

альности «Домоведение», и 136 курсантов (140-на первом курсе и 132 - на втором), получающих специальность «Юриспруденция». По результатам срезов, для 93,1 % обучающихся произношение английского языка остается трудным, поэтому они часто прибегают к помощи словаря и всегда думают о том, как произнести то или иное слово. Несмотря на то, что русский язык является родным для всех опрошенных студентов, 37,6 % обучающихся все же высказали мнение о трудностях, связанных с нормативным произношением в русском языке.

Полученные данные указывают на некоторую неудовлетворенность опрошенных студентов состоянием сформированности своих фонетических умений и навыков. 99,1 % изучающих английский язык и 78,2 % изучающих русский язык не считают свою речь соответствующей произносительным нормам изучаемых языков. Но произносительные ошибки в родной речи замечают только 26,5 % опрошенных студентов, а в английском языке – 34,8 %.

Практически все опрошенные (98%) склонны думать, что знание произносительных норм русского и английского языков важно в обучении, но особенно в процессе коммуникации, так как 100 % опрошенных заявили, что несоблюдение норм в большинстве случаев ведет к некоторому недопониманию между коммуникантами и затрудняют общение в целом.

Таким образом, полученные в ходе анкетирования результаты показали неудовлетворенность студентов первых курсов сформированными умениями и навыками в области произношения русского и английского языков.

Как показывает анализ методической литературы по общей проблематике современных исследований в области культуры речи, нормативного произношения, многие вопросы продолжают оставаться актуальными до настоящего времени, привлекают внимание отечественных и зарубежных лингвистов и методистов. Культура речи подразумевает владение говорящим литературной нормой, умение стилистически правильно строить высказывание (то есть употреблять языковые средства адекватно ситуации общения), умение выражать свои мысли ясно, доходчиво, образно.

Фонетический аспект занимает особое место при обучении любому языку. Успешное усвоение языка вряд ли возможно без овладения навыками фонетического оформления собственной речи. «Основой для уже системного и поэтапного совершенствования умений во всех видах речевой деятельности является именно сформированность слухо-произносительных навыков» [1, с.46]. Недостаточный уровень владения этими навыками может привести не только к ограничению деятельностных возможностей в разных сферах общения, но и к возникновению психологического дискомфорта при осуществлении коммуникации. Сама жизнь постоянно требует введения в житейский обиход и другие сферы жизнедеятельности фонетически правильной речи. Все более укрепляется в сознании людей, что владение нормами литературного произношения составляет необходимый компонент образованности, интеллигентности. На практике практически никто не может избежать употребления английского и русского языков в процессе профессионального и делового международного общения.

Язык как средство общения возник и до сих пор существует изначально в звуковом варианте, и владение его звуковым строем, то есть наличие произносительных навыков, является обязательным условием общения в любой его форме. Речь будет понята слушающим частично, неправильно или вообще не понята, если говорящий нарушает фонетические нормы языка. У слушающего будут возникать проблемы с пониманием обращенной к нему речи, если он сам не владеет произносительными навыками. В данном случае его внутреннее проговаривание, которое всегда сопровождает восприятие речи, и

звучащая речь не совпадают, что приводит к нарушению акта коммуникации. Высказыванию в письменной форме предшествует его развернутое проговаривание во внутренней речи, а чтение про себя сопровождается озвучиванием зрительно воспринимаемого текста. Озвучивание при этом носит свернутый характер, но прийти к нему можно только лишь через развернутое, сначала во внешней речи (чтение вслух), а затем во внутренней (чтение про себя), поэтому несовершенство произносительных навыков тормозит развитие беглости чтения. Оно часто является и причиной неточного или даже неверного понимания текста.

Таким образом, только наличие твердых произносительных навыков обеспечивает нормальное функционирование всех (без исключения) видов речевой деятельности. Этим и объясняется то значение, которое придается работе над фонетическим аспектом речи в вузе.

Под фонетикой как аспектом обучения понимается звуковой строй языка, иными словами, совокупность всех звуковых средств, которые составляют его материальную сторону (звуки, звукосочетания, ударение, ритм, мелодика, интонация, паузы). Каждое слово представляет собой определенную фонетическую (звуковую) и грамматическую структуру, имеет свое логико-грамматическое и лексическое значение. Отдельные слова по законам грамматики объединяются в словосочетания, синтагмы и предложения; при этом происходит интонационное оформление как целого предложения, так и отдельных его частей. Говоря о звуковой и интонационной сторонах речи, следует иметь в виду, во-первых, звуковой состав слов и словесное ударение; во-вторых, интонацию различных синтаксических структур. Фонетика, однако, не изучается в вузе на нефилологических специальностях как самостоятельный аспект языка, студенты должны овладеть произносительными навыками, что осуществляется в ходе обучения устной речи и чтению.

Процесс интенсивной международной интеграции повлек за собой открытие в вузах нашей страны новых специальностей, адекватных требованиям времени. Ожидается, что любой современный специалист будет владеть не только профессиональной, но и коммуникативной компетенцией, т.е. знанием языковых, предметных и психологических компонентов, необходимых для понимания партнера по коммуникации и порождения собственной программы речевого поведения. Причем, необходимо, чтобы эти составляющие профессиональной коммуникативной компетенции были развиты как на родном, так и на иностранном языках.

Однако речевая практика современного общества характеризуется различными отклонениями от литературного произношения. Среди ошибок, встречающихся в современной речевой практике общества, часто встречаются и отклонения от кодифицированного нормативного произношения. Возникает множество произносительных ошибок, которые носят как массовый, так и индивидуальный характер. Бесспорным является тот факт, что владение нормативным произношением также необходимо в наше время, как и умение грамматически верно излагать мысли. Повышение роли “звучащего слова в нашей жизни выдвигает на первый план проблему орфоэпической культуры, строгого соблюдения произносительных и акцентологических норм русского” [2, с.3], а также иностранного языков. Правильное произношение способствует быстрому восприятию устной речи, облегчает процесс общения людей. Неправильное произношение, то есть произношение, не соответствующее орфоэпическим нормам языка, затрудняет восприятие речи, отвлекает внимание слушающего от содержания высказывания.

Работа над произносительными навыками студентов неязыковых специальностей имеет большое значение с точки зрения конечных результатов, а именно выработки нормативного произношения в целях обучения коммуникативной функции, поэтому использование коммуникативного метода для совершенствования произношения является объек-

тивной необходимостью, так как процесс обучения является моделью процесса общения. Коммуникация или общение с помощью языка является частью взаимодействия людей в обществе.

Такое пристальное внимание к соблюдению произносительных норм сказывается и на методике обучения русскому и иностранным языкам, где все чаще обращаются к значимости произносительной культуры как неотъемлемой составляющей общей культуры в целом [2, с.3]. Актуальность рассматриваемой проблемы объясняется следующими причинами:

1) коммуникативной и эстетической значимостью фонетически правильного оформления речи. Грамотная устная речь способствует быстроте, легкости общения между людьми, придает речи коммуникативное совершенство;

2) недостаточной разработкой методических основ совершенствования произносительной культуры студентов нефилологических специальностей по сравнению с языковыми факультетами. В течение первых недель обучения в вузе студенты приобретают элементарные произносительные навыки, но поскольку дальше систематическая работа над произношением ослабевает, а иногда совсем прекращается, эти навыки оказываются весьма непрочными, и студенты их быстро утрачивают. До сих пор актуальными остаются слова, сказанные более полувека назад: «... мысль о правильности произношения ... не есть постоянная хозяйка нашей речи, а гостья, да еще редкая гостья, парадная, так сказать» [3];

3) часто отсутствует единая, последовательная и целенаправленная система обучения нормативному произношению, которая охватывала бы весь цикл обучения студентов нефилологических специальностей русскому и иностранным языкам. Это выражается в следующем:

Во-первых, часто при постановке правильного произношения внимание уделяется лишь подражательному повторению и механическому запоминанию. Подражательное повторение часто используют на начальном этапе, и оно нередко дает хорошие результаты: студенты правильно репродуцируют звуки в английском языке, а также корректно воспроизводят фонетические нормы русского языка. Но достигнутое таким путем правильное произношение на этом этапе является только первичным умением, начальным моментом выработки навыка воспроизведения данного фонетического явления. Прав психолог Н. И. Жинкин, который, характеризуя распространенные виды упражнений в связной речи, писал: "Повторение отрезка речи в целях упражнения для формирования какого-либо навыка или усвоения знаний снимает коммуникативную функцию речи. Речь становится искусственной и бесцельной..." [4, с.103]

Во-вторых, недостаточно полно и четко разработаны специальные приемы обучения произношению. Нет единой, последовательной системы фонетических упражнений, которая предусматривала бы определенные виды взаимосвязанных упражнений для каждого этапа обучения русскому и иностранным языкам.

В-третьих, внимание к обучению нормативному произношению студентов ослабевает вследствие насыщенности программ по обучению русскому и иностранным языкам, а также каждого занятия языковым материалом, который каждый преподаватель стремится пройти в полном объеме.

Однако такой подход является не вполне корректным, так как несформированность произносительных навыков, несоблюдение правил наносит огромный ущерб обучению устной речи и чтению. Интенсивная работа над произношением и развитием навыков чтения полностью оправдывает себя, как показывает опыт преподавателей.

Немаловажное значение имеет и собственная оценка своих произносительных навыков. По данным Л. Якововица, "человек, способный произнести несколько заученных фраз на иностранном языке с хорошим произношением, считает, что он хорошо знает

иностранный язык и свободно говорит. А тот, кто бегло говорит на иностранном языке, но делает при этом фонетические ошибки и имеет сильный акцент, не считает себя свободно говорящим» [5, с.88]. Данное высказывание применимо не только к иностранному языку, но и к русскому, так как неправильная речь рассеивает внимание слушающего, уводит от основной мысли высказывания. Так же как хороший почерк - это правило вежливости, так и хорошее произношение - вежливость говорящего по отношению к слушающему.

Ряд методистов полагают, что при обучении и совершенствовании произносительной культуры следует исправлять только те ошибки, которые допущены в фонетических упражнениях и при чтении текста вслух. Фонетические же ошибки, допускаемые учащимися при выполнении грамматических и лексических упражнений, можно и не исправлять. Без сомнения, такое мнение ошибочно, так как контроль произношения – обязательная составляющая часть при организации обучения произношению, способствующая активному усвоению учащимися норм произношения. Преподавателю необходимо исправлять произносительные ошибки студентов не только при чтении вслух специальных текстов и фонетических упражнений, но и при выполнении любого вида упражнений. В идеале также необходим самоконтроль и взаимоконтроль учащихся. Именно они являются единственной возможностью организовать систематическое подкрепление при формировании речевых навыков.

В зарубежной методике возможности совершенствования обучения нормативному произношению в большей степени связаны с дальнейшей разработкой коммуникативного подхода, позволяющего моделировать в обучении основные закономерности реального общения, с широким использованием компьютерных технологий, а также с интеграцией обучения фонетике в обучение чтению, аудированию и другим видам речевой деятельности. [6, с.93] Анализ изученной литературы и опыт зарубежных преподавателей показывают, что важным направлением «коммуникативного подхода в зарубежной методике является именно стремление подключить разные органы чувств при работе над произношением» [6, с.93].

Важнейшая задача методистов-фонетистов – определить приемы, способы и средства, которые давали бы наибольший эффект в обучении иноязычному произношению. Хорошо известно, что «всякое фонетическое знание должно быть путем систематического упражнения претворено в автоматизированный навык».[7, с.17] Из этого следует, что без целенаправленной работы на основе упражнений сформировать слухо- произносительные навыки невозможно. Поэтому необходимо создать систему упражнений для совершенствования произносительной культуры, основной целью которых станет закрепление и совершенствование произносительных навыков изучаемого языка.

Задачи подобных упражнений весьма разнообразны, так как они призваны помочь не только достижению основной цели изучения фонетики, но и многих других комплексных целей, поставленных перед изучением русского и английского языков, а именно:

- развитие коммуникативных способностей студентов;
- поддержание интереса к изучаемым языкам и создание положительной мотивации к обучению;
- совершенствование навыков разговорной речи и аудирования при помощи совершенствования произносительной культуры на основе коммуникативного подхода;
- создание психологической готовности студента к самостоятельной речевой деятельности;
- развитие фонематического слуха и артикуляции.

Система упражнений подчинена решению практических задач, они не должны отнимать много времени на занятии, так как должны быть органично вписаны в процесс обу-

чения в целом. Обязательным условием их эффективности является регулярное привлечение внимания студентов к фонетическим явлениям в связи со все расширяющимся материалом в новых комбинациях.

В настоящей статье мы не предлагаем какой-либо универсальный способ совершенствования произносительных навыков студентов, так как он может быть выбран только самим преподавателем на основе полученных им данных об уровне сформированности произносительных навыков студентов. Мы делаем попытку обобщить систему упражнений, направленных на совершенствование произносительной культуры студентов.

Все упражнения мы делим на три группы: **некоммуникативные, условно-коммуникативные и коммуникативные**. [9] Причем все виды упражнений рассматриваются нами как непосредственно направленные на отработку произносительных навыков при изучении русского и английского языков, так и на выявление различий между фонетическими системами интересующих нас языков с целью совершенствования фонетических навыков.

Группа **некоммуникативных** упражнений представляет собой упражнения, непосредственно направленные на отработку фонетико-артикуляционных и фонетико-интонационных навыков обучающихся. Они не носят только коммуникативный характер, а являются тренировочными упражнениями, направленными на отработку либо изолированных фонетических явлений, либо их комбинацию. Данный тип упражнений используется как при непосредственном изучении и отработке определенного фонетического явления, так и на фонетической зарядке (ритмике) на занятиях по русскому и английскому языкам.

В связи с этим, **некоммуникативные упражнения** делятся на **специальные**, то есть непосредственно направленные на формирование устойчивых фонетико-артикуляционных и фонетико-интонационных навыков, и **неспециальные упражнения**. Объектом тренировки **специальных** упражнений выступают при этом как изолированные звуки, их сочетания, так и интонационное оформление высказываний. Для достижения поставленной цели, а именно формирования автоматизированных произносительных навыков русского и английского языков, необходимо использовать **фонетико-интонационные и фонетико-артикуляционные фонетические** упражнения, при этом, фонетико-артикуляционные упражнения направлены на работу с отдельным фонетическим явлением, со звуком в слове, со звуком в предложении, упражнения на восприятие и воспроизведение определенного фонетического явления. А фонетико-интонационные упражнения направлены на отработку интонационного оформления высказываний обучающихся.

Неспециальные упражнения в группе некоммуникативных упражнений выполняются непосредственно параллельно при тренировке навыка чтения вслух и при выполнении лексико-грамматических упражнений на занятиях по русскому и английскому языку. При этом сам преподаватель преследует две цели, а именно: сформировать лексико-грамматический навык и контролировать сформированный или еще формирующийся произносительный навык студентов.

Второй группой в предложенной нами схеме являются условно-коммуникативные упражнения - упражнения, которые позволяют осуществить тренировку языкового материала в условиях коммуникации, когда операции и действия, осуществляемые студентами, носят речевой характер.

Третья группа упражнений, коммуникативные упражнения, характеризуются тем, что при их выполнении речевая деятельность учащегося имеет своей целью достижение определенных внеязыковых целей, которые обусловлены характером ситуативных условий. Речевые упражнения предполагают отсутствие всех видов опор, таких как аудиозапи-

си и графического текста. Но при этом необходим стимул для продуцирования нового высказывания.

Так как в настоящей статье рассматривается вопрос, затрагивающий два языка (родной и иностранный), считаем необходимым затронуть интегративный подход [10] к совершенствованию произносительной культуры студентов первых курсов нефилологических специальностей, ведь в последние годы в системе Российского образования отмечается особое внимание к процессам интеграции учебных дисциплин, особенно ярко это нашло отображение в преподавании иностранных и русского языков. В рамках образовательного процесса преподавателями и методистами предпринимаются активные попытки выстроить концепцию преподавания, основанную на межпредметных связях, конечной целью которой станет повышение эффективности учебного процесса. Выдвигая разнообразные модели интегративного обучения, преподаватели и исследователи стремятся найти точки соприкосновения различных предметов с тем, чтобы знания, полученные студентами в одной области, использовались в ходе обучения другим предметам и делали процесс обучения более познавательным, простым и интересным для обучающихся, позволяющим обобщить, систематизировать и усовершенствовать языковой опыт более полноценно с точки зрения его образовательной функции. А произносительная культура, как уже отмечалось, затрагивает область всех видов речевой деятельности, взаимосвязана со всеми аспектами языка.

Исходным специфическим признаком интегративной основы совершенствования произносительной культуры студентов первых курсов нефилологических специальностей при изучении русского и английского языков мы рассматриваем коммуникативный компонент. На всех уровнях и этапах работы конечным результатом должно стать качественное преобразование речи студентов через совершенствование произносительной стороны речи.

Интеграция в нашем исследовании осуществляется на разных уровнях:

1. Внутрпредметная интеграция. Ее особенностью является то, что проблема соблюдения произносительных норм не теряется из поля зрения студентов, а расширяется и углубляет круг связанных с ней знаний на протяжении всего курса изучения как русского, так и английского языков. Происходит все большее усложнение соотношений элементов языка при изучении новых тем.

Так, говорение немислимо без аудирования, связь которых обусловлена сложной мыслительной деятельностью с опорой на внутреннюю речь. Говорение связано с письмом, так как то, что обучающийся пишет, он проговаривает про себя или во внутренней речи, а иногда и шепотом. Чтение связано с говорением посредством внутренней речи и представляет собой проговаривание про себя при чтении вслух, а чтение про себя – внутреннее слушание и внутреннее проговаривание одновременно. Письмо связано с чтением наличием графической системы языка. При письме и при чтении устанавливаются графемно-фонемные соответствия, с той разницей, что они имеют разную направленность: при чтении от букв к звукам, а при письме идет кодирование мысли с помощью графических символов в виде букв и соответствующих знаков препинания, а при чтении – их декодирование или дешифровка. Связь аудирования с письмом проявляется в том, что в процессе письма человек проговаривает и слышит то, что пишет. Аудирование и говорение связаны тем, что реализуют устное общение, чтение и письмо – письменное. Поскольку все виды речевой деятельности взаимосвязаны, то это так или иначе отражается на обучении произношению.

2. Межпредметная интеграция. За содержательную единицу обучения берется определенная тема, которая непосредственно связана с темами другой учебной дисциплины.

Часть знаний, полученных при изучении одного предмета, используется при прохождении материала на другом занятии, ведь интерференция, как известно влияет на изучение языков как отрицательно, так и положительно. То есть интеграция – это процесс сближения и связи отдельных систем (тем, знаний) в единое целое.

Для анализа эффективности формирования произносительной культуры на основе коммуникативного подхода важно установить компоненты (структурные единицы), взаимодействие которых и обеспечивает получение соответствующего интегрального результата. Основными компонентами мы считаем:

1) коммуникативный подход, который лежит в основе работы по совершенствованию произносительной культуры студентов, изучающих русский как родной и английский как иностранный. Поскольку конечной целью обучения русскому и английскому языкам является формирование коммуникативной компетенции, то процесс формирования коммуникативной компетенции должен осуществляться во всем многообразии его связей и отношений на основе интеграции фонетики с другими аспектами языка и всеми видами речевой деятельности.

2) все фонетические умения и навыки, подлежащие к усвоению при изучении русского и английского языков, формируются и совершенствуются в интегративном пространстве, то есть во взаимодействии друг с другом.

3) единство материала для обучения студентов произносительным нормам. Для работы студентам предлагается определенный фонетический минимум, отобранный в соответствии с принципами отбора фонетического материала, который ложится в основу предлагаемых для студентов упражнений.

4) типология упражнений, предложенная в настоящем исследовании, представляет собой систему, в которую включены большинство видов упражнений (языковых, условно-речевых, речевых), при помощи которых возможно совершенствование произносительной культуры изучаемых языков. В данной системе предусмотрены как одноязычные, так и двуязычные упражнения. При этом каждый вид упражнения несет в себе некую коммуникативную нагрузку, что сближает процесс обучения с простым речевым общением.

5) интеграция двух языков, родного и иностранного. Только в сравнении, взаимодействии двух фонетических систем возможна более плодотворная работа над произносительной культурой. При совершенствовании произносительной культуры студентов на английском языке необходим перенос знаний о фонетической системе русского языка для выявления различий и сходств, ведь при сознательном изучении какого-либо языкового явления усиливается прочность его усвоения. И, наоборот, на занятиях по русскому языку

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что интеграция (внутрипредметная и межпредметная) в современном содержании образования является одним из необходимых условий, способствующих не только интенсификации, систематизации, оптимизации учебно-познавательной деятельности, но и органичному целостному развитию личности, ее культурному развитию.

Таким образом, необходимо отметить, что стабильность параметров произносительной стороны говорения (акустического, моторного и смыслоразличительного) есть основа произносительной нормативности речи. В рамках коммуникативного обучения важны способы взаимодействия этих параметров в речи, поскольку фонетические единицы взаимозависимы. Изложенное выше позволяет констатировать, что обеспечение требуемых произносительных характеристик речи в условиях коммуникативного обучения возможно только при учете системного характера произносительной основы речи.

Но при всей значимости этих параметров речи они должны быть адекватны требо-

ваниям общения. Человек подсознательно использует речевую прагматику, то есть потенциальную способность речевых единиц воздействовать на собеседника для решения речевых задач. Естественно, что при этом речевые средства действуют в единстве.

Произносительная сторона речи слита в говорении с другими ее сторонами. В то же время у нее есть своя функциональная нагрузка. Речевой опыт свидетельствует о том, что в случае недостаточной эффективности речевого воздействия общая тактика говорящего заключается в обеспечении понятности и выразительности высказывания, в частности за счет более четкой артикуляции, ритмической и интонационной организации речи, за счет усиления громкости звучания, паузации и так далее, другими словами, за счет усовершенствования ее произносительных характеристик. При таком понимании прагматической значимости в реальном общении произносительных характеристик речи обучение иноязычному произношению (в нашем случае английскому) есть адаптация артикуляционно-го аппарата обучающихся к новым средствам речевого воздействия.

Библиографический список

1. Прохорова И.О. Фонетика в аспекте речевой деятельности. [Текст] / И.О. Прохорова // Лингвистические и лингводидактические основы обучения русскому языку как иностранному. К 30-летию ФПК: Сб. статей.- М., 1997. - С. 46.
2. Бебчук, Е.М. Орфоэпия. [Текст]/ Е.М. Бебчук.– Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2004. – 89 с.
3. Богоявленский, Л. Место орфоэпии в школьной работе. / Л. Богоявленский [Электронный ресурс] / Л. Богоявленский. – Электр.дан.- Родной язык в школе.- 1926.- №9. - Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/pedagogics/00007026_0.html
4. Жинкин, Н.И. Механизмы речи. [Текст] / Н.И. Жинкин – М.: АПН РСФСР, 1958. - 370с.
5. Губницкая, И.А. Стихи и песни на уроках английского языка. [Текст] / И.А. Губницкая// ИЯШ.- 1981.- №2. - С. 53-55.
6. Колкер, Я.М. Обучение восприятию на слух английской речи. Практикум. [Текст] / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова – М.: АCADEMA, 2002. – 336 с.
7. Бернштейн, С. И. Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам). [Текст] / С.И. Бернштейн // Вопросы фонетики и обучение произношению. – М., 1975. – С. 17.
8. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению.- 2-е изд. [Текст] / Е.И. Пассов - М.: Просвещение, 1991.- 223с.
9. Дорохина, Т.Н. Характеристика системы упражнений для совершенствования произношения студентов нефилологических специальностей в рамках коммуникативного подхода. [Текст] / Т.Н. Дорохина // Сборник материалов межвузовского научно-практического семинара «Формирование коммуникативной компетенции обучающихся в процессе изучения филологических дисциплин» 16 декабря 2009 г. – Орёл, Орловский юридический институт МВД России, 2009.- С.51-55
10. Скороходова, Т.Н. Интегративная основа совершенствования произносительной культуры студентов первых курсов нефилологических специальностей при изучении русского и английского языков. [Текст] / Т.Н. Скороходова // Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языка. Материалы международной научно-практической конференции.-Орёл, ПФ «Картуш», 2008.- С.86-90

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

I. Heidrun

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: НЕМЕЦКО-РУССКИЕ СТАНДАРТЫ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Предлагаемая вниманию читателя статья затрагивает актуальную тему межкультурной компетентности в сфере деловых русско-немецких отношений. Расширение кросс-культурного кругозора придаёт уверенности в международном общении и уменьшает риск ошибок при работе с иностранцами. Автор исходит из того, что немцы и русские видят себя и друг друга сквозь так называемые «культурные очки». Рассматривается понятие культуры в международном общении и её влияние на деловую жизнь.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурная компетентность; деловая психология, понятие культуры в международном общении, культурные очки, культурные параметры, немецкие и русские базовые ценности; коммуникативные барьеры.

I. Heidrun

INTERCULTURAL COMPETENCE: GERMAN-RUSSIAN CULTURAL COMPETENCE

Intercultural Management – bridging cultural differences between Germany and Russia

The proposed article provides an introduction to intercultural concepts by comparing German and Russian cultural standards, emphasizing the differences and showing their impact on professional life. This will help in avoiding intercultural misunderstandings while working across national boundaries. Through presentation and discussion of distinctive cultural dimensions like ‘power distance’ or ‘individualism versus collectivism’, knowledge is gained of Russian and German relevant values, their roots and influence on business behaviour and leadership styles.

Key words: Definition of culture in an intercultural context; cultural awareness; global business management; intercultural communication; cultural dimensions; German-Russian cultural standards.

1. Interkulturelle Kompetenz im internationalen Management

“Manager achten zu wenig auf Kultur“ so titelt das Handelsblatt, Fachzeitung der dt. Wirtschaft, am 06. Juni 2009.

“Andere Länder, andere Sitten“ – diese Lebensweisheit hat trotz zunehmender Internationalisierung nicht an Aktualität verloren. Unternehmen, Universitäten, Vereine und Verbände, die international erfolgreich sein wollen, können sich in unserer globalisierten und konkurrenzbestimmten Welt nicht mehr allein auf ihre Fachkompetenz und die Qualität ihrer Produkte und Projekte verlassen. Es bedarf in zunehmendem Maße der Ergänzung durch **interkulturelle Kompetenz**. Diese lässt sich als die Fähigkeit beschreiben, im Umgang mit Angehörigen anderer Kulturkreise andersartige Wahrnehmungen, Empfindungen, Urteile und Verhaltensweisen als Resultat unterschiedlicher kultureller Prägung zu erkennen, zu akzeptieren, zu analysieren und

dadurch kulturell bedingte Konflikte zu lösen bzw. bestenfalls zu vermeiden. Im Zeitalter von Internationalisierung und Globalisierung ist das eine wichtige Voraussetzung für erfolgreiche Gestaltung staaten- und kulturübergreifender Beziehungen. Interkulturelle Kompetenz ist eine überfachliche Kompetenz, die für viele Berufsfelder relevant ist. Sie gehört heute zu den Schlüsselqualifikationen im Ausbildungskanon der meisten deutschen Universitäten.

Deutsche Geschäftsleute in China oder Indien fühlen und sehen, dass sie sich in einer fremden Kultur bewegen. In Russland aber geht dieses Gefühl häufig verloren, da die Menschen sich dort auf den ersten Blick nicht von den deutschen Besuchern unterscheiden. Fliegt ein russischer Geschäftsmann jedoch nach Berlin wird er davon sprechen, dass er nach Europa fliege, so, als gehörten Moskau oder St. Petersburg nicht zum europäischen Teil der Welt. Geographisch ist die Zugehörigkeit zu Europa eindeutig, kann man doch in der Nähe von Jekaterinburg ein Denkmal bewundern, das die Grenze zwischen Europa und Asien markiert. Russland ist zwar kulturell und historisch eng mit Europa verbunden, hat aber vom byzantinischen Einfluss über die Tartarenherrschaft bis hin zum Kommunismus immer einen eigenen Weg gehen müssen. Daher darf alle Ähnlichkeit nicht darüber hinweg täuschen, das Land, Leute und Kultur Russlands sich vom Europa der Europäischen Union unterscheiden, und innerhalb dieser europäischen Dimension wiederum von Deutschland unterscheiden. So erlebte ich Anfang 2000, dass ein Verhandlungserfolg einer deutschen Firma mit russischen Partnern fast gefährdet wurde, weil der Deutsche beim abendlichen Umtrunk einen Toast auf die großen Leistungen Gorbatschows für den Transformationsprozess in Russland ausbrachte. Er verkannte dabei jedoch die innenpolitische Gefühlslage der meisten Russen zu den Reformen der 90er Jahre. Die große Verehrung, die man Gorbatschow in Deutschland entgegenbringt, wird in Russland meist nicht geteilt.

Um solche Kommunikationsbrüche und ihre oft unkalkulierbaren Folgen zu vermeiden, begann man im Rahmen einer interkulturellen Managementforschung verschiedene Komponenten der Geschäftsetikette zu analysieren und als „to-do-Listen“ bzw. Benimmregeln dem interessierten Unternehmer an die Hand zu geben. Auch im Bereich der staatlichen Unternehmen und im privaten Bereich der Bürger erlangten solche „soft skills“ angesichts des zunehmenden Tourismus und wachsender Multikulturalität im Inland immer größere Bedeutung.

Wesen und Wirkungsweise interkultureller Kompetenz lassen sich jedoch nicht durch eine Auflistung von social skills, sondern nur durch den kulturhistorischen Blick auf die national unterschiedlichen Verhaltensweisen und ihre Motive erfassen. Praktisch relevant sind besonders die Auswirkungen auf die Geschäftskultur und das kulturell geprägte Management. Den Terminus „Geschäftskultur“ beziehen wir dabei nicht nur auf Wirtschaftsunternehmen; werden doch heutzutage auch erfolgreiche staatliche Unternehmen nach effektiven Managementstrategien geleitet

Kulturelle Werte und Management

Kultur als kollektives System von Normen, Denkweisen und Wertvorstellungen haben im Arbeitsprozess Einfluss auf:

- **Personalführung:** Kontrolle; Motivation, Arbeitsstil.
- **Planung:** langfristig oder kurzfristig?
- **Entscheidungsfindung:** autoritär oder demokratisch?
- **Besprechungsführung:** „Hackordnung“ oder jeder gleichberechtigt
- **Verhandlungsführung:** Verbindlichkeit der Agenda
- **Werbung im Ausland:** Wirkung von Symbolen und Bildern?
- **Auslandsentsendung:** fachliche oder soziale Kompetenz?

Im Zuge der Internationalisierung der Managementprozesse ergab sich mehr und mehr die Notwendigkeit, Einzelkulturen zu vergleichen und sich auf interkulturelles Agieren vorzubereiten - also interkulturelle Kompetenz zu erwerben.

2. Kultur ist

Bis 2006 war das Adjektiv „interkulturell“ im Duden, dem Nachschlagewerk zur deutschen Sprache, noch nicht als Schlagwort zu finden, obwohl es als Attribut zu vielen aktuellen Begriffen wie „Kompetenz“, „Kommunikation“, „Management“ verwendet wird. Motiviert ist „interkulturell“ durch das Lexem Kultur. Der Begriff **Kultur** ist jedoch semantisch und definitivisch äußerst schwer zu erfassen. Je nach Forschungsgebiet kommt man zu unterschiedlichen Komponenten und Sichtweisen. Die Anthropologen Kroeber und Kluckhohn haben bereits Anfang der 50er Jahre in einer umfangreichen Literaturanalyse 164 verschiedene Definitionen des Begriffs Kultur zusammengetragen [1,S.43]. Die Kulturanthropologie unterscheidet eine materiale, soziale und mentale Dimension von Kultur. So ist „Kultur im wesentlichen zu verstehen als ein System von Konzepten, Überzeugungen, Einstellungen und Wertorientierungen, die sowohl im Verhalten und Handeln der Menschen als auch in ihren geistigen und materiellen Produkten sichtbar werden.“ [2,S.16]. Für den Bereich der interkulturellen Kommunikation findet die klassische Definition des holländischen Kulturpsychologen Geert **Hofstede** große Akzeptanz, die er 1980 in „Cultures’s Consequences“ vorgestellt hat. Kultur wird hier als ein gruppenspezifisches, kollektives Phänomen von gemeinsam geteilten Werthaltungen definiert. Kultur wird einerseits als ererbt und andererseits als erlernt begriffen, erlernt in einem Prozess der gesellschaftlichen Programmierung. „Sie ist die kollektive Programmierung des Geistes, die die Mitglieder einer Gruppe oder Kategorie von Menschen von einer anderen unterscheidet. [3,S.4]. Die Quellen unserer mentalen Programme liegen nach Hofstede im sozialen Umfeld und manifestieren sich in Symbolen (Sprache, Gesten...), Ritualen (Fest- und Feiertage...) und Wertorientierungen, dem eigentlichen Kern seines Kulturbegriffs. Das Kulturphänomen wird metaphorisch oft mit einem Eisberg verglichen, dessen größter Teil unter Wasser verborgen bleibt. Die sichtbare Spitze beinhaltet kulturelle Artefakte, wie Symbole (Sprache...), Rituale (Feiern...), Sprache, Kleidung, Essen, Architektur, Kunst usw. Diese reflektieren jedoch nur tiefer liegende Schichten der Kultur, d.h. die zugrunde liegenden, meist unbewussten und internalisierten Wertvorstellungen, Normen, Denkweisen und Einstellungen [4, S.281]. Stoßen zwei „Eisberge“ aufeinander, dann sind es diese unsichtbaren Schichten, die zum Zusammenprall führen und im schlimmsten Falle die Titanic sinken lassen. Konfliktsituationen entstehen erst aus der Konfrontation der gewohnten, eigenkulturell geprägten Denk- und Verhaltensmuster mit den Handlungsweisen und Bewertungsmustern der fremdkulturell geprägten Interaktionspartner.

Beispiel: Im Jahre 2005 flog der damalige deutsche Außenminister Joschka Fischer an einem regnerischen Berliner Novembertag zu Gesprächen nach Saudi-Arabien. In den Atmosphäre stiftenden Vorgesprächen lobte er das tolle Wetter in Riad, den blauen Himmel und den Sonnenschein im November. Die Saudis antworteten ihm mit einem gequälten Lächeln: „*wir können uns einfach nicht verstehen. Sie preisen Sonne und wir beten um Regen.*“

3. Kulturbrille – Wertediskussion - Kulturstandards:

Kulturelle Kompetenz beginnt mit kultureller Empathie. Die Fähigkeit, sich in andere Menschen einzufühlen, basiert auf der bewussten Wahrnehmung kultureller Unterschiede. Dies erfordert eine erhöhte Sensibilität gegenüber dem eigenen Verhalten, den eigenen kulturellen Werten. Die Werte-Diskussion insgesamt hat in den Diskursen innerhalb der deutschen Gesellschaft auf dem Hintergrund von Globalisierung und Migration sehr an Bedeutung gewonnen, sowohl auf der Ebene der Wirtschaft als auch in der Politik (vgl. Grundwertediskussion zum Thema Leitkultur im deutschen Bundestag am 02. 12. 2004)

Kultur im Sinne von gemeinsam geteilten Werten wird innerhalb einer Gesellschaft meist

als etwas Selbstverständliches empfunden. Wir sind uns unserer eigenen kulturellen Prägung häufig nicht bewusst: Wir sehen uns und die anderen durch den Filter unserer eigenen kulturellen Konditionierung, durch eine so genannte „Kulturbrille“ (культурные очки).

In meinen zahlreichen Lehrveranstaltungen mit ausländischen, meist russischen Studierenden werden die deutschen Studierenden aus der Außensicht als pünktlich, arbeitsam, ordentlich, klug und ziemlich sparsam beschrieben [5, S. 65]. Symbolisch für Werte des deutschen Alltags erscheinen den osteuropäischen Beobachtern die drei G's: Gesundheit, Glück und Geld. Und tatsächlich manifestiert sich diese drei G's im Straßenbild einer beliebigen deutschen Groß- oder Kleinstadt in einer Häufung von Apotheken, Reisebüros und Banken. Während die Deutschen sich selbst insgesamt als fleißig, organisiert, ordentlich, pünktlich, gesetzestreu, ehrlich und zuweilen etwas überheblich begreifen [6, S.22/5, S.63] werden sie aus der internationalen Außensicht oft zu pedantischen, arbeitswütigen, taktlosen und rechthaberischen „Kartoffelessern“ degradiert. Die produzierende Wirtschaft dagegen punktet mit den oben genannten Werten wie Genauigkeit, Sorgfalt und Zuverlässigkeit. Die daraus resultierenden Qualitätsstandards sind Image stiftend für die deutsche Industrie und gelten auf dem globalisierten Weltmarkt als klares Konkurrenzkriterium. Wir sehen hier die Ambivalenz der Werte je nach Kulturbrille und funktionaler Positionierung des Betrachters.

Die deutsche „Kulturbrille“

Nicht-deutsche Kulturen bezeichnen als „typisch-deutsch“

- **Sachlichkeit und emotionale Distanz:**

Fakten und Arbeitsaufgaben sind wichtiger als Empfindungen und Beziehungen. Kritische und selbstkritische Haltung. „*Lass die Kirche im Dorf!*“

- **Ordnung, Struktur, pedantische Planung und Regeln:**

Zeit- und Arbeitsplanung im privaten und dienstlichen Bereich. Termine, Kalender, Pünktlichkeit. „*Eins nach dem anderen.*“ „*Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen.*“

- **Gründlichkeit, Fleiß und Pflichtbewusstsein:**

Trennung von Arbeits- u. Lebensbereich. Nur im Privaten darf man loslassen. „*Erst die Arbeit dann das Vergnügen!*“ „*Dienst ist Dienst und Schnaps ist Schnaps.*“

- **Direkte Kommunikation, Besserwisserei**

Sagen, was Sache ist; direkt u. offen: „*auf gut Deutsch*“. Präzise Formulierungen. Argumentationskultur. [6, S.22; 7 S. 131].

Der interkulturell orientierte Psychologe Alexander Thomas prägte für solche kulturdeterminierten typischen Verhaltensweisen den Begriff **Kulturstandard**.

„Kulturstandards sind Arten des Wahrnehmens, Denkens, Wertens und Handelns, die von der Mehrzahl der Mitglieder einer bestimmten Kultur für sich und andere als normal, typisch und verbindlich angesehen werden. Eigenes und fremdes Verhalten wird aufgrund dieses Kulturstandards gesteuert, reguliert und beurteilt [8, S. 25]. Er definiert sieben deutsche Kulturstandards [8, S. 26]:

1. Sachorientierung
2. Regelorientierung
3. Direktheit /Wahrhaftigkeit
4. Interpersonale Distanzdifferenzierung
5. Internalisierte Kontrolle
6. Zeitplanung
7. Trennung von Persönlichkeits- und Lebensbereichen

Solch ein Kanon von Kulturstandards mit Innen- und Außensicht lässt sich auch für russische Kulturträger aufstellen. Umfragen unter Studierenden ergaben im Self-Awareness-Test, dass sich die russischen Studenten als gutmütig, fröhlich, etwas faul und unorganisiert, klug und gast-

freundlich bezeichnen. Den deutschen Studenten erscheinen ihre russischen Kommilitonen als sehr gastfreundlich und trinkfreudig, fröhlich, traditionsbewusst, bescheiden, im Studium etwas passiv, und sehr familienorientiert. Ich habe die Umfragen bewusst bei Studierenden durchgeführt, da diese aufgrund ihres Alters und des direkten Umgangs mit Studierenden der anderen Nationalität noch relativ „stereotypenresistent“ sind. Natürlich wird hier nur eine kleine soziale Schicht erfasst. Es gibt jedoch eine Vielzahl von Publikationen, die sich mit den russischen Werten und Verhaltensweisen unterschiedlicher sozialer Schichten befassen [6, S. 15; 9, S.45; 10, 90].

Als typisch **russische**, kulturgeprägte **Kulturstandards** gelten:

- Neigung zur extremen Polarisierung (Arbeitswut /“avral“/und Lethargie; Güte und Härte; Stolz und Selbstzweifel)
- Hang zum Fatalismus - Passivität – Duldungsbereitschaft – Aberglauben «*Поживём – увидим!*» «*Человек предполагает, а бог располагает*». *В то же время: На бога надейся, а сам не плошай; Под лежащий камень вода не потечет; Как потопаешь, так и полопаешь; Не Боги горшки обжигают; Смелость города берет и т.п.*
- Vorsicht / Misstrauen gegenüber dem Staat und seinen Behörden und gegenüber Ausländern
- Gastfreundschaft, Herzlichkeit, Mitgefühl: «*Что есть в печи, на стол мечи*».
- Emotionalität und Sentimentalität
- Familien- und Gruppenorientierung: «*Будьте как дома*», «*Мы все здесь как одна большая семья*» и т.п.

4. Kulturstandards - Kulturdimensionen

Im Zuge der Internationalisierung der Wirtschaftsprozesse ergab sich mehr und mehr die Notwendigkeit, sich auf die konkreten Partner einzustellen. Man suchte nach einem Verfahren, ganze Kulturen miteinander zu vergleichen, um Interaktionen zu optimieren. Soziologie, Kulturanthropologie und die sich entwickelnde interkulturelle Managementforschung suchten nach einer Methode, das theoretische Konstrukt Kultur nach bestimmten Parametern aufzuspalten, um Strukturmerkmale von Einzelkulturen analysieren und vergleichen zu können. Die bekannteste Studie zu dieser Thematik stammt von dem Holländer G. Hofstede. In umfangreichen empirischen Untersuchungen, die er zuerst in den Jahren 1968 und 1972 bei ca. 117000 statistisch vergleichbaren Mitarbeitern des IBM-Konzerns in 53 Ländern durchführte, kam er zu dem Ergebnis, dass es im wesentlichen vier komplexe Faktoren – sog. **Kulturdimensionen** – sind, aus denen sich Welt- und Menschenbild einzelner Kulturen und in Anwendung auf die Unternehmenstätigkeit auch Arbeitsweisen und Führungsstile ableiten lassen:

- 1. Machtdistanz**
- 2. Individualismus / Kollektivismus**
- 3. Maskulinität / Feminität**
- 4. Unsicherheitsvermeidung**

Russland war in den 70er Jahren noch nicht in die Analysen einbezogen und man orientierte sich für Osteuropa mehr oder weniger kritiklos an den Umfrageergebnissen zu Jugoslawien. Später gab es bis 2002 zahlreiche Wiederholungsstudien mit einem erweiterten Länderspektrum; einschließlich Russland und anderer osteuropäischer Staaten. und anderen Zielfirmen [3, S. 32;35]. Als Ergebnis der Wiederholungsstudien fügte Hofstede den ursprünglichen vier Dimensionen noch eine fünfte Dimension hinzu: **Langzeit-/ Kurzzeitorientierung**.

Bis heute gelten die fünf Kulturdimensionen von Geert Hofstede als Modell zur Beschreibung kultureller Unterschiede zwischen Nationen und daraus resultierenden verschiedenen Ar-

beitsweisen und Führungsstilen. Sie wurden durch Zusatzkriterien wie **Zeit-** und **Raumorientierung** sowie **Kontextualität** erweitert.

In Russland führte der Soziologe Шихирев [11, S.169] Untersuchungen zur russischen Unternehmenskultur anhand folgender Parameter durch:

- Individualismus – Kollektivismus
- Personen – Sachorientierung
- Demokratischer – autoritärer Führungsstil
- Poly – Monoaktivität
- Enger – weiter Kontext
- Emotionalität – Rationalität
- Orientierung auf den eigenen – gegenseitigen Vorteil
- Monologischer – dialogischer Verhandlungsstil.

Soziokulturell geprägte russische bzw. deutsche Kulturstandards prägen die oben erwähnten globalen Kulturdimensionen, von denen wir zwei näher betrachten wollen:

5. Kulturdimension „Machtdistanz“ und ihre Auswirkungen auf die Geschäftspraxis

5.1. Zum Begriff Machtdistanz

Machtdistanz wird definiert als „das Ausmaß bis zu welchem die weniger mächtigen Mitglieder von Institutionen bzw. Organisationen eines Landes erwarten und akzeptieren, das Macht ungleich verteilt ist“ [3, S. 59]. Machtdistanz kann in gesellschaftlichen Institutionen wie der Familie, Schule und staatlichen Organisationen und Behörden sowie auch in Wirtschaftsunternehmen gemessen werden. Als Gradmesser für die Ungleichheit der Gesellschaft gilt der **Machtdistanzindex (MDI)** [3, S. 53]. Er gibt an, welche Akzeptanz es für Macht- und Autoritätsunterschiede sowie für Hierarchiegefälle in einer Kultur gibt. So haben nach den umfangreichen Untersuchungen Hofstede die asiatischen, osteuropäischen, lateinamerikanischen und arabischen Länder relativ hohe Machtdistanzwerte (auch Frankreich!) – die skandinavischen und die drei deutschsprachigen Länder sowie Großbritannien, Israel und die USA relativ niedrige MDI [3, S. 56]; vgl. **Russland(MDI:93)** - China(80) - Frankreich(68) - **Deutschland(35)** – Israel (13). Ein praktisches Beispiel für niedrigen MDI in Israel: Aus dem Innern eines Hauses beobachtete ich durchs Fenster, wie im Garten ein Professor mit seinem Gärtner erregt diskutierte. Die Sprache selbst konnte ich nicht verstehen. Jedoch weder an der Kleidung noch an der Mimik oder Gestik oder der Lautstärke des Gesprächs ließ sich die soziale Position der Diskussionspartner ableiten. Wer ist der Professor und wer ist der Gärtner?

5.2. „Machtdistanz“ in Elternhaus und Schule:

Das Verhalten einer Führungskraft ist die Fortsetzung ihrer Erfahrungen, die sie in der Familie und in der Schule gemacht hat. Insofern kann man davon ausgehen, dass auch in der Erziehung **in Elternhaus und Schule** sowohl in Deutschland als auch in Russland unterschiedliche Kulturstandards zum Tragen kommen.

In Deutschland werden Kinder und Schüler durch Eltern und Lehrer mehr oder weniger gleichberechtigt und partnerschaftlich behandelt und zur Unabhängigkeit und Eigeninitiative erzogen (Extremfall: antiautoritäre Erziehung). In der idealen Familie bestehen unter den erwachsenen Mitgliedern keine gegenseitigen Abhängigkeiten. Auch der Lern- und Erziehungsprozess in den Bildungseinrichtungen ist schülerorientiert. Schüler werden in einem mehr sachorientierten Unterricht zu Eigeninitiative, Diskussionsbereitschaft und Kritikfähigkeit auch gegenüber der Person des Lehrers erzogen. Körperliche Züchtigung jeglicher Art gilt als Kindesmissbrauch.

In Russland – einem Land mit hohem MDI – erwarten Eltern und Lehrer Disziplin und Respekt. Dafür umgeben sie die Kinder und Schüler mit großer Fürsorge und Hilfestellung. Mei-

ne deutschen Studierenden, die in russischen Gastfamilien untergebracht sind, erleben im Alter von ca. 22 Jahren ein ungewohntes Maß an Zuwendung und Unterstützung durch ihre russischen Gasteltern, dass sie oft sehr positiv empfinden, zuweilen aber auch als Bevormundung erleben. Den gleichen Eindruck vermittelt ihnen die engmaschige Betreuung durch die russischen Hochschullehrer. Gegenteilige Erfahrungen machen die russischen Studierenden an den deutschen Hochschulen. Sie fühlen sich häufig orientierungslos und haben Probleme, den deutschen Studienablauf selbständig und effektiv zu organisieren. Deutsche Dozenten erwarten Unabhängigkeit und Eigeninitiative der Studierenden. Sie leisten Hilfestellung nur auf Nachfrage, denn sie wollen den erwachsenen Studierenden nicht bevormunden, ihn nicht in seinen Entscheidungen einschränken. Wegen des großen Machtdistanzunterschieds bitten russische Studierende jedoch erst bei großer Problemhäufung um Rat und Hilfe.

5.3. Machtdistanz im interkulturellen Management:

Die Kulturdimension Machtdistanz ist für die Bewältigung grundlegender Managementaufgaben, insbesondere von Führungsaufgaben, von entscheidender Bedeutung. Unterschiedliche Auffassung von Führung sind eine weit verbreitete Ursache für Konflikte und geschäftsschädigende Fehlkommunikation.

Deutschland gehört zu den Ländern mit geringem MDI. Geringe Machtdistanz bedeutet begrenzte Abhängigkeit der Mitarbeiter vom Vorgesetzten und geringe emotionale Distanz. Der Vorgesetzte ist immer ansprechbar, der Mitarbeiter traut sich, zu widersprechen. Es wird ein konsultativer Arbeitsstil bevorzugt. Teamarbeit, Rundtischgespräche, gemeinsame Problemlösungsstrategien sind an der Tagesordnung. Erwartet wird ein aktives und kritisches Mitdenken der Mitarbeiter. Damit wird das fachliche Potenzial der Mitarbeiter genutzt, die Verantwortung auf horizontalen Leitungsebenen verteilt, wenn auch letztlich der Leiter die Hauptverantwortung trägt und die endgültige Entscheidung fällt oder unterstützt. Deutschland favorisiert damit einen partizipativ- demokratischen Führungsstil: das Führen durch gemeinschaftlich aufgestellte Zielvereinbarungen für einzelne Organisationseinheiten des Unternehmens (Management by Objectives). Je höher jedoch der MDI in einer Kultur ist, desto begrenzter ist MbO als Führungskonzeption anwendbar. Das stellt an Führungskräfte aus Deutschland, die den MbO-dominierten Führungsstil gewöhnt sind, besondere Anforderungen an die so genannten weichen Faktoren der Führungskompetenz wie Kommunikationsfähigkeit, Flexibilität und Toleranz sowie an die Fähigkeit, Mitarbeiter zu aktivieren und zu motivieren. Deutsche Firmenvertreter werden deshalb heutzutage oft durch interkulturelle Trainings auf ihr Wirken in Russland vorbereitet. Bei staatlichen Institutionen oder gesellschaftlichen Organisationen ist dies meist nicht der Fall.

In **Russland** wird in Übereinstimmung mit dem hohen MDI traditionell ein autoritär geprägter Führungsstil präferiert, mit autokratischer, bürokratischer oder patriarchalischer Ausprägung.

Dieser Stil beruht auf persönlicher Autorität und Integrität des Führenden (Management by Personality), im besten Falle einer wohlwollenden und kompetenten „Vater- und Vorbildfigur“ (vgl. Videoclip „takogo kak Putin“). Im politischen Leben wählt man Personen und nicht Parteien und ihre Programme. Autoritäre Führungspersonen können sich sogar eine eigene Partei gründen (vgl. Einiges Russland 2007).

Die **historischen Wurzeln** für diesen Führungsstil liegen in der russischen Kulturgeschichte begründet. Das zentralisierte Land wurde über Jahrhunderte im Rahmen einer Monarchie (vgl. Frankreich) von vielen Zaren weitgehend absolutistisch regiert. Erst im Jahre 1905 gab es für kurze Zeit ein erstes Parlament (Staatsduma) und erst 1993 wurde die Demokratie zum erklärten Grundprinzip der russischen Staatsordnung erhoben. Durch die fehlende demokratische Tradition und schlechte Erfahrungen der russischen Bürger nach der Auflösung der Sowjetunion in den 90er Jahren herrscht bei den meisten Russen ein zwiespältiges und desillusioniertes Verhältnis

zur Demokratie und eine zuweilen sehr eigene Auslegung vor. Im kulturellen Bewusstsein existiert weiterhin der „Ruf nach einer starken Hand“, einer kompetenten und moralisch integren

Führungsperson, welche die Verantwortung für alles trägt. Autoritätsglaube gehört durchaus zu den russischen Kulturstandards. Alle gesellschaftlichen Strukturen - einschließlich der Arbeitsbeziehungen - sind bis heute vorherrschend hierarchisch autoritär geprägt. Deutsche Führungskräfte, die über längere Zeit in Russland leben, bemerken die Zunahme von Machtpreferenzen in ihrem eigenen Auftreten gegenüber Untergebenen im dienstlichen und privaten Bereich. Manche betonen halb scherzhaft, sie müssten entweder für immer in Russland bleiben oder sich in Deutschland selbständig machen. Eine Reintegration in die deutsche Unternehmenskultur würde ihnen sicher schwer fallen. Hierarchie ist in Russland an Positionen und Personen gebunden. Positionsmacht geht häufig vor Expertenmacht. Entscheidungsinitiativen durch fachlich kompetente Experten werden häufig vermieden, um die Autorität des Chefs nicht anzutasten. Das Matrix-Denken deutscher Manager, in kleinen Teams mit einer hohen Kompetenzverteilung zu arbeiten, funktioniert in Russland eher nicht. Der russische Chef delegiert kaum Entscheidungsbefugnis. Er wird nicht primär als kompetenter Koordinator, Organisator und Motor für Synergieeffekte gesehen, sondern man erwartet von ihm volle fachliche Kompetenz in allen Bereichen. Seine Kompetenz und damit seine Autorität darf nicht in Frage gestellt werden.

Stolperstein: Auch rein fachliche Einwände oder kritische Bemerkungen sollten nicht vor anderen Mitarbeitern (Gesichtsverlust!), sondern nur unter vier Augen vorgebracht werden. Dieser Unterschied zeigt sich sogar in Trainingsveranstaltungen mit russischen Führungskräften. Im Unterschied zu deutschen Trainingsgruppen bleiben bei russischen Teilnehmern auch in der firmenexternen, geschützten Trainingsatmosphäre die Machthierarchien erhalten. Der russische Chef und Trainingsteilnehmer ist „Kontrolleur“ für die allgemeine Disziplin, trifft organisatorische Entscheidungen für die ganze Gruppe und übernimmt automatisch die Beantwortung schwieriger Fragen. Bei interaktiven Gruppenübungen schließt er sich zuweilen aus (Angst vor Gesichtsverlust!). Die gleiche Situation finden deutsche Vertreter auch bei Gesprächen und Verhandlungen mit russischen Führungskräften unterschiedlicher Fach- und Leitungsebenen. Der Generaldirektor verweist nicht auf die Fachkompetenz der anwesenden Fachdirektoren oder Experten, sondern trifft fachliche Entscheidungen selbst. Häufig müssen Verhandlungen deshalb vertagt werden, da der GD sich erst unter vier Augen mit den Fachdirektoren berät.

Führung kann nur in Ergänzung mit „Gefolgschaft“ existieren. Wie in den meisten direktiven Kulturen liegt das Problem nicht im Treffen von Entscheidungen durch die Führungskraft, sondern in der Exaktheit ihrer Umsetzung durch die untergeordneten Mitarbeiter. Entscheidungen passieren die Hierarchien von oben nach unten (top-down-management) bis sie irgendwo „hängenbleiben“.

Im Umgang mit russischen Mitarbeitern sind Überzeugungsarbeit, Hartnäckigkeit sowie beständiges Nachhaken und Einholen von Feedback als einer Form von Interesse und auch persönlicher Zuwendung außerordentlich wichtig. Wenn Zustimmung und Identifikation der Arbeitsgruppe einmal erreicht sind, wird nicht oft mit großem Einsatz, Talent und Kreativität an die Umsetzung einer Entscheidung gegangen. Der in Russland dominierende Führungsstil „Management by personality“ impliziert einen intensiveren persönlichen Kontakt zwischen Führungskraft und Geführten. Auch in Zeiten von „Downsizing“ ist bei der Planung des Personalbestands für eine Niederlassung in Russland von einer geringeren Leitungsspanne auszugehen als das im deutschen Stammunternehmen zunehmend der Fall ist.

Stolperstein: Deutsche Stammfirmen versuchen zuweilen, die Mitarbeiter ihrer russischen Niederlassungen über schriftlichen Direktiven, Emails und via Skype von Deutschland aus anzuleiten und zu kontrollieren. Der deutsche Chef erscheint nur gelegentlich vor Ort. Dieses Kosten sparende Modell funktioniert fasst nie. Es beruht auf einem deutschen Kulturstandard, der „in-

ternalisierten Kontrolle“ und eigenverantwortlichen Zeitplanung. Die Effektivität eines Führungsstils wird jedoch auch durch die kulturell bedingten Erwartungshaltungen des Personals

bestimmt. In Russland erwarten die Mitarbeiter die physische Präsenz eines Chefs, seine Entscheidung in Konfliktsituationen, klare Aufgabenzuweisung und Kontrolle und auch Fürsorgepflicht für ihre berufliche Entwicklung sowie Verständnis und Interesse für ihre persönliche Situation. Arbeits- und Privatsphäre werden nicht voneinander getrennt. Nur in großen Firmen der Schlüsseltechnologien mit jungen Mitarbeitern in den Zentren Russlands vollzieht sich allmählich eine Anpassung an westeuropäische Standards. Zwar fühlen sich jüngere Russen auch in patriarchalischen Unternehmenskulturen wohl und sind deutlich autoritätsfixierter als westliche Arbeitnehmer. Sie haben aber auch persönliche Freiheiten zu schätzen gelernt und legen im Verhältnis zur Obrigkeit durchaus kritische Bewertungsmaßstäbe an.

Empfehlung aus der Praxis: Deutsche Mitarbeiter in Russland können nicht automatisch auf Teamgespräche, Brainstorming oder Verbesserungsvorschläge der russischen Partner setzen. Auch bei Unklarheiten wird häufig nicht nachgefragt (Gesichtsverlust). Der Kontrollmechanismus zu Qualitätsstandards und Terminplanung von Projekten wird von deutschen Führungskräften im Umgang mit russischen Mitarbeitern häufig übersehen

Beispiel: Eine deutsche Filterfirma schickte 2007 ihre Techniker für zwei Tage nach Russland, um den russischen Technikern vor Ort Einbau und Wartung der aus Deutschland gelieferten Filtertechnik zu zeigen. Nach Vorführung und Erläuterung erhielten die deutschen Techniker auf Nachfrage von ihren russischen Kollegen die Rückmeldung, dass alles in Ordnung sei. Es gab keine Rückfragen. Für die deutschen Techniker war damit der Auftrag erledigt, sie reisten ab. Da der Einbau und Wartung trotz Unterweisung nicht richtig funktionierte, mussten sie noch einmal anreisen. Warum? Die russischen Techniker wollten nicht explizit nachfragen, um vor den ausländischen Kollegen nicht ihr „Gesicht“ zu verlieren. Die Deutschen wollten ihre russischen Kollegen nicht schulmeistern und bevormunden und keine Zeit verschwenden. Genaues Nachfragen, genaue Anweisungen und Übungen mit direkter Sichtkontrolle hätten die russischen Kollegen nicht beleidigt und den Schaden verhindert.

Tabelle 1

Fazit: Machtdistanz am Arbeitsplatz:

Gering Machtdistanz / Deutschland	Hohe Machtdistanz / Russland
1. Hierarchie = Ungleichheit aus funktionalen Gründen wird toleriert	1. Hierarchie = existenzielle und akzeptierte Ungleichheit
2. Delegation von Aufgaben und Verantwortung	2. Zentralisation von Entscheidungen, Verantwortung
3. Mitarbeiter werden in Entscheidungsprozesse integriert	3. Mitarbeiter erwarten Anweisungen und Vorschriften
4. wenig Aufsicht, internalisierte Kontrolle	4. mehr Kontrolle und Feedback, mehr Personal
5. Mitbestimmende Kommunikation, Eigeninitiative	5. Top-Down-Kommunikation, wenig Widerspruch.
6. idealer Chef – fähiger	6. idealer Chef = wohlwollender

Demokrat	Autokrat
----------	----------

6. Kulturdimension: Individualismus – Kollektivismus

6.1. Begriff und historische Wurzeln

Die Kategorie „soziale Bindungen“ zeigt die vorherrschende Art der Beziehung zwischen den Mitgliedern einer Kultur an. Ihre wichtigsten Ausprägungen sind Individualismus und Kollektivismus.

Individualismus impliziert ein lose verknüpftes, soziales Bindungsgefüge, innerhalb dessen Individuen ihren eigenen Interessen nachgehen und sich höchstens Familienangehörigen stark zuwenden. Ein wichtiges Erziehungsziel ist die Selbständigkeit der Kinder, die von einem bestimmten Alter an imstande sein sollen, ihre Belange selbst zu regeln.

Sein Gegenstück, der Kollektivismus, beschreibt Gesellschaften, in denen der Mensch von Geburt an in starke, geschlossene „Wir-Gruppen“ integriert ist, die ihn ein Leben lang schützen und dafür bedingungslose Loyalität verlangen[3, S.102]. Der Terminus „Kollektivismus“ trägt hier keine politische Bedeutung. Stark kollektivistische Kulturen organisieren ihre Kontakte nach horizontalen (Brüder-Schwestern-Cousins-Cousinen) sowie vertikalen (Großeltern-Eltern-Kinder) Beziehungen. Als erstrebenswerte Eigenschaft gilt ein hoher Grad an Anpassungsfähigkeit an andere Menschen und die Bereitschaft, in jeder neuen Situation Energie zunächst in Personenbezüge zu investieren. Kollektivismus wird begleitet durch den Kulturstandard „Personenorientierung“

Kaum überraschend haben die USA den höchsten Individualismus-Indexwert und stehen auf Platz 1 der 74 untersuchten Länder. Die deutsche Kultur wird als dominant – wenn auch nicht extrem – individualistisch eingestuft (Platz 18 von 74). Im Vergleich dazu besitzt die russische Kultur eher kollektivistische Züge (Platz 38 von 74) (ebd.S.105) Natürlich handelt es sich hier um Verallgemeinerungen, denn auch innerhalb einzelner Länder kann es in allen Kulturdimensionen große Schwankungen geben, z.B. zwischen der französischen und der deutschen Schweiz, zwischen dem flämischen und dem französischen Teil Belgiens, aber auch zwischen Ost- und Westdeutschland [12, S.64].

Historische Wurzeln für den deutschen Individualismus mit dem Kulturstandard „Sachorientierung“ liegen in der Rückbesinnung auf die griechisch-römische Antike, den römischen Rechtskodex sowie in der Zeit der Renaissance in Westeuropa. Hinzu kam in Deutschland die Reformation des Katholizismus durch Luther. Der Protestantismus favorisierte die Selbstbestimmtheit menschlichen Handelns, sachbetontes und rationales Denken. Durch das Verständnis der vom Lateinischen ins Deutsche übersetzten Bibeltexte wurde die gefühlsbetonte Religiosität auf eine intellektuelle Ebene verschoben. Andere deutsche Kulturstandards haben ihre historischen Wurzeln in der Jahrhunderte währenden Kleinstaaterei. Die Russen waren das Volk der großen Weiten, die Deutschen das Volk der Städte und Verordnungen, der engen Begrenzung. Das deutsche Pflichtgefühl hat sein Pendant in der Kleinkariertei. Die deutsche Zipfelmütze wird nicht nur in der russischen Literatur metaphorisiert («Не представь и немчурю с колпаком на волосах...»Пушкин «К Натале»). Auch Kulturstandards wie Disziplin und regelorientierte, internalisierte Kontrolle lassen sich bis auf das kaiserlich - militarisierte Preußen zurückverfolgen. Historische Wurzeln für den russischen Kollektivismus mit dem Kulturstandard Personenorientierung liegen schon in den geographischen Bedingungen des Landes; mit seiner unendlichen Weite (48 x größer als Deutschland) und seinem rauen Klima. Nur in der Gemeinschaft und mit Geduld und Langmut im Leiden konnte man überleben. Diese Fähigkeiten helfen den Russen auch durch die Krisen der Moderne. Bezogen auf die historischen Wurzeln des Kollektivismus verweist Litschev auf die russische Dorfgemeinde (мир), die kommunitäre Gemeinschaftlichkeit (соборность), die russische Weltanschauung als „Wir-Philosophie“ und Solidarität [10, S.41]. Die russische Kirche lehrte Geduld und Passivität. Da Kirche und Staat nicht voneinander getrennt wurden, hatte der Absolutismus der Zaren eine religiöse Legitimität und „Väterchen-Zar“ wurde im Volk als der Vertreter Gottes auf Erden betrachtet. Da die russischen Bau-

ern in einer feudalen Gesellschaftsordnung noch bis 1861 Leibeigene waren und nur wenige Jahrzehnte später unter Stalin wieder zwangskollektiviert wurden, konnten sich persönliche Initi-

ative und eigenverantwortliches, qualitätsorientiertes Handeln nie auf breiter Basis entfalten. Wer aus der Menge hervortrat, wurde in der russischen Geschichte meist bestraft und nicht belohnt. Die durch die russisch-orthodoxe Kirche gepredigte fatalistische Schicksalsbedingtheit förderte den paternalistischen und autoritären Führungsstil. Verantwortung wird in die Hände anderer gelegt. Man hofft auf Besseres, ist sich jedoch bewusst, dass es „bis zum Zaren viel zu weit und bis zu Gott viel zu hoch ist“ («до бога высоко – до царя далеко!»)

6.2. Individualismus und Kollektivismus im Management

Die Deutschen gelten aus der Sicht personenorientierter Gesellschaften als kühl und distanziert. Sie sind auf eine Sache, ein Projekt, konkrete Vertragsbedingungen, auf Zahlen, Daten und Fakten fixiert. Sie verhandeln mit einem Unternehmen und nicht mit einer Person; auch wenn sie es natürlich begrüßen, wenn sich die persönlichen Arbeitsbeziehungen positiv gestalten.

Deutsche trennen persönliche Befindlichkeiten von sachbezogenen Arbeits- und Lebensaspekten. Der beruflichen Pflicht kommt man in der Regel durch Selbstdisziplin und Selbstkontrolle nach. Hier wirken auch Kulturstandards wie internalisierte Kontrolle, Pflichtbewusstsein, Struktur und Zeitplanung. Das Privatleben wird vom Arbeitsalltag ferngehalten, die besten Freunde stammen meist nicht aus der Arbeitsgruppe. Vgl.: Sprichwörter wie: „Dienst ist Dienst und Schnaps ist Schnaps“.

Russland gehört zu den Ländern, in denen sich das Individuum als Teil einer Gruppe identifiziert. Dies äußert sich in einer starken Bindung innerhalb der Familie, einem Klassenkollektiv, einer Seminargruppe, einem Arbeitskollektiv, einem Freundeskreis, einem sozialen und beruflichen Netzwerk. Dieser Gruppe der „Eigenen“ (свои), denen man vertraut, steht die Gruppe der „Fremden“ (чужие) gegenüber, zu denen man sich weniger loyal verhalten darf. Dieses private Netzwerk (свои) war über Jahrzehnte lebenswichtig, da es keine funktionierende Dienstleistungssphäre gab und versachlichte Beziehungen zwischen Dienstleistern und Kunden schlecht funktionierten. Das private Netzwerkprinzip hat auch auf das Geschäftsleben abgefärbt, „das häufig auch auf persönlichen Kontakten, gegenseitigen Dienstleistungen, verdeckten Bartergeschäften und versteckten und offenen Schmiergeldern aufbaut“. Im russischen Business, sowohl im staatlichen als auch im privaten, bahnt sich immer auch das persönliche Geschäft seinen Weg. (Baumgart; Jänecke 200, S.80) Was in den Augen von Ausländern zuweilen als Korruptionssumpf erscheinen mag, ist für viele Russen nur ein System von Hilfsangeboten und gegenseitigen Verpflichtungen.

Empfehlung aus der Praxis: Erfolgreiche Geschäftsbeziehungen lassen sich in Russland vor allem über einen persönlichen Kontakt anbahnen. Man muss den Partner kennen und auch als Mensch akzeptieren können. Solche Kontakte bekommt man direkt auf Messen und Ausstellungen, auf Wirtschaftstagen und Kooperationsbörsen, auf Konferenzen oder Unternehmerreisen. Letztere ermöglichen nicht nur Kontakt zu russischen Firmen und Institutionen, sondern meistens auch den so wichtigen Zugang zu Entscheidungsträgern in Behörden. Jedoch der schnellste und wirksamste Weg, in Russland Verbindungen zu potenziellen Geschäftspartnern herzustellen, ist der über bereits geknüpfte Netzwerke. Persönliche Empfehlungen können einem nicht nur aufwendiges Suchen abnehmen, sondern auch wichtige Türen öffnen. Anonyme telefonische oder postalische Kontakte haben meist weniger Erfolg. Gelingt die Kontakthanbahnung wird der russische Partner Zeit und Energie investieren, um den Deutschen als Mensch und möglichen Geschäftspartner kennen zu lernen, wobei das gemeinsame Projekt oft noch ausgeklammert bleibt. Kenntnisse des deutschen Gesprächspartners zu Russland, seiner Geschichte, Kultur oder minimale Sprachkenntnisse bedeuten einen großen Sympathiegewinn! Die in diesen Beziehungsaufbau investierte Zeit (z.B. Firmenbesuche, Einladungen zu Veranstaltungen, ins Restaurant, nach Hause...) belastet das deutsche Zeitverständnis. Für Deutsche ist Zeit eine knappe Res-

source, die streng geplant und vor allem in Arbeitsaufgaben investiert wird. Auch für russische Führungskräfte ist Zeit eine wichtige Ressource, nur geht man anders mit ihr um. Zeit wird zuerst in den Aufbau von Beziehungen investiert und kann dafür später eingespart werden. Man baut hier an der Basis für eine tragfähige und belastungsfähige Geschäftsbeziehung. Dies gilt auch als ein Ausdruck der Wertschätzung gegenüber dem Partner. Hier ergibt sich oft ein Konfliktpunkt, wenn deutsche Firmen ihre Mitarbeiter zu Kurzbesuchen nach Russland senden und mehrere Besuche pro Tag einplanen. Sie bedenken dabei nicht, dass sowohl die Verkehrssituation in Russland, die Entfernungen und der Ausbau der Beziehungsebene ein viel größeres Zeitfenster erfordern und verärgern damit die russische Seite. Aufgewendete Zeit gilt in Russland als Ausdruck der Wertschätzung! Wirkliche Stabilität erlangt das russische Business dadurch, dass ständige Partner oft zu persönlichen Freunden werden. Und einen Freund zu betrügen, ist in der Regel undenkbar. Ihm hält man sogar bei schlechteren Konditionen die Treue – denn die Beziehung steht über dem Geschäft. Deswegen empfiehlt es sich nicht, bei Projekten und Verhandlungen mit beziehungsorientierten Russen, die zuständigen Ansprechpartner oft auszutauschen.

Stolperstein: In einer deutschen Firma mit russischen Mitarbeitern sollte Wert auf die Ausgestaltung der sozialen Beziehungsebene gelegt werden (Ausflüge, Geburtstage, Feste organisieren). Dabei ist es wichtig, die russischen Traditionen zu respektieren, aber auch Grenzen zu setzen und ein gewisses Maß an Distanz zu wahren, da sich für Russen die Grenze zwischen Berufsalltag und Privatleben extrem leicht verwischt. Viele Unternehmer haben beispielsweise schlechte Erfahrungen gemacht, unterstellte Mitarbeiter nach Hause einzuladen oder Verwandte von Mitarbeitern einzustellen

Beispiel: In einer kleinen Marketingfirma in Deutschland, die für Russland arbeitet, sind sowohl deutsche als auch russische Mitarbeiterinnen angestellt. Am 08. März stellen die russischen Mitarbeiterinnen nach kurzer Zeit und etwas verunsichert ihre Tätigkeit ein, um einen selbst zubereiteten Imbiss aufzubauen. Sie möchten feiern, die deutschen Mitarbeiterinnen setzen ungeschlüssig ihre Arbeit fort. Da der deutsche Direktor die russischen Feste und Traditionen kennt, weiß er, dass der 08. März in Russland ein wichtiger Feiertag ist (Frauentag), an dem am Arbeitsort auch wirklich gefeiert wird. Er ordnet an, dass sämtliche Mitarbeiter bis 14.00 Uhr arbeiten sollen und danach alle gemeinsam feiern werden. Er selbst spendiert Blumen, Torte und Sekt.

Tabelle 2

Fazit: Kulturdimension: Individualismus vs. Kollektivismus:

Tendenz Deutschland	Individualismus:	Tendenz Kollektivismus: Russland
1. Ich-Gefühl und Selbstverwirklichung		1. Wir-Gefühl und Gruppenorientierung
2. Strafe: Verlust der Selbstachtung /Schuld		2. Strafe: Verlust des „Gesichts“ / Scham
3. Aufgabe hat Vorrang vor Beziehung		3. Beziehung hat Vorrang vor Aufgabe
4. Gleiche Wertmaßstäbe gelten für alle: Universalismus		4. Wertmaßstäbe unterscheiden sich für die Gruppe und für Außenstehende: Partikularismus: свой – чужой
5. Konfliktlösung durch Diskussion und offene Meinungsäußerung		5. Streben nach Gruppenharmonie; Konflikte sind zu vermeiden.

Ausblick:

Der Wesensgehalt einer Kultur besteht aus historisch gewachsenen und selektierten Ideen und damit verbundenen Wertvorstellungen. Diese werden durch konkrete Kulturstandards reflektiert. Im Rahmen des vorliegenden Artikels haben wir einige wichtige Kulturstandards und ihre Auswirkungen auf die interkulturelle Praxis erläutert. Natürlich hält das Leben eine Vielzahl weiterer Situationen bereit, auf die man reagieren muss:

Tabelle 3

Ausgewählte Kulturstandards im Vergleich:

Normen /Werte	Deutschland	Russland
Macht / Status	muss sich legitimieren Leistung / Bildung	wird a priori akzeptiert Alter/Position/Bildung
Individualismus / Kollektivismus	Dominanz des Individuums „Ich“- Gefühl	Dominanz der Gruppe „Wir“- Gefühl
Verhalten	mehr rational Sachorientierung	mehr emotional Personenorientierung
Entscheidungsfindung	Konsensbildung	Senioritäts- oder Majoritätsprinzip
Regeln	sehr verbindlich	wenig verbindlich
Erfolg	individuell	gruppengebunden
Zeitorientierung	Trennung von Arbeits- und Privatleben	Verschmelzung von Arbeits- und Privatleben
Umgang mit der Zeit	Monochron. Pünktlichkeit ist absoluter Wert.	Polychron. Pünktlichkeit den Umständen entsprechend.

„In unserer globalisierten und konkurrenzbestimmten Welt sind nicht nur Fachkompetenz und hochwertige Produkte entscheidend für den Erfolg. Die gegenseitige Sympathie ist beim Umgang mit russischen Geschäftspartnern genauso wichtig. Sie stellt sich am ehesten ein, wenn man sich schon im Vorfeld mit politischen und kulturellen Hintergründen des ausländischen Partners vertraut macht und anderen Sitten und Mentalitäten mit Kenntnis, Toleranz und Respekt begegnet.“ (Handelsblatt am 19.07. 2008)

Literaturverzeichnis

1. Kroeber A.L.; Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions.- Cambridge, 1952.
2. Maletzke, G. Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. - Opladen, 1996.
3. Hofstede, G., Hofstede G.J.: Lokales Denken, globales Handeln. - München, 2006.
4. Perlitz, M. Internationales Management. - Stuttgart, 2000.
5. Rösch, O. Mit Stereotypen leben. Wie Deutsche und Russen sich heute sehen. In: Wildauer Schriftenreihe. Interkulturelle Kommunikation. Bd. 1 - Berlin, 2002.
6. Косов А.В. Фонарик для чужой души / А.В. Косов - Москва, 2007.

7. Коптякова Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев. // Политическая лингвистика. Вып. 1(24) – Екатеринбург, 2008. - С. 129-32.
8. стр.129-132 Thomas;Kinast;Schroll-Machl:(2005) Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Bd.1 Göttingen
9. Сергеева А. Какie my russkie? – 2006.
10. Litschev, A. Russland verstehen. Schlüssel zum russischen Wesen. - Düsseldorf, 2001.
11. Шихирев П.Н. Ведение в российскую деловую культуру // П.Н. Шихарев – Москва, 2000
12. Klein, G. Warum Ost- und Westdeutsche aneinander vorbeireden. - München, 2004.

Dr. Юдит Матяш
адъюнкт
Университет Пйчс, Венгрия
e-mail: matyas@ktk.pte.hu

Dr. Judit Matyas
assistant professor
University of Pecs, Hungary
e-mail: matyas@ktk.pte.hu

Dr. J. Matyas

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ ПОЛУЧЕНИЯ
ДВУХ ДИПЛОМОВ МЕЖДУ ХАГЕНСКИМ ЗАОЧНЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ
(ГЕРМАНИЯ) И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ФАКУЛЬТЕТОМ ПЕЧСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА В ВЕНГРИИ**

Согласно договору между факультетом экономики Университета г. Печс и Университетом заочного обучения в г. Хаген (Германия) студенты венгерского университета с 2001 г. параллельно с обучением в Венгрии могут также получить немецкий диплом Университета заочного обучения г. Хаген.

В статье представлены структура программы получения двух дипломов «Хаген-Печс», а также излагаются наблюдения и выводы, касающиеся успешного чтения иноязычной литературы по специальности.

Ключевые слова: международное сотрудничество, заочное обучение, дневное обучение, межкультурная коммуникация, чтение, методы чтения, креативность

Dr. J. Matyas

**INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN HAGEN UNIVERSITY OF
CORRESPONDENCE TRAINING (GERMAN) AND THE ECONOMICAL FACULTY
OF NUCR UNIVERSITY (HUNGARY) UNDER THE SYLLABUS OF GETTING
TWO DIPLOMAS**

Since 2001, students at the Faculty of Economics of the University in Pécs (Hungary) can study at the correspondence faculty in Hagen (University Hagen - Germany), too. It means that they can get a German degree parallelly with their Hungarian studies.

For successful distance learning, students need to read German professional texts

without dictionary, they must be creative, self-sufficient, be familiar with learning strategies, and the cultural differences between Hungary and Germany.

The problems of distance learning must be solved by teachers, too. Seminars can be organized where students can be prepared for the exams. It is very important for the teacher to be creative, to give advice and methods, strategies of learning and reading to the students.

Key words: German degree, distance learning, reading without dictionary, learning strategies, cultural differences

Einleitung

Beim Fernstudium in Hagen ist für die ungarischen Studierenden in Pécs wichtig, welche Charakteristika, Schwerpunkte das Fernstudium hat, weil es notwendig ist, sich darüber im Klaren zu sein.

Es ist zu beantworten und definieren, welche Fragen, Probleme auftreten können, die gegenüber dem Direktstudium speziell für das Fernstudium gekennzeichnet sind und mit denen sich die Studierenden konfrontieren bzw. konfrontiert werden müssen.

Im Beitrag möchte ich die Struktur des Doppeldiplomprogramms Hagen- Pécs, sowie meine Beobachtungen und Konsequenzen hinsichtlich des erfolgreichen Lesens von Fachliteratur vorstellen, die laut meiner früheren Erfahrungen und der neuesten Untersuchungen gezogen werden konnten und können.

Charakteristika des Fernstudiums

Grundlegende Unterschiede zwischen dem Direkt- und dem Fernstudium

Die Abweichungen im Vergleich zum Direktstudium, die als Kernprobleme beim Fernstudium erscheinen können, sind die folgenden:

- verstehendes Lesen von Fachtexten in Deutsch;
- selbständiges Lernen;
- Kreativität;
- kulturelle Unterschiede, Interkulturalität.

Das Lesen, die effiziente Verwendung des passiven Wortschatzes können als Grundbedingung des erfolgreichen Fernstudiums betrachtet werden.

Ausserdem sind auch die zum Lesen nötigen Sprach- und Fachkenntnisse auf hohem Niveau von wichtiger Bedeutung.

Nach dem Studieren der primären Fachliteratur und auf Grund meiner Unterrichtserfahrungen, habe ich festgestellt, dass das verstehende Lesen nicht nur beim Fern-, sondern auch beim Direktstudium, sowohl in der Mutter- als auch in der Fremdsprache ein zu lösendes Problem bedeutet.

Da das Lesen die Basis für ein erfolgreiches Lernen bedeutet, kann durch die Entwicklung der Lesefertigkeit auch ein effizientes Lernen erwartet werden.

Das Doppeldiplomprogramm zwischen der FernUniversität in Hagen und der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät Pécs

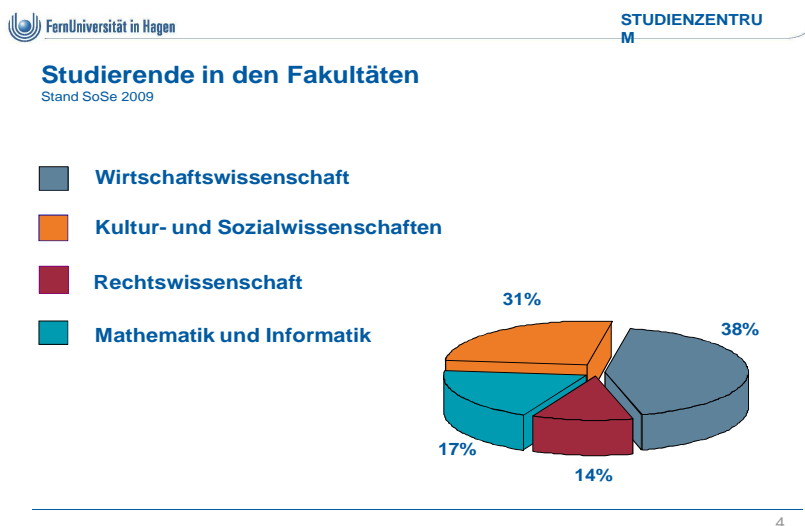
Die Fernuniversität in Hagen mit ihren zurzeit 67.000 Studierenden ist die grösste Universität in Deutschland. Die Universität hat vier Fakultäten:

- Wirtschaftswissenschaft,
- Kultur- und Sozialwissenschaften,
- Rechtswissenschaft,
- Mathematik und Informatik.

Was die Proportionen betrifft, rangiert die Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät mit 38% an der Spitze. Auf dem zweiten Platz liegt die Fakultät für Kultur- und Sozialwissenschaften mit 31%. Die Fakultät für Mathematik und Informatik hat einen Anteil von 17% und

die Rechtswissenschaft befindet sich an der letzten Stelle, sie hat einen Anteil in Höhe von 14% (www.fernuni-hagen.de)

Tabelle 1

Die Aufnahmekriterien in Hagen sind eine deutschsprachige Oberstufenprüfung, oder die Bestätigung darüber, dass der/die Studierende in der Mittelschule bzw. an der Universität mindestens 4 Jahre lang Deutsch gelernt hat.

Es ist möglich, auch an der FernUniversität in Hagen BA- und/oder MA-Studium zu absolvieren, BA- und/oder MA-Diplom zu erwerben. In dem alten, auslaufenden Diplom-Programm müssen 42 Kredite (SWS) (7 Module), in der BA- bzw. MA-Bildung 36 Hegener Kredite (SWS) (6 BA- bzw. MA-Module) erworben werden.

Während des Studiums ist es gar nicht nötig, nach Deutschland zu fahren, und über die Zeiteinteilung des Studiums, d.h. wann und welche Module aufgenommen, wann die Prüfungen abgelegt werden, können sich die Studierenden frei entscheiden.

Im Durchschnitt kann das Studium in Hagen in 3-4 Semestern absolviert werden.

Die in Pécs erfolgreich absolvierten Fächer der Grundausbildung werden in Hagen völlig anerkannt, und die in Pécs verteidigte, ins Deutsche übersetzte Diplomarbeit kann in Hagen als Abschlussarbeit abgegeben werden.

Es gibt nur schriftliche Prüfungen in den gewählten Modulen, die in Budapest abzulegen sind. Der Lehrstoff wird per Post/online gesendet.

Bisher haben alle in Hagen studierenden Pécs-er Absolventen sofort eine Arbeitsstelle gefunden, viele bei deutschen und deutsch-ungarischen Firmen.

Meinungen der Absolventen über das Studium und über die Chancen am Arbeitsmarkt

Das Fernstudium in Hagen bietet die Möglichkeit, ein vollwertiges deutsches Diplom zu erwerben. Die Hagener FernUni bietet verschiedene Fachrichtungen an, auf diese Weise können

die Pécs-er Studierenden ihre fachspezifischen Kenntnisse vertiefen, aber sie haben auch die Möglichkeit, andere Fachbereiche zu studieren. In beiden Fällen hat man enorme Vorteile auf dem Arbeitsmarkt [1].

Die in Ungarn ansässigen deutschen Firmen beschäftigen etwa 300.000 Menschen, und 30 % des ungarischen Exports fließen nach Deutschland! Als ich [1].in Deutschland nach einem Job suchte, wusste mein zukünftiger Chef außer Budapest und Plattensee nichts von unserem Land, aber umso mehr von Hagen! Vor kurzem habe ich mich mit dem Leiter der HR-Abteilung an meinem jetzigen Arbeitsplatz unterhalten, der mir verraten hat, dass das Management der Firma bei den Bewerbern in erster Linie darauf achtet, wer internationale Erfahrungen hat, wer früher auch im Ausland studiert hat. Ich empfehle solchen Studierenden das Studium in Hagen, die leichter eine Stelle in Ungarn oder auch im Ausland finden wollen, und auch den Studierenden, die ihr Studium in ihrem Heimatland mit internationalen Kenntnissen ergänzen, erweitern möchten, sowie auch denen, die die deutsche Wirtschaftssprache auf einem hohen Niveau sprechen und extra Wissen erwerben möchten

Bei der Hagerer Ausbildung handelt es sich um eine sich auf Fernunterricht spezialisierende, über professionelle Lehrstoffe verfügende und sich mit maximaler Flexibilität an die Ansprüche der Studierenden anpassende Bildungsstruktur [1].

Ich erinnere mich daran, welche Freude es mir bereitet hat, dass ich am Ende des Studiums eine völlig neue Gedankenweise, andere Meinungen von den einzelnen Fächern, Themen hatte, auch hinsichtlich meines Pécs-er Studiums. Ein konkretes Beispiel: bei meiner Vorbereitung auf die Marketing-Prüfung in Pécs konnte ich auch mein mikro- und makroökonomisches Wissen verwenden, weil die Hagerer Ausbildung weitaus mehr war, als das Einbüffeln der einzelnen deutschsprachigen Module. Beim Lernen in Hagen kann man sich nicht nur über ein bestimmtes Gebiet, sondern auch über dessen Verbindung zu anderen Wissenschaftszweigen umfassende Kenntnisse aneignen, und so erweitert sich auch das Fachwissensspektrum der Studierenden. Als ich in Deutschland gearbeitet habe, hat mich bei der Arbeit fast nichts überrascht, denn ich hatte die vielen deutschen Fachausdrücke und die aktuellen landesspezifischen Kenntnisse im Kopf [1].

Verstehendes Lesen und spezielle Lernstrategien beim Fernstudium

Laut meiner früheren Beobachtungs- und Forschungsergebnisse konnte ich feststellen, dass die in der ehemaligen Sowjetunion in den 60er Jahren erarbeitete und später in Ungarn weiter vertiefte synthetische Lesemethode [2], durch die Fachtexte ohne Wörterbuch, mit Hervorhebung der Internationalismen, Derivate und Komposita gelesen werden können, auch beim Fernstudium mit Erfolg verwendet werden kann. Da im Rahmen des Fernstudiums das verstehende Lesen, also die Lesefertigkeit die Basis des erfolgreichen Lernens bedeutet, soll diese Fertigkeit unbedingt entwickelt werden.

Bei der Auswahl von Lern- und Lesestrategien bzw. Methoden, müssen aber auch die neuesten Methoden, die das Lernen und verstehende Lesen fördern, in Betracht gezogen werden.

Ein Grundgedanke war also, dass die Studierenden mit Hilfe der synthetischen Methode die Struktur, die grammatischen/sprachlichen Eigenartigkeiten der Fachtexte bzw. Fachliteratur kennen lernen, beim Lesen ihren passiven/potentiellen Wortschatz, ihre früher erworbenen sprachlichen/fachlichen Kenntnisse aktivieren. Lernende haben aber oft Probleme auch beim Lernen, nicht nur beim Lesen. Die Lernprobleme verhindern die Entwicklung der Leseverstehensfertigkeit, und dies kann wiederum auch den Erfolg des Leseverstehens negativ beeinflus-

sen. Deshalb ist es wichtig, dass der bewusste, sich weiterbildende Lernende und spätere Fachmann auch dazu fähig sein soll, der aktuellen Lernsituation entsprechende (Lern)strategien anzuwenden [3]. Das Lernen hat zwei wichtige Zielsetzungen: Aneignung von Kenntnissen und Fertigkeiten sowie Steigerung der Leistung. Das Lernen ist ein innerer Prozess des Individuums, der sich in Form von Tätigkeiten, verschiedenen Kenntnissen und Fertigkeiten realisiert. Dadurch können wir Ergebnisse erreichen, unsere Kenntnisse erweitern und neue Informationen einholen [4]. Laut dieser Zusammenhänge ist es empfehlenswert, im Interesse der Entwicklung der Lesefertigkeit auch Lernstrategien zu verwenden.

Ich habe unter Studierenden die in der Schweiz an der St. Gallener Universität entwickelten, selbständig und kreativ einzusetzenden Lernstrategien verwendet [5]. Professor Metzger und seine Kollegen haben solche Lehrwerke zu Lernstrategien zusammengestellt, die einen Wendepunkt, einen Fortschritt beim Textverstehen und Lernen bedeuten. Der Begriff *Strategie* wird von Metzger auf folgende Weise definiert: Empfehlenswert ist, den Ausdruck *Strategie* zu benutzen, denn es geht hier nicht nur um die einfache Anwendung von Lerntechniken, sondern auch um solche Lern- bzw. Denkprozesse, die beim Lernen bewusst verwendet und den jeweiligen Bedürfnissen kontrolliert angepasst werden können. Die Anwendung von Lernstrategien bedeutet nicht unbedingt, dass der Lernprozess wirklich erfolgreich wird, aber die Strategien bieten eine wichtige und mögliche Grundlage dafür [1]. Die Lehrwerke, an deren Zusammenstellung auch die Mitarbeiter der amerikanischen University of Texas in Austin teilgenommen haben, enthalten strategische Ratschläge und Informationen, die sich auf die drei wichtigen Gebiete des Lernens bzw. Lesens beziehen: die positive Gestaltung der Lernsituation, der Prozess der Aneignung von neuen Kenntnissen und anwendbare Strategien in den Prüfungen. Die drei Gebiete beinhalten die folgenden acht – auch zum Problem des verstehenden Lesens gehörenden – Themenkreise: Motivation, Zeiteinteilung, Konzentration, Angst, Stress, Erkennen von wesentlichen Informationen der Texte, Prüfungen und Selbstkontrolle.

Die noch wichtigen Gesichtspunkte und Faktoren beim Fernstudium:

Interkulturalität sowie Fach- und Weltwissen im Sinne der translatorischen Kompetenz

Interkulturalität ist beim fremdsprachigen (Fern)Studium besonders hervorzuheben, weil die zukünftigen Fachleute in der internationalen Zusammenarbeit, in Geschäftssituationen, bei Gesprächen und Verhandlungen auch andere Kulturen, Wertvorstellungen und (Management)Stile der Partner kennen lernen müssen. Durch Sensibilisierung werden die Studierenden fähig, kulturbedingte Konflikte, kulturelle Differenzen, Vorurteile zu erkennen sowie mit Hilfe der erworbenen Kenntnisse situationsgerecht zu denken und zu handeln.

Die Wirtschaftskultur kann als eine komplette Erscheinung aufgefasst werden [6]. Sie reicht von den Rahmenbedingungen fürs Wirtschaften über die humanen Faktoren in der Wirtschaft bis zum Vergangenheits- und Zukunftsbild der Gesellschaft und sie hat auf die Organisationskultur der Unternehmen eine determinierende Auswirkung [6].

Vermeer [7, S. 54-56] ist der Meinung, dass Lernende – wegen der kulturellen Unterschiede - statt eines Fremdsprachenlehrens und -lernens im Allgemeinen ein Fremdverhaltenslehren und -lernen, also das sogenannte translatorische Handeln benötigen. Es bedarf zwar entsprechender Fremdsprachenkenntnisse, aber man muss auch wissen, was man wie, in welcher Situation, zu wem sagen oder schreiben darf und kann. „Translatorisch“ zu lernen und zu unterrichten bedeutet, dass die Lernenden wissen müssen, wie man sich z.B. in einer ‚deutschen‘ Situation verhält. Man sollte also einen Perspektivenwechsel lehren und lernen.

Die translatorische Kompetenz besteht aus den folgenden vier wichtigen Teilbereichen:

- Sprachkompetenz,

- Transferkompetenz,
- Fachwissen,
- Weltwissen [7, S. 54-56].

Der interkulturelle bzw. translatorische Ansatz, der im Sprachunterricht schon zu einem Schlagwort geworden ist, wird vor allem – auch im Sinne der translatorischen Kompetenz - als eine kommunikativ-pragmatische Methode aufgefasst, die Kommunikationsschwierigkeiten vorzubeugen sucht. Das Wesen der Kultur wird dabei in Anlehnung an Merten verstanden: Kultur bedeutet Handlungen, die den bestimmten Handlungsschemata einer Gesellschaft entsprechen [8, S. 5-18]. Es bedarf zwar entsprechender Fremdsprachenkenntnisse, aber man muss auch wissen, was man wie, in welcher Situation, zu wem sagen oder schreiben darf und kann.

Interkulturelle sowie Fach-und Sprachkenntnisse der Studierenden in Pécs

Laut meiner Beobachtungen bereiten Interkulturalität und Fachwissen den Studierenden an der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät in Pécs keine ernsthaften und auf das Studium negativ auswirkenden Probleme, weil sie im Rahmen ihres Studiums, in Seminaren und Vorlesungen mit diesen Problemen oft konfrontiert werden. Ein anderer Grund, warum Studierende dieses Problem relativ reibungslos bekämpfen (leicht überwinden) können ist, dass sie alt genug und reif dafür sind, sich über ihre eigene Kultur im Klaren zu sein, wodurch die Kontrastivität zwischen der eigenen und den fremden Kulturen, also die kulturellen Unterschiede erkannt und verstanden werden können [9, S.5-13]. Das Studium, die Stipendiumsmöglichkeiten, die Forschungsarbeiten im Zielland sind auch sehr wichtig, weil die interkulturelle Praxis zur Bewältigung der wegen der kulturellen Unterschiede auftauchenden Konfliktsituationen beitragen kann.

Aber nicht nur interkulturelle Kenntnisse und Fachwissen, sondern auch Sprachkenntnisse sind nötig. Dieses Kriterium wird durch die an der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät Pécs und auch an der FernUniversität in Hagen festgelegten Vorschriften erfüllt.

Ein wichtiges Kriterium der Aufnahme zum Studium an der FernUniversität in Hagen ist, dass die Studierenden über eine Oberstufenprüfung in Deutsch verfügen, oder dass sie - mit Unterlagen bestätigt - mindestens vier Jahre lang im Gymnasium und/oder an der Universität Deutsch gelernt haben.

Die Rolle der Kreativität beim Fernstudium

Zum erfolgreichen Lesen von fremdsprachigen Fachtexten und der Fachliteratur, zur Anwendung der synthetischen Lesemethode bedarf man auch Kreativität. Kreativität bedeutet geistige Flexibilität, ungewöhnliche Assoziationen, die Umstrukturierung, bzw. die neue Strukturierung der Informationen [3]. Nach Guilford [10, S. 231-243] sind die Leichtigkeit, Flexibilität und die Originalität für die kreative Denkweise charakteristisch.

Die Hauptkomponenten der Kreativität können auch auf die folgende Weise aufgefasst bzw. gruppiert werden:

- Sensibilität,
- neue Fragestellungen,
- Erkennen des Wesens eines Problems,
- analysierende und synthetisierende Fähigkeit,
- oft ungewöhnliche Ideen,
- Flexibilität,
- Originalität [10, S. 231-243].

Es gibt aber zahlreiche Faktoren, durch die die Entfaltung des kreativen Denkens behindert wird. So z.B. individuelle Ursachen wie Hemmnisse, fehlendes Selbstvertrauen, und auch viele äußere Erwartungen, Vorschriften. Ein grundlegendes Problem kann die übertriebene Hervorhebung und Unterstützung des analytischen Denkens und die Vernachlässigung der divergenten

Denkweise sein.

Viele Kandidaten haben in den Sprachprüfungen oft riesengroße Angst vor den Fehlern und vor dem Lesen ohne Wörterbuch. Sie sind nicht fähig, in der Prüfung gut verwendbare Methoden und Strategien kreativ zu benutzen sowie ohne Wörterbuch zu arbeiten.

Bei der Förderung der Kreativität ist der Lehrer eine Schlüsselfigur. Von ihm/ihr sollten die oft wegen komplizierter Gründe vorhandenen Hemmnisse gemindert und die Studierenden motiviert werden. So kann der Lehrer auch zur Entfaltung der divergenten, flexiblen Denkweise beitragen. Nur in solchen, die Kreativität fördernden, ruhigen Seminarstunden kann sich das divergente Denken entfalten, wo die Studierenden von dem Lehrer vor allem positive Rückkopplung hinsichtlich ihrer Leistungen bekommen. Die zu den Lernenden positive Einstellung des Lehrers ist besonders wichtig, weil bei einer positiven Rückmeldung die Leistung um 70 Prozent steigt, bei einer kritischen immerhin noch um 20, und wenn es jedoch keine Rückmeldung gibt, ist keine Entwicklung zu beobachten [11, S.11-16]. Die Studierenden müssen auch die wichtige Tatsache erkennen, dass sich die Fähigkeiten und Fertigkeiten nur durch Fehler entfalten, und man darf, sogar muss beim Lernprozess Fehler begehen, weil es ohne Fehler keinen Fortschritt und keine Entwicklung gibt.

Frühere Untersuchungsergebnisse unter dem Aspekt der synthetischen Lesemethode

In den letzten Zeiten wurden von mir auch neue Studien durchgeführt, bei denen ich mich vor allem auf die Wortschatzebene und die Grammatik konzentriert habe. Ich wollte die Frage beantworten, welche Wörter beim verstehenden Lesen und beim Lesen/Übersetzen zu Missverständnissen führen können, denn beim Auftreten solcher Wörter könnte die Methode des synthetischen Lesens weiter entwickelt und verfeinert werden.

Folgende Schlussfolgerungen konnten von mir – laut Beobachtungsergebnisse – gezogen werden:

Bei den Komposita ist es empfehlenswert, die Wörter in Elemente aufzuteilen, weil vom Lernenden oft gar nicht erkannt wird, aus welchen bereits bekannten Teilen die zusammengesetzten Wörter bestehen. Nach meiner Erfahrung aus Seminaren und Prüfungen bedeuten die Komposita beim Lesen keine ernste Gefahr, weil ihre Bedeutung auch laut Kontext erschlossen werden kann.

Ich konnte weiterhin feststellen, dass Internationalismen in der deutschsprachigen Fachliteratur eine positive Transferwirkung haben und das verstehende Lesen fördern. Die Internationalismen verursachen nur selten Interferenz, also sie haben keine negative Auswirkung durch die Muttersprache bzw. durch die sprachlichen Vorkenntnisse. Die positive Transferwirkung der Internationalismen kann außerdem auch darauf zurückgeführt werden, dass die Studierenden während ihres Studiums zahlreiche Fachliteratur in Englisch lesen.

Nach meinen Untersuchungen und Unterrichtserfahrungen bedeuten vor allem Derivate eine ernste Gefahr, weil sie infolge der Wortbildung oft ihre Bedeutung verändern können wie zum Beispiel:

*e Beschaffung, e Beschaffenheit;
dienen, verdienen, bedienen;
handeln, verhandeln.*

Frühere Beobachtungen wurden von mir – unter anderem - auch anhand der Fachliteratur Marketing und Management durchgeführt. In den Fallstudien [12] konnte festgestellt werden, dass in den Texten die Zusammensetzungen dominieren, aber auch die prozentualen Proportionen der Anglizismen und Derivate bedeutend sind. Der Anteil der „gefährlichen“ Ableitungen war überraschend groß, z.B.:

klären/ erklären

betreiben/ vertreiben

Handel/ Handlung

Auch anhand von Beobachtungen, die mit Fallsstudien aus dem Internet (Bereich Management und Marketing) durchgeführt wurden, konnten die nächsten Ergebnisse – hinsichtlich der „Derivatenfalle“ - bestätigt werden:

Tabelle 2

Internationalismen:	Derivate:	„gefährliche“ Derivate:
24%	21%	29% (von Derivaten)
34,5%	29%	29% (von Derivaten)
34%	23%	72% (von Derivaten)
26%	27%	51% (von Derivaten)

„gefährliche“ Derivate waren zum Beispiel:

heben → beheben

fordern → die Forderung → die Herausforderung

tragen → beitragen (zu + D)

füllen → erfüllen

sprechen → entsprechen

folgen → erfolgen

Laut meiner späteren Beobachtungen kann festgestellt werden, dass nicht nur in der Wirtschaftssprache, sondern auch in Fachtexten des Handels, Fernverkehrs und der Gastronomie oft sog. „gefährliche“ Derivate vorkommen und als potentielle Fehlerquellen beim Lesen zu Missverständnissen und zu Fehlübersetzungen führen können.

Zum Beispiel:

Fachbereich Handel:

tragen → eintragen → beitragen

stehen → überstehen

legen → festlegen → verlegen

e Lagerung → e Verlagerung

r Betrag → r Vertrag → r Beitrag

treten → vertreten

e Förderung → e Beförderung

Fachbereich Fremdenverkehr, Gastronomie:

braten → anbraten

kochen → überkochen (die Milch kocht über)

schmecken → abschmecken

springen → entspringen

r Tag → e Tagung

Der Anteil der „gefährlichen“ Derivate innerhalb der im Text gefundenen und hervorgehobenen Ableitungen ist also auch in den Fachbereichen Handel, Fremdenverkehr und Gastronomie bemerkenswert. Und da sie ernste Fehlerquellen bedeuten und leicht zu Missverständnissen führen können, sollten die Studierenden im Unterricht darauf aufmerksam gemacht werden, damit sie mit ihnen beim verstehenden Lesen bewusst umgehen können.

Lehrwerke in Hagen Marketing

Ich wollte auch im Fall der Lehrwerke der FernUniversität in Hagen beobachten, ob das synthetische Lesen als Methode auch beim Fernstudium effizient verwendet werden kann.

Mit den folgenden Lehrstoffen - im Bereich Marketing - habe ich gearbeitet: *Marktforschung und Käuferverhalten, Einführung in die Erforschung des Konsumentenverhaltens* [13, S.5-9].

Die Schlussfolgerung konnte von mir gezogen werden, dass die durch die synthetische Lesemethode hervorgehobenen Ausdrücke auch in diesem Fachbereich und Texten einen bemerkenswerten hohen Anteil ausmachen.

In den fünf von mir studierten Abschnitten konnten die folgenden prozentualen Anteile – im Verhältnis zum Korpus - von Komposita, Derivate und Anglizismen/Internationalismen festgestellt werden:

Tabelle 3

Komposita:	10 %	10 %	7,66 %	9,5 %	7,3 %
Derivate:	24 %	27,1 %	12,3 %	15 %	25 %
Anglizismen/Internationalismen:	18,3 %	17 %	18 %	20 %	18,6 %

Tabelle 4

Gesamtergebnisse:

Komposita:	8,88%
Derivate:	20,76%
Anglizismen/Internationalismen:	18,38%
Insgesamt, prozentualer Anteil von Komposita, Derivate, Anglizismen im Verhältnis zum Korpus:	48,02%

Laut der Ergebnisse kann die Schlussfolgerung gezogen werden, dass den größten prozentualen Anteil die Derivate ausmachen. Ich muss unbedingt hinzufügen, dass der Anteil der „gefährlichen“ Derivate bei dieser Beobachtung nicht untersucht wurde, es könnte als zukünftiges Untersuchungsziel gesetzt werden.

Da 50% der Textelemente mit Hilfe der synthetischen Methode hervorgehoben, und so effizienter verstanden werden können, ist es empfehlenswert, diese Lesemethode auch beim Fernstudium in Hagen zu verwenden.

Fazit

Die in den 60er Jahren erarbeitete synthetische Lesemethode, durch die Fachtexte ohne Wörterbuch gelesen werden können, kann auch heute im Unterricht und beim Fernstudium mit Erfolg verwendet werden.

Bei der Auswahl von Lern- und Lesestrategien bzw. Methoden, müssen aber auch die neuesten Methoden, die das Lernen und verstehende Lesen fördern, in Betracht gezogen werden. Deshalb ist es empfehlenswert beim Lesen nicht nur Lesemethode(n), sondern auch – von mir im Beitrag erwähnte – Lernstrategien zu verwenden.

Die älteren, wertvollen Methoden sollten an die neuen, modernen Lernsituationen angepasst werden, und verbunden mit neueren Untersuchungsergebnissen können richtige methodische Entscheidungen getroffen werden.

Mit der Entwicklung und Förderung der Lesefertigkeit werden Informationsbeschaffung und Lernen erfolgreicher, der zur fachlichen Kommunikation nötige Wortschatz erweitert, die Sprach- und Fachkenntnisse vertieft und gefestigt.

Literaturverzeichnis

1. www.fernuni-hagen.de; www.ktk.pte.hu, Elek Bólint, Erdős Katalin, Kristóf Péter, Rendi Attila
2. Major Ferencné. 1980. *Az idegennyelvi szakszűveg megüztűsűnek mydszertani kűrdűsei*. Budapest: Mydszertani Kiadvűnyok.
3. Leone Daniel. 1997. *Die Kreativitűtsűrűderung im Unterricht-Strategien, Probleme und Handlungsempfehlungen*. St.Gallen: St.Gallener Universitűt.
4. Kron Friedrich. 2000. *Pedagógia*. Budapest: Osiris.
5. Metzger Christoph. 2001. *Wie lerne ich? Eine Einleitung zum erfolgreichen Lernen*. Aarau: Sauerlűnder.
6. Borgulya Istvűnnű. 1999. Wirtschaftskultur und Kommunikation in Ungarn nach dem Umbruch. In: *A magyar menedzserек űs az interkulturűlis feladatok' 98 Pűcs*. Pűcs: PTE Kűzgazdasűgtudoműnyi Kar. (pp. 4-9.)
7. Sandrini Peter. 1993. Die Rolle des űbersetzers im mehrsprachigen Umfeld. Zum Berufsprofil des űbersetzers im multikulturellen Umfeld am Beispiel Sűdtirols. In: *Lebende Sprachen*, 2/1993. (pp. 54-56.)
8. Gorbel Natalia. 1998. Interkultureller Ansatz im Sprachgeschichtenunterricht. In: *Dűfű*. 1998/III. Budapest: ELTE. (pp. 5-18.)
9. Ohrt Klaus. 1998. Mehrsprachigkeit – Utopie oder Lebensnotwendigkeit? In: *Dűfű* II. Budapest: Elte. Germanisztikai Intűzet. (pp. 5-13.)
10. Tyth Péter. 2002. A tanulyi problűmamegoldy gondolkodűs fejlesztűsűnek stratűgiűi. In: *Az oktatűs mint befektűs*. Pűcsi Tudoműnyegyetem. Pűcs: Pollack Mihűly Műszaki Fűiskolai Kar. (pp. 231-243.)
11. Prohűszkűnnű Szilűgyi Enikű. 1996. Hogyan lehetnűnk sikeresek? (Pszicholűgiai problűműk a nyelvoktatűsban űs a nyelvtanulűsban). In: *Kultura-Nyelvtudűs-Szakemberkűpzűs*. Gyűr: Szűchenyi Istvűn Fűiskola. (pp. 11-16.)
12. L. Brunner Wolfgang. 2004. *Erfolgsfaktoren im Bankmarketing*. Wiesbaden: Gabler.
13. Olbrich Rainer. 2009. *Marketing, Marktforschung und Kűuferverhalten, Einfűhrung in die Erforschung des Konsumentenverhaltens*. Hagen: FernUniversitűt in Hagen. (pp. 5-9.)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

УДК 811.111-26'255.2

*Волжский университет имени В.Н. Та-
тищева, г. Тольятти
кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германской филологии
e-mail: plahova_oa@mail.ru*

*Volzhsky University named after V.N. Ta-
tishchev, Togliatti
Doctor of Philology, Associate Professor of
the Chair of Romance-German Philology
e-mail: plahova_oa@mail.ru*

О.А. Плахова

ПЕРЕВОД СОВЕТИЗМОВ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.А. БУЛГАКОВА)

Статья посвящена изучению особенностей передачи на английский язык экстралингвистической информации, заложенной в семантической структуре реальных советской действительности. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов произведений М.А. Булгакова выявляет эффективные приемы элиминации лакун, вызванных денотативными и коннотативными различиями межъязыковых соответствий.

Ключевые слова: Советизм, этнокультурный компонент значения, прием перевода, межкультурная коммуникация.

О.А. Plakhova

TRANSLATION OF SOVIETISMS AS INTER-CULTURAL COMMUNICATION PROBLEM (ON THE WORKS BY M. BULGAKOV)

The article considers interpretation of transposition into English of extra linguistic information in the semantic structure of sovietisms. The comparative analysis of M. Bulgakov's novels' translations reveals effective devices of elimination of lacunas caused by denotative and connotative differences in interlanguage correspondences.

Key words: Sovietism, ethnocultural component of meaning, translator's device, inter-cultural communication.

Самым заметным процессом, происходящим в словарном составе русского языка советской эпохи, был процесс пополнения лексики и фразеологии новыми словами и фразеологическими оборотами. В зависимости от происхождения и структурно-семантических характеристик языковых единиц исследователи традиционно выделяют две основные группы лексико-фразеологических новообразований. Первую группу составляют новообразования советской эпохи, возникшие в русском языке (на базе существующих в нем или появившихся извне слов) по действующим законам и моделям словообразования. В состав второй группы входят заимствования советской эпохи из других языков, представляющие собой в подавляющем большинстве научно-технические термины.

Значительный пласт лексики и фразеологии первой группы составляют реалии-советизмы. Объем содержания понятия, выражаемого термином «советизм», варьирует у разных исследователей. Наиболее широкое толкование советизма, делающее его не только объектом лингвистического анализа, присутствует у А.А. Пихуровой, относящей к советизмам как вербальные, так и невербальные знаки любой сложности как факт советской культуры [1, с.144]. В русистике, однако, более традиционной является трактовка советизмов как сугубо лингвистического явления, в соответствии с которой под советизмами понимаются «слова и фразеологические обороты, которые являются выражением и наименованием понятий, явлений, и предметов, представляющих собой специфическую особенность социалистической действительности» [2, с.269].

Дифференциация русизмов и советизмов ставит акцент на специфике этнокультурного компонента значения последних как лексических единиц, отражающих «не только национальные, но и социальные особенности русского языка, связанные с победой Октябрьской социалистической революции в России и социалистическим строительством в РСФСР-СССР» [3, с.416].

Цель настоящей работы состоит в выявлении наиболее эффективных приемов сохранения и передачи национально-культурного компонента значения лексики советского периода на ПЯ. Материал исследования детерминировал рабочее определение советизма. Поскольку в качестве материала исследования выбраны произведения М.А. Булгакова, созданные в 20–30-х гг прошлого века, под советизмами будут пониматься слова и словосочетания, называющие понятия, предметы и явления общественной жизни, характерные для советского периода 1917 – 1940 гг.

Временной критерий отбора фактологического материала обусловил научную *новизну* исследования, т.к. в фокусе внимания в рамках данной статьи находятся реалии советской действительности, трактуемые как лакунарная лексика, особенности их замещения средствами ПЯ и определение в ходе сравнительно-сопоставительного анализа отобранных единиц степени эффективности отдельных переводческих приемов и их сочетаний, направленных на элиминацию денотативных и коннотативных расхождений межъязыковых соответствий.

Та важная роль, которую советизмы играют в произведениях М.А. Булгакова, требует особенно бережного подхода к данной группе лексических единиц при переводе. Уточнение семантики, сферы употребления, коннотации советизмов как лексических единиц, обнажающих лакуны в когнитивной базе иноязычных читателей, требовало неоднократного обращения к словарям различных типов [4, 5, 6, 7]. Сравнительно-сопоставительный анализ англоязычных переводов произведений М.А. Булгакова предполагал помимо исследования отобранного фактологического материала обращение и изучение лексикографически зафиксированных эквивалентов лексики советского периода в английском языке. Использование в работе «Англо-английского словаря русской культурной терминологии» В.В. Кабакчи [5], являющегося одним из новейших и наиболее полных словарей, репрезентирующих отечественную культуру средствами английского языка, приводит к выводу о неполной закреплённости английских соответствий советизмов в лексикографических источниках соответствующего типа.

В качестве *материала* исследования выступили англоязычные переводы романа «Мастер и Маргарита», выполненные английским переводчиком Майклом Гленни [8] и супругами Ричардом Пивером (американец) и Ларисой Волхонской (русская) [9], а также перевод повести «Роковые яйца», выполненный Кетлин Гук-Хоруджи [10].

Анализ иллюстративного материала свидетельствует об использовании переводчиками широкого спектра приемов для передачи средствами английского языка реалий советского времени. В результате проведенного исследования было выявлено, что по частотности применения в переводе **М. Гленни** прием кальки составляет 35% всех анализируемых случаев, *приближенный перевод (аналог)* – 26%, *транскрипция / транслитерация* – 13%, *трансформационный перевод* – 7%, *гиперонимический перевод* – 6%, *контекстуальный перевод* – 3%, *описательный перевод* – 2%, *опущение советизмов* – 8%.

В переводе романа «Мастер и Маргарита», выполненном **Ричардом Пивером и Ларисой Волхонской**, прием калькирования используется в 57% случаев (5% из которых сопровождаются переводческим комментарием), *транскрипция / транслитерация* – 20% (11% из которых сопровождаются переводческим комментарием), *приближенный перевод (аналог)* – 15%, *гиперонимический перевод* – 3%, *описательный перевод* – 3%, *контекстуальный перевод* – 1%, *опущение советизмов* – 1%.

В переводе повести «Роковые яйца», выполненном **Кетлин Гук-Хоруджи**, частотность использования приема калькирования составляет 58%, *транскрипция / транслитерация* использовались в 18% случаев, *приближенный перевод (аналог)* – 6%, *трансформационный перевод* – 6%, *гиперонимический перевод* – 3%, *описательный перевод* – 3%, *опущение советизмов* – 6%.

Анализ указанных данных позволяет выделить **три наиболее часто используемых для передачи советизмов приема**: *калькирование*, *приближенный перевод (аналог)* и *транскрипция / транслитерация*. Вариативность в обращении к данным приемам может быть объяснена структурно-семантическими и стилистическими характеристиками советизмов; объемом и глубиной фоновых знаний переводчиков о лингвокультуре советского периода; профессиональным мастерством и опытом переводческой деятельности; индивидуальными предпочтениями. Более подробный анализ случаев применения данных приемов переводчиками позволит оценить эффективность их использования с целью актуализации этнокультурного компонента семантики советизмов средствами ПЯ.

Прием калькирования применялся при переводе сложносокращенных слов (*домком* – *house committee*, *Тузбубен* – *Ace of Dimonds*, *сберкасса* – *savings bank*, *интурист* – *foreign tourist*), названий учреждений (*Московская областная зрелищная комиссия* – *Moscow District Theatrical Commission*, *акустическая комиссия московских театров* – *Moscow theatres' acoustic commission*, *комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа* – *the Commission for theatrical spectacles and light entertainment*).

В отдельных случаях необходимость использования калькирования может быть оппорена. Например, советизму «товарищ» в том числе в качестве элемента составного обращения в ПЯ регулярно соответствует его прямое лексическое соответствие *comrade*:

Товарищ дежурный, распорядитесь сейчас же, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами...

Р. Пивер и Л. Волхонская: ***Comrade officer-on-duty, give orders at once for five motor cycles with machine-guns to be sent out...***[9, с.44].

В.В. Кабакчи отмечает, что распространенная в советский период традиция использовать английское существительное *comrade* в качестве эквивалента русского идионима «товарищ» создавала ложное представление об этикете русскоязычного общения [5, с.68]. Политические коннотации ЛЕ *comrade* отражены и в словарных дефинициях: 1. *mainly literary friend, especially someone you have worked with*; 2. *comrade used for talking to or about a member of a Socialist Party by other members of Socialist Party* [6, с.284]. Поскольку обращение «товарищ» скорее носит социально-статусный, а не политический характер [10, с.68], было бы

более уместным использовать прием транскрипции / транслитерации и передать ЛЕ «товарищ» как *tovarishch*, сопроводив ее переводческим комментарием: *tovarishch – a form of address to a citizen in the soviet country*. Такой перевод позволил бы сохранить и форму, и содержание советизма без искажения смысла.

Интересно, что М. Гленни при переводе просто опускает советизм «товарищ»: *Is that the **duty officer**? Sergeant, please arrange to send five motor cycles with sidecars, armed with machine-guns* [8, с.36].

Транскрипция / Транслитерация в большинстве случаев применялась при передаче простых слов-советизмов (*кулак – kulak*), личных имен (*Бездомный – Bezdomny, Бескудников – Beskudnikov*), а также сложносокращенных слов (*драмлит – Dramlit, колхоз – kolkhoz*), аббревиатур-советизмов:

*...редактор толстого художественного журнала и председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой **МАССОЛИТ**...*

М. Гленни: *...editor of a highbrow literary magazine and chairman of the management committee of one of the biggest Moscow literary clubs, known by its abbreviation as **massolit*** [8, с.2].

Р. Пивер и Л. Волхонская: *...editor of a fat literary journal and chairman of the board of one of the major Moscow literary associations, called **Massolit*** [9, с.9]. В данном случае переводчики сопровождают прием транскрипции / транслитерации комментарием: *Massolit: An invented but plausible contraction parodying the many contractions introduced in post-revolutionary Russia. There will be others further on - Dramlit House (House for Dramatists and Literary Workers), findirector (financial director), and so on* [9, с.224].

Второй вариант перевода советизма МАССОЛИТ представляется более удачным, так как он не только передает значение, но помогает читателю проникнуться атмосферой советского времени, для которого было характерно широкое использование аббревиатур и сложносокращенных слов.

Сочетание приема транскрипции / транслитерации и комментария наблюдается и при передаче на английский язык советизма «Соловки»:

*Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в **Соловки**!*

Р. Пивер и Л. Волхонская: *They ought to take this Kant and give him a three-year stretch in **Solovki** for such proofs* [9, с.13]. Семантика имени собственного «Соловки» раскрывается переводчиками следующим образом: *Solovki: A casual name for the Solovetsky Special Purpose Camps located on the site of a former monastery on the Solovetsky Islands in the White Sea. They were of especially terrible renown during the thirties. The last prisoners were loaded on a barge and drowned in the White Sea in 1959* [9, с.224].

В переводе М. Гленни данная ЛЕ передается посредством сочетания транскрипции / транслитерации и добавления: *Kant ought to be arrested and given three years in **Solovki asylum** for that "proof" of his* [8, с.5]! При этом первый элемент *Solovki*, конкретизирующий ЛЕ *asylum*, далее опускается: *But the suggestion to pack Kant off to **an asylum** not only did not surprise the stranger but actually delighted him* [8, с.5].

Согласно словарной дефиниции существительное *asylum* имеет следующие значения: 1. the right to stay in a country, given by a government to protect someone who has escaped from war or political trouble in their own country; 2. *old-fashioned* a mental hospital [6, с. 416]. Словарная статья «Соловки» характеризует советизм следующим образом: «Соловецкий лагерь особого назначения (СЛООН) — крупнейший исправительно-трудовой лагерь 1920-х годов, находившийся на территории Соловецких островов» [7].

Итак, мы видим, что использованная в переводе М. Гленни ЛЕ *asylum* привела к искажению значения советизма, к подмене его ассоциаций. В качестве альтернативы можно было бы предложить обращение к достаточно устоявшимся сочетаниям *Solovki prison camp* и *Solovki prison*.

Использование переводчиками **приближенного перевода (аналога)** наблюдается при передаче этнографических реалий (названий одежды, напитков, способов организации трудовой деятельности) и общественно-политических реалий (обращений, названий политических движений и деятелей, органов власти и носителей власти). Столь широкое применение данного приема объясняется самим характером национально-специфической лексики, проявляющимся в отсутствии ее точных соответствий в другом языке вследствие отсутствия в другой культуре их референтов:

Он хотел позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону...

М. Гленни: *He wanted to call his maid, Grunya, and ask her for an aspirin...* [8, с.39]

Р. Пивер и Л. Волхонская: *He wanted to call the housekeeper Grunya and ask her for aspirin...* [9, с.48].

В обоих случаях наблюдается замена ЛЕ «пирамидон» на существующий в ПЯ аналог *aspirin*. Подобная замена вполне оправдана, поскольку обозначаемые данными лексическими единицами лекарственные препараты близки по своим свойствам. Пирамидоном, как правило, называлось лекарство в порошке, употребляемое против невралгии, головной боли и как жаропонижающее. Показания к применению сходны: *aspirin* - “a drug, usually in the form of a pill, that you take to cure minor pains such as headaches” [6, с.69]. Использование в оригинале ЛЕ «пирамидон» косвенно свидетельствует о физическом и душевном состоянии Степы Лиходеева после ночных приключений, в результате которых похмелье превратило его утро в кошмар. Таким образом, замена советизма «пирамидон» аналогом *aspirin* не приводит к потере значимых культурных коннотаций, но в значительной степени облегчает понимание текста иноязычным читателем.

Другой, менее удачный случай использования аналога наблюдается в переводе М. Гленни при передаче сложносокращенного существительного «финдиректор»:

*...косая надпись сбоку рукою **финдиректора** Римского...*

М. Гленни: *...the backward-sloping signature of Rimsky, the treasurer...* [8, с.41]. Использование М. Гленни аналога *treasurer* – “someone who is in charge of the money that belongs to an organization” [6, с.1533] превращает советского финансового директора в некоего казначея, т.е. сохранение основного денотативного содержания ЛЕ в ПЯ сопровождается определенными потерями фоновой информации. Более удачным с этой точки зрения представляется перевод Р. Пивера и Л. Волхонской: *...aslant the margin a note in the hand of the **findirector** Rimsky...* [9, с.50]. Прием транскрипции / транслитерации сопровождается в переводе пояснительным комментарием: *findirector: typical Soviet contraction for financial director* [9, с.228], благодаря которому удается передать и содержание, и национально-культурный колорит советизма.

Гиперонимический перевод позволяет передать содержание реалии ИЯ единицей с более широким значением в ПЯ, подставляя родовое понятие вместо видового. Данный прием чаще встречается у М. Гленни, в то время как Р. Пивер и Л. Волхонская предпочитают использовать в сходных случаях прием транскрипции / транслитерации. Рассмотрим следующие примеры:

Разбитие восьми бутылок белого сухого «Ай-Даниля»...

М. Гленни: *Breaking eight bottles of **white wine**...* [8, с.78].

Р. Пивер и Л. Волхонская: *Smashing eight bottles of dry white **Ai-Danil**...* [9, с.90].

Или:

...а лежат три этикетки с бутылок «Абрау-Дюрсо»...

М. Гленни: ...but three old *champagne* bottle labels instead... [8, с.109].

Р. Пивер и Л. Волхонская: ...but only three labels from bottles of *Abrau-Durso wine*... [9, с.123].

Вопреки существующему мнению, что гиперонимический перевод всегда «приводит к утрате конкретности», полагаем, что в данном случае отказ М. Гленни от применения приема транскрипции / транслитерации вполне обоснован, поскольку замена индивидуальных названий марок вин на гиперонимы-обозначения спиртных напитков ни в коей мере не приводит к смысловым потерям содержания оригинала.

В ряде случаев, однако, было бы целесообразно отказаться от применения гиперонимического перевода в пользу сочетания транскрипции / транслитерации и переводческого комментария. Проиллюстрируем данное положение примером.

В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах, появилось двое граждан.

Или: ... и соткался из этого воздуха прозрачный *гражданин* престранного вида...

М. Гленни: *At the sunset hour of one warm spring day two men were to be seen at Patriarch's Ponds* [8, с.2].

Далее: ...just then the sultry air coagulated and wove itself into the shape of a man - a transparent *man* of the strangest appearance... [8, с.3].

В случае замены советизма «гражданин» существительным с широкой семантикой man исчезает социальная окраска лексемы «гражданин»: 1. лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей; 2. взрослый человек, а также форма обращения к нему в СССР [4, с.146].

Р. Пивер и Л. Волхонская передают в переводе данный советизм при помощи традиционного соответствия citizen, реализующего только основное значение ЛЕ «гражданин» (citizen – someone who has the right to live permanently in a particular country and has the right to the legal and social benefits of that country as well as legal obligations towards it [6, с.243]):

At the hour of the hot spring sunset two citizens appeared at the Patriarch's Ponds [9, с 9].

И ниже: *And here the sweltering air thickened before him, and a transparent citizen of the strangest appearance wove himself out of it* [9, с.10].

Поскольку характеризующаяся частотным употреблением в тексте оригинала ЛЕ «гражданин» передает авторскую идею потери индивидуальности советского человека и превращения его в безликого гражданина, видится более уместным использование в данном случае приема транскрипции / транслитерации (гражданин – grazhdanin), сопровождающееся переводческим комментарием: grazhdanin - in the USSR a form of address.

С помощью **описательного перевода** были переданы единицы-названия предметов быта, помещений, одежды, характерных для советской действительности того периода:

...представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в *кастрюльке в общей кухне* дома порционные судачки а натюрель!

М. Гленни: *Just imagine your wife trying to cook filets de perche an naturel in a saucepan, in the kitchen you share with half a dozen other people* [8, с.29].

Хотя в переводе М. Гленни отражен основной атрибут общей кухни (you share with half a dozen people) (поскольку в коммунальной квартире живет обычно несколько семей или отдельных людей, при этом каждая семья или отдельный человек занимают одну или несколько комнат, вместе пользуются общей ванной и кухней), подобное развернутое описание не дает англоязычному читателю четкого представления о специфике данного помещения как неперемного атрибута коммунальной квартиры. В этом плане интересен перевод словосочетания «общая кухня» посредством калькирования:

Р. Пивер и Л. Волхонская: *...but I can imagine your wife, in the communal kitchen at home, trying to do perch au naturel to order in a saucepan* [9, с.37]!

Словарь предлагает следующее определение лексемы communal: owned or used by everyone in a group, especially in a group of people who live in the same building: a communal kitchen [6, с.277]. Таким образом, переводчикам удалось передать точное значение советизма и сохранить его форму, не утяжеляя перевод громоздким описательным оборотом.

Приведем еще один пример использования описательного перевода:

...озабоченно спросил первый, который был в белой косоворотке.

Р. Пивер и Л. Волхонская: *...the first one, in a white side-buttoned shirt, asked with a preoccupied air* [9, с.61].

Контекстуальный перевод был использован для передачи этнографических (названий предметов одежды) и общественно-политических (званий, обращений) реалий-советизмов.

Эй, гражданин, помогите задержать преступника!

Р. Пивер и Л. Волхонская: *Hey, citizen, help me to detain the criminal* [9, с.33]!

М. Гленни: *Hey, you, help me arrest this criminal* [8, с.25]!

В последнем примере наблюдается замена традиционного соответствия при переводе контекстуальным. Данный вариант перевода не передает культурную и социальную коннотации советизма «гражданин», однако благодаря использованию личного местоимения «you» переводчику удается сохранить сниженную стилистическую окраску высказывания и передать нетерпение Ивана Бездомного, обращающегося к Коровьеву за помощью в поимке иностранца, виновного в смерти Берлиоза.

Еще одним приемом передачи этнографических и общественно-политических советизмов является **трансформационный перевод**:

Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилтоварищества дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой.

М. Гленни: *I consider it my duty to report that the chairman of our tenants' association at No. 302A Sadovaya Street, Nikanor Ivanovich Bosoi, is dealing in black-market foreign currency* [8, с.51].

Мы видим, что переводчик прибегает к лексико – грамматической трансформации, позволяющей сохранить денотативный и коннотативный компоненты значения ЛЕ оригинала: так советизму «спекулировать», который в словаре С.И. Ожегова сопровождается пометой «неодобр.» и имеет явно выраженную негативную оценку: «заниматься спекуляцией» (спекуляция – «скупка и перепродажа имущества, ценностей, товаров широкого потребления с целью наживы») [4, с.752], соответствует нейтральный глагол deal in - to buy and sell something [6, с.355]. При этом отрицательные коннотации компенсируются введением в текст перевода словосочетания black market foreign currency, содержащего эпитет с ярко выраженной отрицательной оценочной коннотацией (ср. нейтральная ЛЕ «валюта», обозначающая во 2-м значении иностранные деньги [4, с.72]).

Р. Пивер и Л. Волхонская: *I consider it my duty to inform you that the chairman of our tenants' association at no.502-bis on Sadovaya, Nikanor Ivanovich Bosoy, is speculating in foreign currency* [9, с.61].

Переводчики воспроизводят форму русского глагола в ПЯ и сопровождают омоним глагола to speculate переводческим комментарием: speculating in foreign currency: The Soviet rouble was not a convertible currency, and the government therefore had great need of foreign currency for trade purposes. Soviet citizens were forbidden to keep foreign currency, and there were also several 'round-ups' of gold and jewellery during the thirties. Speculating in cur-

gency could even be a capital offence. This situation plays a role in several later episodes of the novel [9, с.228]. Данный комментарий, безусловно, необходим, так как помогает англоязычному читателю почувствовать колорит советской эпохи; представить многообразие и серьезность проблем, возникших у героев романа.

Приведем еще один пример использования трансформационного перевода:

... и об этом злосчастном служащем в **Бюро по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями Москвы**, бывшем бароне Майгеле.

М Гленни: ...and that wretched **guide to the sights of Moscow**, ex-baron Maigel [8, с.197].

Р. Пивер и Л. Волхонская : ...and of that ill-fated employee of **the bureau for acquainting foreigners with places of interest in Moscow**, the former Baron Meigel [9, с.217].

Первый вариант перевода словосочетания, характеризующегося перестройкой всей синтаксической конструкции (название учреждения «Бюро по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями Москвы» трансформируется в именование работника этого учреждения «guide to the sights of Moscow»), представляется более предпочтительным, поскольку калькирование исходной единицы (второй вариант перевода) приводит к «утяжелению» соответствующей конструкции в ПЯ и создает ощущение ее инородности.

Необходимо отметить и отдельные случаи **опущения** советизмов при переводе. Опущение советизмов встречается во всех трех переводах, но в переводе М. Гленни они наиболее частотные:

*Сняв с себя одежду, Иван поручил ее какому-то приятному бородачу, курящему **самокрутку** возле рваной белой толстовки и расшнурованных стоптанных ботинок.*

М Гленни: *Taking off his clothes, Ivan entrusted them to a kindly old man with a beard, dressed in a torn white Russian blouse and patched, unlaced boots* [8, с.27].

*Терпение Никанора Ивановича лопнуло, и он, достав из кармана связку дубликатов ключей, принадлежащих **домоуправлению**, властной рукой открыл дверь и вошел.*

М Гленни: *Nikanor Ivanovich's patience gave way and pulling a bunch of duplicate keys from his pocket he opened the door with a masterful flourish and walked in* [8, с.49].

...редактировал огромную **политико-литературную** газету...

М Гленни: ...where he first edited a big newspaper... [8. С. 27].

Основная причина опущения советизмов, вероятно, может быть объяснена лакунами в фоновых знаниях самих переводчиков, поскольку когнитивная база представителей иноязычной культуры (Майкла Гленни, Кетлин Гук-Хоруджи) существенно отличается от когнитивной базы представителей русскоязычного лингвокультурного сообщества. Показательным в этом отношении является перевод Р. Пивера и Л. Волконской, в котором встречается лишь один случай опущения советизма.

Итак, проведенный анализ свидетельствует о доминировании калькирования, транскрипции / транслитерации и приближенного перевода как основных приемов передачи реалий советского времени в отобранных переводах. Сопровождение приема транскрипции / транслитерации переводческим комментарием в значительной степени облегчает понимание текста читателями, незнакомыми с советской действительностью, так как именно благодаря комментарию переводчикам удалось актуализировать этнокультурную информацию, заложенную в семантике конкретной лексической единицы. Обращение к гиперонимическому, трансформационному и контекстуальному переводу сделало возможным передачу средствами английского языка коннотативного (эмоционально-экспрессивного и стилистического) компонента семантической структуры советизмов, реализующих авторский замысел и характеризующих персонажей произведений. Степень

знакомства переводчиков с советской действительностью 20 – 30-х годов определила частотность использования приема опущения, которая в разных переводах варьирует от 1% до 8% от общего количества примеров.

Библиографический список

1. Пихурова А.А. Семантическая судьба советизмов-прилагательных в русском языке XX века // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка [Электронный ресурс] – с.143 – 144 // Режим доступа: www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=4
2. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст]. – М.: Просвещение, 1972. – 327с.
3. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов [Текст]. – СПб.: Лань, 1991. – 528с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст]. – М.: Русский язык, 1991. – 916с.
5. Kabakchi V.V. The Dictionary of Russia [Text]. – St. Petersburg: Soyuz, 2002. – 576 p.
6. Macmillan English Dictionary [Text]. – Bloomsbery Publishing Plc., 2002. – 1685p.
7. Википедия: Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.wikipedia.org
8. Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated by Michael Glenny [Text]. - London: Collins and Harvill Press, 1967. – 202 p.
9. Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated by Richard Pevear and Larissa Volkhonsky [Text]. – London: Penguin Books, 1997. - 234 p.
10. Bulgakov M. The Fateful Eggs/ Translated by Kathleen Gook-Horuju [Electronic resource] // Режим доступа: <http://home.freeuk.net/>

УДК 811.112.2

*Орловский государственный университет,
старший преподаватель факультета иностранных языков, кафедры немецкого языка ГОУ ВПО «Орловского государственного университета»*
e-mail: skoro_nn@mail.ru

*Orel State University
Senior Teacher of the Faculty of Foreign Languages, German Language Department of GOU VPO «Orel State University»*
e-mail: skoro_nn@mail.ru

Н.Н. Васильева

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ БЕЗЭКВИВАЛЕНТОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена одному из важных вопросов теории и практики перевода – проблеме появления словообразовательных безэквивалентов, несущих в художественном тексте экспрессивно-эмоциональную нагрузку. Словообразовательные безэквиваленты представляют собой сложные слова и выражения, не имеющие в языке перевода эквивалентов в форме таких же сложных слов. Подобная ситуация характерна для пары языков немецкий-русский. С подобной проблемой

переводчики сталкиваются при переводе художественной литературы с немецкого языка на русский, так как словосложение – это не только характерологическая особенность немецкой языковой системы, но и выразительное средство индивидуального авторского стиля.

Ключевые слова: авторский стиль, художественный стиль, окказионализм, системные расхождения, безэквивалентные единицы, экспрессивно-оценочная номинация, словообразовательная безэквивалентность.

N.N. Vasilieva

CAUSES OF DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF WORD-FORMATION NONEQUIVALENCE FROM GERMAN INTO RUSSIAN

The article is devoted to one of the important questions of the theory and translation practice – to the problem of word-formation nonequivalence which have an expressive emotional meaning in the text. Word-formation nonequivalence is a compound word and expression which cannot be translated with the help of the similar compound words. This situation is actual for the two languages: German and Russian. The translators face with this problem when translating fiction from German into Russian, because the formation of these words is not only a specific feature of the German language system, but also an expressive means of the author's individual style.

Key words: author's style, pencraft, occasionalism, system divergences, nonequivalent units, expressive evaluative nomination, word-formation nonequivalence.

Язык художественной литературы – явление многоплановое. Он находится в довольно сложных отношениях с литературным языком. В языке художественной литературы наиболее полно и ярко отражаются лучшие качества литературного языка, это его образец, на который равняются в отборе и употреблении языковых средств. Вместе с тем язык художественной литературы во многих случаях выходит за пределы литературного языка в область языка национального, общенародного, используя все его стилистические ресурсы, от самых "низких" до самых "высоких". Кроме того, он может включать в себя языковые черты различных функциональных стилей (научного, официально-делового, публицистического, разговорного). Однако это не "смещение" стилей, так как употребление языковых средств в художественной литературе обусловлено авторским замыслом и содержанием произведения, т.е. стилистически мотивировано. Элементы других стилей в художественном произведении используются исключительно в эстетической функции.

Язык художественной литературы, несмотря на стилистическую неоднородность, несмотря на то, что в нем ярко проявляется авторская индивидуальность, все же отличается рядом специфических особенностей, позволяющих отграничить художественную речь от любого другого стиля.

Особенности языка художественной литературы в целом определяются несколькими факторами. Ему присуща широкая метафоричность, образность языковых единиц почти всех уровней, наблюдается использование синонимов всех типов, многозначности, разных стилевых пластов лексики. В художественном стиле (по сравнению с другими функциональными стилями) существуют свои законы восприятия слова. Значение слова в большей степени определяется целевой установкой автора, жанровыми и композиционными особенностями того художественного произведения, элементом которого является это слово: во-первых, оно в контексте данного литературного произведения может приобретать ху-

дожественную многозначность, не зафиксированную в словарях, во-вторых, сохраняет свою связь с идейно-эстетической системой этого произведения.

Именно поэтому перевод художественной литературы или художественный перевод не без оснований является одним из самых сложных видов письменного перевода и связан в первую очередь, с талантом переводчика: художественный перевод не терпит буквализма и кальки. «При переводе художественной книги переводить надо не изолированный словесный знак и его грамматическую оболочку в данном языке, а мысль, образ, эмоцию – всю конкретность, стоящую за этим словом, при непрременном учете всех выразительных средств, всей многосмысленности знака или многозначности слова» [1, с. 356].

Цель данной статьи заключается в рассмотрении способов преодоления трудностей при переводе с немецкого языка на русский сложносоставных лексических единиц, функционирующих в художественном тексте. *Объектом* исследования является лексическая безэквивалентность, проявляющаяся в отсутствии переводческого соответствия для лексических единиц оригинального текста, являющихся авторскими новообразованиями. *Источником* данного исследования послужило произведение «Die Klavierspielerin» австрийской писательницы Э. Елинек и его перевод «Пианистка» на русский язык, выполненный А.Белобратовым.

Своеобразие языка художественной литературы, выражающееся в особой, эстетической функции и специфическом использовании языковых средств, относит его к отдельному функциональному стилю – стилю художественной литературы. Эту идею поддерживают такие исследователи как В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, А.И. Ефимов, М.Н. Кожина, А.Н. Васильева, Б.Н. Головин.

Читая произведение, переведенное с иностранного языка, мы воспринимаем текст именно как художественный и не задумываемся над тем, какая работа была проведена переводчиком для достижения максимально точной передачи смысла переводимого литературного произведения и неповторимого стиля его автора.

Именно передача индивидуального стиля автора является одной из основных переводческих проблем [2, с.192]. При переводе художественного текста эта задача – самая сложная. Ведь индивидуальность автора проявляется и в том, как автор интерпретирует типичные черты литературного направления, какие средства для этого выбирает; и в том, в какой мере он придерживается литературной нормы языка; и в том, какие сугубо авторские черты характерны для его творчества. Индивидуально-авторские образные метафоры, сравнения и олицетворения формируют индивидуальный образ мира писателя и именно в них отражаются особенности его образного мышления [там же, с. 206]. В связи с этим в лингвистике появился термин идиостиль (индивидуальный стиль).

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю идиостиль трактуется как система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения [3, с.186].

Говоря о художественном переводе, возникает вопрос о том, что следует переводить: форму или содержание текста-оригинала. Исследователи данного вопроса считают, что в художественном тексте связь содержания и формы неразрывна, они «присутствуют на всех этапах творческого процесса, воплощая собою то, что замыслил и чего достиг художник. Взаимопроникновение этих двух необходимых сторон творчества особенно ясно сказывается в стиле художника» [1, с.371]. В связи с этим задача переводчика художественного текста «состоит в выявлении содержания во всей его полноте (или выявлении всех функций формы) и воссоздании их в новой форме» [там же, с.373]. При этом содер-

жание и форма текста-оригинала претерпевают в тексте перевода некоторые изменения, необходимые для адаптации текста к культуре переводящего языка (ПЯ).

Немецкий и русский языки, как известно, относятся к разным ветвям индоевропейской семьи языков, и как показывает генеалогическая классификация языков, они являются близкородственными языками, поэтому в этих языковых системах наблюдаются некоторые системные сходства. Так, оба языка относятся к классу флективных, так как в них широко распространены аффиксы, как словообразовательные, так и словоизменяющие. Простейшей знаковой единицей языка в немецком и русском языках является морфема. На уровне словоформы выделяются лексическая морфема (корень) и грамматический или словообразовательный аффикс. В обоих языках одной из основных характеристик предложения является его двусоставность. Общими для сопоставляемых языков являются такие категории, как категория падежа, категория лица, категория числа, категория определенности/неопределенности, категория степени качественности, категория глагольного времени, категория залога и др.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют различия, расхождения между этими языками, которые составляют то уникальное, специфическое, что отличает один язык от другого, и позволяет говорить об их своеобразии.

Расхождения между немецким и русским языками наблюдаются на всех уровнях их языковых систем: фонологическом, лексическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом.

Как показывает переводческая практика и сопоставительный анализ в частности, некоторые единицы лексической системы исходного языка (ИЯ) по разным причинам не имеют регулярных соответствий в лексической системе ПЯ. Такие единицы называются безэквивалентными [4, с.157] и встречаются также в других системах языка, а именно на фразеологическом, грамматическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях. К безэквивалентным единицам относят [там же]:

- национальные реалии. Это лексические единицы, обозначающие такие явления или понятия ИЯ, которые отсутствуют в ПЯ (Reichstag, крошка, маршрутка, самовар, квас).
- временно безэквивалентные термины или неологизмы. К данной группе относятся лексические единицы ИЯ, для которых еще не существует в ПЯ специального обозначения для уже существующего в ИЯ понятия в силу «неравномерности распространения достижений в области науки, техники и в социальной сфере» [там же, с.158]. Эта лакуна со временем заполняется с помощью одного из продуктивных способов создания эквивалентов (display, computer).
- случайные безэквиваленты обозначают явления, предметы и понятия, которые существуют как в ИЯ, так и в ПЯ, но ПЯ не имеет наименования для этого понятия. (Vormittag – Nachmittag – Spätnachmittag; Winter – Spätwinter; Sprechblase, сутки). Причины отсутствия обозначения для такого типа понятий в ПЯ не известны.
- Безэквивалентные фразеологические единицы, в особенности те, которые отражают национальную специфику или колорит страны ИЯ: Kleider machen Leute, Ein reines Gewissen ist ein gutes Ruhekipfen.
- Безэквивалентные грамматические единицы – это морфологические формы (герундий в английском), части речи (деепричастие в русском языке, служебная часть речи артикль в немецком).
- Безэквивалентные синтаксические структуры. Так, например, заимствованная из латинского языка конструкция *accusativus cum infinitivo* отсутствует в русском языке. Или объектный падеж с инфинитивной конструкцией английского языка, типа *I saw Nick take your book, I can't bear people to be unhappy or upset*. К безэквивалентным относится также

конструкция распространенного определения в немецком языке типа *Es gibt keinen Namen*

für dieses ins Unendliche reichende Gefühl [пример из: Konsalik, *Die strahlenden Hände*, S. 125]

– Структурные экзотизмы [4, с.159] представляют собой группу единиц ИЯ, для передачи значений которых ПЯ не может использовать те же компактные языковые средства [там же], с помощью которых они были образованы в ИЯ. ПЯ просто не располагает такими средствами. Особенно часто это прослеживается при сравнении словообразовательных систем. Например, немецкое словообразование, тяготеющее к словосложению, «позволяет обозначать одним сложным словом достаточно тонкие детали окружающей нас действительности» [там же]. В данном случае речь идет о явлении языковой компрессии или тенденции к сжатию [5, с.314]. Причем словосложение и суффиксально-префиксальное словообразование в немецком языке характерно как для существительных (*das Babyausstattung, der Klavierspieler, der Mitwisser*), прилагательных (*hoffnungsfreudig, unwiederbringbar*), так и для глаголов (*zwangsfeiern, hineinstolpern, wegreden*).

Безэквивалентные лексические единицы немецкого языка имеют сходство со случайными безэквивалентами. Это проявляется в том, что явления и предметы, обозначаемые ими, присутствуют в практическом опыте носителей ПЯ, как и в случае со случайными экзотизмами. Отличие же структурных экзотизмов от случайных безэквивалентов заключается в том, что их отсутствие поддается объяснению. Как показывает исследование Л.К. Латышева, в этом случае ПЯ просто не располагает средствами, которые были бы аналогичными средствам ИЯ и позволяли бы создать достаточно компактное обозначение для упомянутых предметов и явлений. В русском языке для этого требуется развернутая характеристика. Например:

Babyausstattung – комплект белья для новорожденного; приданое для грудного ребенка;

Wegemarkierung – обозначение маршрутов для туристических походов;

wegzaubern – колдовством (волшебством) заставлять исчезнуть (кого-л., что-л.)

heraufhelfen – помочь подняться наверх.

Таким образом, лексические единицы ИЯ с невозможной для ПЯ словообразовательной структурой при сравнении ИЯ и ПЯ выглядят с точки зрения ПЯ необычно, экзотически, поэтому их называют структурными экзотизмами. В связи с этим, для понимания неоднородной природы межъязыковой эквивалентности и наличие в языке оригинала безэквивалентных лексических единиц и грамматических категорий важное значение имеет определение системно-структурных различий немецкого и русского языков и их влияния на процесс перевода. Рассмотрению подлежит словообразовательная система немецкого языка, имеющая много сходных черт со словообразовательной системой русского языка, но характеризующаяся наличием отличительных особенностей, иногда затрудняющих поиск переводческого соответствия в связи с отсутствием в языке перевода (в данном случае в русском) лексической единицы, образованной по той же словообразовательной модели, что и единица исходного (немецкого) языка. Это объясняется несовпадением словообразовательных ресурсов сопоставляемых языков. Данная системная особенность немецкого языка ведет к возникновению явления словообразовательной безэквивалентности.

Словообразование немецкого и русского языков представляет собой живую картину исключительного богатства средств и возможностей, традиций и способов, моделей и приемов, конституирующих данный процесс. Система словообразования немецкого и русского языков включает в себя образование производных и сложных слов на базе имеющих однокорневых слов по существующим в этих языках моделям с помощью аффиксации (использования словообразовательных суффиксов и префиксов), словосложения

(соединения двух или нескольких основ в одно целое), конверсии (перехода слов из одной части речи в другую) и других способов, что указывает на наличие в исследуемых языках

одинаковых словообразовательных методов.

Однако следует отметить, что объём и степень продуктивности разных способов словообразования в сравниваемых языках не одинаков. В части их словообразовательных техник проявляется специфичность данных языковых систем.

Расхождения в продуктивности словообразовательных моделей объясняется различиями в строе взаимодействующих языков, а именно большей выраженностью аналитичности немецкого и флективности русского – словосложение значительно продуктивнее в первом, а суффиксация более действенна во втором.

Продуктивность одних словообразовательных способов и малопродуктивность или непродуктивность других часто сказывается на перевод с немецкого языка на русский, причем в тех случаях, когда словообразовательная модель немецкого языка отсутствует или не широко представлена в русском. Следствием этого и является наличие ранее упомянутых лексических единиц немецкого языка, названных структурными экзотизмами.

Так, например, продуктивный префиксально-суффиксальный способ образования слов в русском языке, не продуктивен в немецком, но представлен в последнем отымённо-причастными прилагательными, мотивированными или не мотивированными семантически глаголами [6, с.181]. К этой группе слов относятся прилагательные, образованные фактически от имён существительных с помощью приставки *be-* (реже *ge-*, *er-*, *ver-*) и суффикса *-t*. Данные образования имеют семантическую связь с глаголами, которые теоретически допустимы, но не употребляются практически: *bebrillt* (*bebrillen*), *behost* (*behosen*), *bestiefelt* (*bestiefeln*), *begrast* (*begrasen*), *beblättert* (*beblättern*), *bewimpelt* (*bewimpeln*). Данные прилагательные наглядно иллюстрируют своеобразие этого типа слов, которое заключается в экономном использовании языковых средств для передачи значительного объёма информации, в их семантической ёмкости [6, с.182].

При переводе высказываний, содержащих лексические единицы, образованные по данной словообразовательной модели, переводчики нередко прибегают к трансформационным преобразованиям. Часто это бывает замена слова ИЯ словосочетанием ПЯ с изменением статуса морфологических частей лексической единицы ИЯ и перераспределением [4, с.181] его семантических компонентов между частями словосочетания в ПЯ:

Die **bestiefelten** Reiter... [E. Strittmatter. Ole Bienkopp. S.321]

Всадники, **обутые в сапоги**, ... [Э. Штриттматтер. Оле Бинкоп. с.336]

Трудности возникают также при переводе словообразовательной модели, представленной сложными словами классов имен существительных, прилагательных, наречий и глаголов. Так, при переводе сложных существительных немецкого языка со значением *nomen agentis* происходит преобразование синтаксической структуры исходного предложения. Сложное существительное, образованное по данной модели, может встречаться в текстах разных стилей и переводится обычно причастным оборотом, придаточным предложением и даже самостоятельным предложением:

Er muss zu den **Wegsuchern** und **Spurmachern** gehören. [E. Strittmatter. Ole Bienkopp. S.206]

Он должен быть среди **тех, кто отыскивает дорогу и прокладывает след**. [Э. Штриттматтер. Оле Бинкоп. с.218]

Кроме этого, характерологическим признаком немецких слов данной модели являются многосложные слова, к которым относятся также слова-сдвиги или сращения, затрудняющие процесс перевода:

Er verlangt **ein Über-sich-selbst-Hinaus**. [J. Becher. Abschied. S.388]

Он стремится **выйти за пределы своих возможностей**. [И.Бехер. Прощание. с.579]

Для подтверждения своих теоретических выводов мы обратились к творчеству современной австрийской писательницы Эльфриды Елинек - одному из самых значительных имен в современной немецкоязычной литературе, чьи произведения вызывают «бурные дебаты и дискуссии». «Эстетический код» Эльфриды Елинек – это «табуированные» темы, вопросы, «разоблачения», авангардные стилистические приемы». Как для представителя «Венской группы» в литературе её стиль ориентирован в большей степени на языковой эксперимент с формой: «Можно сказать, что я соединяю серьезное отношение к эксперименту, которое было у дадаистов или у их последователей, с игровыми приемами, доводящими до абсурда стереотипы массовой культуры. Такие эксперименты с языком характерны, например, для творчества Рауля Хаусмана; эти тексты отчасти обладали комическим эффектом, но по своей основной направленности были чрезвычайно серьезны в том, что касалось разрушения традиционной формы» [7]. В связи с тем, что своими произведениями Э. Елинек постоянно «продолжает своего рода критику языка, в результате чего язык в ее книгах сам себя разоблачает, раскрывая ложное, идеологическое начало в себе самом», они чрезвычайно трудно переводимы на иностранный язык. И как говорит сам автор, переводчику следовало бы не переводить, а творчески переложить ее произведения, что крайне непросто [7].

По словам переводчика А. Белобратова [7] при переводе романа «Пианистка» возникло много проблем: помимо общих для переводчика ситуаций, таких как идиоматика, языковая игра, ритм фразы и т.п., приходилось сталкиваться, во-первых, с «несовпадением "обывательского жаргона" в Австрии (Европе)» и в нашей культуре, во-вторых, книга Елинек чрезвычайно интертекстуальна, содержит много аллюзивных ситуаций. И третье - специфическая, "елинекская" повествовательная ситуация: "смена голосов" в повествовании осуществляется постоянно, иногда даже внутри одной фразы. Ведь эта "смена голосов" - одно из самых сильных художественных средств у писательницы, и самое сильнодействующее, особенно в изображении психологически сложных ситуаций

Трудно определить природу и стиль текстов Елинек. Писательница делает переход от прозы к поэзии плавным и естественным, часто использует ритмическую прозу, вставки из театральных спектаклей, сцены из фильмов. Эльфрида Елинек говорит: «Мой язык ближе к музыке, чем к литературе. Слово - основа, маленький камешек, и я его исследую» Именно поэтому в романе нас привлекает словотворчество Э.Елинек, выражающееся в словообразовательной экспрессии.

В романе «Пианистка» Э. Елинек использует сложные слова, относящиеся к разным частям речи. Образованные по существующим в немецком языке словообразовательным моделям, они часто не имеют соответствия в русском языке в виде такого же сложного слова, хотя русский язык располагает достаточным количеством моделей для образования сложных слов.

Проведя анализ фактического материала, сравнив текст оригинала и его перевод, осуществленный А. Белобратовым, мы пришли к выводу, что переводчик часто прибегал к трансформационному переводу. Так, при переводе экспрессивных сложных лексических единиц были использованы следующие модели:

Сложному существительному соответствует:

- существительное с прилагательным:

Erika hat den Plan, sich dem Mann in winzigen **Gabelbissen** zuzuteilen [10, S.243].

У Эрики есть план, как скормить себя мужчине **крохотными порциями** [9, с.111].

- существительное и существительное в родительном падеже:
So ein Glück hat Erika nicht immer bei ihrer **Schausuche** [10, S.144].
Эрике в **поисках добычи** не часто так везет [9, с.66].
- два существительных, связанных дефисом:
Die beiden **Giftmütter** belauschen ihr Opfer, das sie schon fast ganz ausgezogen haben, diese Kreuzspinnen [10, S. 40].
Обе **опекунши-отравительницы** внимательно прислушиваются к своей жертве, из которой, словно пауки, почти высосали всю кровь [9, с.18].
- два существительных, соединенных союзом *и*:
Nur **Guckkastenausschnitte** bietet sie dem Mann also, das ist ihrer Weisheit letzter Schluss, höhnt der Mann [10, S.225].
Она доверяет мужчине лишь **дырки и фрагменты**, такова глубина ее мудрости, - издевается над ней мужчина [9, с.103].
- существительное с прилагательным и с существительным в родительном падеже:
Dadurch, daß er sie jetzt wieder heftiger schlägt, mit der flachen Hand, unter ermüden Liebesbitten, wird es zu einer einzigen **Gewalttour** [10, S.277].
Из-за того, что он снова принимается с силой бить ее, не прекращая назойливо выпрашивать любовь, все превращается в **тур сплошного насилия** [9, с.127].
- прилагательное с существительным и с существительным в родительном падеже:
Denn es wird noch heftig weitergeküßt, bis, nach einem endlosen **Kußtrommelwirbel**, die Tochter erschöpft halb auf der Mutter liegenbleibt [10, S.238].
Эрика продолжает страстно целовать ее, пока, после бесконечного **шквального огня поцелуев**, дочь не замирает в изнеможении, полулежа на матери [9, с.109].
- существительное с предложной группой, включающей в себя предлог, прилагательное и существительное в родительном падеже:
Sie hat jemand den Schlüssel zu ihrem köstlichen Herzen, ihrem feingeschliffenen **Eiszapfengeist** anvertraut, daher kann sie ihm den Schlüssel jederzeit wieder nehmen [10, S.89].
Она кое-кому доверила ключ к своему драгоценному сердцу, к своей **душе из отполированных ледяных сосул**, и она в любой момент может забрать ключ обратно [9, с.40].
- причастный оборот:
Dadurch, daß er sie jetzt wieder heftiger schlägt, mit der flachen Hand, unter ermüden **Liebesbitten**, wird es zu einer einzigen Gewalttour [10, S.277].
Из-за того, что он снова принимается с силой бить ее, **не прекращая назойливо выпрашивать любовь**, все превращается в тур сплошного насилия [9, с.127].
- придаточное предложение:
Ihr angestammter Wurstwarenhändler, ein berühmter **Selberschlachter**...[10, S.96].
Колбасный торговец, знаменитый **тем, что всегда забивает скотину сам**...[9, с.44].
Сложному прилагательному соответствуют:
- два прилагательных:
Hier, auf dieser Weintraube, ist ein **pilziggrüner** Belag zu sehen, der sicher giftig ist, man hat diese Traube noch an ihrem Stock gröblichst abgespritzt [10, S.93].
На этой вот кисти винограда отчетливо виден **грибкообразный зеленоватый** налет, очень ядовитый, эту гроздь обильно и грубо опрыскали, когда она еще росла на лозе [9, с.42].
- прилагательное и существительное с предлогом:
Leise aber **dunkelrot** sprintet die Mutter von dem Ort ihres letzten Aufenthalts hervor, reisst irrtümlich um und die Tochter beinahe zu Boden, eine Phase des Kampfs, die erst später dran sein wird [10, S.158].

Багровая от гнева мать беззвучно устремляется навстречу к дитятку, случайно за что-то цепляется и едва не опрокидывает дочь наземь, впрочем, эта фаза борьбы еще впереди [9, с.72].

- глагол:

Klemmer zertrampelt elefantös zwei weiße Kachelfliesen bei dem Gedanken, dass diese Liebe **lohnlos** bleiben soll [10, S.126].

Клеммер со слоновьей мощью крошит на куски две кафельные плитки при мысли о том, что на этой любви он может **ничего не заработать** [9, с.58].

- существительное с предлогом:

Dieser Wunsch huscht **leichtfüßig** durch die Lehrerin hindurch und verflüchtigt sich folgenlos [10, S.109].

Это желание **на цыпочках** прокрадывается сквозь учительницу и исчезает без следа [9, с. 50].

- причастный оборот:

Gleich stellt diese Frau komplizierte, **wespennestähnliche** Gehäuse her, um sich darin einzurichten...[10, S.266].

Женщина мгновенно возводит сложное сооружение, **смахивающее на осиное гнездо**, чтобы в нем устроиться... [9, с.122].

Сложному глаголу соответствуют:

- глагол с существительным:

Hast dich recht **herumärgern** müssen, fragt die Mutter die verhinderte Pianistin Erika jeden Abend aufs neue [10, S.36].

— Тебе снова **трепали** сегодня **нервы**? — каждый раз спрашивает мать Эрику, когда несостоявшаяся пианистка возвращается домой [9, с.16].

- два глагола:

Aber an Mozart, an Schubert **wagen** sie sich **heran** [10, S.70].

Однако они **осмеливаются приближаться** к Моцарту и Шуберту [9, с.32].

- глагол и причастный оборот:

Der Stimmer kommt aus Wien angereist, mit der Bahn, und **keucht** den Berg **hinan**, wo einige Irre behaupten, einen Flügel hingestellt zu haben, auf tausend Meter Seehohe! [10, S. 39].

Настройщик приезжает из Вены, приезжает поездом и, **тяжело дыша, тащится** в гору, где, как утверждают эти сумасшедшие, якобы стоит рояль, там, в тысяче метров над уровнем моря! [9, с.17]

- глагол и предложная группа:

Und bald steht Erika schon nicht mehr auf dem angestammten Mutterboden, sondern auf dem Rücken eines anderen, den sie bereits **hinausintrigiert** hat [10, S.28].

И вскоре Эрика больше не касается родной материнской почвы, а стоит на спине конкурента, от которого удалось **избавиться с помощью интриг** [9, с.12].

Таким образом, приведенные примеры подтверждает то, что словообразование современного немецкого языка входит в систему экспрессивно-оценочной номинации [8]. Образное переосмысление оказывается главным механизмом этой системы в немецком языке. Оно действует во всех номинационных структурах, включая сложные слова и словесные комплексы.

В связи с этим в поисках выразительных средств художественной речи писатели иногда прибегают к словотворчеству. Создание индивидуально-авторских неологизмов обычно связано именно с использованием словообразовательных ресурсов родного языка. Эстетическая ценность таких новообразований определяется искусством автора, его уме-

нием применить наиболее яркие и стилистически оправданные экспрессивные краски тех или иных словообразовательных моделей.

Проанализированный материал указывает на то, что экспрессивно-оценочные единицы оригинала, выраженные сложным словом, переводятся исходя из контекста. При переводе подобных единиц неизбежны потери разного рода: нивелирование экспрессии, потери содержательного плана, так как переводчику приходится выбирать средства выражения, имеющиеся в языке перевода, учитывая нормы языка и речи.

Библиографический список

1. Сдобников, В.В., Теория перевода: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков [Текст] / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – 306 с.
2. Алексеева, И.С., Письменный перевод. / И.С. Алексеева. - Санкт-Петербург: 2006.- 368с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь, под редакцией Ярцевой В.Н. М.: 1990, 685с.
4. Латышев, Л.К.
5. Технология перевода. Учеб. пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.). / Л.К. Латышев. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 280 с.
6. Балли, Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш.Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
7. Зеленецкий А.Л., Сравнительная типология немецкого и русского языков: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. „Иностр. яз.“ [Текст] / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.
8. Интервью с А.В. Белобратовым от 15.01.2004. // Русский журнал [Электронный ресурс]. – www.rus.ru.
9. Райхштейн, А.Д., «О механизмах экспрессивно-оценочной номинации в современном немецком языке» // Межвузовский сборник научных трудов «Словообразование и проблемы номинации в германских языках» под ред. Вашунина В.С., Горький: 1985, 121с.
10. Елинек Э. Пианистка [Электронный ресурс] / Эльфрида Елинек Пер. с нем. А.Белобратов, Электрон. дан. – 2004. – 131 с.– Режим доступа: <http://lib.aldebaran.ru>.
11. Jelinek, Elfriede «Die Klavierspielerin». - Hamburg: 2006, 285s.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ SCIENTIFIC INFORMATION

Информация

д.ф.н., профессора Фоминой З.Е. о **XXVII конференции германистов**, организованной и проведенной **Германской службой академических обменов (ДААД, Германия)** с 13 мая по 15 мая в Иркутском государственном лингвистическом университете.

С 13 мая по 15 мая в Иркутском государственном университете состоялась **XXVII конференция германистов**, организованная и проведенная Германской службой академических обменов (DAAD). Тема конференции «*Faszination Deutsch – Perspektiven der Germanistik nach Bologna*» («Чудо немецкого языка - перспективы германистики после Болонского соглашения»). В конференции приняли участие 40 германистов из разных городов России, 42 немецких лектора, преподающих немецкий язык в Российских вузах, а также в странах СНГ, ведущие ученые из Германии (проф., д-р Элизабет Шюри (г. Фрайбург, Германия), проф., д-р Клаус - Михаэль Богдал (Билефельдский ун-т, Германия), г-н, д-р Грегор Бергхорн (директор представительства ДААД в Москве), проф., д-р Дирк Кэмпер (сотрудник представительства ДААД в России и одновременно профессор РГГУ (г. Москва), ректор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) И. И. Халеева, проф., д-р Наталья Любимова (МГЛУ), Александр Баженов (МГПУ, Москва) и др.

Торжественное открытие конференции состоялось 13 мая. В открытии конференции принимали участие *д-р Грегор Бергхорн* (директор представительства ДААД в Москве), *Гудрун Штайнекер* (генеральный консул Генерального консульства в Новосибирске), ректор Иркутского государственного лингвистического университета проф., д-р *Г. Д. Воскобойник*, *В. С. Васюк* (министр образования Иркутской области) и др.

На планарном заседании были представлены актуальные и содержательные доклады немецких коллег: проф. Элизабет Шюри на тему: «*Studium a la Bolognese: Erfolgsmodell oder Desaster? Ein Erfahrungsbericht*» и проф., д-ра Клауса-Михаеля Богдаля на тему “*Besser, billiger, schneller. Der Bologna-Prozess als Chance und Risiko der Germanistik*“.

В докладе проф. Э. Шюри «Обучение по-Болонски: успешная модель или крах? Обобщение опыта» был дан тщательный и конструктивный анализ Болонских реформ в немецких вузах, убедительно проанализированы его «проблемные места», четко проявившиеся, в частности, при введении новых специализаций, определении содержания кредитных единиц (ECTS), новых структур менеджмента в немецких вузах, введении взносов за обучение, в неопределенности и отсутствии единства мнений в самом Евросоюзе по вопросам Болонского соглашения. Своеобразным отзвуком этих негативных тенденций явились, по мнению проф. Э. Шюри, публикации с критическими выступлениями в ведущих немецких изданиях, массовые студенческие протесты и т.п. Актуальными остаются вопросы, касающиеся специфики внедрения системы бакалавриата, магистратуры в немецких вузах, в том числе, количества времени, отводимого для обучения на данных уровнях, «сверхупорядоченной» регламентации учебного процесса, а также соотнесения *практического обучения* и возможностей *исследования* и др. Доклад Э. Шюри содержал конкретные предложения по отдельным пунктам и направлениям Болонского процесса, которые при их реализации в Российских вузах требуют особого внимания.

Большой интерес вызвал также доклад профессора *Билефельдского университета К.-М. Богдаля* на тему «*Лучше, дешевле, быстрее. Болонский процесс как шанс и риск для германистики*» Во главу угла была поставлена проблема роли и значимости науки в Бо-

лонском процессе. Проф. Богдаль подчеркнул, что около 70% -80% студентов, проходящих подготовку по системе бакалавриата, не соприкасаются с научными исследованиями и лишь оставшиеся 20%-30% студентов-магистров имеют отношение к науке. По мнению проф. К.-М. Богдаля, наблюдается изменение состава и содержания интеллектуального поля: если в 19 и 20 вв. его составляли поэты, писатели, философы (Habermas 1979), то в 21 веке – это специалисты в области информационных технологий, нано-технологий, специалисты в области генетики, биологии, представители масс-медиа, статистики и т.п. Диапазон (широта) образования, как подчеркнул проф. Богдаль, снижается в ущерб гуманитарным наукам. По мнению проф. Богдаля, прослеживается тенденция моделирования образования по экономическим принципам. Специальности (или направления подготовки кадров в вузах) рассматриваются как товар, который следует продавать. Специальности ориентируются на рынок труда. Отмечается, на взгляд проф. К.-М. Богдаля, определенная «внутриуниверситетская бюрократия» (*universitätsinterne Bürokratie*), когда начинается конкуренция между специальностями, дисциплинами и направлениями вуза. Вместе с тем, несмотря на сложности реализации Болонского процесса, проф. К.-М. Богдаль придерживается мнения о том, что возможности и перспективы для Болонского процесса существуют. Однако для этого необходимы новые идеи, коррекция (уточнение), согласование принципиальных положений и рекомендаций. Полезным является, по мнению проф. Богдаля, рассмотрение так называемого комбинированного обучения (*Kombistudium*), а также опыт проекта «*Europäische Studies*» и др.

На конференции были предложены четыре “*Workshops*”, на которых предполагалось обсуждение наиболее актуальных проблем, связанных с ролью и местом германистики в аспекте Болонского процесса: 1) «*Как я составляю учебный план?*» (рук. проф., д-р Элизабет Шюри); 2) «*Исторические аспекты литературы или: сколько истории литературы может вместить в себя бакалавриат?*» (проф., д-р . Клаус – Михаэль Богдал); 3) «*Возможно ли превратить Болонский процесс в шанс подъема - профилирование бакалавриата и магистратуры по германистике*» (Александр Баженов); 4) «*Реклама и маркетинг для германистики и немецкого языка*» (рук. Михаэль Клеес, Симоне Фойгт).

Уже сами названия четырех “*Workshops*” красноречиво свидетельствуют об их актуальности и востребованности. Успешным и плодотворным продолжением работы “*Workshops*” явилась работа четырех секций: 1) *Реклама и маркетинг для германистики и немецкого языка*» (рук. М. Клеес, г-жа С. Фойгт); 2) *Профили бакалавриата и магистратуры по германистике* (рук. Дирк Кэмпер, Кристина Скорнякова); 3) «*Биржа идей для бакалавриата по германистике*»; 4) «*Профессиональные «поля» деятельности для германистов*» (рук. д-р В. Шеметов, , д-р Стефан Шютц).

В работе каждой секции принимали участие директор представительства Германской службы академических обменов в Москве д-р Грегор Бергхорн и проф., д-р Дирк Кемпер. Выступая на секции «*Реклама и маркетинг для германистики и немецкого языка*», д-р Г. Бергхорн подчеркнул важность и значимость укрепления и развития германистики в Российских вузах. Он говорил о необходимости разработки новых проектов, новых предложений и внедрений актуальных идей, направленных на сохранение немецкого языка в школах и вузах России, о необходимости обмена опытом между Российскими вузами, имеющими специализацию по «германистике», о необходимости актуального подхода к рассмотрению роли и значимости германистики на современном этапе, включающего существенное расширение спектра действия германистики, новые формы ее популяризации и распространения (создание Центров Немецкого языка, специализированных школ, работа со школами, родителями, от которых во многом зависит выбор иностранного языка,

развитие связей с экономикой и предпринимательством, усиление роли немецкого языка в том числе, в технических вузах России, взаимодействие с Немецким культурным Центром имени Й.В. фон Гете, вузами Германии, разработка новых форм рекламы и маркетинга и мн. др.). Германистика может и должна, как подчеркнул г-н Г. Бергхорн, получить новый импульс и большие перспективы в России, если для этого будет разработан и реализован конкретный комплекс мер и соответствующих мероприятий. Выступление д-ра Бергхорна получило глубокий положительный резонанс.

Преподаватели немецкого языка в ведущих вузах России выступали с конкретными предложениями по проблеме будущего германистики в России, которое, как показали сообщения многих Российских коллег на различных секциях, имеет надежные перспективы.

Актуальностью и практической значимостью отличались доклады проф. И. Амзарковой (Г. Абакан), доц. О. Овчинниковой (г. Томск), доц. Е. Кикилих (г. Иркутск) и мн. др., прозвучавшие в первой секции. В моем докладе, с которым я выступила в этой же секции на тему: «Aktuelle Perspektiven des Faches “Germanistik” an russischen technischen Hochschulen (am Beispiel der Universität für Architektur und Bauwesen Woronesh)», мне хотелось подчеркнуть, что германистика в нашем вузе получила новое дыхание. В докладе были названы лишь некоторые инновативные проекты в Воронежском государственном архитектурно-строительном университете, которые уже реализованы. Так, в 2003 году был создан *Центр иностранных языков*, при котором ежегодно проводятся *интенсивные курсы немецкого языка*, слушателями которых являются студенты нашего вуза; в 2005 году была открыта новая специальность «*Переводчик в сфере профессиональной коммуникации*» и получена государственная лицензия. В 2009 году состоялся *первый выпуск переводчиков*, получивших два государственных диплома: диплом по основной специальности (например, *диплом архитектора, строителя* и т.п.) и второй диплом – *диплом переводчика*. Наблюдается стремительная динамика роста студенческого корпуса: если в 2003 году набор студентов составлял 29 человек, то в 2009 году – 120 человек. В 2009 году создан *Немецкий клуб*, в рамках которого проводятся разнообразные мероприятия, направленные на знакомство с культурой и традициями немецкого народа. В *Научном Вестнике*, издаваемом в нашем университете, содержатся рубрики «*теория и практика перевода*», «*межкультурная коммуникация*» и др., в которых регулярно публикуются статьи отечественных и зарубежных авторов, в том числе, *ведущих немецких ученых* и др.

13 мая состоялся *торжественный вечерний прием* в банкетном зале государственного *Байкальского университета экономики и права*, организованный Германской службой академических обменов.

14 мая на пленарном заседании участники конференции заслушали *актуальный и практически значимый доклад* проф., д.ф.н. В. Н. Чистохвалова (Российский государственный университет Дружбы народов). Профессор В. Н. Чистохвалов на протяжении 20 лет активно занимается проблемами и возможностями реализации Болонского соглашения в Российских вузах. В своем докладе он конструктивно обобщил имеющийся опыт реализации Болонского соглашения в Российских вузах, выделил его проблемы и сложности, представил динамику развития Болонского процесса в России.

15 мая на пленарном заседании выступила *ректор МГЛУ профессор, д.ф.н. И.И. Халева* на тему: «*Стабильное развитие немецкого языка в период Болонских реформ*». В этот же день состоялось заседание *Круглого стола* на тему: «*Что мы можем и должны ожидать от будущего германиста?*». На этом заседании были определены четкие задачи, касающиеся дальнейшего развития германистики в России.

В день приезда (12 мая) состоялось знакомство с *немецкой писательницей Эммой*

Бреславской, представивший свой роман “Aus dem Sinn” («Из сердца вон»). Писательница зачитывала наиболее значимые отрывки из своего романа. Чтение сопровождалось виртуозной игрой немецких саксофонистов, прибывших из Германии и представлявших дуэт «La Bohema». После чтения романа состоялась оживленная и интересная дискуссия по отдельным социально-политическим и психологическим проблемам романа.

В рамках *культурной программы* (14 мая) был предложен просмотр спектакля “«Красная шапочка», подготовленный *импровизированным студенческим театром*. Артистами импровизированного театра были студенты Иркутского лингвистического университета, изучающие немецкий язык, а его руководителем - *лектор ДААД, Александр Прайс*. Студенты ярко продемонстрировали языковое чутье, а также блеск остроумия и находчивости.

27-я конференция германистов была практически полезной, конструктивной и достигла своей основной цели: были намечены практические шаги в реализации проекта «Будущее германистики в России». Достигнута договоренность о дальнейшем развитии и укреплении научных и учебно-педагогических связей между вузами России и Германии, о конкретных мерах по укреплению (стабилизации) и развитию германистики в России, о внедрении накопленного опыта в различных вузах России по расширению спектра германистики в других вузах. Материалы конференции будут опубликованы в *ежегодном сборнике «Wort»*, издаваемом Германской службой академических обменов.

Участники конференции были приглашены мной к участию в публикации статей в Научном Вестнике ГОУВПО ВГАСУ (Серии «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»), входящего в Перечень ведущих научных изданий РФ, рекомендованных ВАК, в целях дальнейшего обсуждения проблем европейской и мировой языковой политики, в том числе, и на страницах нашего журнала.

Требования к оформлению статей в Научном Вестнике ВГАСУ Серии «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»

Текст статьи объемом не менее **8-10** полных страниц формата А4, представляется в электронном и распечатанном виде, набирается в редакторе MS Word версии от 7.0 и выше через 1 интервал, шрифт Times New Roman 12 пт. Поля: левое – 2,5 см, правое, верхнее и нижнее – 2 см.

В верхнем левом углу страницы приводится шифр УДК 12 пт **полужирный**.

Далее в две колонки (на русском и английском языках) представляется информация об авторе статьи: место работы, ученое звание, должность, контактный e-mail.

На следующей строке по центру указываются инициалы и фамилия автора – 12 пт **полужирный**.

Название статьи печатается **ПОЛУЖИРНЫМ ПРОПИСНЫМ** шрифтом 12 пт, выравнивание по центру без отступа. Точка в конце названия не ставится. До и после названия – пробел в 1 интервал.

Под названием представляется краткая **аннотация статьи** объемом не более 8 строк, 10 пт обычный, отступ абзаца слева и справа по 2 см, выравнивание по ширине. После аннотации приводятся **ключевые слова** (6-10 слов и словосочетаний), релевантные для статьи.

Ниже на **английском языке** приводятся фамилии авторов, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова.

Текст набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт в 1 колонку. Выравнивание абзаца по ширине, отступ первой строки абзаца (красная строка) -1см. Примеры выделяются курсивом.

Слово “Таблица” с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа и переноса слогов) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки [1]. Список источников (**в порядке их упоминания в тексте**) приводится после текста статьи после слов *Библиографический список*. Шрифт 12 пт обычный. Библиографический список не должен превышать 10-15 цитируемых работ.

Присылаемые для публикации материалы должны иметь внешнюю **рецензию** (с подписью и печатью организации по месту работы рецензента). К статьям аспирантов и соискателей должен прилагаться также **отзыв научного руководителя** о статье.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редколлегия оставляет за собой право отбора присланных материалов.

Прием статей не гарантирует ее публикацию до решения редколлегии, о чем автору будет сообщено.

Если статья выполнена не в соответствии с ТРЕБОВАНИЯМИ, предъявляемыми к оформлению статей, она не может быть опубликована.

В случае, если автор не реагирует на замечания членов редколлегии, статья также не может быть опубликована.

Заявка и статья принимаются в электронном виде (в форме файла, прикрепленного к электронному письму) по адресу: kaf_in_yaz@vgasu.vrn.ru или azigankowa@yandex и в распечатанном виде по факсу или адресу ВГАСУ (координаты указаны ниже).

Форма заявки:

- Фамилия, Имя, Отчество
- Ученая степень, ученое звание
- Место работы, должность
- Домашний адрес (индекс, телефон)
- E-mail
- Факс

Срок подачи статей – до 15 октября 2010 года (Выпуск № 14). до 15 марта 2011 года (Выпуск № 15)

По всем вопросам обращаться:

р.т. – 8 (4732) 76-39-73 – кафедра иностранных языков ВГАСУ

Факс: - 8 (4732) 76-39-73 – кафедра иностранных языков ВГАСУ

д.т. – 8 (4732) 72-96-36 – Цыганкова Елена Александровна (ответственный секретарь Научного Вестника ВГАСУ)

E-mail: kaf_in_yaz@vgasu.vrn.ru или azigankowa@yandex.ru

**ИНФОРМАЦИЯ О ВОЗМОЖНОСТИ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИЕЙ
Серии «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования»**

Серии «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования» доступна в электронной версии. Для этого необходимо выполнить следующие действия:

1. Выйти на сайт ГОУВПО ВГАСУ: <http://www.edu.vgasu.vrn.ru>
2. Раздел **«НАУКА»**
3. Раздел **«НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»**
4. Серия **«СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИКО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**
5. В рамках раздела **«СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИКО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** следующие пункты:
 - Главная страница раздела
 - Редколлегия
 - Архив выпусков
 - Требования к размещению статей
 - Сроки предоставления материала